ISSN 9125 0912
МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ І НАУКИ, МОЛОДІ ТА СПОРТУ УКРАЇНИ

Вісник

Дніпропетровського університету

Науковий журнал

№ 11 **Том 20** **2012**

РЕДАКЦІЙНА РАДА:

акад. Академії наук ВО України, д-р фіз.-мат. наук, проф. **М. В. Поляков** (*голова редакційної ради*); ст. наук. співроб., проф. **В. І. Карплюк** (*заст. голови*); д-р фіз.-мат. наук, проф. **О. О. Кочубей**; д-р хім. наук, проф. **В. Ф. Варгалюк**; чл.-кор. АПН України, д-р філос. наук, проф. **П. І. Гнатенко**; д-р фіз.-мат. наук, проф. **О. Г. Гоман**; д-р філол. наук, проф. **В. Д. Демченко**; д-р техн. наук, проф. **А. П. Дзюба**; д-р пед.наук, проф. **Л. І. Зеленська**; чл.-кор. НАН України, д-р фіз.-мат. наук, проф. **В. П. Моторний**; чл.-кор. АПН України, д-р психол. наук, проф. **Е. Л. Носенко**; д-р філос. наук, проф. **В. О. Панфілов**; д-р біол. наук, проф. **О. Є.Пахомов**; д-р екон. наук, проф. **І. Л. Сазонець**; д-р іст. наук, проф. **С. І. Світленко**; акад. Академії наук ВО України, д-р фіз.-мат. наук, проф. **В. В. Скалозуб**; д-р філол. наук, проф. **Т. С. Пристайко**; чл.-кор. НАН України, д-р біол. наук, проф. **А. П. Травлєєв**; д-р техн.наук, проф. **Ю. Д. Шептун**.

Серія: **мовознавство**

Випуск 18

Дніпропетровськ
Видавництво
Дніпропетровського
національного університету

УДК 811(060.55)
ББК 81Я5

Друкується за рішенням вченої ради
Дніпропетровського національного університету імені Олеся Гончара

Розглянуто актуальні проблеми лексики, семантики та граматики слов'янських та західноєвропейських мов. Значну увагу приділено дослідженню мовних явищ та одиниць у семантичному, системно-структурному, комунікативно-прагматичному, лінгвокогнітивному і лінгвокультурологічному аспектах; опису функціональних різновидів мовлення, питанням перекладу та лінгводидактики.

Для наукових працівників, спеціалістів-філологів, аспірантів і студентів філологічних факультетів, а також для широкого кола читачів, що цікавляться проблемами сучасного мовознавства.

Рассмотрены актуальные проблемы лексики, семантики и грамматики славянских и западноевропейских языков. Значительное внимание уделено исследованию языковых явлений и единиц в семантическом, системно-структурном, коммуникативно-прагматическом, лингвокогнитивном и лингвокультурологическом аспектах; описанию функциональных разновидностей речи, вопросам перевода и лингводидактики.

Для научных работников, специалистов-филологов, аспирантов и студентов филологических факультетов, а также широкого круга читателей, интересующихся проблемами современного языкознания.

Topical problems of phonetics, grammar and semantics of Eastern Slavonic and West European languages are regarded. A great attention is paid to the research of language phenomena and units in communicative-pragmatic, linguocognitive and linguocultural aspects, to the description of functional variants of speech, translation and linguodidactics issues.

The papers are interesting for scientists, specialists in philology, post-graduate students and students of philological faculties, as well as for a wide range of readers who are interested in the problems of modern linguistics.

Р е д а к ц і й н а к о л е г і я:

д-р філол. наук, проф. **Т. С. Пристайко** (відп. редактор), д-р філол. наук, проф. **О. І. Панченко** (зам. відп. ред.), д-р філол. наук, проф. **Ж. П. Колоїз**, д-р філол. наук, проф. **І. І. Меньшиков**, д-р філол. наук, проф. **А. М. Поповський**, д-р філол. наук, проф. **Н. В. Підмогильна**, д-р філол. наук, проф. **О. А. Семенюк**, д-р філол. наук, проф. **Ю. О. Шепель**, канд. філол. наук, доц. **І. І. Турута** (відпов. за випуск).

Редакція не завжди поділяє точку зору автора публікації. За точність викладених фактів відповідальність покладається на авторів.

Р е ц е н з е н т и:

д-р філол. наук, проф. Н. П. Тропіна
д-р філол. наук, проф. Л. А. Петрова

© Дніпропетровський національній університет імені Олеся Гончара, 2012

УДК 811.161.1

Л. А. Баранова

Крымский государственный медицинский университет имени С. И. Георгиевского

АББРЕВИАТУРНО-УЗУАЛЬНАЯ ОМОНИМИЯ И ОМОНИМИЯ ИСКОННЫХ И ЗАИМСТВОВАННЫХ АББРЕВИАТУР КАК СРЕДСТВА ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ НА СТЫКЕ ЯЗЫКОВ

На матеріалі абревіатур іншомовного походження розглянуто особливості вживання абревіатурно-узуальної омонімії та омонімії споконвічних і запозичених абревіатур як засобів мовної гри у сучасній російській мові.

Ключові слова: абревіатури іншомовного походження, абревіатурно-узуальна омонімія, мовна гра.

На материале аббревиатур иноязычного происхождения рассмотрены особенности использования аббревиатурно-узуальной омонимии и омонимии исконных и заимствованных аббревиатур как средств языковой игры в современном русском языке.

Ключевые слова: аббревиатуры иноязычного происхождения, аббревиатурно-узуальная омонимия, языковая игра.

Some distinctive features of usage of abbreviation and usual words homonymy and native and loan abbreviations homonymy as a means of word games are analyzed in the article on the basis of abbreviations of foreign origin.

Keywords: abbreviations of foreign origin, abbreviation and usual words homonymy, word games.

Аббревиация как одно из характерных явлений языка новейшего времени привлекает пристальное внимание исследователей. В современной лингвистике широко представлены работы, посвящённые различным аспектам образования и функционирования аббревиатур как в русском, так и в других языках. Однако изучение противоположного явления – дезаббревиации – «декомпрессии, развёртывания аббревиатуры либо в исходное словосочетание, либо в новую языковую единицу с модифицированным сигнификатом» [5, с. 78], а также смежных с ней явлений аббревиатурно-узуальной омонимии и комминуального раскодирования – началось в отечественной лингвистике относительно недавно и проводилось, как правило, на материале одного языка (преимущественно, русского). В нашем предыдущем исследовании [1] на материале исконно русских и заимствованных различными способами аббревиатур рассматривались особенности дезаббревиации на стыке языков. В продолжение указанного исследования в данной статье рассматривается смежное с дезаббревиацией явление аббревиатурно-узуальной омонимии на материале омонимии заимствованных аббревиатур и узуальных слов в языке-доноре и / или языке-реципиенте. ***Цель*** данной работы заключается в исследовании механизмов действия аббревиатурно-узуальной омонимии на стыке языков, *задачи* работы – анализ особенностей их проявления на материале аббревиатур иноязычного происхождения в современном русском языке.

Аббревиатурно-узуальная омонимия, для обозначения которой используются и иные термины (двойная мотивация, омоакронимия и др.), – сознательное создание аббревиатуры или случайное совпадение её по форме с уже существующим в языке цельнооформленным словом. По мнению А. Ф. Журавлёва, такая аббревиатура «сознательно ориентирована на реально существующее в языке слово» [4, с. 83], в то время как А. В. Зеленин считает такую «сознательную ори-

© Баранова Л. А., 2012

ентацию» только частным случаем, а фонетическое или графическое сходство аббревиатуры и апеллятива – внешним, поверхностным, случайным [5, с. 81–82]. Раскодирования аббревиатуры в подобных случаях не происходит, но очевиден рождающий каламбур процесс столкновения аббревиатуры и обычного слова или словоформы. Данное явление, как и дезаббревиация, используется в качестве игрового средства выражения экспрессии, причём в русском языке оно имеет ряд специфических особенностей применительно к аббревиатурам иноязычного происхождения.

Единого устоявшегося термина для определения подобного явления в современной лингвистике пока не выработано. В русской лингвистической традиции существовала стройная терминологическая система, в которой различались аббревиатуры инициальные, слоговые и смешанного типа; инициальные, в свою очередь, делились на звуковые, буквенные и звуко-буквенные, а для обозначения сокращений с двойной мотивацией, т. е. аббревиатур, совпадающих по своей форме с узуальными словами, и самого явления в целом служили термины *акронимы* и *акронимия*. Так, например, Н. С. Валгина пишет, что «наметилась новая тенденция в образовании звуковых и буквенных аббревиатур. Это слова с двойной мотивацией, слова-акронимы (первые буквы наименования, стянутые вместе, образуют знакомые слова). Они удобны, вызывают привычные ассоциации, благозвучны, запоминаемы. Это своеобразные, придуманные специально омонимы» [3, с. 115]. Однако в последние десятилетия, вероятно, под влиянием зарубежной лингвистики, в которой данный термин имеет более широкое толкование, он стал достаточно активно употребляться и в отечественной лингвистике (сначала в работах исследователей иностранных языков, а затем и в работах русистов) не только вместо термина *звуковая аббревиация*, но и термина *инициальная аббревиация*, и даже иногда как синоним *аббревиации* вообще, что создаёт совершенно недопустимое в науке смешение понятий. В результате этого группа сокращений, совпадающих по форме с узуальными словами, утратила своё чёткое определение, возникла потребность в новом именовании данного явления, и тогда стали возникать многочисленные новые термины: *коррелятивная аббревиация* (при этом под описание явлений, определяемых данным термином, подпадают не только омонимия аббревиатур и узуальных слов, но и дезаббревиация) [2], *узуально-аббревемная омонимия* [10], *омоакронимия* [10; 12], *двойная мотивация* [13; 14], а сами совпадающие в результате подобного явления формы получили названия: *аббревиатуры-омонимы* [7; 11], *акронимы-омонимы* [2; 8], *омонимы-акронимы* [15], *омоакронимы* [6; 10; 12]. Приведённые термины, на наш взгляд, не отражают всей сути описываемого явления и, в силу своей нечёткости, могут допускать смешение явлений *омонимии аббревиатур и узуальных слов* и *омонимии аббревиатур*. В качестве рабочей версии в рамках данного исследования нами используются термин *аббревиатурно-узуальная омонимия* (в отличие от *аббревиатурной омонимии*). Оптимальным вариантом был бы, на наш взгляд, возврат к однозначному использованию термина *акронимия* в его исходном значении, однако поскольку теперь этот термин прочно отягощён расширительными его толкованиями, подобный возврат, к сожалению, уже невозможен, и вопрос о новом термине, ёмко выражающем сущность определяемого явления, остаётся пока открытым.

Игровое использование лексической омонимии аббревиатур и собственных или нарицательных имён на материале русского языка описано в целом ряде работ [4–6; 8; 14], авторы отмечают, что намеренное сближение, «маскировка» аббревиатуры под обычное слово создаёт каламбур, привносит дополнительные коннотации. Подобные процессы широко распространены и в других языках (в частности, в английском) [2]. Однако что же происходит на стыке языков, в

процессе заимствования иным языком аббревиатуры, имеющей в родном языке омонимичное узуальное слово? Сохраняется ли связь между членами омонимичной пары в процессе переноса аббревиатурной единицы в чужую языковую среду? Наблюдения показывают, что в языке-реципиенте подобная связь почти всегда утрачивается. Она может быть очевидна для людей, владеющих иностранным языком, из которого заимствована конкретная аббревиатура, но для большинства носителей языка-реципиента подобные нюансы языковой игры остаются «за кадром». Приведём ряд иноязычных сокращений, заимствованных различными способами русским языком. В языке-доноре все они имеют омонимичный коррелят в виде узуального слова. Таковы, например, следующие аббревиатуры: ***ПЕН***-клуб (где ***ПЕН*** – транслитерация англ. ***P.E.N.*** – сокр. < ***P****oets* – ***E****ssayists* – ***N****ovelists* – букв. *'поэты – эссеисты – романисты'*) – название международного литературного союза, объединяющего собратьев по перу, образует слово, которое указывает на специфику данного объединения (***pen*** в переводе – *'перо, ручка'*); ***BASIC*** (< англ. ***B****eginner's* ***A****ll-Purpose* ***S****ymbolic* ***I****nstruction* ***C****ode* – букв. *'многоцелевой обучающий символический код для начинающих'* (при этом в английском есть и узуальное слово *basic* – '*базовый, основной*') – название одного из языков программирования, который используется для обучения начинающих программистов; ***ECU*** (< англ. ***E****uropean* ***C****urrency* ***U****nit* – *'европейская валютная единица'* – название европейской расчётной (безналичной) денежной единицы – предшественницы ЕВРО). В то же время во французском языке ***écu*** – название старинной монеты, использовавшейся во Франции и других странах в эпоху обращения металлических денег.

Совершенно очевидно, что при сознательном формировании омонимичной пары в одном и том же языке узуальное слово подбирается, а аббревиатура составляется таким образом, чтобы вызывать определённые ассоциации либо привносить элемент коннотаций экспрессивного характера. Однако в процессе заимствования графически не освоенной или транслитерированной аббревиатуры все эти глубинные ассоциации, создающие двуплановость восприятия, семантическую ёмкость, утрачиваются, и аббревиатура переходит в другой язык лишь со своей номинативной составляющей.

В отдельных случаях может заимствоваться не сама аббревиатура, а калька её омонимичной пары – узуального слова. Так произошло, например, с названием одного из подразделений армии США *United States Navy* ***SEAL*** – основного тактического подразделения Сил специальных операций ВМС США (сокр. < англ. словосочетания ***SE****a,* ***A****ir and* ***L****and* – *'море', 'воздух'* и *'земля'*, называющего возможные сферы действия данного подразделения). В то же время в английском языке узуальное значение слова ***seal***: *'тюлень'*, или *'морской котик'*. В русском медийном дискурсе преимущественно используется калькированное название подразделения *«Морские котики»*, ассоциирующееся у русского читателя не с игрой слов в языке-доноре, а, скорее, со спецификой деятельности данного подразделения, принадлежащего к ВМС США: *«При крушении вертолёта на востоке Афганистана погибло более 30 американских военных, среди которых было 22 спецназовца из части* ***"морских котиков"****, военнослужащие которой ликвидировали Усаму бен Ладена»* (МК в Укр., 2011, № 33); «***"Морские котики"****(United States Navy SEAL) – одно из самых подготовленных и оснащённых спецподразделений в мире»* (МК в Укр., 2011, № 20); *«Сформированная из сотрудников ЦРУ, подразделений "Дельта", SEAL (****"Морские котики"****) и ССО ВВС группа Task Force-121 нашла и арестовала Саддама Хусейна 13 декабря 2003 г.»* («2000», 2011, № 35).

Ещё реже встречаются случаи, когда в процессе заимствования иноязычной аббревиатуры она претерпевает некоторые формальные изменения, в результате чего соотносительные с ней аббревиатурно-узуальные омонимы образуются только в языке-реципиенте. Так, слоговая аббревиатура ***HoReCa*** (сокр. < англ. ***Ho****tels,* ***Re****staurants,* ***Ca****fe – 'гостиницы, рестораны, кафе'* – обобщённое наименование сферы гостинично-ресторанного бизнеса), заимствованная путём калькирования исходного словосочетания с заменой одного из его компонентов и изменением порядка слов, превратилась в русском языке в ***КаБаРе*** – сокр. < *'****ка****фе****, ба****ры,* ***ре****стораны': «При таких показателях самое время задуматься о расширении бизнеса, тем более что в свете подготовки к Евро-2012 сегменту заведений* ***КаБаРе****, а также гостиницам и прочим объектам соцкультбыта прочат рост»* (Власть денег, 2008, № 24). Внутренний смысл полученного образования более прозрачен, чем в его прототипе, при этом он обогащён дополнительными коннотациями, связанными со словом *кабаре*.

Значительный интерес вызывает, на наш взгляд, и крайне редкий случай, когда вновь образованная аббревиатура мотивируется как в языке-доноре, так и в языке-реципиенте средствами иного, третьего языка. Речь идёт о появившейся в последние годы в английском и в заимствовавшем её русском языке аббревиатуре ***S.P.A.*** (в русском языке она используется как в латинской графике ***SPA***, так и в кириллическом написании ***СПА***), обозначающей комплекс разнообразных оздоровительных процедур, преимущественно связанных с водой. Аббревиатура эта имеет в английском языке узуальный омоним ***spa***. Заметим, что и доныне в толковых и переводных словарях английского языка приводится лишь лексическая единица ***spa*** со значением 'минеральный источник, курорт с минеральными источниками', восходящая к ставшему нарицательным названию бельгийского города Spa, известного своими лечебными минеральными источниками ещё с древних времён. Омонимичная аббревиатура появилась в рекламно-коммерческой сфере английского языка лишь на рубеже XX–XXI вв. и стала толковаться как инициальное сокращение латинского выражения *"Sanitas per aquam" – 'Здоровье через воду'*, являющегося, в свою очередь, перифразом второй части известного латинского выражения: *«In vino – veritas, in aqua – sanitas» – 'В вине – истина, в воде – здоровье'*. В медийно-рекламном дискурсе зачастую встречаются и грамматически неправильные варианты данного сочетания: *"Sanitas pro aqua", "Sanus per aquam", "Sanitas per aquas"*. Наличие подобных вариантов расшифровки данной аббревиатуры также указывает на её новизну и вторичность по отношению к узуальному слову. В последнее время наблюдается тенденция ещё более расширенного толкования значения данного образования: в комплекс SPA-процедур включаются уже и разного рода оздоровительные процедуры, с водой не связанные (массаж, ароматерапия, фитотерапия, солярий и под.). Приписываемое данной аббревиатуре толкование через латинский язык как бы указывает на древность данного сокращения и, соответственно, на древность традиций предлагаемых под этим наименованием оздоровительных услуг, что, по замыслу, должно формировать позитивное восприятие потребителя. Совершенно очевидно, что данное образование искусственно создано в рекламных целях, однако в английском языке наличие тематически близкого ему омонимичного узуального слова способствует более ёмкому его восприятию. Русским языком узуальное английское слово *spa* заимствовано не было, но была заимствована и быстро получила широкое распространение в медийно-рекламной сфере аббревиатура с латинским развёрнутым прототипом. Как и в приведённых выше примерах, обусловленная омонимией языковая игра в данном случае очевидна лишь в языке-доноре и не просматривается в языке-реципиенте. Аббревиатура ***SPA*** / ***СПА*** употребляется в

русской письменной речи, главным образом, в структуре биномов (особого рода сложных слов) с аббревиатурным компонентом, где его сочетаемость чрезвычайно широка и представляет собой открытый ряд: *SPA-курорт, SPA-комплекс, SPA-центр, SPA-салон, SPA-технологии, SPA-лечение; СПА-процедуры, СПА-массаж, СПА-косметология, СПА-туризм* и т. п. – *Местные гостиницы славятся великолепным* ***SPA*** *с полным ассортиментом современных косметологических услуг* (МК в Укр., 2008, № 33); *Пожалуй, самые распространённые виды* ***SPA*** *– это* ***SPA-центр*** *при отеле или* ***SPA-отель****, вся инфраструктура которого связана с оздоровлением* (АиФ. Здор., 2008, № 34); *В дорогих салонах вам предложат самые разные виды популярной сейчас* ***СПА-терапии*** (КП в Укр., 22.08.08)» [1, с. 277–279].

В качестве приёма языковой игры может использоваться не только аббревиатурно-узуальная, но и аббревиатурная омонимия – сознательное столкновение в одном контексте двух омонимичных аббревиатур: например, заимствованной каким-либо способом и исконно русской, которая может быть и окказиональной. Сравним, например, использование двух омонимичных форм аббревиатуры ***ВВП*** – заимствованной путём калькирования (< англ. GDP – сокр. < Gross Domestic Product) и русской окказиональной: *«****ВВП****. В новоязе "нулевых" эта аббревиатура имеет сразу два значения: валовой внутренний продукт и Владимир Владимирович Путин. Оба словосочетания связаны неразрывно. Именно ВВП одушевлённый весной 2003-го в послании Федеральному собранию ввёл ВВП неодушевлённый в обиход, поставив приоритетную для страны задачу – удвоить ВВП за ближайшие 10 лет»* (S7. Журнал для авиапассажиров, 2007, № 8). Приведём ещё один пример, когда в одном контексте сочетаются графически не освоенная русским языком иноязычная аббревиатура – технический термин из области информатики, с одной стороны, и сокращение переведённого на английский язык русского наименования политической партии, с другой. Создание омографа в данном случае совершенно очевидно продиктовано условиями контекста: *«****CPU*** *= КПУ?»* (название статьи о новых способах предвыборной борьбы КПУ с использованием интернет-ресурсов). *…Эксперимент в Интернете начался. Пойдёт ли он на пользу Компартии, зависит только от неё – насколько сама она готова пойти навстречу новому поколению. И очень важно понимать и постоянно иметь в виду, что этому поколению ближе, интереснее и привлекательнее идеи не пролетарской, а научно-технической революции. Ибо нынешняя молодёжь – это поколение* ***CPU*** *(CPU, Central Processing Unit – официальное название компьютерного процессора). Значит, им будет легче запомнить (а коммунистам – объяснить), что* ***CPU*** *– это также Communist Party of Ukraine.* («2000», № 44, 2008).

Проделанный анализ игрового использования заимствованных аббревиатур и их омонимов в русском языке приводит к *выводу*, что механизмы аббревиатурно-узуальной омонимии на стыке языков имеют ряд специфических черт по сравнению с подобным процессом в одном языке. Изучение и описание этих механизмов является одним из аспектов комплексного исследования аббревиатур иноязычного происхождения в современном русском языке.

Библиографические ссылки

1. **Баранова Л. А.** Особенности дезаббревиации исконных и заимствованных аббревиатур в современном русском языке / Л. А. Баранова // Уч. зап. Таврич. нац. ун-та им. В. И. Вернадского. – Симферополь, 2011. – Т. 24 (63), № 1, ч. 1. – С. 317–323.
2. **Борисов В. В.** Аббревиация и акронимия. Военные и научно-технические сокращения в иностранных языках / В. В. Борисов. – М. : Воениздат, 1972. – 320 с.

3. **Валгина Н. С.** Активные процессы в современном русском языке : уч. пособие для студентов вузов / Н. С. Валгина. – М. : Логос, 2001. – 304 с.
4. **Журавлёв А. Ф.** Технические возможности русского языка в области предметной номинации / А. Ф. Журавлёв // Способы номинации в современном русском языке. – М., 1982. – С. 45–109.
5. **Зеленин А. В.** Дезаббревиация в русском языке / А. В. Зеленин // Вопросы языкознания. – 2005. – № 1. – С. 78–97.
6. **Косарева О. Г.** Аббревиатуры как одно из средств экономии и экспрессии речи (на материале современной прессы) / О. Г. Косарева // Иностранные языки в школе. – 2004. – № 2. – С. 85–89.
7. **Костюков В. М.** Об одной разновидности индивидуально-авторских слов / В. М. Костюков // Русский язык в школе. – 1986. – № 4. – С. 93–97.
8. **Лейчик В. М.** Пиар и другие аббревиатуры / В. М. Лейчик // Русская речь. – 2002. – № 5. – С. 40–44.
9. **Леонович О. А.** Дезаббревиация в английском языке / О. А. Леонович // Иностранные языки в школе. – 2007. – № 8. – С. 71–74.
10. **Липатов А. Т.** Омонимия и аббревиация / А. Т. Липатов // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. – 1984. – № 3. – С. 50–56.
11. **Минакова М. А.** Омонимичные слова-аббревиатуры в литературном языке советской эпохи / М. А. Минакова // Русский язык в школе. – 1985. – № 6. – С. 99–101.
12. **Сахибгиреева Л. В.** Проблемы аббревиации в разноструктурных языках: деривационно-номинативные аспекты : дисс. ... канд. филол. наук / Л. В. Сахибгареева. – Уфа, 1998. – 134 с.
13. **Светличная Н. О.** Аббревиация и дезаббревиация в современном русском языке: лингвопрагматический аспект : дисс. … канд. филол. наук / Н. О. Светличная. – Ростов-на-Дону, 2009. – 155 с.
14. **Стахеева А. В.** Аббревиация : словопроизводство и словотворчество (на материале русского языка конца XX – начала XXI века) : автореф. дисс. … канд. филол. наук / А. В. Стахеева. – Ростов-на-Дону, 2008. – 24 с.
15. **Ярмашевич М. А.** Образование и функционирование аббревиатур в газетно-публицистическом и научном стилях (к проблеме соотношения кода и текста) : автореф. дисс. ... канд. филол. наук / М. А. Ярмашевич. – Саратов, 1990. – 16 с.

Надійшла до редколегії 22.11.11

УДК 811.161.1’367.623

О. В. Баринова

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

ОСОБЕННОСТИ ТОЛКОВАНИЯ АДЪЕКТИВНЫХ КОЛОРАТИВОВ КАК КАЧЕСТВЕННЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Розглянуто способи тлумачення якісних прикметників (через синоніми, предметне співвіднесення, через зазначення антонімічних і родовидових відношень) і пов'язані з цими способами особливості дефініцій ад'єктивних колоративів.

Ключові слова: значення прикметників, спосіб тлумачення, дефініції колоративів, колір, суміш кольорів, відтінок кольору.

© Баринова О. В., 2012

Рассмотрены способы толкования качественных прилагательных (посредством синонимов, предметного соотнесения, через указание антонимических и родовидовых отношений) и связанные с этими способами особенности толкования адъективных колоративов.

Ключевые слова: значение прилагательных, способ толкования, дефиниции колоративов, цвет, смешение цветов, оттенок цвета.

The ways of definitions of qualitative adjectives (by the use of synonyms, the object correlation and by making reference to antonymic and subsumption relations) and the peculiarities of adjective coloratives definitions that are connected with these ways are regarded.

Keywords: semantics of adjectives, the way of definition, definitions of coloratives, colour, colour mixing, colour shade.

Дефиниция – ключевая часть статьи толкового словаря. И не случайно, что именно способам дефинирования различных лексем посвящают свои исследования многие лингвисты, работающие в области лексикографии [1; 3; 4; 10]. При этом многие из них обращают внимание на те трудности объективного и субъективного характера, с которыми им приходится сталкиваться [5; 7]. На некоторых из такого рода трудностей мы и хотели бы остановиться, затронув только два аспекта проблемы: способы толкования качественных прилагательных и связанные с этими способами особенности дефиниций адъективных колоративов.

Трудности в толковании имён прилагательных связаны, прежде всего, с тем, что значение прилагательных в сознании говорящих часто ассоциативно, так как привязано к определяемым ими объектам. Как замечает Г. М. Шипицина, определение семантики прилагательных зависит от их деривационной истории. Вероятно, речь идет больше об относительных прилагательных, содержащих признаки, берущие начало в значении мотивирующего слова [13, с. 7]. Определить главные признаки качественного прилагательного и сформулировать его непротиворечивое словарное определение, по-нашему мнению, сложнее, потому что лингвисты едины во мнении: чем проще слово, тем труднее его определять. Ведь именно «простые» слова используются для толкования остальных. И, непременно, существует предел возможности толкования слова, представляющего более сложное понятие, через другое, так как, в конечном счёте, остается слово, имеющее наиболее простое и неделимое на составляющие содержание. Например, существует словарная проблема «круга определения», которая состоит в том, что слово, к которому отсылает определение, само может быть определено лишь через определяемое слово» [7, с. 97]. Так, в Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой мы нашли следующие примеры данной проблемы: *большой*, согласно словарной дефиниции, – это «значительный по размерам, по величине, по силе» [6, с. 56]. А что значит *значительный*? Читаем: **ЗНАЧИТЕЛЬНЫЙ.** 1. Большой по размерам, силе [6, с. 232].

Такое же положение наблюдается, если в определении слова, к которому отсылает дефиниция, есть слово, однокоренное искомому заглавному:

БЫСТРЫЙ. То же, что скорый (в 1 и 2 знач.) [6, с. 66].

СКОРЫЙ. 1. Совершающийся, осуществляющийся быстро, в короткий промежуток времени, обладающий большой скоростью. 2. Слишком спешащий, нетерпеливый (разг. ирон.) [6, с. 725].

Соответственно читаем толкования слов *быстро* и *скорость*:

БЫСТРО… *Первая часть сложных слов со знач.:* 1) быстрый, быстро, напр. *быстродействующий, быстрорастворимый, быстросъёмный, быстрорежущий, быстросохнущий;* 2) с быстрым, с быстрыми, напр. *быстроглазый, быстрокрылый, быстроногий, быстроходный* [6, с. 65].

СКОРОСТЬ. 1. Степень быстроты, движения, распространения, действия [6, с. 725].

Определение слова *быстрота* возвращает нас к началу предпринятого исследования, т. е. к дефиниции искомого слова *быстрый*:

БЫСТРОТА. 1. См. быстрый. 2. Скорость, стремительность [6, с. 65].

Следовательно, существует потребность изыскать такой способ толкования, который позволил бы предотвратить или свел бы к обоснованному минимуму наличие подобных примеров.

Рассмотрим способы определения и некоторых других качественных прилагательных. Для этого мы возьмём первые сто прилагательных из частотного словаря под редакцией Л. Н. Засориной [11] и исследуем, как они определяются в одном из наиболее часто используемых словарей – Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой [6]. Поскольку мы занимаемся прямыми значениями слов, мы ограничились изучением только первых дефиниций прилагательных.

Чаще всего качественные имена прилагательные сделанной нами выборки определяются посредством синонимов. Это обусловлено тем, что синонимы выступают не только как самостоятельные определения, но и еще являются важной составляющей комбинированных толкований с синонимической частью. Собственно синонимический способ толкования заключается в том, что заглавное слово статьи определяется посредством своего полного или частичного синонима (синонимического ряда). Преимуществом этого способа является, прежде всего, его краткость и возможность не повторяться в толковании слов. А. Г. Варданян отмечает, что синонимический способ целесообразно применять при определении слов диалектных, устаревших, заимствованных, с ярко выраженной стилистической окраской, а также «при толковании тех членов синонимического ряда, которые в силу семантических или стилистических особенностей занимают место на его периферии» [2, с. 22].

Оптимальным является использование ряда из двух – трех (реже четырех) синонимов. В таком случае синонимы уточняют друг друга и указывают на новые дополнительные оттенки значения объясняемого слова.

Приведем примеры синонимических определений прилагательных:

ДОЛГИЙ. 1. Продолжительный, длительный [6, с. 17].

МИЛЫЙ. 1. Славный, привлекательный, приятный [6, с. 35].

Несмотря на то, что традиционно в лексикографии определения, построенные по формуле «То же, что… », относятся к отсылочным дефинициям, мы считаем уместным, вслед за Л. П. Столяровой и Н. П. Тычинской, отнести эти толкования к синонимическим. Лингвисты называют такие определения форсированными синонимами, поскольку «значение синонимичности закреплено не только с позиций близкого по значению слова», «но и конкретным указанием «*То же, что*…» на конкретное «единичное слово», что усиливает степень однозначности. Форсированный синоним имеет абсолютно одинаковое значение с заглавным словом статьи [8, с. 154–155].

ГРОМАДНЫЙ. То же, что огромный [6, с. 146].

ДАЛЬНИЙ. 1. То же, что далекий (в 1 знач.) [6, с. 151].

Толкование указывает на содержательную суть слова с помощью синонимических конструкций. Такая дефиниция содержит синтагматический или лексический синоним, часто в сочетании со словом синонимом:

ОГРОМНЫЙ. Очень большой (в 1, 2 и 4 знач.) [6, с. 445].

ОСНОВНОЙ. Наиболее важный, главный [6, с. 463].

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ. Исключительный по своим достоинствам, выдающийся [6, с. 211].

Почти третья часть дефиниций прилагательных определяется посредством чёткой соотнесенности со словом с предметным значением. Определение лексического значения слова осуществляется посредством дефиниций, которые составлены как описательные: конструкция вводится глаголом в атрибутивной форме. При этом заглавное слово статьи и стержневое слово определения образуют словообразовательную пару. Большинство таких толкований построено по формуле «глагол в форме причастия + мотивирующее существительное». (Отношения производности здесь и далее определяются по Словообразовательному словарю русского языка А. Н. Тихонова [9]).

ПРАВИЛЬНЫЙ. 1. Не отступающий от правил, норм, пропорций [6, с. 576].

РАЗЛИЧНЫЙ. 1. Содержащий различия, несходный [6, с. 648].

СВЕТЛЫЙ. 1. Излучающий сильный свет [6, с .702].

Некоторые прилагательные, напротив, толкуются по формуле «глагол в форме причастия + мотивированное (заглавным словом статьи) существительное», например:

ГЛУБОКИЙ. 1. Имеющий большую глубину (в 1 знач.), простирающийся на большую глубину [6, с. 133].

ПОДОБНЫЙ. 1. *кому-чему*. Содержащий, составляющий подобие кого-чего-н. [6, с. 539].

РОДНОЙ. 1. Состоящий в прямом (кровном) родстве, а также вообще в родстве [6, с. 681].

Дефиниция может содержать слово, которое относится к одному и тому же словообразовательному гнезду, что и заглавное слово статьи, но при этом они не образуют словообразовательной пары, например:

БОЛЬНОЙ. 1**.** *полн.ф*. Пораженный какой-н. болезнью [6, с. 55].

Определение может осуществляться через антонимическое построение или дефиниция содержит отрицательную информацию о слове, т. е. в толковании указывается на отсутствие некоторых свойств, что является существенной составляющей значения соответствующего прилагательного.

ЧИСТЫЙ. Освобожденный от грязи, каких-н. наслоений, не имеющий грязи [6, с. 886].

ПУСТОЙ. Ничем не заполненный, полый внутри, лишенный содержимого [6, с. 632].

РАЗНЫЙ. Неодинаковый, несходный в чем-н. [6, с. 654].

Дефиниция имени прилагательного может основываться на элементах родовидовых отношений. Род определяется не по прилагательному, а по тому обобщенному явлению, с которым соотносится данное слово. Родовым понятием может быть температура, размер составляющих, вес, возраст, расстояние и мн. др.

ГОРЯЧИЙ. 1. Имеющий высокую температуру [6, с. 141].

КРУПНЫЙ. 1. Состоящий из частей, элементов, частичек большого размера [6, с. 310].

МЕЛКИЙ. 1. Состоящий из небольших по величине однородных частиц [6, с. 349].

Таким образом, качественные прилагательные определяются синонимическим способом, через четкую соотнесенность со словом с предметным значением, посредством дефиниций, указывающих основные семы соответствующего адъектива с помощью синонимических конструкций, антонимических и отрицательных построений, а также дефиниций, включающих элементы родовидовых отношений

и др. Эти же основные способы толкования слов исследуемой части речи чётко проявляются и при определении цветообозначений, например, так же, как и множество других качественных прилагательных, адъективные колоративы определяются синонимическим способом. Здесь и далее приведем примеры дефиниции с указанием номера значений:

ПОРФИРНЫЙ. 2. Багряный, пурпурный [6, с. 566].

ЯРЫЙ. 3. *полн. ф*. Светлый, белый, а также яркий, сверкающий (стар.) [6, с. 919].

Определяются колоративы и через формально-маркированные синонимы. Таким образом, в дефиниции указывается слово, которое получает подробную разработку в словаре:

ЗЛАТОЙ. То же, что золотой (в 1, 3 и 4 знач.) [6, с. 230].

ФИОЛЕТОВЫЙ. То же, что лиловый [6, с. 853].

Синоним в определении может сопровождаться описанием цвета, основанном на соотношении с окраской какого-либо предмета или явления и представленном в виде генетивной конструкции типа «Цвета чего-нибудь», например:

САПФИРНЫЙ и **САПФИРОВЫЙ.** 2. Синий, цвета сапфира [6, с. 697].

ШОКОЛАДНЫЙ. 2. Коричневый, цвета шоколада [6, с. 899].

Также колоративы в словаре толкуются посредством только предметной соотнесенности, например:

БЕЛЫЙ. Цвета снега или мела [6, с. 43].

ЗЕЛЁНЫЙ. Цвета травы, листвы [6, с. 228].

В принципе предметного соотнесения дефиниций колоративов наблюдается их существенное отличие от толкований остального множества качественных прилагательных. В дефинициях качественных прилагательных есть однокорневое соотнесение (*умный* – обладающий *умом*, *нижний* – находящийся *внизу*), мы можем из других словарных статей узнать, что такое *ум*, *низ* и т. д. Окраска предмета сравнения колоративов может быть описана только посредством самих же колоративов, следствием чего является возникновение словарной проблемы круга определения.

Особым вопросом, по-нашему мнению, является выбор предмета соотнесения, так как таковым в дефиниции является тот, окраска которого является (как считает лексикограф или группа составителей словаря) наилучшим образцом для описания соответствующего цвета. По этому поводу отметим, что у нас вызывает сомнение адекватность выбора предмета соотнесения для розового цвета, а именно: окраса мякоти арбуза, хотя бы потому, что окрас этот довольно часто бывает разным:

РОЗОВЫЙ. Цвета недозрелой мякоти арбуза, цветков яблони, белый с красноватым оттенком [6, с. 682].

Определение колоратива может осуществляться через введение информации научного характера, а именно: указывается местонахождение цвета относительно других цветов в солнечном спектре:

СИНИЙ. Имеющий окраску одного из основных цветов спектра – среднего между фиолетовым и зеленым [6, с. 718].

Характерным именно для цветообозначений является частое использование для определения сложных прилагательных, например, в описании, основанном на том, что данный цвет представляется как оттенок другого цвета, т. е. в дефиниции даётся сложное прилагательное, первая часть которого указывает на степень проявления того признака (цвета), который выражен второй частью:

БОРДО и **БОРДОВЫЙ**. Тёмно-красный [6, с. 56].

БУТЫЛОЧНЫЙ. 2. Тёмно-зеленый [6, с. 64].

Сложное прилагательное дефиниции может обозначать смешение двух цветов, причём вторая часть сложного слова обозначает признак с большей степенью проявления, чем первая, например:

БОЛОТНЫЙ. 2. О цвете: Коричневато-зеленый [6, с. 55].

ПЕРВАНШ. Серовато-голубой [6, с. 498].

Сложный колоратив, обозначающий цвет с различной степенью проявления, насыщенностью или яркостью, или сложный колоратив со значением смешения цветов чаще всего даётся в определении в сочетании с указанием предметной соотнесённости:

МОРКОВНЫЙ. Светло-оранжевый, цвета моркови [6, с. 366].

РУБИНОВЫЙ. Густо-красный, цвета рубина [6, с. 685].

АСПИДНЫЙ. 2. Серо-черный, цвета аспида [6, с. 30].

МОЛОЧНЫЙ. 4. *полн. ф.* Голубовато-белый, цвета молока [6, с. 364].

Цвет, названный соответствующим колоративом, в дефиниции представляется как смешение трёх цветов. Это достигается посредством конструкции, в которой выразителем главного признака является сложный колоратив, а выразителем неосновного, но постоянно сопутствующего признака, – цветонаименование, обозначающее оттенок. Такое определение даётся комбинировано вместе с указанием предметной соотнесенности цвета:

ОЛИВКОВЫЙ. 2. Жёлто-зеленый с коричневатым оттенком, цвета оливки [6, с. 452].

ШАФРАНОВЫЙ. Желто-оранжевый с коричневатым оттенком, цвета шафрана [6, с. 893].

Итак, выше были представлены дефиниции разных адъективных колоративов. Большинство из производных цветообозначений изначально были относительными прилагательными и только впоследствии приобрели качественную колоративную семантику. Если определение таких колоративов основывается на предметной соотнесенности, то предметом сравнения является понятие, названное словом, производящим для соответствующего колоратива. Как данное, то, с чем можно сравнивать и отталкиваться, в определениях даются сложные прилагательные, в состав которых входят базовые колоративы. Это наводит на мысль об их особенном статусе в ряду других адъективных цветообозначений, что должно, по-нашему мнению, проявляться в их толковании. Отметим, что базовыми колоративами мы считаем, вслед за Чжун Сяовен, те, которые называют основные цвета спектра (красный, оранжевый, жёлтый, зелёный, голубой, синий, фиолетовый), ахроматические цвета (белый, чёрный, серый), а также колоратив, который называет цвет, получившийся в результате смешения других цветов: коричневый [12, с. 164].

Таким образом, наиболее универсальным, если судить по словарю, является синонимический способ толкования адъективных колоративов. Они, как и остальные качественные прилагательные, определяются посредством одиночных синонимов, целого синонимического ряда или отсылки к ним маркером типа: «*То же, что…*». Используются также сопоставления с окраской каких-либо предметов и явлений, хотя выбор последних сопряжен с определенными трудностями.

Толкования адъективных колоративов нуждаются в существенной корректировке и, в частности, в создании особой многоуровневой системы дефиниций, которая бы исключала разночтения в понимании соответствующих слов. И поскольку

основная масса цветообозначений описывается посредством базовых колоративов, следует поставить вопрос о приоритете разработки дефиниций именно базовых колоративов, так как только при условии их адекватного толкования возможно точное дефинирование остального множества адъективных цветообозначений.

Библиографические ссылки

1. **Арбатский Д. И.** Толкования значений слов. Семантические определения / Д. И. Арбатский. – Ижевск : Удмуртия, 1977. – 99 с.
2. **Варданян А. Г.** Синонимы в системе средств лексикографического толкования слова / А. Г. Варданян // Проблемы функционирования русского языка в Республике Армения : матер. Междунар. науч. конф. Ереван, 6–7 ноября 2006 г. – Ереван : Лингва, 2006. – С. 22–23.
3. **Денисов П. Н.** Лексика русского языка и принципы её описания / П. Н. Денисов. – М. : Рус. яз., 1980. – 253 с.
4. **Дудкина В. Г.** Семантизация лексики и типы лексикографических дефиниций / В. Г. Дудкина // Язык. Текст. Дискурс: Научный альманах Ставропольского отделения РАЛК / под ред. проф. Г. Н. Манаенко. – Ставрополь : Изд-во СГПИ, 2010. – Вып. 8. – С. 566–574.
5. **Меньшиков И. И.** Дефиниция понятия и термина информация / И. И. Меньшиков // Лексико-граматичні інновації в сучасних слов'янських мовах : матер. II Міжнар. наук. конф. / Дніпропетровськ, 14 – 15 квітня 2005 р. / упор. Т. С. Пристайко. – Дн. : Пороги, 2005. – С. 265–267.
6. **Ожегов С. И.** Толковый словарь русского языка : 80000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – М. : ООО «ИТИ Технологии», 2003. – 944 с.
7. **Скороходько Э. Ф.** Форма и содержание определений в толковых словарях / Э. Ф. Скороходько // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. – 1965. – № 1. – С. 97–107.
8. **Столярова Л. П.** Синонимические определения в толковом словаре русского языка / Л. П. Столярова, Н. Л. Тычинская // Вісник Дніпропетр. ун-ту. Серія «Мовознавство». – 2002. – Вип. 7. – С. 149–155.
9. **Тихонов А. Н.** Словообразовательный словарь русского языка : в 2 т. Ок. 145 000 слов / А. Н. Тихонов. – 2-е изд., стер. – М. : Рус. яз., 1990.
10. **Тычинская Н. Л.** Типологическая характеристика отсылочных определений в толковом словаре / Н. Л. Тычинская // Вісник Дніпропетр. ун-ту. Серія «Мовознавство». – 1999. – Вип. 4, т. 1. – С. 203–206.
11. **Частотный словарь русского языка** / под ред. Л. Н. Засориной. – М. : Рус. яз., 1977. – 936 с.
12. **Чжун Сяовен**. Система адъективных колоративов в современном русском языке / Чжун Сяовен // Вісник Дніпропетр. ун-ту. Серія «Мовознавство». – 2002. – Вип. 7. – С. 161–164.
13. **Шипицина Г. М.** Об источниках денотативного значения имён прилагательных русского языка / Г. М. Шипицина // Научные ведомости БелГУ. Сер. Гуманитарные науки. – 2009. – № 14, вып. 4/1 – С. 5–10.

Надійшла до редколегії 17.10.11.

УДК 811.161.1'367.623 + 811.161.1'37

О. С. Белозор

Днепропетровская медицинская академия

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО *ЧИСТЫЙ* ПО ДАННЫМ ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА

На матеріалі тлумачних словників російської мови проаналізовано семантичну структуру прикметника *чистый*; встановлено, що структури багатозначності слова *чистый*, які представлені у словниках, відрізняються як кількісно, так і змістовно. Надано рекомендації з усунення деяких невідповідностей.

Ключові слова: семантична структура полісеманта, тлумачний словник, лексикографічна інтерпретація семантичної структури полісеманта.

На материале толковых словарей русского языка проанализирована семантическая структура прилагательного *чистый*; установлено, что представленные в словарях структуры многозначности слова *чистый* различаются как количественно, так и содержательно. Предложены рекомендации по устранению отдельных несоответствий.

Ключевые слова: семантическая структура полисеманта, толковый словарь, лексикографическая интерпретация семантической структуры полисеманта.

Semantic structure of the adjective «чистый» has been analyzed on the materials of Russian explanatory dictionaries. It has been found out that the structures presented in the dictionaries differ both in quantity and in meanings. The recommendations as for elimination of some discrepancies have been suggested.

Keywords: semantic structure of polysemant, explanatory dictionary, lexicographic interpretation of semantic structure of polysemant.

Прилагательное *чистый* уже становилось объектом лингвистических исследований, посвященных отдельным аспектам его изучения. В частности, формированию структуры концепта «Чистота» в древнерусской культуре посвящены статьи Е. С. Яковлевой и О. Н. Кондратьевой [4; 10]. В публикациях Т. Крыловой [5] и О. А. Мордвиновой-Щодро [6] понятия *«Чистота»* и *«Чистый»* анализируются в плане их участия в вербализации разнообразных характеристик человека. Научный интерес представляют и работа Т. А. Демешкиной, посвященная анализу концепта «Чистота» на материале среднеобских словарей [2], статьи М. М. Валенцовой, анализирующей понятие «Чистый» как составляющую славянской структуры [1], и М. С. Хмелевского, обратившегося к описанию понятия «чистый − грязный» в славянском языковом сознании [9]. На материале русского языка в контексте рекламной коммуникации данное прилагательное рассмотрено в статье Т. С. Пристайко [7]. Сопоставительное исследование парадигматических, синтагматических и эпидигматических свойств слов, относящихся к лексико-семантическим группам прилагательных с идентификаторами *чистый / грязный* и *clean / dirty* на материале русского и английского языков проведено в диссертационной работе Н. А. Сергиенко [8].

Семантическая же структура полисеманта *чистый* изучена все еще недостаточно. Свидетельство этому − достаточно серьезные расхождения в трактовке семантической структуры слова, выявляющиеся при обращении к современным толковым словарям, а также допущенные в них непоследовательности в классификации материала.

© Белозор О. С., 2012

В настоящей статье мы ставим перед собой ***цель*** проанализировать суть этих расхождений и, по возможности, выявить причины, по которым это прилагательное вызывает затруднения при лексикографировании.

Значения и оттенки значений, представленные в проанализированных толковых словарях русского языка (см. список словарей), мы обобщили в виде нижеследующей сводной таблицы. Арабские цифры в графах таблицы соответствуют порядковым номерам самостоятельных значений в словарных статьях соответствующих словарей. Знаком Δ отмечается оттенок значения; знак ◊ обозначает, что значение дается как значение фразеологической единицы. В ячейке таблицы принятые обозначения располагаются в такой последовательности: порядковый номер значения или оттенка значения; стилистическая помета. Например, запись Δ_1 прочитывается как «оттенок первого значения», Δ_4 – оттенок четвертого значения, зафиксированного в соответствующем словаре.

В графе «№ п/п» арабскими цифрами отмечается самостоятельное значение вне зависимости от его номера в том или другом словаре; нижний индекс, расположенный слева от символа оттенка (например Δ_1), показывает номер оттенка по данным таблицы. Определяя статус значения при наличии словарного разнобоя в определении значения как самостоятельного или оттенка, мы исходили из частотных показателей: если большей частью словарей значение интерпретируется как оттенок, то и в сводной таблице ему присваивается статус оттенка.

Таблица

Соотношение значений и оттенков значения в семантической структуре полисемантичного прилагательного *чистый* (по материалам толковых словарей)

№ п/п	Значение, оттенок значения	СУ	СО	СЕ	БАС	МАС	БТС	ТСШ
1	Не загрязненный, не запачканный, без грязи, пыли, пятен	1	1	1	1	1	1	1
Δ_1	Содержащийся в чистоте, опрятности, опрятный	Δ_1		Δ_1	Δ_1	Δ_1	2	
Δ_2	Одетый в незапачканную одежду; опрятный, чистоплотный				Δ_1		2	
Δ_3	Выстиранный и еще не бывший в употреблении				Δ_1			
Δ_4	Без сухостоя, валежника, бурелома (о лесе)				Δ_1			
2	Связанный с тем, что не особенно пачкает, грязнит	5	4 *разг.*		$\lozenge_1$	3		4 *разг.*
3	Убранный, обставленный с особенной тщательностью; парадный	6	5 *устр. прст*, и *обл.*	6	2	2	4 *трад. -нар.*	5 *устр. прст*, и *обл.*
Δ_5	Главный, передний (о лестнице, входе)				Δ_2	Δ_2		

4	Принадлежащий к привилегированным слоям общества; благородный				3 *устр.*	4 *устр.*		
Δ_6	Предназначенный для привилегированных слоев общества				Δ_3	Δ_4		
5	Сделанный, выполненный тщательно, аккуратно и искусно	10	8	12	4	5	6 *разг.*	8
5а	Требующий квалификации (о работе)	5		5 *разг.*	$\Diamond_4$			
Δ_7	Представленный в окончательном виде, без помарок; беловой			Δ_{12}	Δ_4	Δ_5	7	
Δ_8	Окончательно отделанный, отшлифованный				Δ_4			
6	Со свободной, открытой, ничем не занятой поверхностью	7	3	8	6	6	5	3
Δ_9	Свободный, очищенный от кого-, чего-л.				Δ_6 *перн.*			
Δ_{10}	Не заполненный ничем, не использованный для письма, рисунка и т. п.	Δ_7		Δ_8	Δ_6	Δ_6		
Δ_{11}	Без морщин, веснушек, прыщей и т. п.				Δ_6	Δ_6	3	
Δ_{12}	Безоблачный, не затуманенный	8		Δ_8, 9	Δ_6	Δ_6		
Δ_{13}	Ясный, с прозрачным, свежим воздухом (об утре, дне и т. д.)				Δ_6			
7	Без примеси чего-л., не содержащий в себе ничего постороннего	11	6	13	5	7	8	6
Δ_{14}	Не замутненный грязью, песком и т. п.			Δ_1, 9	Δ_1	Δ_7		
Δ_{15}	Свежий, не душный, не пыльный и т. д. (о воздухе)			Δ_1	Δ_1	Δ_7		
Δ_{16}	Без сорняков (о злаках, посевах)				Δ_1	Δ_7	Δ_8	
Δ_{17}	Не разбавленный, ни с чем не смешанный			Δ_6	Δ_5	Δ_7		
Δ_{18}	Неподдельный, настоящий, подлинный (о монетах)				Δ_5			
Δ_{19}	Не смешанной породы, чистокровный			Δ_6	Δ_5	Δ_7	10	
Δ_{20}	Одной древесной породы				$\Diamond_5$	Δ_7		
Δ_{21}	Глубокий, яркий (о цвете, тоне)					Δ_7		

Δ_{22}	Звонкий, отчетливый, без хрипа (о звуках)	9			Δ_8	8	Δ_8	
8	Четкий, ясно очерченный, не расплывшийся			10	7			
9	Не загрязненный химическими или радиоактивными веществами						9	
10	Правильный, соответствующий определенным правилам, нормам	9		11 *перн.*	8	9	12	
11	Нравственно безупречный, правдивый и честный, без грязных помыслов и действий, не греховный	2 *перн.* 3 *перн.*	2 *перн.*	2 *перн.* 4	9	10	14	2 *перн.*
Δ_{23}	Выражающий чистоту чувств, стремлений (о взгляде, улыбке)				Δ_9			
Δ_{24}	Невинный, целомудренный				Δ_9			
Δ_{25}	Лишенный чувственности	Δ_2			Δ_9			
Δ_{26}	*перен.* Исполненный высокой нравственности, возвышенный	Δ_2		Δ_2		Δ_{10}	Δ_{14}	
Δ_{27}	*перен.* Выражающий высокую нравственность, непорочный	Δ_2		Δ_2		Δ_{10}		
Δ_{28}	Честный, добросовестный, добытый честным путем			7	Δ_9			
Δ_{29}	Свободный от подозрений				Δ_9 *разг.*			
Δ_{30}	Невиновный, такой, которого ни в чем нельзя упрекнуть, обвинить	Δ_2 *перн.*		Δ_2	Δ_9	Δ_{11}		
12	Не заключающий в себе лжи и обмана	2 *перн.*		3 *перн. разг.*		11		
13	Свободный от скверны; не греховный, угодный божеству	4			10		13 *кнжн.*	
14	Получающийся после вычета чего-л.	13		15	11	12	Δ_8	
Δ_{31}	Свободный от долгов, задолженности и т. п.				Δ_{11} *устр.*	13 *устр.*		
Δ_{32}	*разг.* Наличные (чистые деньги)	◊			Δ_{11}		◊	
15	Лишенный всего, не имеющий денег, имущества	14 *разг. фам.*		16 *разг.*	12 *разг.*			

16	*устар. и простор.* Полный и окончательный (отставка)	◊			16	◊		
17	Самый настоящий, совершенный, подлинный	12	7 *разг.*	14	Δ_5 *перн.* 14	14	15	7 *разг.*
Δ_{33}	Подобный, совершенно похожий на кого-, что-нибудь	Δ_{11} *разг.*		Δ_{17} *перн.*	15 *прст.*	Δ_{14}		
18	Полностью соответствующий кому-л., чему-л. по своим свойствам			17 *разг.*	13			
Δ_{34}	Сохраняющий свою истинную основу, подлинный, не искаженный	Δ_{11} *перн.*		Δ_{13} *перн.*				
19	Отвлеченный от практического применения, не связанный с ним			Δ_{14}	Δ_5 *перн.*	15	11	

Обзор значений прилагательного *чистый* позволяет прежде всего выделить несколько особенностей функционирования слова.

1) Наличие оппозиций. Практически во всех значениях слово *чистый* явно или неявно указывает на существование оппозиции; ср.: *чистая одежда − грязная одежда, чистый вход (передний) − черный ход, чистый воздух − загрязненный воздух, чистые помыслы − грязные помыслы.*

2) Немаркированность. Внутри каждой оппозиции *чистый* характеризует объект как не имеющий каких-либо специфических свойств. Компонент *не* в эксплицитной форме присутствует в толковании большинства значений (ср. также синонимические компоненты толкований *без, лишенный*): *не греховный; без хрипа; незагрязненный, незапачканный; без примесей* и т. д.

3) Оценочность. Прилагательное *чистый* может привносить некоторую оценку. По данным экспериментальных исследований параметра оценки в психологической структуре значения слова [3], коэффициент оценки адъективного слова *чистый* равен шести (высшая степень положительной оценки – 7). Ср.: *«Низенькая комнатка была чиста и уютна»* (Тургенев), *«Краснеть от такого чистого, святого воспоминания?»* (Гончаров).

Однако в некоторых случаях оценка может быть и отрицательной. Ср.: *чистый вздор, на руку не чист, с чистого пуще завернет.*

4) Идиоматичность. Прилагательное *чистый* входит в целый ряд устойчивых словосочетаний, в частности, терминологических. См., например: ***Чистое искусство*** – название эстетических концепций, утверждающих самоцельность художественного творчества, независимость искусства от политики и общественных требований [МАС]. ***Чистая перемена*** – *спец.* Смена декораций на сцене, проведенная так, что техника перемены не заметна зрителю (БАС). ***Чистые листы*** (*полигр.*) – первые оттиски тиража книги, отправляемые типографией в издательство для последней читки перед выпуском в свет (БАС, МАС). ***Чистая (отставка)*** (*устар. и прост.*) – полная отставка (обычно о военной обязанности, службе) (БАС, МАС). ***Чистый пар*** (*с.-х.*) – поле севооборота, свободное от посевов с.-х. растений в течение всего лета до посева озимых (МАС). См. также: *чистая прибыль, чистая работа, чистое золото, чистый спирт, чистый понедель-*

ник, чистый четверг, чистой (чистейшей) воды, за чистые деньги, от чистого сердца, по чистой совести, с чистым сердцем, вывести на чистую воду, принять за чистую монету и др.

Обзор толкований и обобщенное представление их в сводной таблице (см. табл.) также позволяют достаточно ясно увидеть разнобой в толковании значений как самостоятельных или как оттенков.

Так, на наш взгляд, не вполне оправданным является выделение в качестве самостоятельного значения «содержащийся в опрятности, опрятный», предлагаемое в БТС. Лексема *опрятный* синонимична лексемам *чистый* (в значении «не имеющий грязи») и *чистоплотный* («содержащий себя в чистоте; опрятный»), что, по нашему мнению, не позволяет считать ее репрезентантом самостоятельного значения лексемы *чистый*. Значение «звонкий, отчетливый, без хрипа (о голосе, звуках)» конкретизирует значение «без примеси чего-л. постороннего» и по своему статусу, скорее, является оттенком, чем самостоятельным значением, каковым его представляет МАС.

Излишним представляется и выделение двух оттенков «не смешанной породы (о животных)» и «одной древесной породы (о лесе)» у значения «без примеси чего-л. постороннего», проводимое в МАС. Думается, что оба оттенка вполне могут быть описаны толкованием «не смешанной, одной породы». Мы вполне солидарны с авторами словарей, считающих значение «звонкий, отчетливый, без хрипа» оттенком, а не самостоятельным значением, как предлагает МАС.

Представляется иногда излишне подробной система семантических оттенков, разработанная прежде всего в БАС. Многие из приводимых оттенков невозможно отграничить от речевых (контекстных) значений, например: *чистый*Δ_2 «одетый в незапачканную одежду; опрятный, чистоплотный», *чистый*Δ_3 «выстиранный и еще не бывший в употреблении», *чистый*Δ_4 «без сухостоя, валежника, бурелома», *чистый*Δ_{16} «без сорняков (о злаках)», *чистый*Δ_{11} «без веснушек, прыщей (о коже)» и др.

Особого комментария требуют и значения, которые выделяются как самостоятельные только в одном–двух словарях. В частности, значение «требующий какой-л. квалификации (о работе)», выделенное в СУ как самостоятельное, ближе, на наш взгляд, к семантическому оттенку или подзначению. Точно таким же, не вполне самостоятельным, представляется и значение «не загрязненный химическими или радиоактивными веществами», отмечаемое в БТС. БАС выделяет значение «четкий, ясно очерченный, не расплывшийся», иллюстрируя его художественными контекстами «*Лаврецкий глядел на ее* ***чистый****, несколько строгий профиль*» (Тург.) и «*Круги Улановой* ***чисты*** *и надежно устойчивы. Они расходятся спокойно плывущей линией, которая вычерчивается в воздухе, точно рисунок, набрасываемый уверенной рукой живописца*» (Богдан.-Березовский). Думается, что в этих контекстах все-таки реализуется оттенок или даже речевое, а не самостоятельное значение, о чем свидетельствует и дальнейшая лексикографическая практика: в более поздние словари это значение не попадает. В заромбовой части толкования обсуждаемого ЛСВ БАС приводит терминологические сочетания *чистый запад, чистый норд* и т. п. со специальным значением «о направлении точно на запад, север и т. п.». Показательно, что в БТС речения *Ч. запад, восток, север, юг* со специальным значением «исключительно такого одного направления; о ветре или движении судна» приводятся к значению «не смешанный; одного происхождения, типа, вида и т. п.»

Проведенный анализ показал, что представленные в словарях структуры многозначности слова *чистый* различаются не только количественно (числом включенных в них значений и так называемых оттенков значений), но и содержа-

тельно (разбивкой на самостоятельные значения, соотнесением тех или иных контекстов с выделенными значениями, иерархической организацией). Очевидно, что вопрос о лексикографической разработке многозначных прилагательных, к которым относится и прилагательное *чистый*, нуждается в серьезном теоретическом обсуждении, а само представление таких лексем в толковых словарях – в продуманных практических рекомендациях.

Библиографические ссылки

1. **Валенцова М. М.** Понятие **чистый** в славянской культуре / М. М. Валенцова // Живая старина. – 2001. – № 2. – С. 60–80.
2. **Демешкина Т. А.** Концепт чистоты по данным среднеобских словарей / Т. А. Демешкина // Наука и образование. – Белово, 2002. – С. 49–55. – Режим доступа : http://www.belovo.ru/conferens/conferens_ 03/Sek3/9.html.
3. **Залевская А. А.** Экспериментальное исследование параметра оценки в психологической структуре значения слова / А. А. Залевская // Психолингвистические проблемы семантики : сб. науч. тр. – Калинин : Калининский гос. ун-т, 1990. – С. 73–83.
4. **Кондратьева О. Н.** Формирование структуры концепта *ЧИСТОТА* в древнерусской культуре / О. Н. Кондратьева // Мир в языке. Landau, 2005. – С. 93–102.
5. **Крылова Т.** Понятие чистоты и порядка в названиях человеческих свойств: специфика слов с положительным и отрицательным значением / Т. Крылова // Логический анализ языка. Космос и хаос: концептуальные поля порядка и беспорядка. – М., 2003. – С. 366–375
6. **Мордвинова-Щодро О. А.** *Чистый* как характеристика человека в русском языке : лингвокультурологический аспект [Электронный ресурс] / О. А. Мордвинова-Щодро. – Режим доступа : ftp://lib.herzen.spb.ru/text/ mordvina_schodro_14_37_135 _137.pdf
7. **Пристайко Т. С.** «Экологическая» семантика прилагательного «чистый» в рекламных именах (по материалам Интернет-страниц) / Т. С. Пристайко // Науч. зап. Серия: филологические науки (языкознание). – Вып. 75 (1). – Кировоград, 2008. – С. 10–13.
8. **Сергиенко Н. А.** Сопоставительное исследование лексико-семантических групп прилагательных с идентификаторами «чистый/грязный» и «clean/dirty» (По материалам лексикографии) : дисс. … канд. филол. наук : 10.02.20 / Сергиенко Наталья Анатольевна. – Екатеринбург, 2006. – 189 с.
9. **Хмелевский М. С.** Понятия «чистый – грязный» в славянском языковом сознании [Электронный ресурс] / М. С. Хмелевский // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы : Междунар. науч. конф., посвященная 200-летию Казанского университета (Казань, 4–6 октября 2004 г.) : труды и материалы / под общ. ред. К. Р. Галиуллина.– Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2004.– С. 90–91. – Режим доступа : http://www.ksu.ru/f10/publications/2004/articles _1_1.php?id=3&num.
10. **Яковлева Е. С.** О концепте чистоты в современном русском языковом сознании и в исторической перспективе / Е. С. Яковлева // Логический анализ языка. Языки этики. – М., 2000. – С. 200–216.

Словари

БАС – Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. – М.–Л., 1950–1965.

БТС – Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2000. – 1536 с.

МАС – Словарь русского языка в 4-х томах. – Т. 4 (С–Я). – Изд. 3, стереотип. АН СССР Институт русского языка / под ред. А. П. Евгеньевой. – М. : Рус. яз., 1988. – 800 с.

СЕ – Ефремова Т. Ф. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://slovarus.info/rus_ef.php.

СО – Ожегов С. И. Словарь русского языка. – М. : Рус. язык, 1991. – 416 с.

СУ – Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова : в 4 т. – М., 1934–1940.

ТСШ – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. – М. : Изд. Центр «Азбуковник», 2008. – 1175 с.

Надійшла до редколегії 19.12.11

УДК 811.521'373.43

Т. С. Белянина

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

ПУТИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ НЕОЛОГИЗМОВ В СОВРЕМЕННОМ ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ

На матеріалі неологізмів, що отримали премію «Shingo-ryuukougo taishou» у 2001–2011 рр., досліджено лексичні і семантичні неологізми, які увійшли до складу японської мови за останнє десятиліття; виявлено основні шляхи входження нових слів у сучасну японську мову у співвідношенні з їх англійськими прототипами.

Ключові слова: когнітивно-семантичний неологізм, лексичний неологізм, неологізм-запозичення, гайрайго, молодіжний сленг.

На материале неологизмов, получивших премию «Shingo-ryuukougo taishou» в 2001–2011 гг., исследованы лексические и семантические неологизмы, вошедшие в лексический состав японского языка за последнее десятилетие; выявлены основные пути возникновения новых слов в современном японском языке в соотношении с их английскими прототипами.

Ключевые слова: когнитивно-семантический неологизм, лексический неологизм, неологизм-заимствование, гайрайго, молодежный сленг.

Based on the study of the collection of neologisms, which was awarded the «Shingo-ryuukougo taishou» Prize in 2001-2011, the present research focuses on the lexical and semantic neologisms which appeared in the Japanese language during last decade. These investigations have specified the main sources of neologisms for the modern Japanese language as related to their English prototypes.

Keywords: neologism, lexical neologism, semantic neologism, gairaigo, language of youth.

Японский язык, как и любой другой язык мира, представляет собой динамичную систему, изменения в которой в определенной степени обусловлены когнитивными и социолингвистическими факторами, переменами в материальной и духовной культуре как отдельного народа, так и всего мира. Лексика языка, как наиболее подвижная его подсистема, быстрее всего реагирует на все происходящее в мире.

Проблема исследования новых лексических единиц не теряет своей актуальности, поскольку процесс пополнения лексического состава языка непрерывен, а в условиях научного и технического прогресса и глобализации интенсивность этого процесса возрастает.

Исследованием неологизмов в японском языке, в частности заимствований из иностранных языков, занимались В. М. Алпатов, О. Врубель, П. И. Шеманаев, С. Козуб.

В Японии широко известны исследования современного японского языка Наоя Ниино, в частности его работы *«Gendai Nihongo ni okeru shinkouchuu no henka no kenkyuu»* («Исследования новообразований в современном японском

© Белянина Т. С., 2012

языке», Токио, 2011), серия докладов *«Shingendai Nihongo ni okeru shingo, shinyougo no kenkyuu»* («Исследование неологизмов в современном японском языке», 2011) и др. Лингвист Хатояма Сэйго известен как автор нескольких японско-русских словарей новейшей лексики. Преподаватель Осакского педагогического университета Иноуэ Хирофуми занимается исследованиями новообразований в молодежной речи, в частности лексических заимствований из иностранных языков, которые обозначаются термином *гайрайго*.

Об интересе к лексическим изменениям в японском языке свидетельствует и учрежденная в 1984 году ежегодная премия *«Shingo-ryuukougo taishou»* («Гран-при неологизмов»). Лексические единицы, получившие гран-при в 2001–2011 годах, послужили основным материалом для нашего исследования.

Вручение этой премии происходит при поддержке издательства Jiyukokuminsha, ежегодно выпускающего словарь *«Gendai yougono kiso chishiki»* («Базовые знания современной лексики»). Кроме печатных изданий, существуют также онлайн-словари неологизмов, база которых мгновенно пополняется по мере появления в японском языке новых слов. Среди таких интернет-справочников наиболее известными являются *«Shingo jiten»* («Словарь неологизмов», http://shingojiten.jimdo.com/), разделы неологизмов на сайтах крупных электронных словарей японского языка «*Yahoo!jiten»* (http://dic.yahoo.co.jp/newword/), *«Goo Jiten»* (http://dictionary. goo.ne.jp/) и др.

Новой лексикой пополняются и толковые словари японского языка при их переиздании. Так, словарь *«Koujien»* (букв. «Большой сад слов») в последнем, 6-м переиздании 2008 года содержит на 10000 слов больше, чем в предыдущем издании 1998 года [6].

Постоянное обновление и пополнение лексического состава японского языка диктует необходимость издания новых двуязычных словарей. Так, одним из новейших является «Японско-русский словарь по компьютерным технологиям и телекоммуникации» [4]. Другой важный лексикографический аспект связан с неологизмами в молодежной речи, которые отражены в издании «Японско-русский и русско-японский словарь современного сленга» [5]. Около 25000 слов содержит «Японско-русский словарь новых слов», изданный в 2008 г.

Цель статьи – рассмотреть некоторые лексические и семантические неологизмы, вошедшие в лексический состав японского языка за последнее десятилетие, а также проследить основные пути возникновения новой лексики в современном японском языке в соотношении с их английскими прототипами.

Общеизвестно, что одна из основных причин возникновения в языке неологизмов – появление новых реалий и понятий, для которых необходимы новые языковые единицы. Часто толчком для появления новых слов становится определенное событие, оказавшее влияние на жизнь целой страны и повлекшее за собой масштабные изменения. Яркой иллюстрацией подобного процесса в японском языке является возникновение неологизмов, тем или иным образом связанных с разрушительным землетрясением и цунами, от которых Япония пострадала в начале 2011 года.

В японских СМИ день стихийного бедствия стал известен как «3/11» (*san-ichi-ichi*) – обозначение даты 11 марта 2011 г. Такое название журналисты создали по аналогии с широко известным «9/11» – датой крупномасштабного теракта в США, который был совершен 11 сентября 2001 года.

Само название трагедии – *Higashi Nihon daishinsai* (Великое восточнояпонское землетрясение) – также можно считать неологизмом. Кроме того, в японском языке появилось сочетание *saigo* («после стихийного бедствия»). Аналогичное слово появилось после Второй мировой войны – *sengo*, букв. «после войны».

Новым понятием стало словосочетание *kitaku nanmin* (или *kitaku konnansha*), которое дословно можно перевести как «люди, которые не могут вернуться домой». Неологизм стал широко употребляться после массовых остановок общественного транспорта из-за землетрясения. В то время около 5 миллионов японцев потеряли возможность добраться домой, в особенно тяжелой ситуации оказались служащие, работающие в других городах.

Во время трагедии новое значение для японской нации приобрело слово *kizuna* – «узы», «связь». Так образовался семантический неологизм. Этим словом стали обозначать взаимопомощь, совместные усилия пострадавших и волонтеров, направленные на ликвидацию последствий землетрясения и цунами. Знаменательно, что слово *kizuna* получило премию как лучший неологизм «*Shingo-ryuukougo taishou»*, а иероглиф, обозначающий это понятие, был избран «Иероглифом года 2011».

В лексических новообразованиях нашли свое отражение и другие последствия землетрясения: отсутствие официальной информации о масштабах трагедии и, как результат, распространение многочисленных слухов. Так, словосочетанием *fuuhyou higai* (букв. «вред, причиненный слухами») стали обозначать ущерб, причиненный экономике Японии, когда страны мира резко снизили объемы импорта японских товаров из-за взрыва на атомной электростанции Фукусима. Неологизм *anzen shinwa* («миф о безопасности») означает замалчивание реального ущерба, причиненного экологии страны в результате взрыва, и создание атмосферы мнимой безопасности. Это же слово употребляли и относительно сомнений в безопасности продуктов и товаров, ввезенных из районов, близких к атомной станции.

Среди новых понятий, которые возникли в то время, были и *shinsai kekkon* («свадьба после землетрясения») и *shinsai rikon* («развод после землетрясения»). В СМИ Японии нашли свое отражение многочисленные истории молодых пар, которые приняли решение о женитьбе именно после землетрясения 2011 года. Многие молодые люди признавались, что трагедия впервые заставила их всерьез задуматься о будущем, в частности о браке. Однако случалось и наоборот: некоторые разочаровывались в собственном супруге, увидев его эгоистичное поведение в момент опасности. Это и становилось поводом для развода многих пар.

Образованное от заимствования из английского языка сообщения *afuta: fo:* (англ. *after four*, «после четырех») получило распространение после того, как в некоторых городах Японии были приняты меры по экономии электроэнергии. Многие фирмы и предприятия сократили рабочий день на час, чтобы вместе с этим сократить и потребление электроэнергии, которой не хватало из-за аварийной работы электростанции. Словосочетание пришло на смену уже существующему *afuta: faibu* – «после пяти».

Наиболее интересным неологизмом из тех, что касаются мартовского стихийного бедствия, является глагол *edaru*, образованный присоединением окончания глагола *-ru* к первому иероглифу *eda* фамилии Эдано Юкио, секретаря Кабинета министров. В первые дни после землетрясения Эдано давал множество интервью с комментариями ситуации, часто пресс-конференции следовали одна за другой, не оставляя секретарю времени на отдых. Новый глагол *edaru* стали широко употреблять в значении «работать без сна и отдыха»: *«Kinou mata edatta ka?»* (Вчера опять работал допоздна?).

Как и в любом другом языке, в японском большой процент неологизмов составляют слова, обозначающие новинки сферы технологии и имеющие узнаваемые английские прототипы. Рассмотрим некоторые новые слова, вошедшие в лексикон японцев за последние несколько лет.

Sumaho (сокращение от *suma: tofon*, англ. *smartphone*) – «смартфон». Этот неологизм-заимствование начал употребляться еще несколько лет назад, однако широко распространился в 2011 году, вместе с ростом популярности смартфонов среди японцев.

Таким же образом вошло в японский язык и слово *taburetto* (англ. *tablet* – «планшет», «планшетный компьютер»). По тому, насколько возросла частота употребления данного слова в средствах массовой информации за последний год, можно судить и о возросшей популярности самой технической новинки.

Множество неологизмов-заимствований имеют отношение к компьютерным технологиям и сети Интернет:

So:sharu media (англ. *social media*) – сайты, в русском языке получившие название «социальных сетей».

Howaito hakka (англ. *white hacker*). «Белыми хакерами» называют специалистов по компьютерным сетям, которые ищут уязвимые места в системах не с целью их взлома, а для устранения недостатков системы безопасности и предотвращения утечки информации. Понятие «белый хакер» существует и в русском языке.

Sekando raifu (англ. *second life*) – «вторая жизнь», т. е. «жизнь» в сети интернет в противовес жизни реальной.

Denshi inkan sisuta:mu – «система цифровой подписи».

Bideo chatto (англ. *video chat*) – «видеочат».

Изучение этого феномена свидетельствует, что по способу номинации новых реалий ведущее место принадлежит лексическому типу неологизмов, в основе которых можно отследить английский прототипичный источник. Похожий процесс происходит в настоящее время и в русском и украинском языках: большинство неологизмов, связанных с технологией и наукой, являются такого типа заимствованиями.

В японском языке нередко заимствованные слова сокращаются или объединяются с исконно японскими лексическими единицами, образовывая так называемые *васэй эйго* – лексические единицы, созданные на основе заимствований. Кроме образования словосочетаний из лексики разных пластов (*гайрайго, ваго, канго*), часто происходит расширение или сужение, а иногда и приобретение нового лексического значения.

В отличие от литературного японского языка, в молодежной речи неологизмы появляются и устаревают значительно быстрее. В молодежной среде широко распространено такое явление как «мода на слова», и лишь немногие из подобных неологизмов со временем входят в постоянный лексический состав языка.

В последнее десятилетие в речи японской молодежи, насколько можно судить по Интернет-сайтам, в частности форумам, а также *манга*, которые автор данной статьи переводил [1], часто употребляются неологизмы-заимствования (*гайрайго*), а также смешанные лексические единицы, образованные слиянием заимствованного и исконно японского слов.

Нередко новые слова создаются по уже существующим в японском языке моделям словообразования, чаще всего способом аффиксации. Одним из наиболее продуктивных способов является образование новых глаголов при помощи окончаний глагола *-suru* или *-ru* [7]. Так было образовано уже рассмотренное нами слово *edaru*. Приведем еще несколько примеров неологизмов, образованных аналогичным способом.

Jamuru (англ. *jam* + окончание *-ru*) – «застревать». Слово образовано от английского *traffic jam* – «транспортная пробка», и изначально имело только значение «застревать в транспортной пробке». Однако со временем значение слова

расширилось, и современной японской молодежью употребляется в различных ситуациях.

Неологизм *okeru* появился в результате сокращения слова *karaoke* и присоединения к нему глагольного окончания. Новое слово имеет значение «ходить в караокэ-бар».

Подобным образом в речи молодежи появились слова *makuru* (ходить в «Макдональдс»), *biniru* (ходить в магазин, от слова *combini* – небольшой магазин, в котором можно купить товары ежедневного потребления), *deniru* (ходить в семейный ресторан сети «Denizu»).

Daburu – «удваивать». Слово созвучно с англ. *double*, однако *-ru* в данном случае является окончанием глагола, которое изменяется в соответствии с грамматическими нормами японского языка: *daburimasu*, *dabutte*, *daburitai* и т. д.

К этой же группе можно отнести: *saboru* – прогуливать занятия или пропускать работу без уважительных причин; *panru* – «кушать хлеб»; *su:suru* – «пить сок»; t*ekuru* – «пользоваться техникой» и т. д.; g*etoru* – от англ. *get*, «получать».

Прилагательные-неологизмы образуются за счет присоединения к заимствованным лексическим единицам показателей *-na* или *-no*: *shokkuna* (англ. *shock*) – «шокирующий»; *bigguna* (англ. *big*) – «большой»; *arupainno* (англ. *Alpine*) – «альпийский»; *sumu:zuna* (англ. *smooth*) – «гладкий»; *komikaruna* (англ. *comic*) – «комический», «смешной»; *pawafuruno* (англ. *powerful*) – «могучий», «энергичный» и др.

Большой интерес для исследования современного японского языка представляют единицы, образованные от японского слова из разряда ваго или канго присоединением суффикса, свойственного иностранным языкам, в частности английского. Одним из наиболее продуктивных является английский суффикс *-tic*, который можно соотнести с японским суффиксом прилагательного *-teki*. Суффикс *-tic* присоединяется и к заимствованным, и к исконно японским лексическим единицам: *yozoratikku* (*yozora* – «ночное небо» + *-tic*); *otometikku* (*otome* – «девушка» + *-tic*); *mangatikku* (*manga* + *-tic*); *kaizoutikku* (*kaizou* – «реконструкция» + *-tic*); *ajiatikku (*англ. *Asia* + *-tic*); *kirakiratikku* (*kirakira* – ономатопоэтическая лексическая единица, означающая «блеск» + *-tic*) и др.

Неологизмы, популярные в молодежной речи, были и среди номинантов на премию «*Shingo-ryuukougo taishou».* Одним из слов, получивших гран-при в 2010 году, стало слово *nau* (англ. now – «сейчас»). В составе словосочетания *-nau* может обозначать «сейчас нахожусь…» или «сейчас делаю…». Например, «*Shibuya nau*» – «Я сейчас в Сибуе»; «*Shukudai nau*» – «Сейчас делаю домашнее задание» и т. д.

В современном японском языке существуют и другие подобные сленговые слова с прозрачными английскими прототипами: *wazu* (англ. *was*), *uiru* (англ. *will*), используемые для обозначения прошедшего и будущего времени соответственно: «*Gakkou wazu*» – «Я был в школе», «*Kouen wiru*» – «Буду в парке».

В том же году среди призеров оказалось словосочетание *fasuto fasshon* (англ. *fast fashion*, «быстрая мода»). По аналогии с *fasuto fuddo*, «быстрой едой», «быстрой модой» стали называть доступную модную одежду для молодежи.

Среди молодежи популярны различные сокращения исконно японских и заимствованных слов. При этом заимствования искажаются настолько, что зачастую бывает нелегко определить, как слово звучало в языке-источнике. Так, например, за последние годы в японском языке появились сокращения: *donmai* – «не обращай внимания», «не волнуйся» (от англ. *don't mind*); *meado* – сокращение от *me:ru adoresu* (англ. *mail address*), «адрес электронной почты»; *naruhaya* – от *narubeku hayaku*, «как можно скорее»; *hyakupa*: – от *hyaku pa:sento*, «100 процентов». Часто используется в значении «наверняка», «абсолютно»; *majito:ku* – ком-

бинация части японского слова *majime* («серьезный») и английского заимствования *to:ku (talk)*. «Серьезный разговор».

В современном мире неологизмы возникают и быстро распространяются благодаря новейшим средствам массовой коммуникации, особенно способствует этому процессу всемирная сеть Интернет. Следует отметить, что некоторые из новых слов, которые изначально использовались только в молодежной среде, принимает и старшее поколение. Например, слово *meado* получило широкое распространение среди пользователей сети Интернет независимо от возраста, как разговорный вариант сочетания *me:ru adoresu*. Полный вариант по-прежнему используется в более официальных ситуациях общения.

Важную роль в распространении новой лексики играют и СМИ, поскольку они активно реагируют на малейшие изменения в обществе: отражают политические, культурные события, социальные и природные катаклизмы в стране и в мире.

В последнее время в японском языке появились новые слова, связанные с феминистским дискурсом, в котором отражаются изменения, произошедшие в образе жизни японских женщин. Так, в 2009 году гран-при *«Shingo-ryuukougo taishou»* получило слово *arafo:* (сокращение от англ. *around fourty*), которое означает одинокую женщину-карьеристку в возрасте около 40 лет. Женщин, которые на первое место ставят успех в карьере, называют также *kyariau:man* (англ. *career woman*). Новыми понятиями являются *sokosokozuma* (женщина, готовая выйти замуж за кого угодно, лишь бы не остаться одинокой), *nitto onna* (женщина, которая носит только вязаные вещи, так как у нее нет времени гладить себе блузки). Этимология и морфология последнего слова прозрачна: от англ. *knit* – «вязать», яп. *onna* – «женщина». Этот гендерный аспект неологизации в японском языке – тема отдельного исследования.

Таким образом, в японском языке в последние десятилетия отмечается интенсивность процессов возникновения неологизмов и многоканальность образования новых лексических единиц.

Библиографические ссылки

1. **Аракава Х.** Стальной алхимик. Книга 1 / Хирому Аракава [перевод Т. Беляниной]. – М. : Эксмо, 2012. – 192 с.
2. **Врубель О.** «Васейейго» як феномен запозиченої лексики у японській мові / О. Врубель // Мовні і концептуальні картини світу. – К. : Вид. КНУ ім. Т. Шевченка. – 2009. – Вип. 27. – С. 18–20.
3. **Козуб С.** Категорія нового в лексико-семантичній системі японської мови / С. Козуб // Вісник КНУ ім. Т. Шевченка. Східні мови та літератури. – 2007. – № 12. – С. 30–32.
4. **Кун О. Н.** Японско-русский словарь по компьютерным технологиям и телекоммуникации / О. Н. Кун, Сэйго Хатояма. – М. : АСТ : Восток-Запад, 2007. – 475 с.
5. **Хатояма С.** Японско-русский и русско-японский словарь современного сленга / С. Хатояма. – М. : АСТ : Восток-Запад, 2008. – 96 с.
6. 公辞苑 。 第五版。 – 東京：岩波書店、１９９８ .– ２４４８頁。
7. 井上博文. 若者言葉の中の外来語 [電子起源] – アクセスモード– Режим доступа : http://www.osaka-kyoiku.ac.jp/~inoue/hougen.index/kyanpasukotoba/16gairaigo.htm.

Надійшла до редколегії 16.02.12

УДК 811.161.2'38

Н. М. Блинова

Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара

ТИПОЛОГІЯ СОЦІОКУЛЬТУРНОЇ МЕТАФОРИ У ПУБЛІЦИСТИЦІ ІВАНА ФРАНКА

Розглянуто соціокультурну метафору, вживану І. Франком у публіцистичних статтях 1878–1907 рр., запропоновано типологію соціокультурної метафори, визначено її функціонально-стилістичні особливості та роль у створенні образної палітри Франкового тексту.

Ключові слова: соціокультурна метафора, модель метафоричного перенесення, контамінація моделей перенесення, стилістична функція тропів.

Рассмотрена социокультурная метафора, употребляемая Иваном Франко в публицистических статьях 1878–1907 гг., предложена типология социокультурной метафоры, определены её функционально-стилистические особенности и роль в создании образной палитры текстов И. Франко.

Ключевые слова: социокультурная метафора, модель метафорического перенесения, контаминация моделей перенесения, стилистическая функция тропов.

The article considers sociocultural metaphor in publicistic texts by Ivan Franko (1878–1907). The typology of anthropomorphic and sociocultural metaphor is created, its functional and stylistic peculiarities, its role in making the figurative palette of I. Franko's text are defined.

Keywords: a lexical unit, a metaphor, sociocultural metaphor, transformational model, metaphoric transformation, semantic stratification, contamination, stylistic function of the trope.

Образність публіцистичного слова у Франка відзначається високою експресивністю, найтоншими асоціативними зв'язками. Індивідуальність процесу відбору виражальних засобів виявляється як природна якість таланту художника.

Мова публіцистики митця активно досліджувалася, проте зустрічаємо лише поодинокі студії, що стосуються дослідження метафори у публіцистиці І. Франка [напр.: 1–3; 5–7]. Науковці сходяться на думці, що провідним словесно-образним засобом Франка-публіциста є метафора, яка має здатність передавати різноманітні предмети і явища, не прив'язана до одного поняття і може виступати самостійно чи відноситися до логічної операції в цілому. Часто одна метафора приходить на зміну іншій, трансформується в неї. В основі вживаних Франком персоніфікацій – не випадкова чуттєва асоціація, а передусім думка.

Таким чином, ***об'єктом статті*** є публіцистичні тексти І. Франка (1878–1907 рр.), ***предмет*** її становить соціокультурна метафора, вживана автором у публіцистичних статтях досліджуваного періоду. ***Метою роботи є***: виокремити у публіцистиці І. Франка (1878–1907 рр.) соціокультурну метафору, укласти її типологію, визначити функціонально-стилістичні особливості та роль у створенні образної палітри тексту.

Метафору розглядаємо як тропеїчну одиницю субстантивного або вербального характеру, що полягає у вживанні слів і виразів у переносному значенні на основі схожості, аналогій тощо й організує семантичну двоплановість, внаслідок якої виникає імпліцитне значення, яке виводиться з контексту, здатного прийняти семантичну модифікацію первинного значення у вторинне. Метафоричні перенесення групуються у певні класи, що утворюють ієрархічну систему, залежно від системи семантичних категорій, до яких належать ліві й праві частини метафоричних відповідностей.

© Блинова Н. М., 2012

Для лексичної метафори характерне зіставлення слів з різних тематичних груп, тоді як у граматиці перенесення обмежене однією парадигмою. Відносно лексичної метафори існує проблема «образної дистанції»: чим далі один від одного ті «семантичні поля», які метафорично зіставляються, тим яскравіша, сміливіша метафора.

Закономірною є пропорція: розгалужене компонування метафори несе більшу інформативність. Це має важливе значення при створенні індивідуально-авторських метафор, які у певній мовленнєвій ситуації повинні виконувати конкретні завдання впливу на реципієнта в різноманітних функціях: 1) індикативній (власне називній); 2) образній (евалюативній); 3) експресивно-оцінній; 4) організаційній; 5) естетичній; 6) когнітивній.

Індивідуально-авторські та загальномовні метафори, які вживаються в публіцистичному стилі, мають спільні й відмінні риси. Перші є продуктом творчості майстра слова, інші давно втратили зв'язок з першоджерелом, скам'яніли і закрепились у словниках. Індивідуально-авторська метафора народжується спонтанно у публіцистичному тексті, відкриває читачеві нову семантику слова і водночас знайомить його з авторським соціокультурним досвідом, спостережливістю та індивідуальним світосприйняттям.

У час активної публіцистичної діяльності Івана Франка Галичина переживала період становлення й розвитку капіталізму. Сам будучи одним з найактивніших суспільних діячів краю, митець гостро відчував ті процеси, що відбувалися, пропускав факти життя через свою свідомість, надаючи їм власної інтелектуальної інтерпретації. Тому і Франкові публіцистичні тексти стосуються кількох тем:

1. Твори, в яких розглядається вчення К. Маркса і розкривається програма радикальної партії, членом якої був І. Франко. Сюди належать такі роботи: «З листа до Ольги Рошкевич» (1878), «Наука і її взаємини з працюючими класами» (1878), «Що таке соціалізм» (1878), «Про працю» (1881), «Чого хоче «Галицька робітницька громада?» (1881), «Чи вертатись нам назад до народу?» (1881), «Програма галицьких соціалістів» (1881), «Мислі о еволюції в історії людськості» (1881–1882), «А. Фаресов. Народники и марксисты» (1889).

2. Статті, предметом розгляду яких є соціальна роль інтелігенції, взаємини з народом та обов'язки перед народом. Це такі роботи як: «Критичні письма о галицькій інтелігенції» (1878), «Чи вертатись нам назад до народу» (1881), «Наш погляд на польське питання» (1883), «Зміна системи» (1896).

3. Роботи, в яких основну увагу приділено національному питанню, польсько-українським взаєминам і можливості автономного устрою України. Сюди належать: «Дещо про польсько-українські відносини. Відповідь п. Т. Романовичу на статтю «Хатні справи українців» (1895), «Українські партії в Галичині» (1886), «Поза межами можливого» (1900), «Подуви весни в Росії» (1904), «Одвертий лист до галицької української молодіжі» (1905), «Ідеї» й «ідеали» галицької москвофільської молодіжі» (1905), «Суспільно-політичні погляди М. Драгоманова» (1906), «Свобода і автономія» (1907).

Хронологічно перша тематична група обіймає період приблизно 1878–1882 рр., друга і третя – 1883–1907 рр. Така періодизація є досить умовною, оскільки у певний період трапляється розгляд тем і надається трактування того періоду, в який було написано дану статтю. Тобто у певний період І. Франко надавав перевагу якомусь нагальному для суспільного життя Галичини питанню, але водночас обмірковував й інші, які були підказані історично-життєвими реаліями часу, про що свідчать створені ним публіцистичні тексти.

У публіцистиці досліджуваного періоду моделі соціокультурної метафори виявляються в типах історичної метафори, метафори освіти й літератури, метафо-

ри, що характеризує інтелігенцію, суспільний прогрес, етичної метафори та метафори, що характеризує релігійні й наукові справи.

Історична метафора виявляється у таких моделях метафоричного перенесення: служник → пан, стан суспільства і його суспільних прошарків → сон (*інтелігенція, яку миколаївський режим силкувався держати в глибокім сні і застою*), тварина → людина (*в родиннім житті замість безладного і зовсім звіряч ого панування*), справжність намірів → видимість, лицемірство з метою визискування (*се тільки емблема…, параван, за яким витворяється генеральне обдирання*), історія → жива істота, здатна до самостійних дій, художній твір, що відзначається широтою охоплення подій і глибиною проникнення в дійсність, → суспільні події, рабство як суспільний лад → соціальна залежність (*незалежність політична взагалі нічого не значить порівняно з внутрішнім соціальним рабством*), минулі часи → райське існування (*первісна рівність зовсім не була таким раєм*), жива істота, наділена здатністю діяти, → природа, боротьба за існування (*природа… не знає жалю, ані чутливості. Вона посвячує міліони осібників на те, аби удержати при житті якусь вищу форму*), ріка → соціалістичний рух (*соціалістичних рух охопив своєю течією*), людина як істота, здатна до дій, → революція (*всесвітня революція рознесе теперішній порядок*), суспільне становище → положення тіла (*більшість нашої нації лежала безсильна, закнебльована*), дія конкретна → дія абстрактна (вербальна метафора), антропоморфічна метафора + стерта метафора моделі «дія конкретна – дія абстрактна» (*висліди антропологічні показують; характер ручних знарядів; розділ на верстви і касти*), рух ноги → початок змін у суспільстві (*перші кроки гладження життя родинного, громадського, племенного*), опора фізична → моральна і матеріальна основа певних дій (*вирізнення окремого вояцького стану дає їм до того сильну опору*).

Метафора **освіти** виявляється у моделях: рівень освітлення – рівень освіченості (*люди темні; кромішня темнота в сфері духовного життя*), жива істота, здатна до дій, → школа як освітня установа (*школа розвивала всі спосібності…, виводила вчених, розумних і розвинених робітників*).

Метафора, що стосується **інтелігенції** як суспільного прошарку, виявляється у таких моделях: суспільний прошарок → людина, що має психічний розлад, + суспільний прошарок → людина, що чинить насильство, утиски, здирство і т. ін. щодо кого-небудь (*інтелігентні галичани… то раз шайка божевільних, а другий раз – чисті кандидати на розбійників і душогубців*), рівень шуму → суспільний резонанс (*не занедбаю ударити по них у великий дзвін*), сліпота як фізична вада → відсутність тверезого погляду на стан речей (*інтелігенція… зве себе «народом»*), думка → суд (*суд Наумовича про галицьку інтелігенцію*), напрям руху → суспільний прогрес (*що робити інтелігенції, котра не хоче повертати назад?*).

Метафора, що характеризує прогрес: віз як предмет пересування → суспільна роль науки (*наука була б п'ятим колесом у возі людського поступу*); суспільний прогрес → хвилеподібний рух (*поступ не йде рівно, а якось хвилями*), суспільний прогрес → явище природи (*поступ іде, мов буря*), рослина → суспільний прогрес, багаття → джерело, місце, звідки що-небудь поширюється; центр, зосередження чого-небудь → прогрес (*огнища поступу*), дорога як смуга землі, по якій ходять і їздять → суспільний прогрес (*люди ідуть наперед, знаходять по дорозі все щось нового*), лікарські препарати → суспільний прогрес (*заведення повної спільності – все се такі панацеї, яких не зварить і не приготує ніякий аптекар*), напрям руху → суспільний прогрес.

Етична метафора: авторська метафора моделі «справжність / несправжність етичної категорії, доцільність її існування для природного розвитку суспільства» (*Милосердіє для слабих… се властиво фальшиве чуття*), модель шляхетної

поведінки → ступінь зрілості овоча (*побачив в її поведінці той самий гнилий… аристократизм*), дорога → система ідеологічних поглядів, стерта метафора моделі «дія конкретна → дія абстрактна», що являє собою ремінісцейований біблійний вираз (*кидають каміння осуду або навіть брехні та наклепів*), просторовий вимір → етична категорія (*вище від сього егоїстично-матеріалістичного погляду*).

Метафора **літератури**: культурний набуток народу → скарбниця (*наповняючи здобутками свого духу спільну всеросійську скарбницю*), літературний твір → будівля (*«Кавказ» побудований*), фізіологічні процеси зруйнованості або зіпсованості гниттям → суспільство (*Гнила суспільність не видасть здорових та сміливих заступників, списателів, поетів*), літературна творчість → сільськогосподарська діяльність (*літературний леміш іде чимраз глибше у суспільність, піднімає вгору чимраз нижні верстви, що досі для літературної творчості були справжньою цілиною*), ґрунт як наділ, ділянка землі → його питомність для певного літературного напряму (*декадентизм тут може бути хвилевою модою… неприложною до свого ґрунту*), здатність живої істоти втікати → література + птах → журнал (*українська література… втікає під крила журналів*), жива істота, що потребує живлення, → література (*українську літературу живлять*), здатність людини говорити → книга (*попитувати за такими книжками, де була б розказана їм вся правда*), здатність людини виконувати дії → стан суспільної несвободи (*неволя робить шкідливий, деморалізуючий і вбійчий вплив*), здатність людини до дій → книга, одиниця виміру простору → літературна творчість, просторова характеристика предмета → література (*писательська творчість… безмірно ширша, многостороння і трудна*), літературний напрям → його продуктивність, значення для світової літератури (*не видала нічого такого, що би казало надіятися з неї якогось нового звороту в літературі*).

Метафора, що характеризує **релігійну сферу** передбачає моделі: авторитет → смерть (*їх моральна власть і повага давно вже і безповоротно лежала в гробі*); гніздо → місце зосередженості (*головне гніздо католицизму*), здатність кислоти роз'їдати речовину → історичні події + міра наповненості → звук + перифраз + оксиморон (*події, роз'їдавші й роз'їдаючі слов'янську родину…се тільки снарядження пустих звуків без значення і змісту, се «красна видумка» вроді білого вугляра або печеного льоду*), здатність людини наносити удари → століття (*удари наніс тому колись всевладному католицизмові*), фізична дія → моральний удар, що спричиняє занепад, рівень освітленості приміщення → рівень зрозумілості (*важна обставина кидає ярке світло*), поняття патріотизму → його межі (*український патріотизм, що виходить за рамки греко-католицького обряду*), моральні категорії → процес зникання і потопання (*совість, моральність, релігія тонули і щезали зовсім в мраці*).

Метафора **науки** виявляється у моделях: здатність людини стежити за розвитком певних подій → наука (*наук соціологічних, котрі слідять розвиток*), людина, її здатність мати стосунки з чимось → наука (*наука не має нічого спільного*), здатність людини до пізнання → наука (*наука повинна….вчити нас пізнавати закони природи і вчити користувати з тих законів*), здатність людини мати мету → наука (*її мета – з'єднати в собі й ощасливити всіх людей*).

Дослідивши соціокультурну метафору в публіцистиці І. Франка, можемо, услід за Л. М. Полюгою [4] та О. А. Сербенською, говорити не про окрему метафору, а про метафоричну побудову (Л. М. Полюга), метафоричний комплекс (О. А. Сербенська), що передбачає дослідницьку орієнтацію і на мікро-, і на макроконтекст. Функціонування метафори у публіцистичних творах І. Франка виявляє особливості формальної та змістовної інтерпретації стилістичного вибору. Лексема в сукупності образних можливостей, що містяться у ній і випливають із

полісемічної системи конкретного слова, – основний відправний елемент створення перенесення. Система тропів у публіцистичному творі визначається тенденцією розвитку імпліцитного значення слова у всій творчості письменника з використанням схематичних основ їх реалізації. Спосіб використання метафори інколи безпосередньо не усвідомлюється її творцем і виноситься за межі свідомості. Це процес об'єктивний, оскільки письменник-публіцист використовує знакові одиниці вже у кодифікованому вигляді. Метафора у публіцистиці І. Франка має свою специфіку за різноманітними параметрами структурного включення у мовну тканину. У публіцистичному тексті метафора виконує своє призначення щодо передачі авторських асоціацій, світобачення письменника-публіциста. В особливо важливих і суттєвих для розуміння ідеї твору випадках спостерігається контамінація моделей метафоричного перенесення. Взаємодія структурних компонентів метафоричних комплексів створює систему тропотворення у публіцистичних текстах І. Франка. Тропеїчна система досліджених публіцистичних творів письменника має свої особливості, загальні та окремі функції, закономірності. Метафора – органічний структурний компонент організації публіцистичного тексту. У публіцистичних творах письменника метафора жива та виразна, яскраво відбиває прагматичний бік висловлювання, завжди виявляє оцінку. Найбільш продуктивно виражають світ письменника та його образне мислення контаміновані метафоричні конструкції. Найбільш уживаною у публіцистиці І. Франка, як свідчить дослідження, є антропоморфічна, суспільно-політична та соціокультурна метафора. Вивчення мови публіцистичних творів І. Франка, одного з фундаторів української літературної мови, зумовлене необхідністю подальшого дослідження його індивідуально-авторського стилю, позначеного неповторним національним колоритом і багатою тропеїзацією, а також потребою проаналізувати троп як значущий структурний компонент публіцистичної мови.

Бібліографічні посилання

1. **Ковальчук Л. А.** Ідейно-тематичні перегуки поезії і публіцистики І. Франка періоду першої російської революції / Л. А. Ковальчук // Укр. літературознавство. – Вип. 44. – Львів, 1985. – С. 63–69.
2. **Ковальчук Л. А.** Образность публицистики Ивана Франко (на материале произведений периода первой русской революции 1905–07 гг.) : автореф. дис… канд. филол. наук : спец. 10.01.03 / Л. А. Ковальчук. – Одесса, 1983. – 16 с.
3. **Ковальчук Л. А.** Про деякі засоби поетики в публіцистиці Івана Франка / Л. А. Ковальчук // Укр. літературознавство. – Вип. 38. – Львів : Вид-во Львів. держ. ун-ту, 1982. – С. 100–105.
4. **Полюга Л. М.** Слово у поетичній творчості І. Франка / Л. М. Полюга. – К. : Наук. думка, 1977. – 168 с.
5. **Сербенська О. А.** Журналістська творчість у концепції І. Франка / О. А. Сербенська // Укр. літературознавство. – Вип. 52. – Львів : Вид-во Львів. держ. ун-ту, 1989. – С. 75–80.
6. **Сербенська О.** Політична метафора в наукових текстах Івана Франка / О. Сербенська // Іван Франко – письменник, мислитель, громадянин : матер. Міжнар. наук. конф. – Львів, 1998. – С. 646–651.
7. **Сербенська О. А.** Роль Івана Франка в становленні і розвитку газетно-публіцистичного стилю української мови / О. А. Сербенська // Іван Франко і світова культура : матер. міжнар. симпозіуму ЮНЕСКО (Львів, 11–15 вересня 1986 р.). – Кн. 2. – К., 1990. – С. 221–225.

Список використаних джерел

Франко І. Я. Дещо про себе самого // Іван Франко. Літературно-критичні статті. – К. : Держ. вид-во худ. літ-ри, 1950. – С. 215–220.
Франко І. Я. Зібрання творів : у 50-ти т. / Іван Франко. – К. : Наук. думка, 1980–1986.
– Т. 26. – К. : Наук. думка, 1980. – С. 74–93.
– Т. 27. – К. : Наук. думка, 1980. – С. 355–365.
– Т. 45. – К. : Наук. думка, 1986. – С. 24–41, 44–56, 76–165, 204–221, 272–285, 300–464.
– Т. 46, кн.1 – К. : Наук. думка, 1986. – С. 66–78.
– Т. 46, кн. 2. – К. : Наук. думка, 1986. – С. 258–280, 302–316.
– Т. 48. – К. : Наук. думка, 1986. – С. 109–119.
Франко І. Я. Українські партії в Галичині // Іван Франко. Вибрані суспільно-політичні і філософські твори. – К. : Держ. вид-во політ. літ. УРСР, 1956. – С. 286–307.

Надійшла до редколегії 10.11.11

УДК 811.161.2'373.23

Н. Ю. Булава

Донецький національний університет економіки і торгівлі імені Михайла Туган-Барановського

СПЕЦИФІКА ВІДАПЕЛЯТИВНИХ ПРІЗВИЩ СУБСТАНТИВНОГО ТИПУ В АНТРОПОНІМІКОНІ ПІВНІЧНОЇ ДОНЕЧЧИНИ

Проаналізовано українські прізвища північної Донеччнии, утворені шляхом ономатизації; встановлено кількісні характеристики цих прізвищ, визначено найпоширеніші словотвірні різновиди відапелятивних прізвищ іменникового типу, виокремлено та проаналізовано семантику найчастотніших суфіксів, наявних в антропоосновах північної Донеччини.
Ключові слова: апелятив, прізвище, антропооснова, суфікс, субстантивний, іменник.

Проанализированы украинские фамилии северных районов Донецкой области, образованные путем ономатизации; установлены количественные характеристики этих фамилий, определены наиболее распространенные разновидности отапеллятивных фамилий именного типа, выделена и проанализирована семантика наиболее частотных суффиксов, имеющихся в антропоосновах северных районов Донецкой области,
Ключевые слова: апеллятив, фамилия, антропооснова, суффикс, субстантированный, существительное.

The article gives analysis of the Ukrainian surnames formed from nouns, quantitative characteristics of these surnames are stated; the most widely spread word-forming types of appellative noun-like surnames are defined; it describes semantics of the most frequent suffixes traced in anthroponymic stems of Northern parts of Donetsk region.
Keywords: appellative, surname, anthroponymic stem, suffix, substantivezad, noun.

Відапелятивні прізвища в кожній мові є важливим елементом загальномовної та історико-культурної спадщини народу. Дослідження цих антропооснов необхідне, оскільки прізвища є своєрідними пам'ятками історії народу, свідченням певної епохи, вони здатні зберігати лексеми будь-якого історичного періоду.

Як специфічний клас лексики, найбільш тісно пов'язаний із життям людини, відапелятивні прізвища ілюструють різноманітні аспекти життя народу й ото-

© Булава Н. Ю., 2012

чуючих його реалій – побут, заняття, сімейний стан, фізичні та психічні ознаки, соціальну організацію, тваринний і рослинний світ тощо.

При дослідженні апелятивної лексики, відображеної в основах прізвищ, аналізуємо етимологічне значення тих слів, що послугували твірною базою для антропонімів, оскільки чітко встановити мотиви виникнення антропонімів сьогодні неможливо. Прізвища здебільшого є результатом багатоетапного процесу творення. Проте шляхи переходу апелятивів у прізвища теж неоднакові. Порівняємо: апелятив *батрак* – прізвисько *Батрак* – прізвище *Батрак*; в інших випадках цей шлях міг бути довшим: апелятив *волос* – прізвисько *Волос* – прізвисько *Волосюк* – прізвище *Волосюк* тощо.

Питання словотвору прізвищ привертає увагу широкого кола дослідників, про що свідчить значна кількість наукових робіт, виконаних на матеріалі різних мов, у тому числі й української. Одні вчені аналізують усю словотвірну систему антропонімів української мови (Ю. К. Редько), інші – об'єктом вивчення обирають прізвища окремих регіонів (Б. Б. Близнюк, Г. Є. Бучко, Л. О. Кравченко, Т. Д. Космакова, С. Є. Панцьо, Г. Д. Панчук, П. П. Чучка, С. В. Шеремета, Ю. М. Новикова, Р. М. Падалка та ін.), а деякі – досліджують характерні словотвірні процеси антропонімії й розглядають питання, пов'язані з походженням антропонімічних суфіксів (Л. Л. Гумецька, І. М. Желєзняк, Ю. О. Карпенко, Л. Т. Масенко, В. В. Німчук, А. М. Поповський, Г. В. Семеренко, І. Д. Сухомлин, О. Б. Ткаченко та ін.).

Необхідність дослідження антропонімікону північної Донеччини зумовлено потребою детально проаналізувати своєрідність апелятивів-іменників, відбитих у прізвищевих феноменах цього регіону. Прізвища північної Донеччини не були предметом спеціального ономастичного вивчення, тому ці антропооснови необхідно дослідити з погляду збереження в їх складі рідковживаних лексем, а також із погляду відповідної словотвірної специфіки, оскільки у твірних основах наявні не лише активні, а й давні словотворчі елементи. Результати нашого дослідження виявляють регіональну специфіку цієї території й доповнюють загальну картину антропонімікону східної України. Необхідність всебічного й комплексного аналізу прізвищ цього географічного регіону зумовлює актуальність обраної теми.

Об'єктом нашого дослідження є сучасні українські прізвища північної Донеччини. Метою роботи є ретельний аналіз прізвищ, ідентичних апелятивам-іменникам. Поставлена мета передбачає вирішення таких завдань: здійснити кількісний аналіз прізвищ, співвідносних із апелятивами-іменниками; виявити структурно-словотвірні варіанти, відбиті в антропоосновах; виокремити найчастотніші апелятиви, збережені в основах прізвищ.

В антропоніміконі північної Донеччини прізвища, утворені семантичним, або лексико-семантичним, способом, або, за сучасною термінологією, шляхом ономатизації, тобто переходу загальних назв через зміну функції до розряду прізвищ, займають значне місце. Особливістю цих прізвищ є те, що вони утворені без допомоги спеціальних формантів. Останні, якщо вони є у складі антропоніма, входять до структури прізвищ не як твірні елементи, а як сегмент похідної основи.

Прізвища, утворені семантичним способом, надзвичайно поширені на території всієї України [1, с. 15; 4, с. 9; 6; 7; 8, с. 88; 268, с. 23; 13 та ін.]. За підрахунками Ю. К. Редька, у Донецькій області вони складають 18,20 % [10, с. 200], а дослідження В. Д. Познанської засвідчили, що їх зафіксовано 25,60 % [9, с. 13]. Наші матеріали дають змогу уточнити дані цих дослідників. Загальна кількість таких прізвищ у нашій картотеці – 5071 (що становить 44 % від загальної кількості всього фактичного матеріалу).

Кількісні характеристики цих прізвищ залежать від того, які саме антропоосновивважати семантичними утвореннями. Можна виокремити три проблемні моменти у визначенні кількості прізвищ, утворених лексико-семантичним способом: наявність неоднозначних тлумачень прізвищ, оформлених поліфункціональними суфіксами, різноманітні етимологічні пояснення антропооснови, визначення способу творення відапелятивних прізвищ ад'єктивного типу, аналіз прізвищ-композитів із погляду словотвору.

Одна з найголовніших причин визначення кількісних показників прізвищ, утворених лексико-семантичним способом, – це велика кількість неоднозначних утворень, суфікси яких можна вважати демінутивними чи патронімічними, а відповідно їх можна тлумачити і як семантичні, і як морфологічні утворення [13, с. 523], наприклад: *Василина* (9) < Василь+ина чи Василина, *Климан* (2) < Клим+ан чи Климан, *Зінець* (3) < Зінь+ець чи Зінець.

Другою причиною, на думку П. П. Чучки, є те, що не завжди чітко можна встановити походження твірних основ конкретних прізвищ (наприклад, прізвище *Гріга* може мотивуватися місцевим варіантом імені чи прізвищем іншомовного походження (пор. рум. ім'я Griga) [13, с. 523].

Відсоток прізвищ, утворених семантичним способом, залежить також і від того, як аналізувати відапелятивні прізвища ад'єктивного типу. Деякі дослідники уналежнюють їх до морфолого-синтаксичного способу на тій підставі, що у процесі переходу прикметників до розряду іменників відбувається їх повна або часткова субстантивація [5, с. 124–133]. На думку Т. Б. Лукінової, семантичним шляхом виникли лише деякі прізвища на зразок *Кошовий*, оскільки відповідний прикметник субстантивувався раніше, ніж ця лексема закріпилась як власне ім'я [5, с. 126]. Проте, зауважує П. П. Чучка, часткова та навіть повна субстантивація прізвищ-прикметників, очевидно, не може бути достатньою підставою для виокремлення їх у певний структурний спосіб творення прізвищ. Не субстантивація була вирішальним моментом у виникненні прізвищ прикметникового зразка (*Бережний*, *Гладкий*, *Черговий*). Якісні та відносні прикметники стали власними назвами, у тому числі й прізвищами, не тому, що вони субстантивувалися, а тому, що із втратою лексичного значення вони переосмислилися і змінили свою номінативну функцію [13, с. 523].

Кількість прізвищ, утворених семантичним шляхом, залежить також від того, як аналізувати прізвища-композити (наприклад, *Лихопуд*, *Рідкокаша*). Більшість дослідників, досліджуючи прізвища в синхронному аспекті, уналежнюють їх до синтаксично-морфологічного способу [2, с. 18–23; 10, с. 24]. На думку Ю. К. Редька, цим способом утворені прізвища, мотивовані складними іменами (наприклад, Будимир, Людмила) та складними апелятивами на зразок гречкосій, дармоїд [10, с. 174]. В. Д. Познанська вважає, що ці прізвища є семантичними утвореннями, оскільки переважна їх кількість відома як апелятиви чи прізвиська, а до мікросистеми прізвищ складні апелятиви та прізвиська потрапили шляхом трансономатизації й ономатизації [8, с. 94; 9; 13, с. 554–555].

Слід зауважити, що досі у вітчизняній антропоніміці не вироблено єдиної методики аналізу прізвищ, утворених семантичним способом. На думку І. І. Ковалика, «при вивченні слів, утворених семантичним способом творення, нема потреби виявляти морфемний склад аналізованого слова, оскільки це знаходиться за межами словотвірної характеристики і стосується вже морфологічної (або швидше морфемної) характеристики» [3, с. 51]. Беручи це до уваги, деякі ономасти аналізують такі прізвища з позицій семантики твірних основ, оскільки для науки першочергове значення має виявлення семантичних полів і ступінь їх участі у творенні прізвищ [10, с. 96–101].

Цей принцип аналізу прізвищ має й своїх опонентів. Наприклад, Я. С. Бистронь, який виступає проти класифікації прізвищ за семантикою основ, зауважує, що «в ній немає проблеми і предмета для дослідження» [15, с. 6–10]. З таким поглядом не всі дослідники погоджуються, оскільки виявлення лексико-семантичних груп, від яких утворилися прізвища, має велике значення для вивчення принципів номінації і в конкретних мовах, і в компаративному плані [4; 9; 13]. Інші дослідники, описуючи прізвища семантичного способу творення, враховують специфіку словотвору прізвищ, оскільки для науки цікавим є вивчення структури тих слів, які згодом ставали прізвищами [13, с. 525].

На думку П. П. Чучки, словотворчий аналіз прізвищ, утворених семантичним способом, не повинен суттєво відрізнятися від словотворчого аналізу інших слів (апелятивів, топонімів), утворених у такий же спосіб. Його першочерговим завданням є встановлення тієї функції аналізованого слова, яку воно виконувало, поки не стало спадковим антропонімом [13, с. 525], а отже, обидва підходи до аналізу прізвищ (семантичний і структурний) правомірні, оскільки для антропоніміки важливе вивчення і форми, і змісту слів, що стали індивідуальними прізвиськами, а пізніше й прізвищами [9]. Тому в нашій роботі звернено увагу і на морфологічну структуру прізвищ.

Основою для виникнення прізвищ, утворених семантичним шляхом, послугували особові імена, топоніми та апелятиви. Залежно від того, слова яких лексико-граматичних груп підлягали антропонімізації, пропонуємо виокремлювати антропонімічні субстантиви та антропонімічні ад'єктиви.

До антропонімічних субстантивів уналежнюємо всі прізвища, утворені семантичним способом від особових імен, топонімів та апелятивів-іменників, що мають форму іменників. Залежно від того, онімна чи апелятивна назва переходила до мікросистеми прізвищ, серед усіх антропонімічних субстантивів виокремлюємо три групи:

1. Прізвища, ідентичні особовим іменам.
2. Прізвища, ідентичні топонімам-іменникам.
3. Прізвища, ідентичні апелятивам-іменникам.

Прізвища, утворені шляхом ономатизації іменникової апелятивної лексики, займають в антропоніміконі північної Донеччини значне місце. Їх зафіксовано 2128 (18,3 % від загальної кількості всього фактичного матеріалу).

Прізвища цього зразка дуже різноманітні за семантикою і структурою основ. Головну увагу в цьому розділі зосереджено на структурній характеристиці прізвищ.

До мікросистеми прізвищ переходили похідні, непохідні та складні апелятивні лексеми. У межах цієї групи прізвищ неактуальні граматичні категорії роду, числа та відмінка. Категорія роду належить до найхарактерніших категорій української мови, яка, крім іменника, поширюється на прикметник, дієслово, окремі функціональні вияви займенника, окремі числівники. Основною сферою вияву категорії роду є іменник.

На відміну від іменників, прізвища не мають категорії роду, хоч їм і властива родова форма, зумовлена не лише граматичними, але й екстраграматичними явищами – залежить від статі особи (*Микола Іванчук* і *Валентина Іванчук*).

Прізвища, мотивовані непохідними іменниками, представлені всіма родами – **чоловічим** (354): *Буряк* (12), *Гай* (1), *Грек* (24), *Жук* (23), *Зуб* (3), *Каплун* (4), *Комар* (1), *Кулак* (2), *Кущ* (3), *Мороз* (85), *Мушкет* (1), *Ніс* (2), *Пиріг* (3), *Розум* (1), *Солод* (1), *Сук* (4), *Хвіст* (1), *Холод* (19), *Цап* (5), *Череп* (1), *Чуб* (8), *Шик* (1), *Ячмінь* (12), **жіночим** (310): *Бандура* (15), *Біда* (1), *Блоха* (1), *Бульба* (2), *Верба* (13), *Губа* (39), *Доля* (2), *Дуда* (2), *Журба* (28), *Капуста* (24), *Нога* (1), *Половина*

(1), *Ріпа* (3), *Рубаха* (1), *Скиба* (73), *Цибуля* (2), *Шабля* (48), *Ялина* (1), **середнім** (15): *Багно* (1), *Горло* (1), *Коліно* (2), *Лихо* (1), *Шило* (5), **спільним** (5): *Мазепа* (4) < мазепа ‘брудна та неохайна людина’ [12, с. 232], *Рева* (7), *Сирота* (6), *Скнара* (2), *Шульга* (24). Отже, порівняльний аналіз виявив, що в антропоніміконі північної Донеччини у межах прізвищ, ідентичних апелятивам-іменникам, переважають антропооснови чоловічого роду, що засвідчує вищий ступінь антропонімізації цього роду.

Категорія числа – це єдність та протиставлення граматичного значення однини і граматичного значення множини. Вияв множинності в антропонімах відбувається тоді, коли вони слугують для найменування конкретних денотатів, або коли ці антропоніми не ідентифікують конкретних денотатів, а набувають понятійних ознак. В антропоніміконі північної Донеччини актуальною є лише форма однини. В. О. Горпинич стверджує, що відсутність семантичної ознаки обчислювання спричинила відсутність повноцінної семантико-граматичної категорії числа у прізвищ, які мають лише форму числа – однини чи множини, тобто не змінюються за числами.

Переважна кількість прізвищ-іменників має форму називного відмінка, яка виконувала номінативну функцію.

В антропоніміконі північної Донеччини зафіксовано також прізвища, утворені шляхом ономатизації похідних апелятивів (їх у нашій картотеці – 547). Суфікси, наявні у складі цих антропооснов, надзвичайно різноманітні за значенням і матеріальним вираженням. Найбільш поширені у прізвищах суфікси на позначення особи. Серед них переважають форманти з агентивним значенням (**-ик, -ник, -ар, -ач, -ець, -ій, -ак, -к(а), -ук/-’ук**, **-чук, -ух, -аль, -аш, -ай, -ур-а, -уш, -ан, -иш**) [9, с. 98]:

-ик, -ник (180): *Баштанник* (1), *Бражник* (5), *Винник* (11), *Гутник* (21), *Дворник* (12), *Десятник* (7), *Дудник* (72), *Калашник* (38), *Килимник* (1), *Ключник* (1), *Лісник* (11), *Олійник* (114), *Пасічник* (16), *Сотник* (27), *Стадник* (14), *Телятник* (1), *Шапошник* (12),

-ар (165): *Бондар* (61), *Дегтяр* (14), *Золотар* (5), *Кобзар* (37), *Кожухар* (1), *Котляр* (29), *Кочмар* (1), *Коцар* (9), *Кухар* (1), *Медар* (1), *Муляр* (4), *Пушкар* (4), *Решетар* (1), *Ситар* (1), *Соляр* (3), *Токар* (6), *Шинкар* (4), *Школяр* (6);

-ач (130): *Дергач* (5), *Ковач* (5), *Копач* (1), *Орач* (3), *Ткач* (58), *Трач* (7), *Трембач* (3);

-ець (123): *Кравець* (31), *Купець* (1), *Стрілець* (8), *Чернець* (8), *Швець* (9);

-ій (119): *Бублій* (4) < бублій ‘той, хто випікає або торгує бубликами’ [11, I, с. 104], *Дерій* (2) < дерій ‘грабіжник’ [11, I, с. 371], *Колодій* (10) < колодій ‘коліснник’ [11, II, с. 271], *Плаксій* (8) < ‘плакса’ [11, III, с. 191], *Стогній* (1) < стогній ‘той, хто стогне’ [11, IV, с. 208], *Торохтій* (1) < торохтій ‘той, хто багато говорить, базіка’ [11, IV, с. 276].

Менш поширені із цим значенням форманти **-ак** (17): *Желєзняк* (1) < залізняк ‘той, хто торгує залізом’ [11, II, с. 59], *Рибак* (11) < рибак ‘рибалка’ [11, IV, с. 14], *Стрижак* (8) < стрижак ‘назва коротко підстрижених солдат’ [11, IV, с. 215], *Співак* (17) < співак ‘той, хто співає’ [11, IV, с. 176]; **-к-а** (13): *Рибалка* (35) < рибалка ‘рибак’ [11, IV, с. 14], *Прядка* (2) < прядка ‘пряха’ [11, III, с. 494], *Швачка* (4) < швачка ‘швея’ [11, IV, с. 488]; **-ук/-’ук**, **-чук** (12): *Гайдук* (1) < гайдук ‘солдат’ [11, I, с. 265], *Сердюк* (75) < сердюк ‘охоронець; сердита людина’ [11, IV, с. 115]; **-аль** (2): *Коваль* (118), *Скрипаль* (5) < скрипаль ‘скрипач’ [11, IV, с. 143] ;**-ух** (1): *Пастух* (3); **-аш** (1): *Гармаш* (22) < гармаш ‘артиллерист’ [11, I, с. 274]; **-ай** (1): *Лапай* (1) < лапай ‘людина з великими руками’ [11, II, с. 344];

-ур-а (1): *Танцюра* (5) < танцюра ‘танцюрист’ [11, IV, с. 246]; **-иш** (1): *Довбиш* (2) < довбиш ‘литаврщик’ [11, I, с. 401].

В антропоніміконі північної Донеччини також наявні суфікси, що відомі в сучасному мовознавстві як форманти суб’єктивної оцінки (**-ик, -к-а, -ець, -ань, -к-о, -ок, -ул-я, -аль, -ут-а, -оч-к-а, -иц-я, -усь, -оч-к-о, -еч-к-а, -уш-к-о, -унь, -иль, -ак-а, -ур-а, -ух-а, -аг-а, -ар, -иг-а, -ун, -ух, -ил-о, -ур**), які надавали лексемам емоційно-експресивного значення. Серед цих формантів можна виокремити дві групи суфіксів:

1. Суфікси з позитивним емоційним забарвленням [9; 10, с. 13–15]:

-ик (250): *Бобрик* (3), *Горбик* (3), *Дідик* (10), *Дубик* (4), *Дядик* (1), *Жбанчик* (2), *Жевжик* (1) < жевжик ‘горобець’ [11, I, с. 478], *Котик* (3), *Кухтик* (2), *Ландик* (1) < ландо ‘карета з відкидним верхом на чотири місця’ [229, IV, с. 444], *Пузик* (6), *Усик* (3), *Чмелик* (2) < чміль ‘джміль’ [11, IV, с. 467];

-к-а (148): *Жилка* (1), *Журавка* (4), *Корзинка* (2), *Коробка* (17), *Коровка* (3), *Крапивка* (3), *Лисичка* (10), *Лопатка* (6), *Рибка* (2), *Ріпка* (1), *Ручка* (1), *Соломка* (1), *Щучка* (1);

-ець (133): *Баранець* (2), *Бугаєць* (2), *Кабанець* (24), *Пазурець* (1), *Хлібець* (1);

-ок (6): *Баришок* (5), *Грибок* (4), *Колосок* (5), *Усок* (1);

-оч-к-а (3): *Кісточка* (2), *Кукочка* (1) < кука ‘вошь’ [11, II, с. 320], *Мамочка* (3); **-ул-я** (2): *Бідуля* (1), *Носуля* (18); **-аль** (2): *Зубаль* (4), *Носаль* (3); **-иц-я** (1): *Копиця* (1); **-усь** (1): *Дідусь* (4); **-оч-к-о** (1): *Яблочко* (2); **-еч-к-а** (1): *Ложечка* (1); **-уш-к-о** (1): *Горюшко* (7); **-унь** (1): *Горбунь* (11); **-ич-иль** (1): *Мужичиль* (1).

2. Суфікси з негативним емоційним забарвленням [9; 10, с. 13–15]:

-ань (126): *Волохань* (4), *Головань* (20), *Горбань* (8), *Довгань* (9), *Мордань* (3), *Ухань* (1), *Хребтань* (5), *Цибань* (2), *Черевань* (2);

-ак-а (80): *Верещака* (2), *Задирака* (1), *Зубака* (3), *Ломака* (2), *Ревака* (8);

-ур-а (15): *Бахура* (2) < бахур ‘хлопчик, дитина’ [11, I, с. 34], *Гайдабура* (1) < гайдабура ‘розбійник’ [11, I, с. 265], *Козюра* (3), *Сагура* (1);

-аг-а/-’аг-а (15): *Верещага* (2), *Водяга* (1), *Горяга* (4), *Дубяга* (3), *Смоляга* (1), *Стовпяга* (3);

-ух-а (15): *Бакуха* (7) < бакай ‘яма в річці’ , *Брязкуха* (1), *Лепетуха* (2);

-ар (8): *Губар* (6), *Зубар* (5); **-иг-а** (6): *Товпига* (1); **-ун** (6): *Дідун* (7); **-д-а** (5): *Маруда* (1) < маруда ‘мямля’ [11, II, с. 407], **-ух** (1): *Дідух* (2), **-ил-о** (1): *Тупило* (2); **-ур** (1): *Дідур* (2).

Проте іноді позитивне чи негативне емоційне забарвлення прізвиська (а згодом прізвища), стверджує Ю. К. Редько, могло залежати не від суфікса, а від значення основи, наприклад: основа прізвища *Добрищя* (2) виражає позитивну характеристику, тоді як *Тупиця* (4) – навпаки [10, с. 134].

У прізвищах ці суфікси втратили емоційне забарвлення, тому тепер вони сприймаються як нейтральні прізвищеві форманти.

До розряду прізвищ переходила лексика, ускладнена не тільки суфіксами, але й префіксами. Такі прізвища нечисленні. В антропоніміконі північної Донеччини зафіксовано два актуальних префікса:

без- (16): *Безвус* (2), *Беззубик* (1), *Безкишка* (19), *Безнос* (4), *Безрук* (7), *Безручко* (6), *Безух* (5), *Безушко* (5).

не- (14): *Нежура* (3), *Непоп* (26), *Непорада* (3), *Несмеха* (10), *Неткач* (1), *Несвіт* (1).

Слід наголосити, що стосовно питання про способи творення прізвищ із префіксами в основі думки вчених розходяться. На думку Ю. К. Редька, прізвища з префіксами без-, не- є утвореннями префіксального способу [10, с. 167]. Анало-

гічної думки дотримується й О. Д. Неділько. В. О. Шевцова виникнення цих прізвищ пов'язує із семантичним способом словотвору, що є, на нашу думку, переконливим, оскільки ці антропооснови виникли від відапелятивних прізвиськ, у яких ці префікси вже виконували словотвірну функцію, а отже, дослідниця враховувала специфіку творення прізвищ порівняно з апелятивною лексикою.

Процесу ономатизації підлягали не лише прості, але й складні апелятиви. В. Б. Фридак зазначає, що для української антропонімії характерне збереження досить значної кількості композитів у ролі спадкових назв. Нами їх зафіксовано 224 (2 % від загальної кількості всього фактичного матеріалу).

Складні, чи двоосновні, прізвища здавна привертають увагу дослідників словотвору. Їх досліджували Л. Л. Гумецька, З. Г. Ніколаєнко, Ю. К. Редько, А. М. Поповський, І. Д. Сухомлин, В. Б. Фридак, М. Л. Худаш, П. П. Чучка тощо. Проте, незважаючи на певні досягнення, це питання вимагає подальшого аналізу, оскільки немає спільної думки щодо того, які прізвища вважати складними. М. Л. Худаш до прізвищ-композитів уналежнює утворення від складних слів, які виникли морфологічним способом за допомогою патронімічних суфіксів: Білоусович, Золотогорченко. Ю. К. Редько всі композити аналізує як утворення синтаксико-морфологічного способу, хоч у межах цього способу виокремлює прізвища, утворені за синтаксичним принципом [10, с. 174–179]. О. Д. Неділько окремо розглядає складні прізвища, які виникли синтаксичним і синтаксико-морфологічним способом. Різниця між цими двома різновидами, на її думку, полягає в тому, що матеріалом для перших прізвищ були словосполучення, а для інших – поєднання основ. Названі методики, зазначає В. Д. Познанська, можна застосовувати до складних апелятивів, а не до прізвищ-композитів, оскільки такі антропооснови виникли від прізвиськ, мотивованих складними апелятивами [4, с. 9; 14, с. 14].

Прізвища-композити утворені шляхом ономатизації особових і неособових апелятивів. На апелятивному рівні композити виникали переважно шляхом поєднання основ (гріховодь, остроух) та лексикалізації словосполучень (захватихата, несвятипаска). Ці композити легко переходили до розряду прізвищ. Проте, на відміну від односкладних, прізвища-композити могли яскравіше змалювати людину, точніше схарактеризувати її зовнішність чи вдачу, до того ж привносили емоційний колорит.

Серед прізвищ-композитів можна виокремити дві групи залежно від того, яку ознаку відображено в основі прізвиськ:

1. Прізвища, тотожні прізвиськам з агентивним значенням в основі, в яких один із компонентів характеризує певну дію, а інший – називає об'єкт: *Гріховод* (1), *Дериземля* (1), *Дерикорчма* (2), *Дуболаз* (3), *Завалипіч* (1), *Захватихата* (1), *Махиборода* (3), *Махниборода* (12), *Подопригора* (1), *Чорнобай* (3). Наявність цих прізвищ доводить, що у мові було багато жартівливих, дошкульних назв ремесел, що послугували прізвиськами: *Бикодер* (2), *Голиус* (2), *Горшковоз* (3), *Деримедвідь* (3), *Козопас* (10), *Козоріз* (1), *Муковоз* (3), *Свинобой* (1). До цієї групи належать також прізвиська, мотивовані звичками їх денотатів: *Мукоїда* (1), *Неїжкаша* (4), *Несвятипаска* (10), *Ракоїд* (1).

2. Прізвища, тотожні прізвиськам з атрибутивним значенням, в яких один із компонентів виражає певну ознаку, а інший – називає суб'єкт: *Біловіл* (4), *Білогай* (1), *Білокіз* (2), *Білокінь* (15), *Горбокінь* (8), *Золотоверх* (1), *Золотопуп* (1), *Карнаух* (4), *Кирнос* (4), *Красновид* (5), *Красножон* (9), *Красноніс* (1), *Красношапка* (2), *Краснощок* (3), *Кривобік* (15), *Криволап* (3), *Кривоніс* (4), *Криворот* (2), *Криворучка* (2), *Кривоус* (1), *Кривошея* (5), *Нетудихата* (1), *Островух* (1), *Рябокінь* (19), *Семиволос* (3), *Сіроштан* (1), *Сіробаба* (3), *Сіроус* (11), *Слабоус* (18), *Тіснозуб* (1), *Товстоніг* (3), *Тонкошкур* (1), *Тригуб* (6), *Тризуб* (3), *Чорновіл* (2),*Чорнозуб* (4),

Чорноус (2), *Чорноштан* (3), *Шестопал* (3). Іменникова частина, яка входить до складу кількох прізвищ-композитів, найчастіше позначає певну рису обличчя, тіла людини або елемент одягу, наприклад: *Криво -бік, -лап*, *-ніс*, *-рот*, *-ручка*, *-ус, -шея*. Різні іменникові основи приєднувалися до основ якісних прикметників на позначення кольорів, наприклад: *Чорно-віл*, *-зуб*, *-ус*, *-штан*; *Красно-жон*, *-ніс*, *-шапка*, *-щок*. Прізвища, одна частина яких мотивована лексемами на позначення тварин, виникли, на думку В. Б. Фридака, як прізвиська власників цих тварин: *Біловіл* (4), *Білогай* (1), *Білокіз* (2), *Білокінь* (15), *Сивокіз* (2), *Сивокінь* (3).

Цікавими є прізвища, одним із компонентів яких виступає особове ім'я. Ці антропооснови нечисленні, але прозорі за своїм складом: *Білоіван* (10), *Чорноіван* (1). Перший компонент цих антропооснов вказує на якусь ознаку людини, переважно пов'язану з її зовнішністю, а другий – називає ім'я. Виникнення таких прізвищ пов'язано з розмежуванням у невеликому колективі людей, що мають однакові імена.

Отже, відапелятивні прізвища субстантивного типу займають в антропоніміконі північної Донеччини значне місце – 2128 антропооснов, або 18,3 % від загальної кількості всього фактичного матеріалу. Вони різноманітні за семантикою і структурою основ. До мікросистеми прізвищ субстантивного зразка переходили похідні та непохідні апелятивні лексеми. Серед них переважають похідні лексеми (1220 прізвищ; 10,57 %). Проте нами зафіксовано також прізвища, утворені від непохідних апелятивів (684 антропооснови; 5,81 %). Суфікси, наявні у складі цих антропооснов, надзвичайно різноманітні за значенням і матеріальним вираженням. Найбільш поширені у прізвищах суфікси на позначення особи, зокрема форманти з агентивним значенням, а також суб'єктивної оцінки. Серед цих формантів переважають апелятиви з позитивним стилістичним забарвленням.

Бібліографічні посилання

1. **Близнюк Б. Б.** Сучасні гуцульські прізвища в історичному розвитку : автореф. дис. ... канд. філол. наук / Б. Б. Близнюк. – Львів, 1997. – 23 с.
2. **Гумецька Л. Л.** Нарис з історії української актової мови XIV–XV ст. / Л. Л. Гумецька. – К. : Вид-во АН УРСР, 1958. – 298 с.
3. **Ковалик І. І.** Вчення про словотвір / І. І. Ковалик. – Львів : Вид-во Львів. ун-ту, 1958. – 78 с.
4. **Кравченко Л. О.** Антропонімія Лубенщини : автореф. дис. ... канд. філол. наук / Л. О. Кравченко – К., 2002. – 20 с.
5. **Лукінова Т. Б.** Субстантивація прикметників у слов'янських мовах і власні імена // Українська діалектологія і ономастика / Т. Б. Лукінова. – К. : Наук. думка, 1964. – С. 124–133.
6. **Новикова Ю. М.** Семантико-словотвірна структура прізвищ Центральної і Східної Донеччини : автореф. дис. ... канд. філол. наук / Ю. М. Новикова. – Одеса, 2008. – 22 с.
7. **Падалка Р. М.** Динаміка прізвищ Слов'янського р-ну Донецької області : автореф. дис. ... канд. філол. наук / Р. М. Падалка. – Д., 2009. – 20 с.
8. **Панчук Г. Д.** Антропонімія Опілля : дис. ... канд.. філол. наук / Г. Д. Панчук. – Тернопіль, 1999. – 155 с.
9. **Познанская В. Д.** Антропонимия юго-восточной Украины : автореф. дисс. ... канд. филол. наук / В. Д. Познанская. – Харьков, 1983. – 20 с.
10. **Редько Ю. К.** Сучасні українські прізвища / Ю. К. Редько. – К. : Наук. думка, 1966. – 216 с.
11. **Словарь української мови : в 4 т.** / упоряд. з додатком влас. матеріалу Б. Д. Грінченко. – К., 1907–1909.
12. **Фаріон І. Д.** Українські прізвищеві назви Прикарпатської Львівщини наприкінці XVIII – початку XIX ст. (з етимологічним словником) / І. Д. Фаріон. – Львів : Літопис, 2001. – 370 с.

13. **Чучка П. П.** Антропонимия Закарпатья : дисс. … д-ра филол. наук / П. П. Чучка. – К., 1969. – 978 с.
14. **Шеремета С. В.** Антропонімія північної Тернопільщини : автореф. дис. ... канд. філол. наук / С. В. Шеремета. – Івано-Франківськ, 2002. – 20 с.
15. **Bystroń J.** Nazwiska polskie / J. Bystroń. – Lwów, 1927. – 224 s.

Надійшла до редколегії 03.11.11

УДК 811.163.42'253

О. В. Величанова

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА ХОРВАТСКОЙ ПОЭЗИИ НА РУССКИЙ ЯЗЫК (на материале стихотворений Алисы Салопек)

Здійснено переклад поезії з хорватської мови на російську та порівняльний аналіз передачі звукопису засобами названих мов, розглянуто особливості перекладу міжмовних омонімів споріднених мов, визначено чинники, що впливають на адекватне розуміння багатозначних слів, окреслено зв'язок між характером наголосу та ритміко-інтонаційною організацією поетичного твору.

Ключові слова: поетичний переклад, звукопис, алітерація, міжмовна омонімія, багатозначність.

Совершен перевод поэзии с хорватского языка на русский и сравнительный анализ передачи звукописи средствами названных языков, рассмотрены особенности перевода межъязыковых омонимов близкородственных языков, определелы аспекты, которые влияют на адекватное понимание многозначных слов, определена связь между характером ударения и ритмико-интонационной организацией поэтического текста.

Ключевые слова: поэтический перевод, звукопись, аллитерация, межъязыковая омонимия, многозначность.

This article attempts to translate poetry from Croatian to Russian and analyzes the ways of transferring sound patterns, specifics of translating linguistic homonyms between related languages, factors that influence appropriate understanding polysemantic words, connection between accent and rhythm of poetic writing.

Keywords: poetic translation, sound patterns, alliteration, interlingual homonyms, polysemanticism.

Существование перевода является серьезным вызовом лингвистической теории.

Джон Р. Ферс

Поэзия – особый вид словесного искусства, создающий свой семантический код и обладающий настолько своеобразным звуковым и грамматическим строем, что говорит о присущем ему поэтическом языке. Изучение его предполагает определение тех приемов, с помощью которых литературный язык становится поэтическим. Язык поэзии каждого народа имеет свою специфику, которая проявляется на разных уровнях: фонетическом, лексическом, грамматическом, что не может не учитываться при переводе стихотворений на другой язык. ***Цель*** данной работы – рассмотреть лингвистические аспекты перевода хорватской поэзии на русский язык на материале стихотворений поэтессы Алисы Салопек.

© Величанова О. В., 2012

Поэтический перевод в современной научной литературе изучается в разных аспектах: литературоведческом [1; 3; 5; 9; 11], лингвокультурном [8], с точки зрения адекватности и эквивалентности [4; 7].

Актуальность нашего исследования состоит в том, что данная работа посвящена лингвистическим проблемам поэтического перевода и рассматривает способы передачи звукописи, лексики с разными коннотациями, случаи межъязыковой омонимии и многозначности слов, а также влияние грамматических различий в близкородственных языках: хорватском и русском – на ритмическую организацию текста перевода.

Актуальность работы связана также с тем, что современная хорватская поэзия мало переводилась на русский язык, а значит, возможности русскоязычных читателей познакомиться с ней ограничены. В данной работе перевод стихотворений Алисы Салопек «Slike iz detinjstva», «Niska bisera», «Kuča preko puta» на русский язык выполнен автором исследования.

Художественный перевод предполагает прежде всего передачу явлений одного языка средствами другого с учетом лингвистических особенностей каждого из языков, а также внеязыковых факторов: времени создания оригинального и вторичного текстов, этнических и психологических особенностей разных культур.

Начиная со второй половины XIX века наиболее оптимальным методом перевода принято считать метод воссоздания единства поэтической формы и содержания произведения, воспроизведение его как целостного и поэтического организма, а не как «мертвую фотокопию или безжизненную схему, сколь точной в деталях она бы ни была» [4, с. 8]. Иными словами, поэтический перевод должен стать не просто переводом, а новым самодостаточным произведением, способным влиться в литературную традицию народа, на язык которого он осуществлен. Однако, подчиняясь этой цели, переводчик нередко оказывается перед выбором: пожертвовать формой или содержанием. Рассмотрим некоторые языковые проблемы, возникшие в процессе перевода стихотворений Алисы Салопек, и возможные пути их решения.

NISKA BISERA

Kao biseri đerdana,
kao listovi sa grana,
sve smo ko niska bisera nanizana.
Od mene, do majke, bake, prabake,
do čukunbake Đene pa i do askunđele,
sve jedna na drugu ličimo
i time se veoma dičimo.
Isti pogled iz očiju, osmeh, isti lik,
jedna drugoj u amanet predajemo.
Kroz vekove i godine
čudo istine.
I ja niz nastavljam,
lik baka svojih
i liku kćeri ostavljam!

ЖЕМЧУЖНОЕ ОЖЕРЕЛЬЕ

Как жемчужины на нити,
Как дощечки на паркете,
Всё нанизано на свете.
Мама, бабушка и я,
И прабабушка моя –
Друг на друга все похожи
И гордиться этим можем.
Те же взгляд, черты, улыбка,
Как жемчужины на нитке,
Нам достались по наследству…
Годы мчатся и века,
Предков нитка далека –
Берегу ее сильней
Я для дочери своей

SLIKE IZ DETINJSTVA

Od malena Dunav mi je u krvi.
Tu su moji hodali koraci prvi.
Tu sam oca gledala kako
ulovljenu ribu peče.
Tu sam sa njim gledala kako
Dunav teče.

КАРТИНКИ ИЗ ДЕТСТВА

С ранних лет во мне течет Дунай.
Сделан шаг – и он журчит: «Шагай!».
Здесь глаза смотрели, как рыбу пекут,
Как воды Дуная в берегах текут.

Široka površina do obale druge
vode mu mutne, kao kao kakve kaljuge.
A tiho ide, ne čuje mu se ni glas.
Tiho Dunav plovi, plovi do nas.

Na obali sam sedela, sa nogama bosim,
struje u vodi osetila, i gledala oca
kako peca.
I sada kad čorba na stolu divno miriše, ja
se ocem ponosim
i vraćam u ono vreme, najlepše,
kad smo bili deca.

Дальний берег водам не дает утечь,
Словно хочет воду, воду уберечь.
А вода мутнее лужи дождевой,
Тонет, тонет в луже звонкий голос мой.

Босыми ногами по воде плескала,
А глаза глядели, как рыбу пекут
До сих пор я сильно так не ощущала –
Ароматы детства вновь меня влекут.

KUĆA PREKO PUTA

Gledam staru kuću preko puta, trošne od
blata joj zidove,
Ispred vrata oronule stubove.
Pod strehom lastavice gnjezdo su svile,
godinama već u toj staroj kući
one se odomaćile.

Kuća godine broji, i stanare svoje u život
je slala.
Svima je toplinu i utočište ona dala.
Tu su i dečji prvi koraci prohodali,
redom kroz hodnike života putevi
su ih sve vodili.

Sa prednje strane, do ulice, dva prozora ko
dva oka kad se spoje,
bedemi debeli a između kapija velika
i na njoj oznake porodice stoje.
Dvorište je široko i na kraju orah stari
stoji stameno, ponosito, rodnost njegovu
vremešnost ne pokvari.

A u kući miris starina se oseti.
Sa šifonjera dunje mirišu, ko im
može odoleti.
Iz šporeta hleb miriše,
miris opojan osećanja ti zanjiše.

Vredne su ruke stare majke bile
za decu svoju omiljene poslastice
su spremile.
I samo taj dan kad iz grada deca dođu,
majci oči sinu, majku svi bolovi prođu.

Stoji kuća stara, po njoj samo majka stara
se kreće.
Po praznini od zida do zida, sama se šeće.
Poslastice ne sprema, već samo za nju užno.
Da joj deca opet dođu, u mislima samo
dane broji.

Kuća ćuti, tuguje, u njoj dečje vike
odavno nema.
Majka do prozora uvek sedi, mirno,

ДОМ У ДОРОГИ

Смотрю – у дороги стоит старый дом.
Ласточка под крышей живет в нем,
Одряхлели все стены от сырости –
Стоит старый дом у прохожих
на милости.

Столетний дом! Он был для всех
приютом,
Теплом всех согревал
холодным утром;
Он видел первые шаги детей,
Он их пронес сквозь бремя дней.

Два окна на меня смотрят,
точно два глаза,
Ведь они – знак семьи той,
что крепче алмаза.
А в широком дворе растет старый орех –
Молчаливый и гордый свидетель
всех вех.

Поселился в стенах дома дух старины
И с собой прихватил сладкий
запах айвы.
Из печи свежий хлеб ароматом пьянит…
Здесь душа от тепла дома в небе парит.

Старой матери руки старательны были,
Своим детям любимые сласти лепили.
В день, когда издалека дети к ней
приезжали,
Ярче солнца глаза старой мамы сияли.

Ветхий дом… праздно в нем от стены
до стены
Бродит мама одна от зари до зари.
Не готовит она детям больше сластей.
Для кого? Для себя? Не нужны они ей.

Сядет мама к окну и засмотрится
вдаль.
Покатится слеза как немая печаль…

kao da drema.
Pogled joj na put uvek uprt, a maramom
suzne oči briše.
Nikoga nema kapiju da otvori, deca su daleko, ko zna hoće li ih videti više.

Смахнет мама слезинки
одну за другой –
Не вернутся, как прежде, все дети домой.

На фонетическом уровне возникает проблема передачи звукописи хорватского языка средствами русского. «Звукопись, – говорил Корней Чуковский, – позволяет сказать поэту больше, нежели вообще могут говорить слова, и отнять у него эту власть – значит лишить его самого могучего средства воздействия на психику читателя» [11, с. 152]. В самом деле, звукопись присутствует в любом поэтическом произведении, именно она создает ритмоинтонационную структуру стихотворения. И именно оттого, что звуковые повторы оригинального текста невозможно с точностью воссоздать посредством перевода в силу уникальности каждого языка (пусть и близкородственного), мастерство переводчика как раз и заключается в том, чтобы найти другие способы передачи того настроения, которым наделил свое произведение автор.

Рассмотрим стихотворение «Niska bisera». Даже в графическом облике первичного текста можно увидеть аллитерацию звуков [дж] и [ч], характерных для хорватского языка. В русском языке звук [ч] не так часто встречается в словах по сравнению с хорватским, а аффриката [дж] присутствует лишь в иноязычных словах. Передать такие звуковые повторы средствами русского языка невозможно. Однако звуки [дж] и [ч] в хорватском стихотворении являются не просто структурными элементами, в их звучании заложено ассоциативное сходство со звуками трения бусин друг о друга, их звоном в момент удара о поверхность. Пренебрегать такими функциями звуков переводчик не вправе, поэтому аллитерация в русском переводе стихотворения передана звуком [ж], менее ярко, но все же отдаленно напоминающим трение бусин.

Звукопись не является одним лишь повторением определенных звуков. Повтор слов, одинаковых или похожих по звучанию, как и отдельные звуки, формирует некий эмоциональный фон, акцентирует внимание читателя на ключевых словах в тексте. В стихотворении «Niska bisera» Алиса Салопек не случайно ставит в ряд слова *baka*, *prabaka*, *čukunbaka*. Общий корень этих слов и общее первичное значение подчинено цели создать ощущение родства нескольких поколений: *бабушки*, *прабабушки* и *прапрабабушки*. Однако, как видно по приведенным русским эквивалентам, каждый из них длиннее хорватских слов на один слог. В результате строка русского перевода становится тяжеловесной и нуждается в компрессии. Исходя из этого, считаем возможным пожертвовать словом *čukunbaka* (*прапрабабушка*) и не включать его в текст перевода. Главная же задача – отображение связи между поколениями – при этом не нарушается.

Следует отметить, что в хорватском языке ударение является тоническим, в зависимости от формы одного и того же слова может быть восходящим / нисходящим, долгим / кратким. Благодаря тоническому ударению, хорватская система стихосложения не нуждается в четкости стоп и стихотворного размера, для того чтобы звучать легко и гармонично. Русский же язык с его динамическим ударением и силлабической системой стихосложения вынуждает переводчика к более четкой ритмической и интонационной организации стихотворения, дабы вовсе не пренебречь формой произведения. Тем не менее мы считаем возможным нарушить закономерность чередования ударных и безударных слогов, сочетая в одной строке двух- и трехсложные стопы, ямб, дактиль и амфибрахий, варьируя количество слогов в строке:

Смотрю – у дороги стоит старый дом.
| ○ – ○ | ○ – ○| ○ – ○| ○ – |
Ласточка под крышей живет в нем…
| – ○ ○ | ○ – ○| ○ – | – |

Такая ритмическая организация строки сближает ее звучание с текстом оригинала, способствует передаче разговорной интонации, с которой лирический герой рассказывает о своих впечатлениях от увиденного.

Когда речь идет о близкородственных языках, важно отметить присутствие в них большого количества межъязыковых омонимов. Не случайно их афористично называют «ложными друзьями» переводчика, т. к. внешне слова из разных языков одинаковы или похожи, а значения их совершенно разные. Некорректная передача таких слов средствами другого языка приводит к искажению смысла, а чаще всего – к абсурдным и нелогичным высказываниям. Так, в рассматриваемых стихотворениях эквивалентом хорватского слова *vredan* в русском языке будет не *вредный*, а его антоним – *прилежный*, *старательный*. Древнее славянское слово *život* в хорватском языке сохранило свое исконное значение '*жизнь*', но не *живот*, как может на первый взгляд показаться переводчику.

Важным моментом при переводе является передача всего спектра оттенков в значениях многозначных слов. В большинстве случаев выбор нужного значения слова не составляет особого труда с учетом контекста. Хорватское слово *maramor* (стихотворение «Kuča preko puta») в русском языке означает два предмета: *платок* и *шаль*, но если обратить внимание на стоящее рядом *suze* – '*слезы*', выбор русского эквивалента становится очевидным: слезы смахивают носовым платком. Однако мастерство переводчика в работе с многозначными словами не ограничивается выбором из нескольких значений одного, соответствующего контексту. В этом же стихотворении хорватский глагол *krećiti* при переводе на русский язык может быть передан двумя словосочетаниями: 1) *белить известью* и 2) *широко расставлять ноги при ходьбе*. Даже с учетом контекста, то есть содержания стихотворения, выбор неоднозначен: женщина преклонного возраста, живущая одна в старом деревенском доме, может как белить стены своего дома, так и передвигаться по нему вразвалочку. Но, на наш взгляд, предпочтительным будет второе значение, ибо семантика движения вразвалочку создает определенный эмоциональный настрой, соответствующий настроению оригинала-стихотворения, тогда как описание побелки дома нейтрально в экспрессивном плане и представляется не вполне подходящим действием для пожилого человека.

В стихотворении «Slike iz detinjstva» значение слова *površina* в русском языке передают слова *поверхность*, *площадь*, стилистически нейтральные и слишком «прозаические» для поэтического произведения. В оригинале это слово сочетается со словом *берег*, в тексте же перевода значение *'площадь'* было опущено, т. к. значение '*берег'* уже подразумевает некую поверхность. Значение хорватского слова *drugi* – '*другой*', '*иной*' в сочетании *obale druge – 'другой берег'* переведено прилагательным *дальний* с учетом ритмической организации строки. Слово *kaljuga* в русском языке передается словосочетанием *грязная лужа*, причем, исходя из контекста стихотворения, ключевым компонентом значения является именно *'грязь'*. В тексте перевода это значение передается прилагательным '*мутный*', более подходящим в качестве определения существительного '*вода*', когда речь идет о водах реки Дунай.

Отдельные слова хорватского языка и их русские эквиваленты имеют различия в грамматическом роде. Так, слово *kuća* – женского рода, тогда как *дом* – мужского; *prozor* – мужского, *окно* – среднего; *zid* – мужского, *стена* – женского.

Данное обстоятельство влечет за собой изменение форм прилагательных и глаголов, грамматически связанных с этими существительными, что влияет на ритмико-интонационную организацию стихотворной строки. Как отмечает М. А. Венгреновская, «ритм определяет место художественных средств произведения» [3, с. 67], а иногда, добавим, даже вынуждает переводчика прибегать к определенным художественным приемам, в частности к инверсии слов в строке:

Stoji *kuća stara*, po njoj samo majka stara se kreće.	*Ветхий дом*… праздно в нем *от стены до стены*
Po praznini *od zida do zida*, sama se šeće.	Бродит мама одна от зари до зари.

В словосочетании *kuća stara* при переводе определение перемещается в препозицию по отношению к существительному: *ветхий дом*. Словосочетание *от стены до стены* из второй строки текста-оригинала переместилось в первую строку текста-перевода. Стоит также отметить, что в процессе инверсии важно определить поэтическую ценность каждого элемента стихотворения. Подчиняясь этому принципу, считаем целесообразным заменить двучленную предикативную основу *stoji kuća stara* на одночленную – *ветхий дом*, так как глагол *stoji (стоит)* добавляет ненужную длину русскоязычной строке и нарушает ритм, в то время как отсутствие этого глагола эмоционально усиливает настроение стихотворения.

Грамматические особенности хорватского и русского языков представлены формами возвратных глаголов. В хорватском языке возвратная частица *se* пишется раздельно, может менять свое положение по отношению к глаголу и даже отделяться от него другими (*se ocem ponosim*), в то время как в русском языке возвратные частицы *сь*, *ся* пишутся слитно. В связи с этим поэтическая строка хорватского языка более мобильна в отношении ритма. При переводе же на русский язык приходится учитывать неразрывность глагола и возвратной частицы.

Еще одна особенность грамматического строя хорватского языка – вспомогательный глагол *biti* (*быть*), являющийся обязательным при построении грамматических конструкций. Он влияет на ритмическую организацию строк перевода – является безударным слогом в стопе. В русском языке вспомогательные глаголы, за исключением аналитической формы будущего времени, эллиптизируются. Но так как слова хорватского языка короче русских по количеству слогов, ритмико-интонационный строй не нарушается.

Таким образом, проведенный анализ поэтического языка показал, что звукопись хорватского языка невозможно с точностью воссоздать средствами русского. Для ее передачи приходится прибегать к замене аллитерирующих звуков в тексте перевода. Лексика хорватского и русского языков характеризуется наличием межъязыковых омонимов. Многозначность лексем хорватского языка требует учитывать при переводе семантические связи слов, и решающим фактором при выборе значения в русском языке является контекст. Грамматический строй хорватского языка содержит вспомогательный глагол *biti,* наличие которого сказывается на ритмической организации поэтической строки. Также на ритмико-организационный строй стихотворения влияет и характер ударения: в хорватском языке – тоническое, в русском – динамическое, что требует от русского переводчика более четкого соблюдения правил силлабического стихосложения при поэтическом переводе. Вместе с тем некоторые нарушения закономерностей чередования ударных и безударных слогов способствуют более адекватной передаче ритмико-интонационной организации поэтического текста с присущим хорватскому языку тоническим ударением.

Библиографические ссылки

1. **Белый А.** Ритм как диалектика / А. Белый. – М. : Федерация, 1929. – 280 с.
2. **Боцманова Н. Н.** Взаимодействие смысла и грамматических структур в поэтическом переводе / Н. Н. Боцманова, В. И. Сиволапова // Теорія і практика перекладу: республ. міжвідом. наук. зб. / зав. ред. Л. М. Скирта. – Вип. 3. – К. : Вища шк., 1980. – С. 105–113.
3. **Венгреновская М. А**. О воссоздании метра и ритма при переводе поэзии / М. А. Венгреновская // Теорія і практика перекладу: республ. міжвідом. наук. зб. / зав. ред. Л. М. Скирта. – Вип. 3. – К. : Вища шк., 1980. – С. 66–70.
4. **Гончаренко С. Ф**. Поэтический перевод и перевод поэзии: константы и вариативность / С. Ф. Гончаренко // Тетради переводчика: сб. науч. ст. / отв. ред. Л. С. Бархударов. – Вып. 24. – М. : Изд-во ин-та международ. отношений, 1999. – С. 55–63.
5. **Ковалевський В.** Ритмічні засоби українського літературного вірша / В. Ковалевський. – К. : Рад. письменник, 1960. – 320 с.
6. **Коломієць О. О.** Структурно-семантичний аналіз першотвору як необхідний етап поетичного перекладу / О. О. Коломієць // Теорія і практика перекладу: республ. міжвідом. наук. зб. / зав. ред. Л. М. Скирта. – Вип. 3. – К. : Вища шк., 1980. – С. 85–88.
7. **Маршак С. Я.** Поэзия перевода // С. Я. Маршак // Собр. соч. в 8 т. – Т. 6. – М. : Худ. лит., 1971. – С. 371–375.
8. **Пшенкина Т. Г.** Культурологические аспекты перевода / Т. Г. Пшенкина // Лингвосинергетика: проблемы и перспективы : матер. 1-й школы-семинара. – Барнаул, 2000. – С. 56–65.
9. **Топер П. М.** Перевод в системе сравнительного литературоведения / П. М. Топер. – М. : Наследие, 2001. – 254 с.
10. **Ферс Дж. Р.** Лингвистический анализ и перевод / Дж. Р. Ферс // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике : сб. ст. – М. : Междунар. отношения, 1987. – С. 25–35.
11. **Чуковский К. И.** Высокое искусство / К. И. Чуковский // Собр. соч. в 15 т. – Т. 3. – М. : Терра, 2001. – 608 с.
12. **Alisa Salopek.** Zbirka mojih koraka / A. Salopek. – Subotica : Književni klub, 2006. – 97 с.
13. **Matija Dautovič.** Hrvatsko-ruski prirucni rjecnik / M. Dautovič. – Zagreb : Školska knjiga, 2007. – 792 с.

Надійшла до редколегії 14.02.12

УДК 811.161.1’373.46

Т. Н. Высоцкая

Национальный горный университет (г. Днепропетровск)

ТЕРМИН КАК ОСНОВНАЯ ЕДИНИЦА МЕТАЯЗЫКА ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Проаналізовано основні підходи до розуміння терміна як основної одиниці метамови термінологічних досліджень у межах докогнітивного та когнітивного термінознавства; встановлено спадковість наукових парадигм у розумінні природи терміна, опрацьовано робочу дефініцію терміна.

Ключові слова: метамова термінологічного дослідження, термін, спеціальне поняття, ознаки терміна, когнітивний підхід.

© Высоцкая Т. Н., 2012

Проанализированы основные подходы к пониманию термина как основной единицы метаязыка терминологических исследований в рамках докогнитивного и когнитивного терминоведения; установлена преемственность научных парадигм в понимании природы термина, выработана рабочая дефиниция термина.

Ключевые слова: метаязык терминологических исследований, термин, специальное понятие, признаки термина, когнитивный подход.

Basic approaches to the term as the main unit of terminological research metalanguage in the frames of Pre-cognitive and Cognitive Terminology are analyzed; the continuity of scientific paradigms in the term's nature understanding is stated; the operational definition of the term is worked out.

Keywords: the metalanguage of terminological research, the term, special notion, term's features, cognitive approach.

Эффективность любого исследования в значительной мере зависит от четкого понимания научных понятий и терминов, которыми приходится оперировать в процессе работы. Именно этот факт и определяет ***актуальность*** данной статьи, посвященной метаязыку терминологических исследований и имеющей своей ***целью*** определение такого ключевого понятия терминоведения, как «термин». В задачи исследования входит анализ существующих точек зрения по проблеме определения этого понятия и выработка его рабочей дефиниции.

Проблема определения термина, несмотря на достаточно длительную традицию исследований, является одним из самых актуальных вопросов в современном языкознании. Изучению сущностных характеристик термина посвящено большое количество фундаментальных трудов, однако до сих пор в лингвистической литературе не выработано универсального и исчерпывающего определения термина. Так, С. Ф. Булычева отмечает, что «еще не существует окончательно сложившейся стройной теории терминообразования и терминоиспользования» [4, с. 78]. Б. Н. Головин констатирует «нерешенность до настоящего времени во всей ее сложности и объеме проблемы специфики термина» [10, с. 265], а В. М. Лейчик утверждает, что «в настоящее время еще нет достаточно устоявшихся взглядов на термин» [17, с. 64].

Определяя термин, все учёные чётко соотносят его с техническим / научным / специальным понятием, ср.: ***термин*** – это «слово или словосочетание, обозначающее техническое понятие» [21, с. 18–25]; «языковой знак (слово / словосочетание), соотнесенный со специальным понятием, явлением или предметом» [23, с. 81–98]; «слово или словосочетание, обозначающее понятие специальной области знания или деятельности» [25, с. 7] и т. д.

Исключительно емко определяет термин А. С. Герд: «***Термин*** – это единица какого-либо конкретного естественного или искусственного языка (чаще слово или словосочетание), существовавшая ранее или специально созданная и обладающая специальным терминологическим значением, которое выражено либо в словесной форме, либо в том или ином формализованном виде и достаточно точно и полно отражает основные, существенные на данном уровне развития науки, признаки существующего научного понятия» [7, с. 1–4.].

О. С. Ахманова и В. П. Даниленко, определяя термин, подчеркивают его дефинитивность и дают одни из самых удачных, на наш взгляд, определений термина: «***Термин*** – особое слово или словосочетание специальной сферы употребления, служащее для точного выражения специальных понятий и основанное на дефиниции» [3, с. 69–74]; «***термин*** – слово (или словосочетание) специальной сферы употребления, являющееся наименованием научного или производственно-технологического понятия и требующее дефиницию» [12, с. 15].

В. П. Даниленко, являясь представителем дескриптивного подхода, считает термин «единой, отдельной, самостоятельной единицей наименования» [12]. В своей монографии, посвященной терминологической лексике русского языка, она приводит 19 определений понятия «термин» из разных научных источников, относящихся к 40–70 годам XX века [12, с. 83–86], отмечая также, что «приведенные определения … составляют лишь незначительную часть общего числа определений, существующих практически в каждом исследовании о специальной лексике» [12, с. 86].

Другие учёные при определении термина чётко соотносят его со сферой функционирования. Так, С. В. Гринев называет ***термин*** «номинативной специальной лексической единицей (словом или словосочетанием) специального языка, применяемой для точного наименования специальных понятий» [11]. Для М. А. Марусенко, ***термин*** – это номинативная группа (существительное или субстантивное словосочетание), связанная с определённым научно-техническим понятием, принадлежащая определенной совокупности текстов и выражающая устойчивый комплекс признаков понятия [20, с. 5].

Не оспаривая связи термина с понятием, ученые все же дискутируют по поводу разграничения специальных и неспециальных понятий. Некоторые авторы противопоставляют научные и наивные (обиходные) понятия [2, с. 167], другие же говорят о дифференциации конструктивно-логических и индуктивно-эмпирических понятий. По мнению Д. С. Шелова, соотношение специального и неспециального понятий далеко не всегда является ясным и очевидным. На практике обоснованием такого разграничения чаще всего служит наличие соответствующей системы определений, удовлетворяющей целому ряду логических и лингвистических требований [24, с. 18].

Некоторые исследователи в своих определениях чётко обозначают функции термина, выдвигая на первое место в термине его «профессиональное значение, выражающее и формирующее профессиональное понятие и применяемое в процессе (и для) познания и освоения некоторого круга объектов и отношений между ними – под углом зрения определенной профессии» [9, с. 5; 10, с. 264–268].

И. С. Квитко, определяя термин, перечисляет его характеристики: ***термин*** – это «слово или словесный комплекс, вступающий в системные отношения с другими словами и словесными комплексами и образующий вместе с ними в каждом отдельном случае и в определенное время замкнутую систему, отличающуюся высокой информированностью, однозначностью, точностью и экспрессивной нейтральностью» [15].

В рамках современной теории вариантности К. Я. Авербух определяет ***термин*** как элемент терминологии (терминосистемы), представляющий собой совокупность всех вариантов неязыкового знака или устойчиво воспроизводимой синтагмы, выражающих специальное понятие определенной области знания [1, с. 131].

Новый подход к пониманию природы термина открывает когнитивная парадигма, с появлением которой язык стал изучаться не только как уникальный объект, рассматриваемый в изоляции, но в значительной мере и как средство доступа ко всем ментальным процессам, происходящим в голове человека и определяющим его собственное бытие и функционирование в обществе [16, с. 9].

Преимущество когнитивного подхода к анализу термина, заключается, по мнению ученых, в расширении понимания функции и места термина в лингвистической и мыслительной деятельности человека [14, с. 118]. Если в исследованиях

докогнитивного периода, толкование основных сущностных характеристик термина, обусловливающее и общность понимания термина, сводилось к толкованию термина как языкового знака в самых разных тематических областях, то сегодня исследователи видят новые перспективы в определении и изучении термина, а именно: в решении сложнейшей задачи, поставленной когнитивной лингвистикой, – «объяснения тех постоянных корреляций и связей, что обнаруживаются между структурами языка и структурами знаний» [16, с. 9].

В терминологических исследованиях, выполненных в рамках когнитивного (когнитивно-дискурсивного, или когнитивно-коммуникативного) подхода, отмечается, что термины представляют собой особый знаковый способ репрезентации профессионально-научного (специального) знания. Исходя из когнитивно-коммуникативного подхода, Е. И. Голованова определяет ***термин*** как вербализованный результат профессионального мышления, значимое лингво-когнитивное средство ориентации в профессиональной сфере и важнейший элемент профессиональной коммуникации [8, с. 63]. М. Н. Володина, в свою очередь, подчеркивает, что «выражая через языковой знак специальное понятие, определяющее в объекте нечто общее и закономерное, ***термин*** становится инструментом познания» [6, с. 21].

Осмысление термина с позиций когнитивной парадигмы позволяет ученым говорить об его информационно-понятийном статусе. Передаваемая термином информация – это информация о некоем фрагменте мира, о ментальной форме отражения этого фрагмента, об условиях использования такого знака в связи его с другими знаками. «Выражая специальное понятие, термин становится носителем и хранителем фрагмента информации, которая имеет свою ценность в особой понятийной системе, и в этом смысле термин являет собой особую когнитивно-информационную структуру, в которой аккумулируется выраженное в конкретной языковой форме профессионально-научное знание, накопленное человечеством за весь период его существования» [6, с. 30].

Исследуя проблемы определения термина в когнитивно-коммуникативной парадигме знания, мы, вслед за О. А. Зябловой [14, с. 125], считаем обязательным продолжить лучшие традиции докогнитивного терминоведения и придерживаемся взглядов на определение понятия «термин» таких исследователей, как Г. О. Винокур и А. А. Реформатский. В своем понимании термина эти ученые исходили из того, что термин – это особая функция обычного языкового знака, соотносящая любое слово (дериват, композит, словосочетание и т. д.) с особой сферой его употребления, с особой картиной мира – научной, технической, профессиональной – или ее фрагментом [5, с. 218–283; 22, с. 69].

Ученые рассматривают в качестве терминов номинативные знаки, которые входят в систему естественного языка или в его подсистему – подъязык науки и техники. Они создаются как единицы этой системы, на базе ее инвентаря и по законам последней, и представляют собой имена конкретных или абстрактных сущностей, объективирующих определенные ментальные категории. Из этого следует, что термин выполняет функцию, присущую любому номинативному знаку, – функцию передачи (кодирования) информации, в том числе и научной, об объекте/референте через единство формы и содержания знака [13, с. 78].

Следует отметить, что изложенный выше подход к пониманию термина логично увязывается с концепцией «языкового субстрата» В. М. Лейчика, согласно которой термин представляет собой «сложное трехслойное образование, включающее:

1) естественно-языковой субстрат – материальный (звуковой или графический) компонент структуры термина, а также идеальный (семантический) компонент этой структуры, определяемые принадлежностью термина к лексической системе того или иного естественного языка;

2) логический суперстрат, то есть содержательные признаки, позволяющие термину обозначать общее – абстрактное или конкретное – понятие в системе понятий;

3) терминологическую сущность, то есть содержательные и функциональные признаки, позволяющие термину выполнять функции элемента теории, описывающей определенную специальную сферу человеческих знаний или деятельности» [18].

Исходя из изложенного выше, наиболее приемлемым для терминологических исследований нам представляется следующее определение термина: ***термин*** – это самостоятельная единица наименования, представляющая собой вербализованный результат профессионального мышления, лингво-когнитивное средство профессиональной коммуникации; экспрессивно нейтральное, требующее дефиниции слово или словосочетание, выражающее специальное понятие определённой области знания или деятельности.

Перспектива дальнейших исследований заключается в разработке типологии терминологических единиц с точки зрения их семантики, функциональных особенностей и структуры.

Библиографические ссылки

1. **Авербух К. Я.** Общая теория термина / К. Я. Авербух. – Иваново, 2004. – 252 с.
2. **Апресян Ю. Д.** Лексическая семантика. Синонимические средства языка / Ю. Д. Апресян. – М. : Наука, 1974. – 367 с.
3. **Ахманова О. С.** Экстралингвистические и внутрилингвистические факторы в функционировании и развитии языка // Теоретические проблемы современного советского языкознания. – М., 1966. – С. 69–74.
4. **Булычева С. Ф.** Лингвометодические проблемы термина / С. Ф. Булычева // Лингвометодические основы преподавания иностранных языков. – М. : Наука, 1979. – С. 78–92.
5. **Винокур Г. О.** О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии / Г. О. Винокур // Татаринов В. А. История отечественного терминоведения : очерк и хрестоматия. – М., 1994. – С. 218–283.
6. **Володина М. Н.** Когнитивно-информационная природа термина (на материале терминологии средств массовой коммуникации) / М. Н. Володина. – М. : Изд-во МГУ, 2000. – 128 с.
7. **Герд А. С.** Значение термина и научное знание / А. С. Герд // Научно-техническая информация. Сер. 2. – 1991. – № 10. – С. 1–4.
8. **Голованова Е. И.** Когнитивное терминоведение / Е. И. Голованова. – Челябинск, 2008. – 180 с.
9. **Головин Б. Н.** Лингвистические основы учения о терминах / Б. Н. Головин, Ю. Р. Кобрин. – М. : Высш. шк., 1987. – 104 с.
10. **Головин Б. Н.** Терминология / Ф. М. Березин, Б. Н. Головин // Общее языкознание.– М., 1979. – С. 264–268.
11. **Гринев-Гриневич С. В.** Введение в терминоведение / С. В. Гринев-Гриневич. – М. : Изд. центр «Академия», 2008. – 304 с.
12. **Даниленко В. П.** Русская терминология. Опыт лингвистического описания / В. П. Даниленко. – М. : Наука, 1977. – 246 с.
13. **Дроздова Т. В.** Проблемы понимания научного текста / Т. В. Дроздова. – Астрахань : АГПУ, 2003. – 223 с.

14. **Зяблова О. А.** Перспективы когнитивно-дискурсивного подхода к определению и анализу термина / О. А. Зяблова // Современные тенденции в лексикологии, терминоведении и теории LSP : сб. науч. тр. Посвящается 80-летию В. М. Лейчика. – М. : Изд-во МГОУ, 2009. – С. 118–128.
15. **Квитко И. С.** Термин в научном документе / И. С. Квитко.– Львов : Выща шк., 1976. – 150 с.
16. **Кубрякова Е. С.** Язык и знание : На пути получения знаний о языке : Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
17. **Лейчик В. М.** Оптимальная длина и оптимальная структура термина / В. М. Лейчик. – Вопросы языкознания. – 1981. – № 2. – С. 63–73.
18. **Лейчик В. М.** Терминоведение: предмет, методы, структура / 4-е изд., испр. и доп. – М., 2009. – 256 с.
19. **Лотте Д. С.** Основы построения научно-технической терминологии: Вопросы теории и методики / Д. С. Лотте. – М. : Изд-во АН СССР, 1961. – 157 с.
20. **Марусенко М. А.** Об основном понятии терминоведения – научно-техническом термине / М. А. Марусенко // Научно-техническая информация. – 1981. – Сер. 2. – № 8. – С. 1–5.
21. **Пиотровский Р. Г.** К вопросу об изучении термина / Р. Г. Пиотровский. – Л., 1951.– С. 18–25.
22. **Реформатский А. А.** Мысли о терминологии / А. А. Реформатский // Современные проблемы русской терминологии. – М. : Наука, 1986. – С. 163–198.
23. **Татаринов В. А.** У истоков теоретической терминографии / В. А. Татаринов // Филологические науки. – 1996. – № 1. – С. 81–98.
24. **Шелов С. Д.** Определение терминов и понятийная структура терминологии / С. Д. Шелов. – СПб. : Изд-во СПб. гос. ун-та, 1998. – 234 с.
25. **Шмелёва О. Ю.** Терминологические процессы в синхронии и диахронии (на материале английского языка). – СПб. : Изд-во СПбГУЭФ, 2010. – 120 с.

Надійшла до редколегії 25.01.12

УДК 811.111’373

Л. О. Глухова

Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара

ОСОБЛИВОСТІ ТА ЛЕКСИЧНІ ЗАСОБИ РЕПРЕЗЕНТАЦІЇ СУБКОНЦЕПТУ «ВИЩИЙ НАВЧАЛЬНИЙ ЗАКЛАД» У СУЧАСНІЙ АНГЛІЙСЬКІЙ МОВІ

Розглянуто лексичні засоби вербалізації субконцепту «Вищий навчальний заклад», їх особливості та специфічні риси у британському та американському варіантах англійської мови з точки зору когнітивної лінгвістики.

Ключові слова: когнітивна лінгвістика, концепт, субконцепт, освітній менеджмент, вербалізація

Рассмотрены лексические средства вербализации субконцепта «Высшее учебное заведение», их особенности и специфические черты в британском и американском вариантах английского языка с точки зрения когнитивной лингвистики.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, концепт, субконцепт, образовательный менеджмент, вербализация.

© Глухова Л. О., 2012

The article deals with the analysis of the lexical means of verbalization of the subconcept «Higher Educational Establishment», their peculiarities and specific features in the British and American variants of the English language from the point of view of cognitive linguistics.

Key words: cognitive linguistics, concept, subconcept, educational management, verbalization

У сучасному світі неможливо уявити успішне буття людини без належного рівня освіти. Освіта є однією з основних складових соціальної інфраструктури розвинених країн світу. Для надання належного рівня освіти навчальний заклад повинен мати чітку структуру та організацію процесу навчання. Саме це є основним завданням освітнього менеджменту – доволі молодої галузі наукового знання, яка в останні роки все більше привертає увагу дослідників своєю складністю і в той же час різноманітністю та багатоаспектністю.

Різні дослідники (Є. Іванова, М. Певзнер, А. Попова, А. Барановський, Є. Князєв, А. Віфліємський, Ю. Мюллєр, Herbert Buchen, Hans-Günter Rolff) розглядають термін ***освітній менеджмент*** з різних точок зору: з економічної, педагогічної та психологічної. Всі вони згодні з тим, що ця область знання має доволі розвинений термінологічний інструментарій. Від того, до якої галузі знань застосовується термін *освітній менеджмент*, залежить його дефініція. Узагальнюючи досвід спеціалістів, які займаються дослідженням галузі освітнього менеджменту, можна визначити термін *освітній менеджмент* як «організація, управління й розвиток соціальних систем, які мають за мету надання освіти людям для того, щоб вони стали кваліфікованими та компетентними працівниками».

Як було зазначено вище, освітній менеджмент розглядають з різних точок зору. З точки зору лінгвістики, однак, цю область знання й досі не було досліджено.

Метою представленої роботи є комплексний аналіз субконцепту «Вищий навчальний заклад», який є складовою багатоаспектного концепту «Освітній менеджмент», з точки зору взаємодії когнітивних процесів свідомості та феноменів мови, що їх відображають, на основі когнітивної лінгвістики.

Згідно з визначенням О. Кубрякової, когнітивна лінгвістика – це «лінгвістичний напрям, у центрі якого знаходиться мова яз загальний когнітивний механізм, як когнітивний інструмент – система знаків, які відіграють роль у репрезентації (кодуванні) та трансформації інформації» [2, с. 53].

Дослідженню поняття «концепт» присвячено велику кількість робіт (наукові праці О. С. Кубрякової, Ю. С. Степанова, Ю. Д. Апресяна, Н. Д. Арутюнової, М. М. Болдирєва, С. Г. Воркачова, В. З. Дем'янкова та ін.). Спираючись на різні точки зору лінгвістів-дослідників, ми обрали для себе робочу дефініцію цього поняття, а саме: ***концепт*** – це розумовий інструмент, який є результатом мовної свідомості, ментальної діяльності, світосприйняття та історичного досвіду конкретної людини або цілого народу, який являє собою певну структуру знань та уявлень про певний предмет або явище. Оскільки концепт «Освітній менеджмент» є дуже різнобічним та багатоаспектним, він потребує глибокого та детального аналізу всіх своїх аспектів та особливостей.

Слід зазначити, що зміст цього багатоаспектного концепту представлений сукупністю певної кількості менших за об'ємом концептів, які ми в нашому дослідженні називаємо субконцептами. Ці вербально оформлені субконцепти впливають на думки та дії як індивідів, так і цілих народів. Зміст та місце цінностей у колективній свідомості суспільства можуть відрізнятись залежно від культури, набувати національних особливостей. Саме тому опис та аналіз вербально оформлених ціннісних концептів дозволяє зробити висновки стосовно основних рис національного менталітету та особливостей картини світу.

У сучасній лінгвістиці термін «картина світу» визначають як глобальний образ світу, який є основою світогляду людини, тобто виражає суттєві властивості світу в розумінні людини в результаті її духовної та пізнавальної діяльності [1, с. 28]. Ціннісній образ світу складають два основних типи картин світу – концептуальна та мовна. Концептуальна картина світу значно ширша за мовну, тому що в її формуванні беруть участь різні типи мислення, в тому числі й невербальні. З точку зору лінгвістики, між концептуальною та мовною картинами світу існує зв'язок, за допомогою якого відбувається фіксування змісту мислення через мовні засоби. На основі мови формується мовна картина світу [1, с. 31].

Треба згадати, що мовна картина світу одного народу багато в чому відрізняється від мовної картини світу іншого народу, навіть якщо люди розмовляють однією мовою. На нашу думку, це пов’язано з когнітивним світосприйняттям, яке залежить від певних історичних, соціальних, економічних, політичних та суспільних умов країни або території, де панує та чи інша мова.

На сьогоднішній день, за ствердженням багатьох дослідників, англійська мова є дуже поширеною в сучасному світі. Деякі дослідники (О. Камшилова, Б. Кашру, Д. Кристал, Б. Уолроф) називають її навіть «глобальною» мовою. Як зазначає О. Камшилова, сьогодні 350 мільйонів людей є носіями англійської мови, а ще 423 мільйони – користувачами [3, с. 65].

Як було зазначено вище, будь-яка область людської діяльності формує своє специфічне поле концептів з рисами та особливостями, що притаманні лише йому. В нашому дослідженні таким є багатоаспектний концепт «Освітній менеджмент». Зміст багатоаспектного концепту «Освітній менеджмент» в англійській мові представлений сукупністю декількох (значно менших за об’ємом) субконцептів, а саме: «Вищий навчальний заклад», «Голова вищого навчального закладу», «Керівництво вищого навчального закладу», «Факультет вищого навчального закладу», «Структурні підрозділи вищого навчального закладу», «Організація навчального процесу у вищому навчальному закладі».

Розглянемо, якими мовними засобами вербалізується в сучасній англійській мові субконцепт «Вищий навчальний заклад».

В якості фактичного матеріалу для дослідження було обрано двадцять вищих навчальних Європи (з яких дев’ять є вищими навчальними закладами Сполученого Королівства Великої Британії та Північної Ірландії) та десять вищих навчальних закладів Сполучених Штатів Америки. Відбір виконувався на підставі рейтингу 2011–2012, представленого рейтинговою системою The Times Higher Education [timeshighereducation.co.uk/world-university-rankings/2011-2012/europe; timeshighereducation.co.uk/world-university-rankings/2011-2012/north-america]. При створенні цього рейтингу розробники враховували такі параметри, як навчання (30 % від рейтингу), дослідження (30 %), користь від результатів досліджень (30 %), інноваційний розвиток (2,5 %), міжнародний погляд (7,5 %). Ми спиралися на рейтинг вищих навчальних закладів Європи [timeshighereducation.co.uk/world-university-rankings/2011-2012/europe.html 15] та Північної Америки [timeshighereducation.co.uk/world-university-rankings/2011-2012/north-america].

Аналіз досліджуваного матеріалу показав, що в якості засобів вербалізації субконцепту «Вищий навчальний заклад» виступають такі лексичні одиниці, як *university* (університет), *college* (коледж), *institute* (інститут), *school* (школа).

Найпоширенішою лексемою для вербалізації представленого субконцепту є лексема *university*. Вона зустрічається в номінації п’яти вищих навчальних закладів Сполученого Королівства (*Oxford University, Cambridge University, University of Edinburgh, University of Manchester, University of Bristol*), шести вищих навчальних закладів Європи (*Ludwig-Maximilian University Munich* (Германія),

University of Zurich (Швейцарія), *Katholieke University* (Бельгія), *Utrecht University* (Нідерланди), *Georg-August University Göttingen* (Германія), *Heidelberg University* (Германія) та восьми вищих навчальних закладів Сполучених Штатів Америки (*Harvard University, Stanford University, Princeton University, University of Chicago, University of California* (Berkeley), *University of California* (Loas Angeles), *Columbia University*). Щоб зрозуміти, чому вищий навчальний заклад йменується саме *«university»*, ми звернулися до етимології наведеної лексичної одиниці, яка в латині, звідки вона увійшла до вокабуляру англійської мови на початку XIV ст., мала дещо інше значення.

Як вказує *A New English Dictionary on Historical Principles,* в латині лексема *ŭniversitāt* вживалася, коли говорили про *щось ціле*, а в епоху Середньовіччя вона набула формального відтінку значення, яке близьке до того, що ми знаємо зараз: «суспільство, компанія або товариство в цілому» [6, с. 245]. В англійській мові епохи Середньовіччя лексема *university* вже вживалася в сучасному значенні «ціла група вчителів та науковців, які збираються в певному місці для того, щоб давати та отримувати знання у вищих галузях навчання; зібрані разом, ці люди отримують певну владу та привілеї (особливо в наданні наукових ступенів) та формують заклад, де надають вищі та більш важливі знання в тій чи іншій науковій галузі; до складу подібних формувань можуть входити коледжі (colleges) та різні корпуси (buildings)» [6, с. 245]. Словник також вказує, що іноді представлена лексема може бути синонімічною до лексеми *college*.

Цікавим є те, як показує етимологічний словник, що спочатку лексичну одиницю *college* у значенні *незалежний вищий навчальний заклад* почали використовувати саме в Сполучених Штатах: «з тієї причини, що у складі деяких університетів було засновано лише один коледж (college), або під впливом якихось факторів у складі університету вижив лише один коледж (college), цей термін став взаємозамінним з терміном *університет* (university)» [3, с. 623–624]. Трохи пізніше в такому ж значенні лексему *college* почали використовувати в Шотландії. Сучасний тлумачний словник The Longman Dictionary of Contemporary English приводить шість визначень лексичної одиниці *college.* Ми наведемо ті, що являють собою певну цікавість для нашого дослідження, а саме друге і третє визначення: «2) американська англійська: самостійний вищий навчальний заклад, де можна навчатися після закінчення старших класів середньої школи та отримати ступінь (брит. син. university); 3) складові частини, на які поділені деякі університети, особливо у Британії». Таке ж визначення представленій лексемі дають також інші тлумачні словники [7; 8; 9; 10]. Аналіз фактичного матеріалу показав, що лексична одиниця *college* зустрічається в назвах двох вищих навчальних закладів Сполученого Королівства: *Imperial College of London* та *King's College London*; у проаналізованих освітніх установах Європи та Сполучених Штатів ми не зустріли представлену лексему у значенні «незалежний вищий навчальний заклад». Тут, на перший погляд, може виникнути певна невідповідність, адже сучасні словники не вказують на синонімічність лексем *college* та *university* у британському варіанті англійської мови. Щоб вирішити це питання, ми звернулись до історії розвитку цих навчальних закладів. Історичні джерела вказують на те, що до 2007 року ці коледжі знаходилися у складі Лондонського університету (University of London) [en.wikipedia.org/wiki/University_college#Great_Britain]. Потім вони отримали незалежність і стали повноправними самостійними вищими навчальними закладами. Отже, на нашу думку, використання лексичної одиниці *college* у значенні *university* в сучасному британському варіанті англійської мови можна вважати саме особливістю національної картини світу.

Примітною, з точки зору територіальних особливостей та національної картини світу, є лексична одиниця *university college*. Ця лексема зустрічається у британському, американському та європейському варіантах англійської мови, але дещо відрізняється за своєю семантичною наповненістю. У британському варіанті англійської мови вона означає «навчальний заклад, який надає студентам ступінь спеціаліста; в цьому типі навчального закладу може проводитися навчально-дослідна робота, але зазвичай він направлений лише на навчання» [11]. У числі проаналізованих нами назв вищих навчальних закладів ми зустріли представлену лексичну одиницю лише один раз: *University College London*. Як і у випадку з лексемою *college*, тут також є деяка невідповідність формального визначення лексичної одиниці з когнітивним сприйняттям її в сучасній мові. З представленого вище визначення бачимо, що у класичному своєму варіанті *university college* надає своїм випускникам ступінь спеціаліста; в реальності ж *University College London* надає своїм випускникам не тільки ступінь спеціаліста або магістра, а також ступінь доктора філософії (PhD). Аналіз історичних джерел показав, що до 2005 року вищий навчальний заклад, що аналізується, входив до складу Лондонського університету (University of London), так само, як *Imperial College of London* та *King's College London*, які було розглянуто вище. В 2005 році навчальний заклад став самостійним, а назва збереглася й до сьогодні, таким чином набувши такої ж семантичної наповненості, як і лексема *university*. Ми вважаємо, що це явище також можна пояснити особливостями специфіки національної картини світу та когніції. Серед назв вищих навчальних закладів Європи та Сполучених Штатів Америки, які були обрані нами для даного дослідження, лексична одиниця *university college* не зустрічалася.

Як було зазначено вище, ще одним лексичним засобом вербалізації субконцепту «Вищий навчальний заклад» є лексема *institute*. Ми зустріли цю лексичну одиницю в назвах двох вищих навчальних закладів Європи (*ETH Zurich Swiss Federal Institute of Technology* (Швейцарія)*, Karolinska Institute* (Швеція) та двох вищих навчальних закладів Сполучених Штатів Америки (*California Institute of Technology* та *Massachusetts Institute of Technology*). В обох варіантах англійської мови (як американському, так і європейському) наведена лексична одиниця має однакову семантичну наповненість, а, отже, й однакове когнітивне розуміння людей, що вживають цю лексему. Як вказує етимологічний словник, лексичну одиницю *institute* було введено до складу вокабуляру французької мови в кінці XVIII ст. замість старих академій, діяльність яких було припинено через Французьку революцію [5, с. 353–354]. Ці нові освітні установи були направлені на поглиблене вивчення предметів, що стосуються якоїсь однієї галузі знань (літератури, мистецтва, технічних дисциплін та ін.). Трохи пізніше лексема увійшла до словникового складу англійської мови у тому ж значенні. В сучасних тлумачних словниках [8; 9; 10; 11] можна знайти таке саме значення представленої лексичної одиниці: «організація, яка має певну мету, таку як наукова або освітня діяльність, або будівля, в стінах якої ця діяльність здійснюється». Як показав аналіз фактичного матеріалу, специфічну галузь, на якій спеціалізується освітній заклад, закладено вже всередині самої його назви, наприклад *California Institute of Technology*.

Останнім засобом лексичної репрезентації субконцепту «Вищий навчальний заклад» у сучасній англійській мові є лексична одиниця *school*. Ми зустріли її в назвах трьох вищих навчальних закладів Європи (*École Polytechnique Fédérale de Lausanne* (Швейцарія)*, École Normale Supérieure* (Франція)*, École Polytechnique* (Франція) та одного вищого навчального закладу Сполученого Королівства (*Lon-*

don School of Economics and Political Science). На сучасному етапі розвитку представлені вищі навчальні заклади є самостійними та незалежними. Це не відповідає дефініції *school,* яку наводять сучасні тлумачні словники [7; 8; 9; 10]: «1) *американський варіант англійської мови:* коледж або університет, або той час, коли людина там навчається; 2) структурний підрозділ або група підрозділів, яка навчає певним предметам у вищому навчальному закладі». На основі проаналізованого фактичного матеріалу можна стверджувати, що в американському варіанті англійської мови лексична одиниця *school* є, скоріше, узагальнюючою назвою для групи закладів вищої освіти, вона не фігурує в назвах освітніх закладів. Що ж стосується британського та європейського варіантів англійської мови, можна сказати, що лексична одиниця *school* з'являється в номінаціях закладів вищої освіти з історичних причин. Історичні джерела (див.: [timeshighereducation.co.uk/world-university-rankings/2011-2012/europe]) вказують на те, що кожна з представлених шкіл до певного часу була частиною великих багатогалузевих університетів, аж поки не отримала незалежність і не стала самостійним закладом, який надає своїм випускникам такий самий рівень освіти та дипломи того ж зразка, що й університети.

Отже, на основі проаналізованого матеріалу можна стверджувати, що первинною лексемою, яка увійшла до складу назв закладів вищої освіти була лексична одиниця *university*; вона до сьогодні є основним засобом лексичної вербалізації субконцепту «Вищий навчальний заклад». Що стосується сучасного когнітивного сприйняття цієї лексеми носіями мови, або людьми, що володіють англійською мовою в якості іноземної, воно не залежить від національної картини світу, історичних або соціальних причин. Не можна, однак, сказати те саме про лексичні одиниці *college* та *school*, семантична наповненість, а, отже, й рецепція яких залежить від певних особливостей суспільства та варіантів англійської мови.

Таким чином, концепт «Освітній менеджмент» та зокрема субконцепт «Вищий навчальний заклад» містять у собі надзвичайну кількість різноманітних аспектів та особливостей, які потребують подальшого, більш глибокого аналізу.

Бібліографічні посилання

1. **Камшилова О. Н**. Английский язык как lingua franca: функция языка или языковая форма? / О. Н. Камшилова // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – СПб, 2006. – С. 61–74.
2. **Краткий словарь когнитивных терминов** / Е. С. Кубрякова и др. – М., 1997. – 245 с.
3. **Серебренников Б. А.** Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б. А. Серебренников. – М. : Наука, 1988. – 247 с.
4. **New English Dictionary on Historical Principles.** – Vol. II. – Oxford, 1914.
5. **New English Dictionary on Historical Principles**. – Vol. V. – Oxford, 1914.
6. **New English Dictionary on Historical Principles**. – Vol. VIII. – Oxford, 1914.
7. **New English Dictionary on Historical Principles.** – Vol. X. – Oxford, 1914.
8. **Macmillan Dictionary for Advanced Learners.** – Oxford, 2008.
9. **The Longman Dictionary of Contemporary English**, 5th Edition. – Harlow, 2010.
10. **The Oxford English Dictionary**. – Oxford, 2010.
11. **Webster's College Dictionary**. – Режим доступа: http://www.merriam-webster.com.

Надійшла до редколегії 29.03.12

УДК 81'42

Я. В. Гнезділова

Київський національний лінгвістичний університет

КОМУНІКАТИВНО-ПРАГМАТИЧНА ТИПОЛОГІЯ АНГЛОМОВНИХ ЕМОЦІЙНОГО Й ЕМОТИВНОГО ДИСКУРСІВ

Присвячено розмежуванню емоційного й емотивного типів дискурсу на основі аналізу відмінностей у їхній типології. Встановлено критерії виділення різновидів зазначених дискурсів, зокрема, наміри / інтенції мовця, домінантна емоція, що превалює у мовця в певній мовленнєвій ситуації, і тональність мовлення. Особливу увагу приділено розбіжностям при порівнянні тих видів, які притаманні як емоційному, так і емотивному типам дискурсу.

Ключові слова: емоційний й емотивний дискурси, інтенції мовця, домінантна емоція, тональність мовлення.

Посвящена разграничению эмоционального и эмотивного типов дискурса на основании анализа отличий в их типологии. Установлены критерии выделения разновидностей указанных дискурсов, а именно: намерения / интенции говорящего, доминантная эмоция, превалирующая у говорящего в определенной речевой ситуации, и тональность речи. Особое внимание уделено различиям при сравнении тех видов, которые присущи как эмоциональному, так и эмотивному типам дискурса.

Ключевые слова: эмоциональный и эмотивный дискурсы, интенции говорящего, доминантная эмоция, тональность речи.

This research focuses on the distinctions between the emotional and emotive types of discourse based on the analysis of differences in their typology. The criteria of these discourse types identification are established, notably the speaker's intentions, a dominant emotion which prevails in a speaker in a certain speech situation, and the tonality of speech. A special attention is drawn to the dissimilarities at the comparison of those types which can be found in both emotional and emotive discourse.

Keywords: emotional and emotive discourse, speaker's intentions, a dominant emotion, the speech tonality.

Дослідження мовлення залежно від ступеня його підготовленості проводяться у межах емотіологічних студій – порівнюється або протиставляється спонтанне і стратегічне, тобто навмисне, вираження емоцій [6, с. 10], емоційне мовлення без передбачуваного впливу на адресата й емоційне мовлення з цілеспрямованим впливом на адресата [3, с. 247–248]. Вивчаються емоційно забарвлені лексичні одиниці, що вживаються переважно в усному діалогічному мовленні для позначення емоційних станів мовця або його емоційного ставлення до співрозмовника, предмета мовлення тощо і в письмовому підготовленому мовленні, де висловлення стає більш складним та детальним [2, с. 21]. Дискурсологами розглядаються спонтанні й завчасно сплановані [16], усні й письмові [8, с. 87], діалогічні й монологічні [15], інституціональні й неінституціональні [8, с. 176] дискурси.

При цьому дотепер не досліджувалися спонтанний і підготовлений дискурси в емотіологічному аспекті, хоча мовний матеріал свідчить про відмінності між ними саме в цьому аспекті й необхідність їх зіставлення, а тому питання про специфіку структури, семантики і прагматики таких дискурсів залишаються невизначеними.

Емоційний та емотивний дискурси виокремлюються нами за низкою критеріїв (мовних і позамовних), як такі, що презентують різні типи мовленнєвої діяльності в емоціогенних ситуаціях [1]. Поряд з психологічними критеріями диференціації цих дискурсів, вони різняться за умовами протікання комунікації, їх лексич-

© Гнезділова Я. В., 2012

ними і стилістичними, синтаксичними та прагматичними ознаками. У прагматичному аспекті емоційний та емотивний дискурси відрізняються за такими критеріями: мовленнєвою поведінкою комунікантів, адресантно-адресатною спрямованістю мовлення, організацією мовлення, його стратегічністю, функціями й видами залежно від намірів мовця та тональності спілкування. ***Метою*** цієї статті є побудова типології емоційного й емотивного дискурсів, а її завданням, відповідно, є виокремлення їхніх видів і порівняння емоційного й емотивного дискурсів на основі аналізу їх видів.

При розгляді засобів, які вживаються для вербалізації емоцій, особливу роль відіграє виявлення а) прототипних ситуацій їх виникнення [12] та б) намірів мовця. Інтенція мовця є однією з ключових понять прагматики [14, с. 3–4]. Вона виявляється через дії комунікантів, які виконуються ними в конкретних мовленнєвих ситуаціях, тому при визначенні інтенції мовця ми керувалися контекстом. Залежно від інтенції мовця, домінантної емоції, що превалює у мовця в певній мовленнєвій ситуації, тональності мовлення та його спрямованості на, відповідно, співробітництво чи конфронтацію [11, с. 243], емоційний та емотивний дискурси відзначаються багатоманітними класифікаціями.

Види емоційного дискурсу. Виходячи з намірів мовця, до емоційних дискурсів зараховуємо **агресивний**, **аксіологічний, блокувальний, з'ясувальний, сповідальний, фатичний**. Так, інтенцією мовця в агресивному емоційному дискурсі є вираження обурення; в аксіологічному – оцінити та прокоментувати свій емоційний стан та дії, виконані під впливом емоцій; в блокувальному і з'ясувальному – спонукати адресата до зміни в його емоційній мовленнєвій поведінці; у сповідальному – виговоритися у своїх хвилюваннях, вчинках тощо; у фатичному – налагодити мовленнєвий та міжособистісний контакт. Необхідно зазначити, що перераховані види емоційного дискурсу не існують ізольовано і в процесі спілкування одні види можуть змінюватися іншими залежно від емоцій, які переживаються мовцем на момент мовлення, та його мовленнєвої поведінки.

Види емотивного дискурсу. Наша типологія емотивного дискурсу базується на різного виду промовах соціально-побутового характеру. Будь-яка промова, приурочена події, має стереотипну побудову викладу і відповідає вимогам до написання, що вказує на її узагальнений характер. Саме тому на допомогу ораторам створюються численні методичні посібники стосовно того, як треба писати виступи [4; 5; 6, с. 78; 11] і надаються зразки різних їх типів [18].

У сучасній науці існує кілька підходів до класифікації промов. Класичною є класифікація промов за жанром, яка базується на основних формах ораторського монологу [4, с. 238; 5, с. 119–215; 9, с. 78; 10; 17, с. 17–18, 214–327 та інші]. Нас цікавить лише **соціально-побутове красномовство**.

Інший підхід до класифікації промов випливає з цілей комунікації, які поділяються на інформативні, переконуючі, доказові та розважальні [13, с. 21]. Так, виходячи з намірів мовця, в емотивному дискурсі ми виділяємо такі його узагальнювальні типи, як ***аргументативний*** (промови при висуненні кандидата на посаду, звернення, церковні проповіді, усовіщання, наставницькі промови на соціальні та моральні теми), ***меморіальний*** (похвальні промови (панегірики), поминальні (надмогильні, похоронні) промови, пам'ятні та напутні слова, промови з приводу виходу на пенсію тощо), ***спонукальний*** (заклик, лозунг) та підготовлений ***фатичний*** (вступні слова, урочисті, святкові, ювілейні вітання, привітання, випускні та євхаристичні промови (складання подяк), прощання, застільні тости).

Зіставляючи описані вище види емоційного й емотивного дискурсів, виходячи з інтенції мовця, бачимо, що *пояснення надаються* в сповідальному емоційному й аргументативному емотивному дискурсах. При цьому в емоційному сповіда-

льному дискурсі мовець розповідає про певні свої вчинки. Його метою є пояснити причину вчинку, щоб його зрозуміли і не засудили. Наміром мовця в емотивному аргументативному дискурсі є переконати та схилити на свій бік аудиторію.

Мовець *спонукає до зміни в мовленнєвій поведінці співрозмовника* в блокувальному і з'ясувальному емоційному та спонукальному емотивному дискурсах. Спонукання в емоційному блокувальному дискурсі виражається через протидію, в емоційному з'ясувальному – через випитування, вимагання чи стимулювання адресата надати необхідну мовцеві інформацію. Емотивний спонукальний дискурс виражає заохочення.

Коментар і оцінка надаються в аксіологічному емоційному й меморіальному емотивному дискурсах. Через аксіологічний емоційний дискурс мовець експресивно коментує та оцінює людей, речі, явища; меморіальний дискурс є панегіриком, тобто надає позитивну оцінку певній особі / події / діяльності тощо.

Встановлення / підтримка контакту здійснюється у фатичних емоційному й емотивному дискурсах. Відмінність між ними полягає у тому, що емоційний фатичний дискурс є спонтанно-експресивним дискурсом і спрямованим на встановлення дружніх відносин з адресатом. Емотивний фатичний дискурс є обов'язковим (згідно з правилами етикету) і ритуальним, присвяченим певним урочистим подіям, а саме: дню народженню, хрестинам, випускному дню, вступові на нову посаду тощо.

Диференційним видом емоційного дискурсу є агресивний. Емотивний дискурс не передбачає вираження агресії, обурення, злості тощо.

Наступним критерієм зіставлення видів емоційного й емотивного дискурсів є їх тональність. З одного боку, тональність дискурсу, виходячи з характеру відносин між комунікантами, свідчить про співробітництво (консенсус) чи суперництво і конфронтацію (дисенсус). Переважно негативна забарвленість дискурсу вказує на його спрямованість на дисенсус у відносинах між комунікантами, позитивна – на консенсус та встановлення контакту. З іншого боку, тональність дискурсу визначається за домінуючими в ньому емоціями, залежно від ситуації спілкування. Тональність може бути *мажорною*, відображаючи позитивні емоції й оцінки, загальний оптимістичний настрій; і *мінорною*, коли переважають знижені і негативні емоційні оцінки, загальний песимістичний настрій. Так, емоційний дискурс є переважно негативно забарвленим, що підтверджується кількісним аналізом типів даного дискурсу, поданих у табл. 1.

Таблиця 1

Класифікація емоційного дискурсу за тональністю спілкування

Види емоційного дискурсу	**Тип забарвленності**		
	позитивно забарвлені	**негативно забарвлені**	**позитивно / негативно забарвлені**
Агресивний		догана, наруга, висміювання, звинувачення, прискіпування, залякування, опротестування, захист (виправдовування), ультиматум, сварка, справдовування	
Аксіологічний	хвастання, похвала, (само)захоплення	критика, самокритика, скарга	коментар (відгук), торг

Блокувальниий	заспокоювання, вмовляння (благання), переконування	розпорядження, примушування (присилування), істерика, голосіння (побивання)	
З'ясувальний		викриття (розвінчання), допит (дізнання)	випитування, з'ясування
Сповідальний		сповідь (зізнання), бідкання	
Фатичний	освідчення, загравання (залицяння), етикетний дискурс (вибачення, привітання, подяка, запрошення), розважальний дискурс (розіграш, гра, жарт)		

Негативно забарвленими є 61,1 % видів емоційного дискурсу; позитивно забарвлені складають 27,8 %. Інші 11,1 % становлять дискурси, які можуть бути як позитивно, так і негативно забарвленими, що задається ситуацією спілкування. Лише негативним є агресивний емоційний дискурс. Власне позитивним емоційним дискурсом є фатичний [7], оскільки він спрямований на встановлення дружніх інтерактивних відносин, ґрунтуючись на принципах співробітництва та правил увічливості.

Проаналізуємо за тональністю мовлення види емотивного дискурсу (див. табл. 2).

Таблиця 2

Класифікація емотивного дискурсу за тональністю спілкування

Види емоційного дискурсу	**Тип забарвленності**		
	позитивно забарвлені	**негативно забарвлені**	**позитивно / негативно забарвлені**
Аргументативний	виправдання, утішання, прохання, промови при висуненні кандидата, звернення, церковні проповіді		промови на соціальні та моральні теми
Меморіальний	панегірики, поминальні, напутні промови		
Спонукальний	заклик, надихаючі, запальні промови		
Фатичний	вітальні (урочисті, святкові, ювілейні), випускні, застільні (тости), привітальні, прощальні, євхаристичні промови		

Емотивний дискурс, на противагу емоційному, на 94,7 % є позитивно забарвленим. Підтвердженням сказаному служить також те, що публічна комунікація

загалом має тенденцію більше до **позитивної** характеризації подій, ніж до негативної [10; 17, с. 169], оскільки аудиторія налаштована більше хвалити гарні моменти, ніж засуджувати погані, тому оплески є частотнішими, ніж освистування.

Отже, емоційний та емотивний дискурси дійсно відрізняються за видами. Залежно від інтенції мовця емоційний дискурс поділяється на агресивний, аксіологічний, блокувальний, з'ясувальний, сповідальний та спонтанний фатичний.

Емотивний дискурс представлений аргументативним, меморіальним, спонукальним та плановаим фатичним видами. Особливим видом емоційного дискурсу є агресивний, він не має еквівалентів в емотивному дискурсі, оскільки останньому не властиве вираження агресії.

За тональністю мовлення емоційний дискурс є переважно мінорним, негативно забарвленим, емотивний – мажорним, позитивно забарвленим. Як наслідок, емоційний дискурс спричиняє здебільшого дисенсус у взаємовідносинах між комунікантами, емотивний – веде до консенсусу.

Перспективи дослідження зумовлені тим, що воно є внеском у вирішення проблем теорії мовленнєвої комунікації, пов'язаних із дослідженням мовленнєвої поведінки комунікантів та мовного впливу на співрозмовника – індивідуального чи масового адресата, й емотіології у плані вивчення мовного вираження емоцій людини у спонтанних і підготовлених мовленнєвих ситуаціях. Здійснений у роботі аналіз емоційного й емотивного типів дискурсу відкриває також перспективи подальших досліджень, які можуть бути пов'язані з виявленням диференційних особливостей зазначених дискурсів у когнітивному, психолінгвістичному, лінгвокультурологічному, гендерному аспектах з вивченням їх у різних мовленнєвих ситуаціях – юридичних, соціально-політичних, публіцистичних та інших.

Бібліографічні посилання

1. **Гнезділова Я. В.** Емоційність та емотивність сучасного англомовного дискурсу: структурний, семантичний і прагматичний аспекти : дис. ... канд. філол. наук / Я. В. Гнезділова. – К, 2007. – 291 с.
2. **Городникова М. Д**. Эмотивные явления в речевой коммуникации / М. Д. Городникова. – М. : Московск. гос. пед. ин-т иностр. яз. им. М. Тореза, 1985. – 70 с.
3. **Гранько Н. К.** Емоції у психології та лінгвістиці / Н. К. Гранько // Вісник Харківськ. нац. ун-ту ім. В. Н. Каразіна. – 2002. – № 567. – С. 243–250.
4. **Граудина Л. К.** Теория и практика русского красноречия / Л. К. Граудина, Г. И. Миськевич. – М. : Наука, 1989. – 256 с.
5. **Гурвич С. С.** Основы риторики / С. С. Гурвич, В. Ф. Погорелко, М. А. Герман. – К. : Выща школа, 1988. – 248 с.
6. **Корольов Д. К.** Структура, детермінанти та функції емоційно-оціночного ставлення до життя : автореф. дис. ... канд. психол. наук / Київськ. нац. ун-т ім. Т. Шевченка / Д. К. Корольов. – К., 2001. – 18 с.
7. **Ларина Т. В**. Фатические эмотивы в коммуникации и переводе / Т. В. Ларина // Актуальные проблемы преподавания практического курса перевода в вузе : Материалы научно-практ. конф. – М. : ВЧ 33965, 2005. – С. 228–240.
8. **Макаров М. Л.** Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. – М. : ИТДГК Гнозис, 2003. – 280 с.
9. **Николаева Т. М**. Семантика акцентного выделения / Т. М. Николаева. – М. : Наука, 1982. – 103 с.
10. **Фоменко О. С.** Лігнвістичний аналіз сучасного політичного дискурсу США (90-ті роки XX століття) : автореф. дис. ... канд. філол. наук / Київськ. нац. ун-т ім. Т. Шевченка / О. С. Фоменко. – К., 1998. – 18 с.
11. **Фролова І. Є.** Вербалізація конфлікту у дискурсі / І. Є. Фролова // Дискурс як когнітивно-комунікативний феномен. – Харків : Константа, 2005. – С. 237–262.

12. **Шаховский В. И.** Дейксис в сфере эмоциональной речевой деятельности / В. И. Шаховский, В. В. Жура // Вопросы языкознания. – 2002. – № 5. – С. 38–56.
13. **Ellingsworth H. W.** Speech and Social Action: a Strategy of Oral Communication / H. W. Ellingsworth, J. R. T. Clevenger. – Englewood Cliffs, New Jersey : Prentice-Hall, 1967. – 202 p.
14. **Green G. M.** Pragmatics and Natural Language Understanding / G. M. Green. – Hillsdale, New Jersey : Lawrence Erlbaum Associates, 1989. – 180 p.
15. **Hoffmanovà J.** Zwischen Dialog und Monolog / J. Hoffmanovà // Beiträge zur Dialogforschung: Dialoganalyse IV. – Tübingen : Niemeyer, 1993. – Teil 2. – S. 35–40.
16. **Keenan E.** Why Look at Unplanned and Planned Discourse? / E. Keenan // Southern California Occasional Papers in Linguistics. – 1977. – № 5. Discourse Across Time and Space. – P. 1–41.
17. **Sears L.** The Occasional Address / L. Sears. – L., N. Y. : The Knickerbocker Press, 1997. – 343 p.
18. **Wright C. W.** Better Speeches for All Occasions / C. W. Wright. – N. Y. : Crown Publishers, 1993. – 250 p.

Надійшла до редколегії 06.06.12

УДК 811.111'04

И. Д. Гречухина

Академия таможенной службы Украины (г. Днепропетровск)

ДРЕВНЕАНГЛИЙСКАЯ ПОЭТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В ЖАНРОВОМ АСПЕКТЕ

Проаналізовано особливості вживання давньоанглійської поетичної лексики в різних жанрах англосаксонської поезії. Наведено статистичні дані, які демонструють ступінь близькості жанрів на підставі їх поетичного словника. Виявлено співвідношення поетизмів, які вживались в одному жанрі та декількох жанрах.

Ключові слова: жанри поезії, давньоанглійська поетична лексика, узуальні поетизми, індивідуальні поетизми.

Проанализированы особенности употребления древнеанглийской поэтической лексики в различных жанрах англосаксонской поэзии. Приведены статистические данные, демонстрирующие степень близости жанров на основании их поэтического словаря. Выявлено соотношение поэтизмов, употреблявшихся в одном жанре и нескольких жанрах.

Ключевые слова: жанры поэзии, древнеанглийская поэтическая лексика, узуальные поэтизмы, индивидуальные поэтизмы.

The article analyzes the peculiarities of Old English poetic diction in various genres of Anglo-Saxon poetry. The statistics showing the proximity of genres on the basis of their poetic diction is given. The correlation of poetic words used in one genre and the ones found in several genres is revealed.

Keywords: poetic genres, Old English poetic diction, conventional poetic words, individual poetic words.

Лексика древнеанглийской поэзии как важнейший стилеобразующий компонент поэтического языка издавна привлекает внимание зарубежных и отечественных учёных (F. P. Magoun, E. A. Kock, G. M. Sklute, K. P. Wentersdorf, H. T. McMillan Buckhurst, C. Brady, W. Whallon, T. J. Gardner, М. И. Стеблин-Каменский, О. А. Смирницкая, Н. Ю. Гвоздецкая, О. В. Дудченко, К. В. Ярцева и др.). Активно развивающаяся в последнее время лингвистически ориентированная

© Гречухина И. Д., 2012

поэтика древних германских языков, в том числе древнеанглийского, направлена на изучение словообразовательных, структурных, семантических, экспрессивно-стилистических, лингвокогнитивных характеристик лексики древнеанглийской поэзии.

Целью настоящей статьи является анализ жанровых особенностей древнеанглийской поэтической лексики (поэтизмов), понимаемой как лексика, употребляемая исключительно в поэзии.

Достижение указанной цели предполагает в качестве практической ***задачи*** выявление и статистический анализ групп поэтизмов, которые употреблялись в различных жанрах поэзии, а также определение степени близости жанров на основе употреблявшейся в них поэтической лексики.

Материалом исследования служат поэтизмы, отобранные путём сплошной выборки из англосаксонского словаря Дж. Р. Кларка Холла [10], единственного словаря древнеанглийского языка, последовательно маркирующего поэтическую лексику. Распределение этих слов в поэтических памятниках устанавливается с помощью словаря Х. Грайна [11], который является словарём-конкордансом к древнеанглийским поэмам.

Древнеанглийская поэтическая лексика с точки зрения употребления в различном количестве памятников поэзии была неоднородна. Она включала в себя слова, употреблявшиеся более чем в одном памятнике (узуальные поэтизмы), и слова, зафиксированные только в одном памятнике (индивидуальные поэтизмы).

Объектом исследования являются узуальные поэтизмы, поскольку именно они показывают степень близости различных жанров с точки зрения употреблявшейся в них поэтической лексики. По нашим подсчётам, из общего количества древнеанглийких поэтизмов (4433 слова) узуальные поэтизмы составляли 1179 [2, с. 6].

Исследователи не раз предлагали свои решения проблемы жанровой классификации древнеанглийской поэзии (G. K. Anderson, M. Lehnert, M. Schlauch, и др.). Жанровая классификация обычно осуществляется на основе следующих признаков: сюжет и тематика произведения (это особенно важно для нашего исследования, поскольку тематика произведения определяет предметно-понятийную отнесённость значимого для того или иного жанра круга слов); соотношение памятников с общегерманской эпической традицией и христианской литературой; уровень и характер в них историзма; взаимодействие в них правды и вымысла; композиционная структура; предназначенность для определённой аудитории [4, с. 64–65]. Проблема классификации древнеанглийской поэзии по жанровому признаку не может быть решена однозначно. Как справедливо отмечает О. А. Смирницкая, главная трудность здесь заключается в том, что, в отличие от литературы нового времени, жанры древнеанглийской поэзии не противопоставлены достаточно чётко друг другу как разные художественные формы: эта поэзия сравнима со спектром, в котором есть все цвета, но членение которого не может не быть условным [5, с. 182–184]. Вследствие этой особенности поэзии англосаксов в научной литературе встречаются различные мнения по поводу жанровой принадлежности того или иного памятника. Тем не менее, опираясь на имеющиеся жанровые классификации древнеанглийской поэзии, дадим рабочую классификацию, необходимую для того, чтобы выявить группы поэтизмов, тяготеющих к тому или иному жанру, и установить степень близости жанров по употребляющейся в них поэтической лексике. Древнеанглийские памятники поэзии (исследуются только поэмы, входящие в «Библиотеку древнеанглийской поэзии» Х. Грайна [9], но это издание достаточно полно: оно содержит 56 поэм, т. е. по-

давляющее большинство памятников) могут быть классифицированы по признаку жанровой принадлежности следующим образом:

1) героический эпос: «Беовульф», «Битва при Финнсбурге», «Вальдере»; сюда же по сюжетному признаку примыкает и «Фараон», маленький объём которого не может служить препятствием для отнесения его к эпосу, поскольку жанр произведения нельзя установить простым измерением его длины [1, с. 39]. Основная тема героико-эпических поэм – распри и войны. У древних германцев героический эпос универсален по функциям, поскольку во время его возникновения ещё не выделялись в качестве самостоятельных сфер человеческой деятельности философия, науки о природе и истории, художественная литература. Эпос давал всестороннюю картину мира, объяснял его происхождение и дальнейшие судьбы, учил отличать добро от зла, наставлял, как жить и умирать [3, с. 6];

2) религиозный эпос – поэтическое переложение библейских легенд и житий святых, а также аллегории и символические поэмы христианского содержания. За исключением поздней поэмы «Юдифь», все памятники этого жанра подразделяются на каноны Кэдмона и Кюневульфа. Под каноном Кэдмона (к нему относят разрабатывающие ветхозаветную тематику поэмы «Книга бытия», «Исход», «Даниил», «Христос и Сатана») ранее понимались поэмы конкретного автора, носящего это имя, а сейчас они трактуются как произведения более архаичного, теснее связанного с героической поэзией жанра. Под каноном Кюневульфа понимается группа поэм на темы Нового завета. К ним относятся 4 поэмы, содержащие в виде рунических знаков подпись Кюневульфа («Елена», «Христос», «Юлиана», «Судьбы апостолов»), и поэмы «Андрей», «Гудлак», «Видение Креста» и «Феникс», ранее приписываемые Кюневульфу, но авторство которых не может быть достоверно установлено. Сейчас все перечисленные поэмы рассматриваются как произведения ученого жанра, теснее, чем поэмы Кэдмона, связанные с классической и христианской культурой [8; 5; 4];

3) элегии: «Деор», «Плач жены», «Морестранник», «Скиталец», «Послание мужа», «Руины», «Рифмованная поэма». Основная тематика элегий – изгнание, исключение героя из привычного для него мира, психологическое состояние человека, оказавшегося в одиночестве;

4) дидактическая поэзия: «О дарованиях человеческих», «О судьбах человеческих», «О слабостях человеческих», «О тщеславии человеческом», «Наставление отца», «Месяцеслов», «Соломон и Сатурн», «Обращение души к телу», «Азарий», Коттонские и Эксетерские гномы (изречения, содержащие наблюдения о природе вещей и человека), «Метры Боэция», «Судный день», «Адские муки», «Чудо творения», загадки, «Подаяния». В различных дидактических поэмах в разных пропорциях сочетаются исконный, христианский и классический компоненты;

5) мнемоническая поэзия: «Руническая поэма», «Видсид»; это образцы некогда распространённой у древних германцев поэзии, которая представляет собой перечни каких-либо фактов, сведений, имён, составленные в стихотворной форме для облегчения запоминания;

6) исторические поэмы: «Битва при Брунанбурге», «Битва при Мэлдоне», «Пленение и смерть Альфреда», «Эдгар», «Эдмунд», «Эдвард»; поэмы посвящены изображению реально происшедших событий, засвидетельствованных в древнеанглийских хрониках и скандинавских сагах;

7) бестиарий: «Кит», «Пантера», «Куропатка»; бестиарии – это распространенные в средневековье сборники о внешнем облике и повадках животных, которым даётся христианское истолкование;

8) гимны и псалмы: «Гимны», «Парижская псалтырь», «Псалтырь бенедиктинцев», «Кентский псалом».

Опираясь на данную классификацию, перейдём к рассмотрению вопроса о жанровой принадлежности поэтизмов: имела ли место закреплённость поэтизмов за тем или иным жанром? Какое количество поэтизмов было общим для тех или иных жанров? Что преобладало: закреплённость поэтизмов за тем или иным жанром или употребительность в различных жанрах?

Анализ показывает, что среди узуальных поэтизмов существовали слова, употреблявшиеся в различном количестве жанров: в 1 жанре (253 слова), в 2 жанрах (584 слова), в 3 жанрах (194 слова), в 4 жанрах (82 слова), в 5 жанрах (35 слов), в 6 жанрах (16 слов), в 7 жанрах (12 слов), т. е. бóльшая часть поэтизмов не была локализована в одном жанре, причем комбинации жанров, в которых встречались поэтизмы, могли быть самыми разнообразными. Поэтизмы, встречавшиеся только в одном жанре, выявлены в элегиях (2), героическом эпосе (4), дидактической поэзии (10) и религиозном эпосе (237), в том числе: а) параллелей между поэмами канона Кэдмона – 13 (*bælblys* «пламя, яркий огонь», *bresne* «могучий, сильный», *dēawigfeðera* «с покрытыми росой перьями», *āræman* «подниматься» и др.); б) параллелей между поэмами канона Кюневульфа – 111 (15 – между подписанными поэмами: *gāstsunu* «духовный сын», *foldgræf* «могила», *onhyrdan* «усиливать, ободрять» и т. д., и 96 – между подписанными и неподписанными поэмами этой школы: *brandhāt* «обжигающе горячий», *ellenheard* «смелый, могучий», *wrōhtsmið* «злодей» и др); в) параллелей между канонами Кэдмона и Кюневульфа – 68 (*æscberend* «копьеносец, воин», *goldfæt* «золотой сосуд», *līfwela* «богатство», *āsælan* «связывать» и др.); г) параллелей между канонами Кэдмона и *«Юдифью»* – 7 *(blāchlēor* «бледнолицый», *bælc* «гордость, высокомерие», *ealdorduguð* «знать» и др.); д) параллелей между каноном Кюневульфа и *«Юдифью»* – 20 (*belīðan* «лишать», *cenerōf* «благородный, прославленный», *ealdgenīðla* «старый враг, Сатана», *gārgewinn* «битва» и др.); е) 6 поэтизмов встречались в поэмах Кэдмона, Кюневульфа и *«Юдифи»* (*færspell* «ужасные известия», *hygeðancol* «мудрый», *ðūsendmælum* «тысячами» и т. д.); ж) существовала 1 параллель между каноном Кэдмона и «Книгой бытия» B* (*wamcwide* «проклятие, богохульство» «Христос и Сатана», «Книга бытия» B); з) параллелей между каноном Кюневульфа и «Книгой бытия» B – 8 (*handmægen* «физическая сила», *leoðubend* «цепь, оковы», *wrāðlīc* «мучительный» и др.); и) параллелей между канонами Кэдмона, Кюневульфа и «Книгой бытия» B – 2 (*engelcynn* «род ангелов», *swegl* «музыка»); к) 1 поэтизм встречался только в «Юдифи» и «Книге бытия» B – *hrēowigmōd* «печальный»).

Данные о процентном содержании общих узуальных поэтизмов в словарях поэм различных жанров представлены в таблице 1.

Цифры, приведенные в таблице, ясно свидетельствуют, что не было ни одного жанра, в котором процент поэтизмов, употреблявшихся только в рамках этого жанра, превышал долю поэтизмов, употреблявшихся в нескольких жанрах. Показательно, что только в половине жанров (героический эпос, религиозный эпос, дидактическая поэзия и элегии) выявлены поэтизмы, не встречавшиеся за их пределами, причём их процентное содержание в словарном составе, за единственным исключением − религиозный эпос (15,3 %), − очень незначительно: дидактическая поэзия − 1,1 %, элегии − 0,48, героический эпос − 0, 37 %. Во второй половине жанров (мнемоническая поэзия, исторические поэмы, бестиарий, гимны и псалмы) вообще не выявлено поэтизмов, локализованных только в их границах. Это

* Поэма «Книга бытия» состоит из фрагментов «Книга бытия» A (более старая часть) и интерполяции «Книга бытия» B, созданной гораздо позднее.

наглядно показывает, что в своей основе поэтический словарь древнеанглийской поэзии был един, границы между лексикой различных жанров были размытыми.

Таблица 1

Общие поэтизмы в словарном составе различных жанров (в процентном соотношении)

	Героический эпос	Религиозный эпос	Дидактическая поэзия	Элегии	Мнемоническая поэзия	Исторические поэмы	Бестиарий	Гимны, псалмы
Героический эпос	0,37	44	23,3	9,5	3,6	6,9	2,8	9,5
Религиозный эпос	30,6	15,3	22,5	8,2	3	5,5	4	10,6
Дидактическая поэзия	27	37,5	1,1	9,5	4,2	5,6	3	12,2
Элегии	24,7	30,75	21,3	0,48	4,4	5,6	2,2	10,65
Мнемоническая поэзия	20,5	25,3	20,5	9,5	0	8	3,6	12,6
Историические поэмы	26	29,9	18,3	8,1	5,3	0	2,1	10,2
Бестиарий	18,8	390	17,6	5,6	4,4	3,8	0	10,7
Гимны, псалмы	20,6	33,8	22,9	8,9	4,9	5,9	3,4	0

Охарактеризуем степень близости жанров на основании их поэтического словаря.

Героический эпос. Поэтизмов, которые не встречались за пределами этого жанра, всего 4 (*fēðewīg* «пешая битва», *gūðbill* «меч», *sincfæt* «драгоценный сосуд», *swātfāh* «окровавленный»). Наибольшее количество общих поэтизмов героический эпос имел с религиозным эпосом (474), далее следуют дидактическая поэзия (251), элегии и гимны, псалмы (по 102), исторические поэмы (74), мнемоническая поэзия (39), бестиарий (30).

Религиозный эпос. Поэтизмов, которые встречались только в религиозном эпосе, насчитывается 237. Наибольшее количество общих поэтизмов – с героическим эпосом (474), затем идут дидактическая поэзия (348), гимны и псалмы (165), элегии (127), исторические поэмы (85), бестиарий (62), мнемоническая поэзия (48).

Дидактическая поэзия. Поэтизмов, которые употреблялись только в дидактической поэзии, выявлено 10 (*felameahtig* «очень могущественный», *feldgangende* «идущий полем», *mōdsnotor* «мудрый», *scrallettan* «звучать громко» и др.). По числу общих с дидактической поэзией поэтизмов поэтические жанры располагаются следующим образом: религиозный эпос (348), героический эпос (251),

гимны и псалмы (113), элегии (88), исторические поэмы (52), мнемоническая поэзия (39), бестиарий (28).

Элегии. Поэтизмов, которые не встречались за пределами элегий, насчитывается всего 2. Показательно, что эти слова относятся к изображению внутреннего состояния человека, что находится в элегиях в центре внимания поэтов, – *brēostcearu* «сердечная печаль, тревога» и *earmcearig* «полный печали». Наибольшее число общих поэтизмов элегии имеют с религиозным эпосом (127), на втором месте героический эпос (102), на третьем – дидактическая поэзия (88), далее идут гимны и псалмы (44), историческая поэзия – 23, мнемонические поэмы – 18, бестиарий – 9.

Мнемоническая поэзия. Общие с другими жанрами поэтизмы распределяются следующим образом: религиозный эпос – 48, героический эпос и дидактическая поэзия – по 39, гимны и псалмы – 24, элегии – 18, исторические поэмы – 15, бестиарий – 7.

Исторические поэмы имеют наибольшее число общих поэтизмов с религиозным эпосом (85), второй показатель у героического эпоса (74), третий – у дидактической поэзии (52), затем идут гимны и псалмы (29), элегии (23), мнемоническая поэзия (15) и бестиарий (6).

Бестиарий. Наибольшее число общих поэтизмов имеет с религиозным эпосом (62), с другими жанрами их гораздо меньше: героический эпос – 30, дидактическая поэзия – 28, гимны и псалмы – 17, элегии – 9, мнемоническая поэзия – 7, исторические поэмы – 6. Заметное преобладание общих поэтизмов с религиозным эпосом объясняется тем, что рассказы о повадках и внешности животных (пантеры, кита и куропатки) трактуются в бестиарии в ключе христианской символики. Так, кит символизирует Сатану, а пантера – Христа.

Гимны и псалмы. Общие с другими жанрами поэтизмы распределяются следующим образом: религиозный эпос – 165, дидактическая поэзия – 113, героический эпос – 102, элегии – 44, исторические поэмы – 29, мнемоническая поэзия – 24, бестиарий – 17.

Все жанры имеют наибольшее количество общих поэтизмов с религиозным эпосом, далее идут героический эпос, дидактическая поэзия, гимны и псалмы (исключение, естественно, составляет религиозный эпос, имеющий наибольшее число общих поэтизмов с героическим эпосом). Замыкают списки элегии, бестиарий, исторические поэмы, мнемоническая поэзия. Такое распределение объясняется как количественными факторами (бóльшим количеством памятников, относящихся к первым четырём жанрам, и их суммарным объёмом), так и ролью этих жанров (особенно, конечно, первых двух) в древнеанглийской поэзии. Героический и религиозный эпос – это основные, стержневые жанры поэзии, которые как бы прорастали и в других жанрах. Истоком древнеанглийской поэзии был героический эпос. Он доминировал в поэтическом творчестве до VIII в., когда в быт и сознание англосаксов входит христианство. Сюжеты и мотивы Библии становятся привычной чертой поэзии и прозы. Единственной поэмой, свободной от христианского влияния, обычно считают «Битву при Финнсбурге» [7, p. 20; 6, p. 88], но это её качество может быть обязанным фрагментарности текста [5, с. 182]. Естественно, что при трактовке библейских и агиографических сюжетов древнеанглийский поэт обращается к единственному ему известному поэтическому языку – языку героической поэзии. В то же время авторы религиозного эпоса дальше развивают поэтический словарь, обогащают его; религиозный эпос даже становится единственным жанром поэзии англосаксов со значительным количеством поэтизмов, которые не встречались за его пределами.

Большое количество слов, встречающихся только в религиозном эпосе, жанре исторически более позднем, чем героический эпос, свидетельствует о динамическом характере развития древнеанглийской поэтической традиции. Поэтическая лексика обогащалась новыми единицами как для обозначения новых понятий и реалий, появившихся в англосаксонском обществе в связи с принятием христианства (*sweglcyning* «небесный король, т. е. бог», *apostolhād* «апостольство», *helledēofol* «дьявол», *gāstsunu* «духовный сын» и др.), так и новыми словами для обозначения традиционных для героического эпоса реалий (наименования воина *æscberend*, *byrnwīgend*, *randwīgend*, обозначение битвы *gārgewinn*, обозначение поля битвы *herefeld*, обозначение военачальника *herewōsa* и др.). Обилие новообразований для обозначения объектов военной сферы в религиозном эпосе объясняется тем, что мир религиозной поэзии, как и мир поэзии героической, – это мир героических действий и подвигов. Формировавшаяся в произведениях религиозного эпоса поэтическая лексика проникала в другие жанры (прежде всего, религиозные – гимны и псалмы, дидактические поэмы религиозного толка, но также и жанры светского характера – исторические поэмы, элегии).

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать определённые **выводы**. В половине жанров древнеанглийской поэзии (религиозном эпосе, дидактической поэзии, элегиях и героическом эпосе) выявлены поэтизмы, не встречавшиеся за их пределами. В остальных четырёх жанрах (исторических поэмах, мнемонической поэзии, бестиарии, гимнах и псалмах) такие поэтизмы не зафиксированы. Жанр, в котором обнаружено максимальное количество поэтизмов, не употреблявшихся в других жанрах, − религиозный эпос.

Бóльшая часть поэтизмов не была локализована в одном жанре. Количество поэтизмов, употреблявшихся в нескольких жанрах (926), существенно превышает количество поэтизмов, зафиксированных в одном жанре (253).

Жанры древнеанглийской поэзии были тесно связаны на лексическом уровне сложной системой связей. Комбинации жанров, в которых встречались те или иные поэтизмы, были различными, причём одни и те же поэтизмы могли употребляться в поэмах разных жанров, как укоренившихся в общегерманской традиции, так и возникших под влиянием христианства или, реже, классической литературы. Все жанры имели наибольшее количество общих поэтизмов с религиозным эпосом.

Данное исследование может явиться отправной точкой для дальнейшего изучения древнеанглийской поэтической лексики. **Перспективным** представляется выявление степени близости поэтической лексики различных памятников друг другу.

Библиографические ссылки

1. **Ворт Д. С.** Лирические элементы в «Слове о полку Игореве» / Д. С. Ворт // «Слово о полку Игореве» : (комплексные исследования). – М. : Наука, 1988. – С. 38–45.
2. **Гречухина И. Д.** Древнеанглийская поэтическая лексика : автореф. дисс. … канд. филол. наук / И. Д. Гречухина. – К., 1990. – 17 с.
3. **Гуревич А. Я.** Категории средневековой культуры / А. Я. Гуревич. – М. : Искусство, 1984. – 350 с.
4. **Мельникова Е. А.** Меч и лира: (англосаксонское общество в истории и эпосе) / Е. А. Мельникова. – М. : Мысль, 1987. – 206 с.
5. **Смирницкая О. А.** Поэтическое искусство англосаксов / О. А. Смирницкая // Древнеанглийская поэзия. – М. : Наука, 1982.– С. 171–232.
6. **Anderson J. K.** The Literature of Anglo-Saxons / J. K. Anderson. – Princeron, New Jersey : Princeton University Press, 1949. – 431 p.

7. **Kennedy Ch. W.** The Earliest English Poetry (a critical survey of the poetry written before the conquest, with illustrations) / Ch. W. Kennedy. – L. : Oxford University Press, 1943. – 375 p.
8. **Schlauch M.** English Medieval Literature and Its Social Foundation / M. Schlauch. – Warszawa : PWN; London : Oxford University Press, 1967. – 366 p.
9. **Bibliothek der Angelsächsischen Poesie in kritisch bearbeiten Texten und mit vollständigem Glossar** / Hrsg. von C. W. M. Grein. – Goettingen : Georg H. Wigand, 1858. – Band II. – 417 S.
10. **Clark Hall J. R.** A Concise Anglo-Saxon Dictionary / J. R. Clark Hall. – Cambridge : the University Press, 1931. – 437 p.
11. **Sprachschatz der angelsächsischen Dichter von C. W. M. Grein** / C. W. Grein. – Heidelberg : Winter, 1912 – 897 S.

Надійшла до редколегії 19.01.12

УДК 811.112.2’38

П. О. Дук

Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара

СУЧАСНІ ШПРУХОВІ ФОРМИ У СТИЛІСТИЧНІЙ СИСТЕМІ НІМЕЦЬКОЇ МОВИ

Розглянуто питання про можливості типологізації сучасних шпрухових форм та їх місце в сучасній стилістичній системі німецької мови з точки зору теорії стилістичних полів.

Ключові слова: шпрух, сучасні шпрухові форми, гібридна форма, стилістичне поле, стильова риса.

Рассмотрены вопросы о возможностях типологизации современных шпруховых форм и их месте в современной стилистической системе немецкого языка с точки зрения теории стилистических полей.

Ключевые слова: шпрух, современные шпруховые формы, гибридная форма, стилистическое поле, стилевая черта.

The article deals with the problems of typological classification of modern spruch-forms and of their place in the modern stylistic system of the German language from the standpoint of stylistic fields theory.

Keywords: spruch, modern spruch-forms, hybrid form, stylistic field, stylistic feature.

Розвиток сучасних засобів комунікації, таких як Інтернет, мобільний зв’язок, призводить до виникнення особливої мовної формації – медійної мови (Mediensprache), яка є об’єктом особливої уваги європейських дослідників. Ряд ґрунтовних досліджень німецькомовних лінгвістів присвячено загальним питанням мови та комунікації в Інтернеті [10], в інших роботах розглянуто особливості функціонування мови в окремих медійних типах текстів, наприклад, у рамках sms-, e-mail-, chat-комунікації [11; 12; 14] або в рамках гіпертексту [8].

Під впливом сучасних медіа змінюється також система типів текстів: виникають нові типи текстів та модифікуються вже існуючі. Так, останнім часом спостерігається значний розвиток такого сегмента німецькомовного Інтернет-дискурсу, як малі шпрухові форми. Для деяких із цих форм Інтернет є базовим середовищем існування (як, наприклад, для e-mail-шпрухів), для інших – одним із основних шляхів розповсюдження (sms-шпрухи). Між тим до сьогодні сучасні шпрухові форми залишалися поза увагою лінгвістів. Наша стаття має на меті на-

© Дук П. О., 2012

дати загальну лінгвістичну характеристику сучасних шпрухових форм та окреслити основні напрямки їх подальшого дослідження.

Класичний шпрух (нім. *der Spruch* – вираз) є жанром німецької середньовічної поезії. Це короткий вираз, частіше віршованого характеру, що має повчальний зміст, написаний живою розмовною мовою. Виникнення шпрухів пов'язують з іменем Вальтера фон дер Фогельвейде, а розвиток даного жанрового різновиду – з творчістю Ганса Сакса.

Шпрух у своєму класичному варіанті, що був помітним явищем середньовічної літератури, являє собою на поверхні тексту закінчену строфу (найчастіше дво- чи чотирирядкову) і може бути охарактеризований як звернення, нагадування про правильне поводження в цьому світі, про вибір належного способу життя [9, с. 60].

Щодо сучасних шпрухів серед дослідників не існує єдиного уявлення про те, що слід розуміти під поняттям «шпрух»: «Інтуїтивно точно відомо, що мають на увазі, який масив продуктів культурної діяльності позначається збірним поняттям «шпрух». Шпрухи є одразу впізнаваними, складність полягає в їх класифікаційному та типологічному визначенні» [6, с. 48].

Можна стверджувати, що в наш час шпрух як жанр уже не існує, проте існує велика кількість сучасних німецькомовних малих текстів, що позначаються як «шпрухи», які насправді є гібридними утвореннями на периферії різних жанрів.

На нашу думку, найбільш перспективною моделлю опису сучасних шпрухових форм є модель стилістичних полів, запропонована Г. В. Єйгером та Ю. Г. Перлиною [1]. Поняття поля, запозичене з області фізики, успішно застосовується і в рамках лінгвістики. Так, у функціональній прагматиці виявлено сутність семантичних, прагматичних та семантико-прагматичних типів полів на текстуальному рівні. Встановлено, що між полями мови та функціонально-прагматичними полями тексту існують певні кореляції: функціонально-прагматичні поля є текстуальною формою існування полів мови.

Екстралінгвістичним підґрунтям для виділення стилістичного поля є об'єктивна можливість виокремлення в національних літературах систем «художня література» – «літературний вид/рід» – «літературний жанр» – «тип тексту». Лінгвістичною основою слугує наявність певної кількості стильових рис, опис сукупності цих рис дозволяє адекватно охарактеризувати системи жанру та типу тексту.

Під стилістичним полем розуміють діапазон динамічної взаємодії сукупності обов'язкових і факультативних стильових рис жанру. Структура стилістичного поля є неоднорідною. В його центрі знаходиться синхронно-діахронне ядро, до якого належать типові представники жанру, об'єднані єдиною композиційно-стилістичною домінантою як сукупністю текстоутворюючих ознак – тип тексту. Ядро може включати мікрополя підтипів тексту. При цьому під типами тексту ми розуміємо загальноприйняті зразки комплексних мовних дій, які можна описати як відповідні типові поєднання контекстуальних (ситуативних), комунікативно-функціональних і структурних (граматичних і тематичних) ознак. Вони історично склалися в мовній спільноті і належать до повсякденних знань учасників мовної комунікації» [4, с. 137].

На периферії стилістичного поля розташовані різні жанрові модифікації та гібридні форми, що утримуються на орбіті стильового макрополя за рахунок наявності, як мінімум, однієї домінантної та ряду факультативних стильових рис [9].

Термін «стильова риса» (der Stilzug) було введено у сімдесятих роках минулого сторіччя визначною радянською дослідницею стилю німецької мови Е. Різель [2; 3], він набув всебічного визнання серед німецьких стилістів, таким чином, поняття «стильова риса» стало одним із основоположних понять герман-

ської лінгвостилістики. Багато авторів розглядали стильові риси як основні характеристики стилю того чи іншого тексту: В. Фляйшер та Г. Міхель [7], Б. Зовінські [13] та ін.

При цьому було б не зовсім коректно розглядати стильові риси лише як якісні ознаки чи особливості використання мовностилістичних засобів, повторення яких у тексті додає йому особливої стильової форми, дозволяє віднести текст до того чи іншого типу тексту.

Стильова риса має, як відзначала Е. Різель, двояку природу: психолінгвістичну в момент виникнення тексту і лінгвістичну як результат використання мови, оскільки вона виникає як результат дії екстралінгвістичних якісних принципів упорядкування й організації мови, що визначаються комунікативним завданням, метою, ситуацією комунікації, прагматичною установкою, і далі ці принципи керують мовним актом, зумовлюють використання деякої мікросистеми мовних засобів усіх рівнів для своєї актуалізації [3, с. 79].

Стильові поля різних жанрів перетинаються та частково нашаровуються одне на одне, що дозволяє говорити про споріднені форми та гібридні утворення. У зонах перетину стилістичних полів, а, відповідно, і впливу, як мінімум, двох комбінацій стильових рис, функціонують так звані гібридні форми.

Сучасні шпрухові форми є, на наш погляд, саме гібридними утвореннями. Їм може бути більше не властива вербалізація повчання, їх дидактичність перемістилась у завуальований підтекст або й повністю втрачена, так само як інколи й віршована форма. Таким чином, ті тексти малого формату, що сприймаються нашими сучасниками як шпрухи, насправді не є ними, це гібридні шпрухові форми на периферії малих жанрів, які загалом зберегли основні стилістичні особливості шпруху, але разом з тим увібрали в себе ознаки близьких типів тексту.

Сучасні шпрухові форми виникають на периферії жанру шпруху в зонах перетину цього стилістичного поля з полями жанрів епіграми, афоризму, анекдоту, графіті, гумористичного вірша та інших.

Для класичної німецькомовної шпрухової поезії можуть бути названі такі релевантні стильові риси:

– стислість;
– ясність (чіткість, визначеність);
– простота (наївність);
– влучність (лаконічність);
– повчальність (дидактичність);
– загальна зрозумілість;
– універсальність;
– наочність (образність);
– експресивність;
– пуантованість;
– віршованість.

Деякі стильові риси функціонують у формі релятивних опозицій: стислість – розгорнутість, конкретність – абстрактність і т. д. [9].

Зберігаючи кілька з перелічених стильових рис шпруху в якості домінантних (це може бути, наприклад, стислість, лаконічність, експресивність), сучасні шпрухові форми часом втрачають інші риси, такі як, наприклад, віршованість, дидактичність, комічність, і, утворюючись на перетині зі стилістичними полями близьких малих жанрів, набувають нових стильових рис, притаманних цим жанрам.

Так, настінні шпрухи (Wandsprüche), які останнім часом набувають усе більшої популярності, про що свідчить існування значної кількості Інтернет-сторінок, присвячених цьому явищу, є текстом та елементом декору водночас. Ці

короткі тексти, що розміщуються на стінах приміщень (рідше, на меблях) і слугують прикрасою інтер'єра, поєднують у собі ознаки шпрухів та графіті:

Erfolg hat drei Buchstaben: TUN

Wir haben die Erde von unseren Eltern nicht geerbt, sondern von unseren Kindern nur geliehen.

Графіті є однією з найдавніших, але на тривалий час забутих мініатюр. Як фольклорно-художня форма графіті відродилося лише в другій половині XX століття, але за короткий термін стало помітною складовою частиною західної культури. Це коротке і дотепно сформульоване висловлення, основою для якого часто слугують уже існуючі, широковідомі сентенції, гасла, цитати, рядки з пісень тощо. Графіті має на меті донести до широкого кола сучасників критичну думку, як правило, анонімного автора, що стосується якоїсь конкретної події або стану речей, коло тем при цьому дуже широке: від побутових до філософських і політичних [5, с. 12–15].

Графіті, як типу тексту, властива одна особлива ознака, яка насамперед споріднює їх із настінними шпрухами: вони призначені для зорового сприйняття і наносяться на інший матеріал, ніж традиційний папір – камінь чи бетон стін і підлоги, стовбури дерев. Цей нерозривний взаємозв'язок між візуальною формою тексту та його прагма-семантичним наповненням, а також стисліть, влучність і, часто, певна дидактичність є загальними домінантними стильовими рисами настінних шпрухів та графіті. У той же час настінним шпрухам не притаманна критична спрямованість графіті.

З іншого боку, велика група настінних шпрухів є гібридними утвореннями на стику трьох типів тексту – шпруху, графіті та афоризму. Це настінні шпрухи, що побудовані на використанні прямих або трансформованих цитат відомих особистостей:

Es gibt Wichtigeres im Leben, als beständig dessen Geschwindigkeit zu erhöhen.
Mahatma Gandhi

Der Vorteil der Klugheit besteht darin, dass man sich dumm stellen kann.
Kurt Tucholsky

Крім наведених вище стильових рис графіті, цим настінним шпрухам притаманні також специфічне для афоризмів поєднання загальнозначущості й інформативної щільності, а також посилання на автора.

Великий пласт шпрухових форм, що існують виключно у віртуальному просторі, складають sms-шпрухи. Сфера вживання цих шпрухових форм – повсякденне життя. Вони призначені для розсилання на мобільні телефони, але досить часто розповсюджуються і електронними листами. Sms-шпрухи дуже різноманітні за своїм змістом і охоплюють майже всі сторони буття. Вони є не лише швидким та зручним способом поздоровлення зі святом та привітання, це ще й засіб поділитися думками щодо різних аспектів життя. У шпрухах висміюються дурні, критикуються ледарі, іноді в них закладено повчальний зміст.

Залежно від форми – прозової чи віршованої – sms-шпрухи виявляють типологічну спорідненість з анекдотами, афоризмами або гумористичними віршами. На відміну від гумористичних віршів, лише для близько 55 відсотків віршованих sms-шпрухів характерна явна гумористична тональність, але навіть за відсутності комічного ефекту ці шпрухи зберігають спільну з віршами стильову рису – пуантованість:

Sei fröhlich wie der Optimist,
der alles Schlechte schnell vergisst.
Gräm dich nicht, reg dich nicht auf,
das Leben nimmt doch seinen Lauf.

Unsere Freundschaft, die soll brennen,
wie ein Fackellicht im Sturm.
Freunde wollen wir uns nennen,
bis Rapunzel fällt vom Turm.

У результаті процесу гібридизації sms-шпрухи, зазвичай, зберігають в якості домінантної стильової риси дидактичність, не типову для гумористичних віршів, і здобувають притаманні цим віршам прості метрико-римічні форми, тричленну композицію, необхідну для ефективного розгортання структури пуанта, стислість та тривіальність, у межах якої можна виділити дві складові: тематичну доступність змісту і загальнодоступність мовної форми.

Прозові sms-шпрухи демонструють свою спорідненість із афоризмами, а комічні sms-шпрухи (близько 60 відсотків від загальної кількості) також з анекдотами – це комунікативна спрямованість на конкретну ситуацію, атрактивна функція, функція переорієнтації уваги, варіативність, близькість до розмовного стилю, загострений пуант:

Morgenstund hat Gold im Mund, doch bei dir ist es wohl eher der Knoblauch von gestern Abend!

Mut ist, wenn du um 04:00 Uhr knallvoll nach Hause kommst, die Frau mit 'nem Besen auf dich wartet und du fragst: Bist du am Putzen oder fliegst du noch weg?

Крім розглянутих шпрухових форм існує цілий ряд інших різновидів сучасних шпрухів. Наприклад, так звані «туалетні» шпрухи (Klo-Sprüche), які можна вважати гібридними утвореннями на межі жанрів графіті, шпруху й епіграми. Так звані «статусні» шпрухи (Status-Sprüche), які використовуються для позначення свого статусу на особистих сторінках у соціальних мережах, виявляють спорідненість із афоризмами та прислів'ями.

Як це не парадоксально, пропри величезну популярність шпрухів у найрізноманітніших сферах життя, а особливо у глобальній мережі Інтернет, активними користувачами якої з кожним роком стає все більше і більше людей, сучасні шпрухові форми ще майже не досліджені, більше того, до цього часу не існує жодної фундаментальної наукової роботи з дослідження їх стилістичних особливостей. Більш ґрунтовне дослідження сучаних шпрухових форм видається нам важливим і актуальним, оскільки ці малі форми є яскравим проявом сучасної постмодерністської культури і займають помітне місце в системі текстів німецької мови.

Бібліографічні посилання

1. **Перлина Ю. Г.** Стилистическое поле как модель описания жанров малых форм / Ю. Г. Перлина, Г. В. Ейгер // Актуальні проблеми літературознавства. – 2000. – Т. 6. – С. 190–198.
2. **Ризель Э. Г.** К вопросу об иерархии стилистических систем и основных текстологических единиц / Э. Ризель // Ин. яз. в школе. – 1975. – № 6. – С. 8–15.
3. **Ризель Э. Г.** К определению понятия и термина «стилевая черта» / Э. Г. Ризель // Филологические науки. – 1978. – № 4. – С. 76–87.
4. **Brinker K.** Linguistische Textanalyse: eine Einführung in Grundbegriffe und Methoden / K. Brinker. – 6, überarb. und erw. Aufl. – Berlin : Erich Schmidt, 2005. – 179 S.
5. **Fischer M.** Wandsprüche und Mauerparolen im Deutschunterricht / M. Fischer // Deutsch aktuell: Aus der Praxis des Deutschunterrichts in Rumänien. – 1997. – Heft 9. – S. 12–15.
6. **Fix U.** Texte und Textsorten – sprachliche, kommunikative und kulturelle Phänomene / U. Fix. – Berlin : Verlag für wissenschaftliche Literatur, 2008. – 506 S.
7. **Fleischer W.** Stilistik der deutschen Gegenwartssprache / W. Fleischer, G. Michel. – Leipzig : VEB, 1975. – 370 S.
8. **Jakobs E.-M.** Hypertext – Klassifikation und Evaluation / E.-M. Jakobs, K. Lehnen // Websprache.net. Sprache und Kommunikation im Internet. – Berlin: et al, 2005. – S. 159–184.

9. **Perlyna J.** Ein Abriss der Entwicklung der deutschen Spruchdichtung / J. Perlyna, I. Swertschkowa // Deutsch Aktuell. Aus der Praxis des Deutschunterrichts in Rumänien. – 1997. – Sondernummer. – S. 59–61.
10. **Runkehl J.** Sprache und Kommunikation im Internet / J. Runkehl, P. Schlobinski, T. Siever. – Hamburg : Westdeutscher Verlag, 1998. – 240 S.
11. **Schlobinski P.** SMS-Texte – Alarmsignale für die Standardsprache? / P. Schlobinski // Sprachrohr Lerntherapie. – 2003. – № 2. – S. 27–28.
12. **Siever T.** Von MfG bis cu l8er. Sprachliche und kommunikative Aspekte von Chat, E-Mail und SMS / T. Siever // Der Sprachdienst. – 2005. – № 5–6. – S. 137–147.
13. **Sowinski B.** Textliguistik: Eine Einführung / B. Sowinski. – Stuttgart, Berlin, Köln, Mainz : Verlag W. Kohlhammer, 1983. – 176 S.
14. **Stähli A.** SMS-Kommunikation in der Schweiz: Sprach- und Varietätengebrauch / A. Stähli, C. Dürscheid, M.-J. Beguelin // Linguistik online. – 2011. – № 48. – Режим доступу : http://www.linguistik-online.de/48_11/staehliDuerscheidBeguelin.html

Надійшла до редколегії 23.12.11

УДК 811.161.1'371

С. В. Евраева

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

КОНЦЕПТ *ЧЕРТ* В РУССКОЙ НАИВНОЙ КАРТИНЕ МИРА И В ИДИОСТИЛЕ А. БЛОКА

Описано засоби вербалізації та смислове наповнення концепту *Чорт* у руській мовній картині світу та в індивідуальній картині світу творів О. Блока.

Ключові слова: ідіостиль, мовна картина світу, релігійний концепт, концептосфера, антиціннісність.

Описаны способы вербализации и смысловое наполнение концепта *Черт* в русской языковой картине мира и в индивидуальной картине мира произведений А. Блока.

Ключевые слова: идиостиль, языковая картина мира, религиозный концепт, концептосфера, антиценность.

The ways of verbalization and semantic filling of the concept *Devil* in the Russian naïve worldview and in the individual worldview of A. Blok poetry are described.

Keywords: idiostyle, language worldview, religious concept, the sphere of concepts, anti-value.

Идиостиль любого художника слова складывается под влиянием различных факторов: принадлежности к той или иной социальной группе, образования, вероисповедания, философских и художественных взглядов и др. Картина мира произведений писателя, как одна из важнейших составляющих его идиостиля, формируется в результате взаимодействия личных ценностей автора с национальной картиной мира и – шире – с общечеловеческими ценностями.

Картину мира, отраженную в языке, принято называть языковой. Она представляет собой отражение в языковых формах и категориях единой системы взглядов и установок об окружающей действительности. Эта система взглядов присуща всем носителям данного языка. С одной стороны, эти взгляды формируются языковым коллективом, а с другой – присутствуют в мышлении каждого члена этого коллектива как нечто естественное, бессознательное, поскольку закладываются ещё на этапе освоения человеком родного языка.

© Евраева С. В, 2012

В последние годы в лингвистике активно используется понятие «индивидуальная картина мира» как индивидуальное проявление общенациональной картины мира. А. А. Буров именует ее «идио-ЯКМ» и определяет как индивидуальный способ познания мира языковой личностью и его отражения в речи. Он пишет, что «любая индивидуальная языковая реакция может быть либо узуальной, либо окказиональной. В отличие от окказии, ориентирующейся на разовое употребление, узус оперирует факторами типическими, повторяющимися в речи большинства носителей языка» [4, с. 123]. Такие способности индивидуальной картины мира раскрывают её нестабильность и непоследовательность.

Последнее свойство индивидуальной картины мира позволяет её носителю переосмысливать лингвокультурные концепты – элементы национальной картины мира. Г. Г. Слышкин отмечает, что «индивидуальные концепты богаче и разнообразнее, чем любые коллективные, от микрогрупповых до общечеловеческих, поскольку коллективное сознание и коллективный опыт есть не что иное, как условная производная от сознаний и опыта отдельных индивидов, входящих в коллектив. Производная эта образуется путем редукции всего уникального в персональном опыте и суммирования совпадений. Концептосферы отдельных индивидов могут включать в себя большое количество оригинальных элементов, не разделяемых в данном социуме» [7].

Религия играет не последнюю роль в формировании идио-ЯКМ носителей русской лингвокультуры, во-первых, как одна из мощнейших метакультур, объединяющих разные национальные культуры, во-вторых, в силу особенностей восприятия религиозного учения представителями разных культур и, наконец, благодаря тому, что религия транслирует и формирует суперморальные ценности человека, то есть «иррациональные установки, выступающие в качестве аксиом поведения и оценки» [6, с. 141].

В частности, концепт ***Черт***, который выделяется Ю. С. Степановым как одна из констант русской культуры, выражающая ее антиценности [8, с. 880–891], имеет в русской культуре как общехристианские смыслы, так и культурноспецифические. Проиллюстрировать отражение этих смыслов в наивной картине мира можно посредством анализа устойчивых оборотов языка – паремий (см.: [5]). Проведенный анализ позволил выделить такие смысловые особенности данного концепта в русской языковой картине мира:

1) максимальная приближенность черта к человеку, взаимодействие с ним: ***Я*** *за порог, а* ***черт*** *поперек*;

2) нерегулярное отражение «иерархии» злых духов, ср.: *Всех* ***чертей*** *знаю, одного* ***сатану*** *не знаю* и *Хрен редьки не слаще,* ***черт дьявола*** *не лучше*;

3) антропоморфизм: *Монах говорит:* ***сатана*** *соблазнил (яйцо на свече испечь), а* ***чёрт*** *говорит: и сам впервые вижу*;

4) связь с концептом ***Грех***, в частности, с пьянством (*Допиться до* ***чертиков***) и гордыней (*Во всякой гордости* ***черту*** *много радости*);

5) игривость, лукавство, нелепость – качества, сближающие черта с образом скомороха: *Все люди как люди, один* ***черт*** *в колпаке;* ***Хохол*** *глупее вороны, а хитрее* ***черта***;

6) отождествление черта с языческими инфернальными существами как отражение двоеверия русского народа: *Толчитесь,* ***бесы****, да не в нашем лесе; Вольно* ***черту*** *в своем болоте орать*;

7) наличие аксиологического значения, связанного со способностью концепта ***Черт*** транслировать антиценности русской культуры, что позволило экспликаторам данного концепта выступать в функции квалификаторов, то есть да-

вать оценку явлениям действительности и качествам человека: ***Баба*** *да* ***бес*** *– один у них вес; Город Архангельский, а народ в нём* ***дьявольский***.

Примером отражения концепта ***Черт*** в индивидуальной картине мира представителей русской лингвокультуры может служить анализ экспликации данного концепта в произведениях А. Блока как одного из ярчайших русских поэтов.

Для произведений А. Блока религиозная тематика была одной из ведущих, поэтому концепт ***Черт*** представлен в них широким спектром вербализаторов. Это лексемы «черт», «бес», «демон», «дьявол», производные от них «чертик», «чертенята бесноватые», «демонизм», «демонский», «дьявольский», «Люциферов», а также перифрастические и описательные наименования «падший ангел», «нежить», «темная сила», «адская свита», «мохнатые», «малые».

Основные экспликаторы концепта ***Черт*** выполняют в идиостиле А. Блока синтаксические функции подлежащего и дополнения. Наличие среди вербализаторов концепта ***Черт*** отыменных прилагательных и абстрактного существительного «демонизм» указывает на устойчивый аксиологический компонент в его семантике.

Данные грамматические свойства отражают характерные как для блоковской, так и для русской наивной картины мира свойства концепта ***Чёрт***:

1) антропоморфизм:

И, ***мохнатые, малые****, каются,*
Умиленно глядят на костыль,
Униженно в траве кувыркаются,
Поднимают копытцами пыль.
«Старушка и чертенята» [1, с. 157]

2) способность экспликаторов концепта характеризовать явления действительности, что свидетельствует о наличии у концепта аксиологического значения:

Под этим страшным обаяньем
Сулящих новое речей,
Под этим ***демонским*** *мерцаньем*
Сверлящих пламенем очей…
«Возмездие» [2, с. 295]

3) способность давать характеристику человеческим качествам:

И дамы были в восхищеньи:
«Он – Байрон, значит – ***демон****…» – Что ж?*
Он впрямь был с гордым лордом схож
Лица надменным выраженьем.
«Возмездие» [2, с. 292].

Тем не менее в произведениях поэта концепт ***Черт*** понимается несколько иначе, чем в русской наивной картине мира. Так, наиболее употребительным в произведениях А. Блока является вербализатор «демон», который имеет книжную стилистическую окраску и используется в переносном значении: «О чем-то мрачном, тягостном, злом, овладевающем человеком» [БТС, с. 250]. Примечательно, что в блоковских стихотворениях данная лексема лишена отрицательной оценки: демоном поэт называет темную и вместе с тем страстную сторону человеческой души:

Я гляжу на тебя. Каждый ***демон*** *во мне*
Притаился, глядит.
Каждый ***демон*** *в тебе сторожит,*
Притаясь в грозовой тишине.
«Я гляжу на тебя…» [2, с. 210]

А в стихотворении «Возмездие» лексема «Демон» функционирует как собственное имя и отсылает читателя к образу Демона из серии картин М. Врубеля:

Бывает глух, и слеп, и нем он,
В нём почивает некий бог,
Его опустошает ***Демон****,*
Над коим Врубель изнемог…
«Возмездие» [2, с. 309].

Однако и в таком контексте Демон – не просто антропоморфное существо (на врубелевских полотнах он изображён в виде крылатого юноши), а поток опустошающих человека страстей. В данном отрывке антиномичность *Бога* и *Демона* подчеркивается глаголами «почивает» и «опустошает». Следовательно, праведное, божественное начало в душе человека воспринимается Блоком как источник покоя, тогда как греховное – как неспокойное, активное, разрушительное состояние.

Различные вербализаторы концепта ***Черт*** выполняют в стихотворениях А. Блока разные функции. Так, лексемы «демон» и «дьявол» используются для описания внутреннего мира или душевного состояния человека, а также для выражения философских идей:

И так давно постыли люди,
Уныло ждущие Христа…
Лишь ***дьявола*** *они находят…*
Их лишь к отчаянью приводят
Извечно лгущие уста…
«Мой бедный, мой далёкий друг…» [2, с. 190].

«Чёртом» и «бесом» именуются обитатели выдуманного, карнавального мира:

И звучит эта адская музыка,
Завывает унылый смычок.
Страшный ***черт*** *ухватил карапузика*
И стекает клюквенный сок.
«Балаганчик» [1, с. 358].

Вербализаторы «чёрт» и «бес» наделяют концепт ***Черт*** смыслами, заимствованными поэтом из наивной картины мира, где инфернальным существам приписывается способность управлять силами природы:

Вертлявый ***бес*** *верхушкой ели*
Проткнёт небесный золотой,
И долго будут петь свирели,
И стадо звякать за рекой.
«Ищу огней – огней попутных…» [1, с. 411].

Однако в идиостиле А. Блока, в отличие от наивной картины мира, черт – обитатель ирреального мира, не взаимодействующий с человеком.

Чаще всего в блоковских произведениях слова «черт» и «бес» наделяют концепт сниженными коннотациями, что выражается в использовании уменьшительно-ласкательных дериватов слова «черт» – «чертик» и «чертенята» (в БТС они помечены как разговорные [БТС, с. 1475]), а также эпитетов *вертлявый, захудалый, мохнатые, малые*.

Индивидуально-авторскими являются метафоры, основанные на абстрактном или устойчивом аксиологическом значении вербализаторов концепта ***Черт***: *демон утра*, *нити дьявольской судьбы*, *тень Люциферова крыла, дьявольское клеймо*.

Отличие индивидуально-авторской картины мира от наивной заключается также в неактуальности для произведений А. Блока наименований языческих ин-

фернальных существ «водяной» и «леший». Однако в единичных контекстах они всё же упоминаются:

Я, как и ты, дитя дубрав,
Лик мой также стёрт.
Тише вод и ниже трав –
Захудалый ***черт****.*
«Болотные чертенятки» [1, с. 340]

В приведённом отрывке использованы перифрастические наименования лешего («дитя дубрав») и водяного («болотные чертенятки»).

Несмотря на наличие общих грамматических и семантических свойств, у лексем, выражающих концепт ***Черт*** в русских паремиях и поэзии А. Блока, нами был отмечен ряд отличий.

Так, в произведениях А. Блока данный концепт представлен отыменными прилагательными, что послужило основой для создания авторских метафор. Также блоковский концепт ***Черт*** относится к ирреальному миру, в то время как наивное сознание связывает его с миром реальным. А отдельные вербализаторы данного концепта используются автором для обозначения и характеристики «темной», греховной стороны человеческой души.

Приведенный анализ показал, что индивидуальная картина мира (идио-ЯКМ) художника слова всегда богаче и насыщенней наивной. Автор художественного произведения, мировоззрение которого формируется на основе национальной картины мира, стремится не только использовать знания в области мировой культуры и культуры своего народа, но и переосмыслить их, что и создает уникальный идиостиль писателя.

Библиографические ссылки

1. **Блок А.** Собрание сочинений : в 6-ти т. / А. Блок. – Т. 1. Стихотворения и поэмы. 1898–1906 / вступ. статья М. Дудина; сост. и примеч. Вл. Орлова, 1980. – 512 с.
2. **Блок А.** Собрание сочинений : в 6-ти т. / А. Блок. – Т. 2. Стихотворения и поэмы. 1907 – 1921 / сост. и примеч. Вл. Орлова, 1980. – 472 с.
3. **Большой толковый словарь русского языка** / глав. ред. С. А. Кузнецов. – СПб : Норинт, 2000. – 1536 с.
4. **Буров А. А.** Когнитолингвистические вариации на тему современной русской языковой картины мира : монография / А. А. Буров. – Пятигорск : Изд-во ПГЛУ, 2003. – 361 с.
5. **Евраева С. В.** Особенности экспликации концепта ***Чёрт*** в русской наивной картине мира / С. В. Евраева // Лексико-грамматические инновации в современных славянских языках : матер. IV Междунар. науч. конф., 9–10 апреля 2009 г. : матер. докл. / сост. Т. С. Пристайко. – Д. : Пороги, 2009. – С. 80–83.
6. **Карасик В. И.** Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М. : Гнозис, 2004. – 390 с.
7. **Слышкин Г. Г.** От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе [Электронный ресурс] / Г. Г. Слышкин. – М. : Academia, 2000. – С. 7–25. – Режим доступа : http://www.fulbright.ru/russian/sumschool/2004/Slyshkin.doc
8. **Степанов Ю. С**. Константы: Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов – [изд. 3-е, испр. и доп.] – М. : Академический проект, 2004. – 992 с.

Надійшла до редколегії 02.02.12.

УДК 81'366.623.2(111+161.1+521)

М. Ю. Закурдаева

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ В ЛИНГВИСТИКЕ

Присвячено специфіці співвідношення понять «колір» і «кольоратив», а також деяким розбіжностям між основними кольорами і основними кольоративами на прикладі російської, англійської та японської мов.

Ключові слова: колір, кольоратив, основний колір, основний кольоратив.

Посвящена специфике соотношения понятий «цвет» и «цветообозначение», а также некоторым расхождениям между основными цветами и основными цветообозначениями на примере русского, английского и японского языков.

Ключевые слова: цвет, цветообозначение, колоративы, основной цвет, основной колоратив.

This article deals with the specific correlation between concepts colors and color terms, and some differences between basic colors and basic color terms in Russian, English and Japanese.

Keywords: color, colorative, color term, color name, basic color, basic color term.

Такие понятия как «цвет» и «цветообозначение» постоянно функционируют и в обыденной речи, и в научной литературе, они сопутствуют системе коммуникации, называя известные для всех явления. Проблема цвета и колоратива активно исследуется в последние десятилетия, в частности большое внимание уделяется понятиям основных цветов и основных цветообозначений в разных языках [1; 4; 5; 8], которые не всегда в достаточной мере соотносятся между собой. Различия в толковании тех или иных понятий так или иначе присутствует в литературе, особенно в литературе научной, оперирующей сложной терминологией.

Но даже такие фундаментальные понятия, как цвет и цветообозначение не всегда истолковываются однозначно и довольно часто смешиваются. Взять, к примеру, перевод названия известнейшей книги по колористике Берлина и Кея, можно сказать монументального труда «Basic color terms» [8] как «Основные цвета» [1], в то время как «color term» означает название цвета, а не сам цвет. А между тем это совершенно разные понятия, относящиеся к различным уровням действительности.

Ниже мы попытаемся разобраться в системе соответствующих понятий, уточнить их дефиниции и вывести те критерии, по которым будет возможно выделять основные цвета и основные цветообозначения из общего их числа для каждого отдельного языка.

Цвет – это явление физического мира, воспринимаемое нашими органами зрения и преобразовываемое в зрительном анализаторе головного мозга в знакомые каждому человеку ощущения цветности. По сути же своей цвет представляет собой не что иное, как световые лучи разных длин волн, по-разному отражаемые физическими объектами. Так, «белые» в нашем восприятии объекты отражают весь спектр световых волн, а «черные» – все световые волны поглощают, «красные» объекты отражают только длины волн в диапазоне 590–760 нм [2], поглощая остальные, а объекты различных оттенков серого цвета в равной степени поглощают все длины волн и в равной же степени их отражают.

© Закурдаева М. Ю., 2012

Такова физическая сущность цвета. Между тем воспринимаем мы его совершенно иначе. Мы не видим световых волн и, глядя на разноцветные предметы, не понимаем, что от них отражаются световые волны разной длинны. Напротив, нам кажется, что цвет присущ самим предметам и, в какой-то степени, это действительно так, поскольку предметам присуща способность отражать определенные световые волны или же поглощать их. И все же цвет, каким мы его воспринимаем и представляем, оказывается явлением совсем иного плана, субъективного, психического. Таким образом, можно говорить о двойственной природе цвета: объективной, физической, и субъективной, психической.

Колоративы, или, как их иначе называют, лексические цветообозначения, цветонаименования, являются объектами языковой действительности, лексикой, обозначающей те или иные цвета.

Понятия «цвет» и «колоратив» соотносятся в той же мере, в какой соотносятся и все иные слова и обозначаемые ими явления. Но соответствие это не столь абсолютно, чтобы было возможным подменять одни понятия другими.

Так, к примеру, много внимания уделяется в лингвистической литературе, и не только, вопросу основных цветов и основных цветообозначений в различных языках. Как отмечает Р. М. Фрумкина, наличие в русском языке понятия «основных» и «прочих» цветов, является отражением «наивной цветовой картины мира» [7, с. 30–31]. К основным в русском языке принято относить, как пишет Р. М. Фрумкина, такие цвета как *красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синий, фиолетовый* (традиционные «семь цветов радуги»), а так же *розовый, коричневый, белый, серый, черный*. Само же понятие основных цветов для наивного носителя языка представляется очевидным, у него не возникает вопросов о том, каким образом следует разделить непрерывный спектр или «радугу», в которых зеленый плавно перетекает в голубой, а голубой в синий и т. д., а явных границ у цветов нет. Носители языка не задумываются над тем, что, скажем, противопоставление *белый – черный* вообще не есть противопоставление по цвету, а противопоставление по признаку максимум света – отсутствие света. Некоторые образованные носители русского языка не относят *серый* и *коричневый* к основным цветам, потому что «их нет среди цветов радуги», но между тем они точно уверены в том, что «голубой и синий там есть» [7, с. 31].

При этом, как правило, исследователи подразумевают, что количество основных цветов равно количеству основных цветообозначений данного языка, и что для каждого выделяемого в сознании носителей этого языка основного цвета в спектре существует обозначающий его основной колоратив. Именно этим, надо полагать, и обусловлено смешение этих понятий.

Следует отметить при этом, что в термин «основной колоратив» разные лингвисты вкладывают разные значения. Одно из этих значений – *основной для* данного цвета колоратив – подразумевает следующее: для каждого конкретного цвета и оттенка можно средствами данного языка подобрать название, причем может существовать несколько колоративов, с помощью которых можно обозначить данный цвет и то название цвета, которое выбирается наиболее регулярно из списка синонимов носителями языка и является основным для этого цвета колоративом. Например, цвет апельсина можно назвать *оранжевым, апельсиновым, рудо-желтым, рыжим, желто-красным* и подобн., и основным обозначением для этого цвета будет *оранжевый.* Некоторые лингвисты относят к основным колоративам основные названия лишь для основных цветов.

Мы же в нашей работе будем употреблять данный термин в ином значении, чисто лингвистическом, безотносительно к такому психическому явлению, как выделение из всего множества цветов неких основных. Таким образом, под ос-

новными колоративами в данной работе мы понимаем *основные из* колоративов, т. е. группу колоративов, входящих в активный запас носителей языка, в ядро и ближайшую периферию лексики данного языка, или, иначе говоря, часть основной лексики русского языка, имеющую значение цвета (наряду с основными междометиями, глаголами и пр. русского языка).

Тот факт, что носители разных языков выделяют различное количество основных цветов и имеют различное количество колоративов для их обозначения, является общеизвестным фактом. Действительно, разные народы членят спектр по-разному, на разное количество отрезков разной длины, что не мешает им различать все цвета и их оттенки, для которых даже нет названия. Такое деление чисто субъективно, и сущность выделения основных цветов и главный критерий в определении их, как нам кажется, заключается в том, считают ли носители языка этот цвет отдельным, самостоятельным цветом или же оттенком другого цвета. Скажем, *алый* – это самостоятельный цвет или оттенок красного цвета? А *малиновый, вишневый, пурпурный, бордовый, багровый, бурый, розовый*? Для носителей каждого отдельного языка ответы на эти вопросы будут свои. Более того, даже у носителей одного языка представление о том, что есть самостоятельный цвет, а что – оттенок, могут различаться. Кто-то из носителей русского языка может считать сиреневый оттенком синего, кто-то – оттенком фиолетового, а кто-то – и вовсе самостоятельным цветом. Но особенно такие различия в восприятии и членении цветового спектра видны на примере разных языков. Так, носители русского языка на сине-зеленом участке спектра выделяют 3 самостоятельных цвета: синий, голубой, зеленый, в то время как носители английского языка ограничиваются двумя цветами: синим (*blue*) и зеленым (*green*), а носители японского языка, по нашим наблюдениям, и вовсе весь этот участок спектра считают одним сине-зеленым цветом (青い [aoi]). Сравните, например: *зеленый свет светофора* – 青い信号 [aoi shingo], *голубое небо* – 青空 [aodzora], *ультрамарин* – 群青 [gunjo:], *зелень, овощи* – 青物 [aomono]. При необходимости более точного названия оттенков, в японском языке существуют слова для обозначения зеленого оттенка молодой листвы (緑 [midori]) и темно-синего (紺 [kon]), но это лишь оттенки. Да и голубой, скажем, не столь абсолютный основной цвет, как это принято считать, и некоторые носители русского языка, в том числе и автор этой статьи, считают голубой оттенком синего цвета, наравне с бирюзовым, аквамариновым, индиго и ультрамарином. Светло-синий с легким зеленоватым оттенком – вот как можно дефинировать значение колоратива «голубой», между тем как обозначениям основных цветов невозможно дать определение через другие цвета (за исключением формулы «цвет спектра между х и у»), то есть их нельзя назвать оттенками. Можно ли определить значение слова *красный* как «оттенок желтого цвета», или белый толковать как светло-серый? Именно невозможность назвать тот или иной цвет оттенком другого цвета и позволяет, как нам кажется, считать его основным. В. В. Волков так же считает, что для цветовых прилагательных, называющих основные цвета (таких, как *белый* и *красный*) невозможно дать непосредственное толкование через понятие, но лишь через отношение к «эталонному» предмету (ср. *белый* – цвета снега, молока, сахара, мела; *зеленый* – цвета травы, листвы; *красный* – цвета крови), в то время как сложные, производные цвета могут быть названы уже посредством простых цветов (ср.: *розовый – светло-, бледно-красный; изумрудный – ярко-зеленый, голубой – светло-синий* и т. п.) [3, с. 57].

Основные же колоративы, как явления языковой действительности, выделяются по совершенно иным, языковым критериям, которые могут быть разнообраз-

ными, но в качестве наиболее, на наш взгляд, систематичных хотелось бы привести выделяемые В. А. Московичем критерии отнесения колоративов к основным:

– частота употребления цветообозначения;

– отсутствие или наличие внутренней формы (древность цветообозначения, специфика употребления родственного слова);

– одноосновность или сложный характер корня;

– стилистическая характеристика;

– сочетаемость слова в контексте [5, с. 84–85].

При этом количество основных цветов и основных колоративов может различаться. Так, если Г. Глисон в своей монографии «Введение в дескриптивную лингвистику» [4, с. 36] выделяет 6 основных цветов спектра в английском языке (*purple, blue, green, yellow, orange, red*), то В. А. Москович доказывает, что основных спектральных колоративов в нем только 4: *blue, green, yellow, red.* Колоративы же *purple* и *orange,* хоть они и обозначают основные для англоговорящих респондентов цвета, основными колоративами не являются, поскольку употребляются значительно реже четырех основных, к тому же «любой англичанин скажет, что оранжевый цвет *orange* назван так по цвету апельсина (orange)» [5, с. 86].

Японский лингвист Кусима Сигеру [9] выделяет в современном японском языке 10 основных колоративов, среди которых некоторые являются синонимами, называя один и тот же цвет: 白 [shiro] *белый*, 黒 [kuro] *черный*, 赤 [aka] (красный), 青 [ao] *зеленый/голубой/синий*, 黄色 [kiiro] *желтый*, 茶色 [chairo] *коричневый*, 紫 [murasaki] *фиолетовый*, 緑 [midori] *зеленый*, 灰色 [hairo] = 鼠色 [nezumiiro] = グレー [gure] *серый*, 橙 [daidai] = オレンジ [orenji] *оранжевый*.

Японцы, как и мы, делят радугу на 7 цветов, обозначая их колоративами: 赤seki/aka (красный), 橙to:/daidai (оранжевый), 黄o:/kiiro (желтый), 緑ryoku/midori (зеленый), 青sei/ao (зеленый/голубой/синий), 藍ran/ai (индиго), 紫shi/murasaki (фиолетовый). При этом Судзуки Такао указывает на довольно условный характер деления радужного спектра. Он высказывает предположение о том, что семичленное деление было введено в японскую картину мира искусственно, в известной степени под влиянием авторитета И. Ньютона, предложившего в XVII в. данную схему. В своем исследовании японский лингвист утверждает, что именно И. Ньютон, руководствуясь христианской традицией семичленного деления бытия (семь дней недели, святая седмица, семь смертных грехов), поделил радужный спектр на 7 секторов. До И. Ньютона цифра «7» никогда не встречалась в трудах о цветах радуги (Ксенофан выделил 3 колоратива, Аристотель – 4, Сенека – 5). Идея И. Ньютона распространилась по всему научному миру, в том числе и в Японии [10]. Между тем приписываемое И. Ньютону семичленное деление спектра отнюдь не столь абсолютно. Называя полученные в результате преломления белого света в призме цветовые лучи, он не ограничивается жестким их количеством, да и называемые им цвета, скорее, служат для обозначения их последовательности, нежели для названия их количества. Так в «Лекциях по оптике» он пишет: «Я нашел, что лучи, различно преломляемые, дают различные цвета, наиболее преломляемые – пурпуровый или фиолетовый цвет, а наименее преломляемые – красный, средние – зелень или, лучше, границу зеленого и зеленовато-синего, синий находится между пурпуровым и зеленью, желтый между зеленью и красным» [6, с. 144].

А между тем среди выделяемых Кусимой Сигеру основных колоративов японского языка в действительности основными, соответствующими приведенным выше критериям В. А. Московича, являются только 4 (из них только 2 цвета спектра):

1) 白い [shiroi] – белый;
2) 赤い [akai] – красный;
3) 青い [aoi] – зеленый/голубой/синий;
4) 黒い [kuroi] – черный.

Именно они являются немотивированными древними цветообозначениями. К мотивированным колоративам относятся: 茶色 [chairo] – цвет чая; 灰色 [hairo] – *цвет пепла*; 鼠色 [nezumiiro] – *цвет мыши*; 橙[daidai] – *цвет кислого апельсина*. Все эти колоративы имеют прозрачную внутреннюю форму. グレー [gure] *серый* и オレンジ [orenji] *оранжевый*, а так же не вошедший в список Кусимы Сигеру, но очень употребительный в современной Японии колоратив ピンク [pinku] *розовый* являются недавними заимствованиями из английского языка, и там, где, по данным исследований Судзуки Такао, пожилые японцы воспользовались бы исконной лексикой, молодые японцы стремятся как можно чаще употреблять заимствованные колоративы [10].

Что же касается русского языка, то в нем основными колоративами, по нашему мнению, являются *черный, белый, серый, красный, желтый, зеленый, голубой, синий, фиолетовый, коричневый*. В прошлом колоратив *алый* был основным – это очень древнее непроизводное цветообозначение, однако в настоящее время частота его употребления сократилась до минимума. Оранжевый, хоть и обозначает один из основных цветов, вряд ли можно считать основным колоративом, поскольку это сравнительно недавнее заимствование из английского языка, да и частота его употребления не столь велика. Голубой же, напротив, хоть и обозначает не основной, по нашему мнению, цвет, по всем признакам является основным колоративом.

Таким образом, мы видим, что понятия основных цветов и основных колоративов в частности, как, собственно, и понятия цвета и колоратива вообще отнюдь не тождественны и не всегда в достаточной мере соотносятся между собой. Уточненные в данном исследовании дефиниции этих слов дают некоторую возможность для более глубокого понимания соответствующих понятий, что, в свою очередь, может привести к унификации и более однозначному толкованию и употреблению слов «цвет» и «цветообозначение». Выделенные нами критерии отнесения цветов и колоративов к основным, надо думать, базируются на самых общих и достаточно универсальных принципах и могут быть применены, как нам кажется, для анализа системы цветообозначений в любом языке.

Библиографические ссылки

1. **Берлин Б.** Основные цвета: Их универсальность и видоизменения / Б. Берлин, П. Кей. – М. : Знание, 1969. – 169 с.
2. **Большой энциклопедический словарь** / Гл. ред. акад. А. М. Прохоров ; 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Большая Российская энциклопедия, 1997. – 1456 с.
3. **Волков В. В.** Деадъективное словообразование в русском языке / В. В. Волков ; науч. ред. д. ф. н., проф. И. Г. Милославский. – Ужгород, 1993. – 296 с.
4. **Глисон Г.** Введение в дескриптивную лингвистику = An Introduction to Descriptive Linguistics / Г. Глисон; [пер. с англ Е. С. Кубряковой и В. П. Мурат]; [ред. В. А. Звегинцева]. – М. : Изд-во иностранной литературы, 1959. – 486 с.
5. **Москович В. А.** Система цветообозначений в современном английском языке / В. А. Москович // Вопросы языкознания. – 1960. – № 6. – С. 83–87.
6. **Ньютон И.** Лекции по оптике / И. Ньютон; пер., коммент. и ред. С. И. Вавилова. – М. : Изд. АН СССР, 1946. – 298 с.

7. **Фрумкина Р. М.** Об отношениях между методами и объектами изучения в современной семантике (в связи с изучением семантики цветообозначения) // Семиотика и информатика. – М. : ВИНИТИ, 1979. – Вып. 11. – С. 149–174.
8. **Berlin B.** Basic Color Terms Text / B. Berlin, P. Kay. – Berkley and Los Angeles : University of California Press, 1969. – 587 p.
9. **久島茂.** 〈物〉と〈場所〉の対立 : 知覚語彙の意味体系 / 茂久島. — 京都 : くろしお出版, 2001. — 頁1-16 —（『国語国文』764号, 第67巻, 第4号）.
10. **鈴木孝夫.** 日本語と外国語 / 孝夫鈴木. 岩波 新書 (第101巻) — 東京 : 岩波書店, 1990. — 242頁.

Надійшла до редколегії 17.02.12

УДК 81–11(470.23-25)

К. В. Зубенко

Слов'янський державний педагогічний університет

ЧАСТИНИ МОВИ В КОНЦЕПЦІЇ УЧЕНИХ ПЕТЕРБУРЗЬКОЇ ЛІНГВІСТИЧНОЇ ШКОЛИ

Проаналізовано різні напрямки класифікації частин мови в концепції вчених Петербурзької лінгвістичної школи. Зроблено огляд робіт, присвячених класифікації частин мови (Л. В. Щерба, Є. Д. Поліванов). Результати дослідження показали, що принципи класифікації частин мови висвітлені недостатньо, що дозволяє вказати перспективи подальших досліджень.

Ключові слова: лінгвістична історіографія, європейське мовознавство, принципи класифікації частин мови.

Проанализированы разные направления классификации частей речи в концепции учёных Петербургской лингвистической школы. Сделан обзор работ, посвящённых классификации частей речи (Л. В. Щерба, Е. Д. Поливанов). Результаты исследования показали, что принципы классификации частей речи освещены недостаточно, что позволяет указать перспективы дальнейших исследований.

Ключевые слова: лингвистическая историография, европейское языкознание, принципы классификации частей речи.

Different areas of classification of parts of speech within conception of Petersburg linguistic school scientistsare analyzed. Review of papers, dealing with classification of parts of speech was made (L. V. Scherba, E. D. Polivanov). The results of research showed, that the principles of parts of speech classification are not completely discovered. So, the perspectives of further investigation are defined.

Keywords: linguistic historiography, European linguistics, principles of parts of speech classification.

Проблема класифікації частин мови сьогодні залишається однією з актуальних і суперечливих у лінгвістиці. Оскільки сучасне мовознавство ґрунтується на досвіді лінгвістичних досліджень, актуальним є звернення до наукової спадщини граматистів минулого. Найбільшого успіху у вивченні частин мови досягли європейські вчені в XIX – XX ст.

Дослідження з лінгвістичної історіографії містять важливі твердження щодо вивчення класифікацій частин мови в мовознавстві XIX – XX ст. Водночас спеціальних праць, присвячених цій проблемі, в лінгвістиці немає.

Метою статті є огляд праць, присвячених класифікації частин мови. Ми звертаємося до студій учених Петербурзької лінгвістичної школи.

© Зубенко К. В., 2012

Петербурзька лінгвістична школа створилася в Петербурзькому університеті на початку XX ст. Засновником Петербурзької школи був І. О. Бодуен де Куртене. Учнями І. О. Бодуена де Куртене в Петербурзі були Л. В. Щерба и Є. Д. Поліванов, які продовжували, особливо останній, ідеї, запропоновані їх учителем.

І. О. Бодуен де Куртене зберігав уявлення про мову як психічне явище, властиве більшості лінгвістів другої половини XIX ст. У той же час він, особливо в пізніх роботах, підкреслював соціальний характер мови, ставив проблеми функціонування мови в суспільстві і мовної політики. Цю проблематику сприйняв у нього і надалі розвивав Є. Д. Поліванов.

Після від'їзду з Петрограда І. О. Бодуена де Куртене (1918) і Є. Д. Поліванова (1921) лідером школи став Л. В. Щерба. Він зберіг вірність багатьом її ідеям у полеміці з Московською формальною (фортунатовською) школою [17, с. 612].

Чільне місце в теоретичних працях Л. В. Щерби займає вчення про частини мови. Він вважав, що воно повинне складати особливий відділ граматики, який він пропонував назвати «лексичні категорії». На думку Л. В. Щерби, в ньому повинні знайти собі місце «не лише такі загальні категорії, як іменники, прикметники, дієслова», але і «такі категорії, як безособовість… і категорія граматичного роду». Такий своєрідний підхід до вчення про частини мови пов'язаний з тим, що Щерба бачив у ньому не класифікацію слів, а об'єднання їх у дуже загальні категорії, зумовлене різними, але в першу чергу семантичними факторами [7, с. 24].

Із загальнолінгвістичної точки зору, в ученні Л. В. Щерби важливе не те, які саме частини мови він виділяв у російській мові (що підказує назва його відомої статті), а трактування сутності цієї мовної категорії і методи її виявлення. Саме так розумів своє завдання сам Л. В. Щерба, коли писав свою статтю «О частях речи в русском языке», в якій читаємо: «У працях із загального мовознавства до питання звичайно підходять з точки зору походження категорій «частин мови» взагалі, і лише інколи — з точки зору різних способів їх виявлення в різних мовах, і мало говориться про те, що самі категорії можуть значно відрізнятися від мови до мови, якщо підходити до кожної з них як до абсолютно автономного явища, а не розглядати її крізь призму інших мов» [15, с. 6].

Пафос щербовської теорії полягає в тому, що поділ на частини мови не є класифікацією. Принципові основи свого дослідження Л. В. Щерба формулює у дев'яти положеннях. У першому дослідник стверджував, що «підводячи окремі слова під ту або іншу категорію («частина мови»), ми і отримуємо свого роду класифікацію слів, проте само розрізнення «частин мови» навряд чи можна вважати результатом «наукової» класифікації слів [5, с. 42].

Згідно з другим положенням, для конституювання частини мови слова, які входять до неї, крім спільності категоріального значення, повинні характеризуватися і цілком певними формальними ознаками. Третє положення містить тезу про різноманітність формальних ознак, до складу яких Л. В. Щерба, окрім префіксів, суфіксів і закінчень, включав також фразовий наголос, інтонацію, порядок слів, особливі допоміжні слова, синтаксичний зв'язок і подібне.

У четвертому положенні мова йде про те, що «існування будь-якої граматичної категорії зумовлюється тісним, нерозривним зв'язком її смислу і всіх її формальних ознак. Не бачивши смислу, не можна ще встановлювати формальних ознак, оскільки невідомо, чи означають вони що-небудь, а отже, чи існують вони, і чи існує сама категорія».

П'яте положення повідомляє про те, що категорія може мати декілька формальних ознак, які не в усіх випадках присутні водночас. І тут смисл відіграє го-

ловну роль. «Якщо ми знаємо, – писав Л. В. Щерба, – що *какаду* – назва птаха, ми не шукаємо формальних ознак для того, щоб упізнати в цьому слові іменник».

У шостому положенні йдеться про те, що яскравість різних категорій неоднакова і що вона залежить від наявності смислових і формальних протиставлень. Це положення ілюструється словами *белый, белизна, бело, белеть*, у яких добре впізнаються відповідні частини мови.

З можливості різноманітних ознак випливає можливість міжкатегоріальних омонімів, прикладом цього може служити *кругом* (прислівник) і *кругом* (прийменник). Якщо виділення частин мови не є класифікацією, то, по-перше, одне і те саме слово може водночас належити до різних категорій, як, наприклад, дієприкметник, який містить ознаки прикметника і дієслова; по-друге, можуть бути такі слова, які не належать ні до однієї частини мови, наприклад, вставні слова, слова *так, ні* та ін. [14, с. 9].

Основне завдання граматики Л. В. Щерба вбачав у тому, щоб розкрити живу систему мови, що вічно змінюється, з урахуванням формоутворення, синтаксичних зв'язків і «стройових елементів лексики». Слідом за І. О. Бодуеном де Куртене, всі частини мови Л. В. Щерба називав «лексико-граматичними розрядами слів». Учений виділяв «дві співвідносні категорії: категорію слів повнозначних і категорію слів службових». Відмінність між ними полягає в тому, що перші мають самостійне значення, другі виражають відношення між предметами думки. До слів повнозначних Л. В. Щерба відносив дієслова, іменники, прикметники, прислівники, слова кількісні (тобто числівники), категорію стану, або предикативні прислівники. До складу слів службових Л. В. Щерба відносив зв'язки (бути), прийменники, частки, сполучники (сурядні, сполучні, приєднувальні), слова, які «усамітнюють», або стягнені сполучники (і – і, ні – ні й ін.), відносні слова (або сполучники підрядні). Окремо він розглядав вигук і звуконаслідувальні слова [14, с. 12].

Дуже важливим внеском до теорії частин мови є обґрунтування Л. В. Щербою категорії стану. Існує ряд слів, типу *нельзя*, *можно*, *надо*, *пора*, *жаль* і т. п., підвести які під яку-небудь категорію дуже важко. Найчастіше їх, за формальною ознакою незмінності, зараховують до прислівників, що не викликає практичних незручностей у словарному відношенні, якщо зазначити, що вони вживаються зі зв'язкою і функціонують як присудок безособових речень. Проте при найближчому розгляді Л. В. Щерба виявив, що вказані слова не підпадають під категорію прислівників, оскільки не належать ні до дієслова, ні до прикметника, ні до іншого прислівника.

Отже, виявляється, що вони складають одну групу з такими формами, як *холодно*, *светло*, *весело* і т. д. у фразах: *на дворе становилось холодно*; *в комнате было светло*; *нам было очень весело* і т. п. Подібні слова теж не можуть вважатися прислівниками, оскільки ці останні належать до дієслів (або прикметників), тут же ми маємо справу зі зв'язками, зазначає Л. В. Щерба. Під форму середнього роду однини прикметників вони теж не підходять, оскільки прикметники відносяться до іменників, а тут цих останніх немає: ні явних, ні таких, що маються на увазі.

Можна передбачити, що мова йде про особливу категорію стану, який представляється як дія: *нельзя* (в одному зі значень) / *запрещается*; *можно* (в одному зі значень) / *позволяется*; *становится холодно* / *холодает*; *становится темно* / *темнеет*; *морозно* / *морозит* і т. д. (проте таких паралелей не так багато).

Формальними ознаками цієї категорії можуть бути незмінність і вживання зі зв'язкою. При особистій конструкції можна вказати ряд слів, які підійшли б сюди, зауважує Л. В. Щерба: *я готов*; *я должен*; *я рад* / *радуюсь*; *я способен* («я зда-

тен») / *могу*; *я болен* / *болею*; *я намерен* / *намереваюсь*; (*радый* не вживається, але *готовый*, *должный*, *способный*, *больной*, *намеренный*, *дружный*, *знакомый* вживаються в іншому розумінні).

Правильні будуть і такі протиставлення: *я весел* (стан) / *я веселюсь* (стан у вигляді дії) / *я веселый* (якість); *он шумен* (стан) / *он шумит* (дія) / *он шумливый* (якість); *он сердит* (стан) і т. д.

Подібне протиставлення Л. В. Щерба знаходить і в таких прикладах: *я был солдатом* (стан: 'j`ai ete soldat') / *я солдатствовал* (стан у вигляді дії) / *я был солдат* (іменник: 'j`ai ete un soldat'); *я был трусом в этой сцене* / *я трусил* / *я большой трус*; *я был зачинщиком в этом деле* / *я был всегда и везде зачинщик*.

Нарешті, під категорію стану Л. В. Щерба підводить такі слова і вирази, як *быть навеселе*, *наготове*, *настороже*, *замужем*, *в состоянии*, *начеку* і т. п. У всіх цих випадках *быть* є зв'язкою, тому слова *навеселе*, *наготове* і т. д. не можуть вважатися прислівниками. Вони всі теж виражають стан, але завдяки відсутності паралельних форм, які б виражали дію або якість (але *замужем* / *замужняя*; *в состоянии* / *могу*), ця ідея недостатньо підкреслена.

Отже, після робіт Л. В. Щерби у граматиці стали виділяти особливу групу слів типу *жаль, пора, готов, должен* і т. д. – як категорію стану [15, с. 90].

Широта і оригінальність постановки питання у статті «О частях речи», різноманітність думок і спостережень, що характеризують її, і сьогодні привертають до себе увагу лінгвістів, які займаються різними мовами.

Є. Д. Поліванов, учень І. О. Бодуена де Куртене, надав свою класифікацію частин мови в руслі ідей психолінгвістики.

Частинами мови він називав такі класи або категорії, в яких розподіляються, з одного боку, основи змінюваних слів російської мови разом зі всією сукупністю форм словозміни, що належать до даної основи, з іншого боку, незмінні слова. Ознаками кожного даного класу або категорії, тобто кожної даної частині мови, можуть служити як властиві цьому класу (або категорії) слів загальні значення, так і відповідні цим відмінностям загальних значень відмінності в системах форм словотворення, властивих даній (відмінюваній) частині мови. Так, виділяючи в числі відмінюваних частин російської мови, з одного боку, наприклад, іменник, а з іншого – дієслово, ми можемо вказати на такі їх взаємні відмінності.

По-перше, це відмінності в значеннях: іменник позначає предмет або особу (напр. *камень, сталь, человек, коммунист*), або рідше – яке-небудь інше уявлення (якості або дії), що розглядається як предмет (тобто ставиться в логічну позицію предмета), стосовно якого стверджується або заперечується деяка ознака – відома якість або дія. Прикладами можуть служити такі іменники, як *белизна, ходьба*, в таких, наприклад, фразах: *белизна ослепляет, ходьба полезна*); дієслово ж позначає дію, що розглядається як ознака, що приписується тому або іншому предмету або особі (напр. *падает, идет*, в таких, напр., фразах: *камень падает, человек идет*).

По-друге, відмінності в системах форм словозміни, тобто формальні відмінності: іменник у російській мові змінюється за відмінками і числами, але не змінюється за особами, за часами, способами. Дієслово ж не відмінюється, але змінюється за особами, часами, способами [17, с. 257].

В російській мові Є. Д. Поліванов розрізняв такі частини мови:

I . Відмінювані частини мови.

1. Іменники в широкому розумінні.

а) іменники у вузькому розумінні (*дом, человек, коммунист, Иван, лев, лошадь, корова, камень, вода, молоко, ходьба, белизна, идея, революция, число, равенство*);

б) іменникові займенники (*я, ты, он, мы, вы, кто, некто, никто, сам*);

в) іменникові числівники (*два, две, три, четыре, пять, шесть, десять).*

2. Прикметники в широкому розумінні.

а) прикметники у вузькому розумінні або прикметники якісні, тобто назви якостей (приписуваних як ознака тому або іншому предмету чи особі) (*белый, золотой, серебряный, сильный, бессильный, энергичный, пролетарский* і т. д.);

б) прикметники присвійні (що виражають приналежність предмета певній особі), (*сестрин, дядин* і т. д);

в) прикметникові займенники (*какой, который, чей, самый*);

г) прикметникові числівники (*первый, второй, шестой, сотый* і т. п.);

д) прикметники.

Далі Є. Д. Поліванов надає примітку, в якій повідомляє про те, що за загальним правилом слід зараховувати до однієї і тієї ж частини мови разом з основою даної словозміни і всі форми словозміни від цієї основи. Ми зараховуємо до словозміни прикметників і прислівників (за значенням) форми, утворені від прикметників (*сильно* від *сильный*, *хорошо* від *хороший*; в таких фразах: *Он сильно ударил меня! Он хорошо говорит по-русски* і т. д.).

3. Дієслово ((*идти* разом з похідними формами: *иду, идешь, пойду, пойдешь* и т. д.), (*нести – несу, несешь, несет, нес, несла*), *говорить, дать, телеграфировать*). Стосовно дієслів Є. Д. Поліванов робить висновок, що дотримуючись вищезгаданого загального правила, ми зараховуємо до дієслова і похідні від нього форми – дієприкметники (*несущий, давший, данный, дающий*) і дієприслівники (*неся, читая* і т. д.).

I I . Невідмінювані частини мови.

1 . Прислівник (*вчера, завтра, теперь, здесь, всегда, иногда*).

Окремо від цього незмінного прислівника, тобто певних систем словозміни (якими служать, наприклад, відміна в іменниках, відмінювання в дієсловах), стверджує Є. Д. Поліванов, слід розглядати прислівники, похідні від прикметників (напр., *хорошо* у фразі *он хорошо говорит по-русски* – прислівник, похідний від прикметника *хороший*, *весело* у фразі *мы весело провели время*, – прислівник, похідний від прикметника *веселый*). Згідно з загальноприйнятим правилом, – зараховувати похідні форми словозміни до тієї частини мови, до якої належить основа, – ці похідні прислівники (*хорошо, весело* і т. п.) не складають особливої частини мови, а є лише особливими (специфічними за значенням – саме прислівниковими) формами словозміни прикметників (саме прикметників *хороший, веселый* і т. п.).

2 . Прийменник, точніше короткі слова і частини слів, що пишуться окремо перед певними відмінками іменників або прикметників: наприклад, *с* (*с сыном, с отцом*), *к* (*к дому*), *у* (*у отца, у меня*), *в* (*в комнате, в стране* або *в комнату, в страну*), *от* (*от отца, от тебя*), *без* (*без отца*) і т. ін.

3. Сполучники, тобто короткі (в більшості випадків) слова, які служать для з'єднання фраз (або речень) або окремих елементів речень між собою і для вказівки смислового, зокрема логічного, співвідношення між цими фразами (реченнями), або їх елементами (*і, але, а, проте* і т. ін.).

4 . Вигуки або виклики – напр., *ах, ох, увы, эй* і т. п.

5 . Звуконаслідування (*кукареку, тук-тук, тик- так*).

Нарешті, треба зазначити, що деякі з незмінних слів у російській мові (зокрема, слова *да, нет,* що уживаються у вигляді відповідей на питання) не можуть бути підведені ні під одну з вищезгаданих категорій («частин мови»), і, з іншого боку, число їх настільки мале, що немає сенсу виділяти їх в якусь особливу,

самостійну частину мови, вважав Є. Д. Поліванов. Він називав їх словами «поза частинами мови» [17, с. 260].

Здійснений нами огляд праць з історії граматичних учень граматистів лінгвістичної школи дозволяє зробити висновок про непослідовність, протиріччя традиційної класифікації частин мови, відсутність у ній єдиного принципу поділу.

У сучасному мовознавстві немає спеціальних монографічних праць, присвячених класифікації частин мови. Багато що залишається поза увагою дослідників. Комплексне вивчення наукової спадщини європейських граматистів XIX – XX ст. дозволить заповнити очевидні прогалини в царині лінгвоісторіографічного висвітлення принципів класифікації частин мови та зробити необхідні узагальнення. У цьому ми вбачаємо перспективи подальших досліджень.

Бібліографічні посилання

1. **Березин Ф. М.** История советского языкознания. Некоторые аспекты общей теории языка. Хрестоматия / Ф. М. Березин. – М. : Высш. шк.,1981. – 352 с.
2. **Бодуэн де Куртенэ И. А.** Избранные труды по общему языкознанию / И. А. Бодуэн де Куртенэ. – М. : Изд-во АН СССР, 1963. – Т. 1. – 384 с.
3. **Бодуэн де Куртенэ И. А.** Избранные труды по общему языкознанию / И. А. Бодуэн де Куртенэ. – М. : Изд-во АН СССР, 1963. – Т. 2. – 391 с.
4. **Богородицкий В. А.** Об основных факторах морфологического развития языка / В. А. Богородицкий // Рус. филол. вести. – 1895. – Т. 33. – № 1–2. – С. 219–251.
5. **Валгина Н. С.** Современный русский язык : учеб. для филол. спец. вузов / Н. С. Валгина, Д. Э. Розенталь, М. И. Фомина – М. : Высш. шк., 1987. – 480 с.
6. **Виноградов В. В.** Русский язык (грамматическое учение о слове) / В. В. Виноградов. – М. : Учпедгиз, 1947. – 784 с.
7. **Голанов И. Г.** Морфология современного русского языка / И. Г. Голанов. – М. : Высш. шк., 1965. – 288 с.
8. **Колесов В. В.** Л. В. Щерба : кн. для учащихся / В. В. Колесов. – М. : Просвещение, 1987. – 160 с.
9. **Кучеренко І. К.** Теоретичні питання граматики української мови. Морфологія / І. К. Кучеренко. – К. : Київський університет, 1961. – 172 с.
10. **Муругова Е. В.** Взаимодействие частей речи и способов их образования в лингвокреативной деятельности человека : автореф. дисс. … канд. филол наук : спец. 10.02.19 «Теория языка», 10.02.04 «Германские языки» / Е. В. Муругова. – Ростов-на-Дону, 2007. – 39 с.
11. **Павлюковец М. А.** Синкретизм на морфологическом и синтаксическом уровнях английского языка как проявление языковой экономии : функциональный аспект : автореф. дисс. … канд. филол. наук : спец. 10.02.04 «Германские языки» / М. А. Павлюковец. – Ростов-на-Дону, 2009. – 22 с.
12. **Ситько Ю. Л.** Бытование функционально-прагматической методологии в отечественном языкознании 60-х годов XIX века I половины XX века (на примере понятия части речи) / Ю. Л. Ситько. – Севастополь : Рибэст, 2007. – 140 с.
13. **Суник О. П.** Общая теория частей речи / под ред. В. М. Жирмунского, М. М. Гухман, С. Д. Кацнельсона / О. П. Суник. – М. : Наука, 1966. – 132 с.
14. **Щерба Л. В.** О частях речи в русском языке / Л. В. Щерба // Русская речь. – Л. : Новая серия, 1928. – С. 5–27.
15. **Щерба Л. В.** Языковая система и речевая деятельность / Л. В. Щерба. – М. : Наука, 1974. – С. 77–100.
16. **Вопросы грамматического строя** / под ред. В. В. Виноградова, И. А.Баскакова, И. С. Поспелова – М. : Академия наук СССР, 1955. – 484 с.
17. **Хрестоматия по истории грамматических учений в Советском Союзе** / [сост. Щеулин В. В.; ред. Магин В. А.]. – Ростов-на-Дону : Ростов. ун-т, 1972. – 312 с.

18. **Лингвистический энциклопедический словарь** [глав. ред. В. Н. Ярцева]. – М. : Сов. энцикл., 1990. – 780 с.

Надійшла до редколегії 14.02.12

УДК 811.161.1'373

Л. А. Ким

Приднепровская государственная академия строительства и архитектуры (г. Днепропетровск)

О ГРАММАТИЧЕСКИХ ВОЗМОЖНОСТЯХ ЛЕКСЕМ ТИПА *АЛЬФА* И *БИЗНЕС* В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Виявлено і проаналізовано корпус іншомовних слів, що входять до складу термінів різних терміносфер російської мови як залежні компоненти і характеризуються у системі мови граматичною поліфункціональністю.

Ключові слова: термін, незмінюваний залежний компонент, граматична поліфункціональність.

Установлен и проанализирован корпус иноязычных слов, которые входят в состав терминов различных терминосфер русского языка как зависимые компоненты и характеризуются в системе языка грамматической полифункциональностью.

Ключевые слова: термин, неизменяемый зависимый компонент, грамматическая полифункциональность.

The case of foreign words, which are the parts of terms of different Russian termspheres as dependent components and are characterised by grammatical polyfunctinality in the language system, was determined and analysed.

Keywords: term, unchangeable dependent component, grammatical polyfunctionality.

Одной из ярких особенностей русского языка наших дней, отмечаемой многими исследователями, является активное формирование нового класса слов – полифункциональных лексем, способных выступать в субстантивной, атрибутивной, а иногда в адвербиальной функции в зависимости от контекста [1–3; 5–7]. По мнению Ю. В. Рощиной, появление этого класса слов связано с тем, что в последнее десятилетие заимствуются не просто отдельные слова, но и некоторые принципы организации слов в словосочетания (ср., например: *топ-новости, проект-менеджер, бизнес-ланч* и под.). Это оказывает существенное влияние на грамматику языка. По такой модели уже на русской почве образуются аналитические конструкции с неизменяемыми определителями: *бизнес-возможности, караоке-соревнование, рок-певец, вип-трибуна*. В таких конструкциях заимствованная единица становится аналит-определителем русского слова. Лексемы, которые относятся к этому классу, не имеют четких парадигматических примет определенной части речи. В зависимости от контекста они могут быть существительными (какие-то при этом склоняются: *ведение бизнеса, легенды рока*, а какие-то остаются несклоняемыми: *приобщиться к аниме, современные медиа*) или аналитическими определителями: *бизнес-тур, рок-концерт, медиа-индустрия* [8].

Целью нашего исследования является рассмотрение подобных лексем, выступающих в функции неизменяемых зависимых компонентов терминов, но в силу грамматической полифункциональности соотносящихся с заимствованными

© Ким Л. А., 2012

существительными, которые в русском языке характеризуются словоизменительной парадигмой, по крайней мере единственного числа.

В «Русской грамматике» примыкание таких существительных, которые имеют формоизменение, однако в определяющей функции при том или другом имени ведут себя как неизменяемые слова, относится к беспредложному падежному примыканию [9, с. 63]. В эту разнообразную по лексемному наполнению и количественному составу группу входят неизменяемые слова, оканчивающиеся гласной **а** (*бета, дата, дельта, прима, секунда, терция, тара*), омонимичные именам существительным женского рода, или согласной (*бизнес, блок, борт, гарант, грант, дебет* и др.) и в этом случае омонимичные именам существительным мужского рода. По степени освоенности русским языком их можно разделить на лексически освоенные слова, давно вошедшие в русский язык (см. вышеприведенные примеры) и термины-неологизмы (*аутрайт, бербоут, индент, клиринг, лампсум, маркетинг, маркет, овернайт, оффшор, свинг, свитч, спот, спрэд, траст, трансфер, форвард, хедж, холдинг, чартер* и др.), многие из которых находятся в стадии фонетического и графического освоения (см. об этом: [4]).

Материалом исследования послужили термины с неизменяемым зависимым компонентом (НЗК), извлеченные методом сплошной выборки из специальных словарей, репрезентирующих терминосистемы экономики, права, металлургии, материаловедения, математики и информатики. Для исследования специально были избраны контрастные терминосферы гуманитарного, математического и производственно-технического профилей, позволяющие нагляднее выявить общие и различительные черты анализируемого явления.

Перейдем к рассмотрению данных НЗК в соответствии с выделенными подгруппами: 1) НЗК с конечной гласной **а** и 2) НЗК с конечной согласной.

1. Неизменяемые компоненты, оканчивающиеся гласной **а**, по происхождению, в основном, являются наименованиями букв греческого алфавита или же заимствованными из латинского языка порядковыми числительными и только в двух случаях представляют собой заимствованные лексемы, не входящие в какой-либо системный ряд: ***дата*** (фр. *date* < лат. *data* – данные) и ***тара*** (ит. *tara* < араб. *tarh* – отходы), ср.: ***дата-вексель*** ‘вексель, срок платежа по которому устанавливается через определенный промежуток времени’ [БЭС]; ***тара-тариф*** ‘таблица веса тары для различных товаров’ [БЭС].

Особенностью использования НЗК – заимствованных наименований букв или числительных – является незакрепленность их позиции по отношению к опорному термину и способность сочетаться с опорными терминами-наименованиями предметов (*бета-тест, прима-вексель* и *вексель прима, вексель секунда, вексель терция*), операций (*дельта-спрэд, дельта-хеджирование*), величин (*бета-коэффициент, коэффициент «дельта», показатель «дельта»*). В отличие от НЗК *прима*, *секунда* и *терция*, сохраняющих в составных номинациях значение порядковых числительных (***прима-вексель*** и ***вексель прима*** ‘первый экземпляр переводного векселя’, ***вексель секунда*** ‘второй экземпляр переводного векселя’ и ***вексель терция*** ‘третий экземпляр переводного векселя’ [БЭС]), НЗК–наименования греческих букв наполняются в каждой терминосфере своим содержанием и нередко имеют несколько значений. Так, НЗК *бета* (гр. *beta* – вторая буква гр. алфавита) в составе термина ***бета-коэффициент*** имеет значение ‘показатель количественного соотношения между движением курса данной акции и движением рынка акций в целом’ [БЭС], а в составе термина ***бета-тест*** ‘апробирование продукции, передаваемой изготовителем в пользование какой-либо фирме до начала третьей стадии жизненного цикла изделия’ [БЭС], семантика этого компонента указывает на порядок следования этапов тестирования. В «но-

мерном» значении наименования греческих букв используются в терминосистеме информатики (***альфа-тестирование*** ‘первый этап полного тестирования программного обеспечения перед его выходом в свет’ [ТСИ], ***бета-тестирование*** ‘второй этап полного тестирования программного обеспечения’ [ТСИ]; ср. также: *альфа-процессор*, *бета-версия программного обеспечения*). «Экономическое» значение лексемы *дельта* (греч. *delta* – четвертая буква гр. алфавита) – ‘сумма, на которую изменится цена опциона при изменении цены на указанную в опционе акцию’ [БЭС].

В области точных и технических наук названия многих греческих букв активно используются, в основном, для указания на разновидности чего-либо, что в принципе тождественно «номерному» значению. Это могут быть разновидности состояния вещества: *альфа-, бета-, гамма-, дельта-железо; альфа-, бета-, гамма-, дельта-феррит; дельта-металл; игрек-сплав*; и разновидности фаз состояния чего-л.: *альфа-, бета-, гамма-, дельта-, сигма-фаза; альфа-, бета-, гамма-превращение*; разновидности различных частиц и потоков этих частиц: *альфа-, бета-, гамма-, дельта-, лямбда-частица*; *альфа-, бета-, гамма-, дельта-, икс-лучи; дельта-, сигма-электрон; альфа-, бета-, гамма-, дельта-излучение*; наименования приборов, наук, методов и пр., связанных каким-либо образом с видами радиоактивных частиц: *альфа-, бета-, гамма-излучатель; альфа-, бета, гамма-измеритель; альфа-, бета-, гамма-камера; альфа-, бета-, гамма-спектрометр; альфа-, бета-, гамма-спектроскопия; бета-, гамма-весомер; бета-дефектоскопия; гамма-астрономия; гамма-голография; бета-, гамма-метод;* разновидности математических понятий (функций, точек, линий, математических действий, абстрактных понятий и т. д.): *альфа-, бета-, гамма-, дельта-, дзета-, сигма-, тета-, эта-функция*; *сигма-связь, тета-ряд; гамма-, лямбда-линия, лямбда-точка, дзета-потенциал, лямбда-конверсия, лямбда-гиперон, лямбда-определимость, омега-непротиворечивость, тета-произведение*; разновидности схем, конфигураций, графиков и пр.: *дзета-конфигурация* и др. Следует отметить, что наибольшей активностью в терминосферах точных наук и техники отличаются НЗК – названия первых букв греческого алфавита – *альфа* (более 30 ед.), *бета* (около 50 ед.) и *гамма* (более 80 ед.). Около 20 составных терминов образованы в этих сферах с НЗК *дельта*. Все остальные названия греческих букв составляют ряды, включающие от одного до десяти наименований. В целом же очевидно, что термины с НЗК – названиями букв греческого алфавита представляют собой во всех терминосферах русского языка открытые ряды, активно пополняющиеся по мере развития человеческих знаний. НЗК этого типа в процессе функционирования часто заменяются символьными аналогами: *альфа – α, бета – β, гамма – γ, дельта – δ* и т. д.

2. Рассмотрение НЗК второй подгруппы целесообразно начать с НЗК, омонимичных интернационализмам или давно освоенным заимствованиям. Здесь, прежде всего, выделяются компоненты, наиболее активно участвующие в образовании экономических терминов, к которым относятся лексемы *бизнес* (более 50 наименований), *траст* (более 10 ед.), *экспресс* (более 5) и некоторые другие. Основной же корпус НЗК этого типа входит в состав 2–5 наименований, несколько компонентов отмечены в единичных образованиях.

В «Большом экономическом словаре» лексема ***бизнес*** (англ. *business*) отмечается в значении ‘экономическая деятельность, дающая прибыль; любой вид деятельности, приносящий доход или иные личные выгоды’ [БЭС]. Более детальную интерпретацию это понятие получает в «Словаре современных экономических и правовых терминов»: ***бизнес*** ‘дело; предпринимательство; любой вид дея-

тельности, приносящий прибыль или другую личную выгоду при торговых операциях, коммерческих сделках, оказании услуг или посредничестве' [СЭП].

В роли аналитического прилагательного это слово чаще всего употребляется препозитивно, присоединяясь к опорным обозначениям: а) лиц, связанных с предпринимательской деятельностью: ***бизнес-ангелы*** 'состоятельные люди, вкладывающие собственные средства в начинающий или расширяющийся бизнес' [ВФ, с. 198], *бизнес-организатор, бизнес-партнер, бизнес-вумен* и *бизнес-леди, бизнес-элита*; б) организаций, имеющих отношение к предпринимательской деятельности: ***бизнес-инкубаторы*** 'организации, помогающие становлению высокотехнологических проектов на ранних стадиях' [ВФ, с. 250], *бизнес-банк, бизнес-клуб, бизнес-колледж, бизнес-центр*; в) денотатов, связанных с обучением или обменом информацией в сфере бизнеса: ***бизнес-игра*** 'имитация реальной бизнес-ситуации' [СЭП], *бизнес-брок-семинар, бизнес-конференция, бизнес-курс, бизнес-школа, бизнес-тренинг, бизнес-форум, бизнес-семинар, бизнес-образование, бизнес-подготовка, бизнес-стажировка*; г) денотатов, связанных с разработкой предпринимательской деятельности и фиксацией информации о ней: ***бизнес-план*** 'краткосрочная программа деятельности предприятия в определенный период, которая включает расчет возможных доходов и расходов' [СТП], *бизнес-папка, бизнес-журнал, бизнес-система, бизнес-счет, бизнес-информация, бизнес-хроника, бизнес-прогноз, бизнес-новости, бизнес-статистика*; д) собственно предпринимательская деятельность и нормы, ее регулирующие: ***бизнес-операция*** 'совокупность действий, процедур, составляющих содержание одного акта бизнес-деятельности' [СЭС], *бизнес-сделка*, *бизнес-ситуация, бизнес-деятельность, бизнес-адаптация, бизнес-механика, бизнес-партнерство, бизнес-право*; е) что-либо, связанное с предпринимательством, носящее деловой, предпринимательский характер, сопровождающее деловую деятельность: ***бизнес-карта*** 'продукт международных платежных систем, предназначенный для использования в деловых поездках' [БЭС]*, бизнес-принадлежности, бизнес-день, бизнес-круиз, бизнес-культура, бизнес-поездка, бизнес-приглашение, бизнес-тур, бизнес-услуги* и др.

Стремительное образование номинаций с НЗК *бизнес* привело к возникновению омонимов, которые фиксируются словарями новых слов, ср.: ***бизнес-класс***[1] 'специальный класс финансово-экономической ориентации, в программу обучения которого входит маркетинг, бухгалтерский учет, делопроизводство и пр.'; ***бизнес-класс***[2] 'места среднего разряда в самолете, поезде и т. п., обычно занимаемые бизнесменами'; ***бизнес-класс***[3] 'разряд в классификации технических устройств, свидетельствующий об их высоком качестве, гарантирующем возможность профессионального применения' [СВ].

Заимствование ***траст*** (англ. *trust* – кредит, доверие) в значении 'имеющий отношение к системе доверительного управления имуществом или денежными средствами, выполнения услуг в интересах клиентов' [СИСВ] употребляется во многих образованиях, обозначающих субъекты экономической сферы: *траст-агент*; деятельность: *траст-бизнес, траст-операция*; объекты: *траст-компания, траст-отдел, траст-фонд*; документы и денежные средства: *траст-вклад, траст-сертификат, траст-счет, траст-тариф* и др.

Препозитивный НЗК ***экспресс*** (< англ. *express* – срочно, экстренно < лат. *expressus* – усиленный) с общим значением 'срочный, быстрый' входит в номинативное пространство экономики: *экспресс-груз, экспресс-доставка, экспресс-информация, экспресс-курс, экспресс-лотерея, экспресс-опрос, экспресс-перевозки, экспресс-служба* и др. и техники: *экспресс-влагомер, экспресс-метод, экспресс-прибор, экспресс-проба, экспресс-строительство* и пр. Общей для терминосферы экономики и техники является номинативная единица *экспресс-*

анализ, обозначающая разновидность анализа по времени его проведения (‘срочный, экстренный’).

В отличие от лексем *бизнес*, *траст* и *экспресс*, употребляющихся в качестве НЗК только препозитивно, НЗК ***стоп*** (англ. *stop* < *to stop* – останавливать, останавливаться) относится к компонентам с незафиксированной позицией и употребляется как в препозиции, так и в постпозиции в значении ‘связанный с остановкой’, ср.: ***стоп-лист*** ‘специальный банковский реестр с номерами блокированных пластиковых валютных карточек’ [СЭП]; ***приказ «стоп»*** ‘приказ клиента брокеру покупать или продавать на лучших условиях, по достижении ценой определенного уровня’ [СЭП], а также: *стоп-поручение, стоп-приказ* и *приказ «стоп-лимит», распоряжение-стоп* и др.

В круг НЗК, характеризующихся средней встречаемостью (от 2 до 5), входят препозитивные компоненты: ***грант*** (англ. grant –) ‘вид безвозмездной субсидии’ [БЭС] – *грант-эквивалент, грант-элемент*; ***дебет*** (< лат. debet – он должен) ‘запись увеличения или уменьшения учитываемых сумм’ [СТП] – *дебет-нота, дебет-авизо*; Интернет (англ. *internet* – глобальная компьютерная сеть) – ***Интернет-кафе*** ‘кафе, посетителям которого предоставляется доступ в Интернет’ [БЭС], ***Интернет-банк*** ‘финансовое учреждение, действующее в реальности для обеспечения расчетов за покупки в Интернет’ [СЭП]; ***кредúт*** (< фр. *credit* < ит. *credito* – вера, доверие) ‘ссуда целевого назначения в денежной или товарной форме на условиях возвратности, срочности и с уплатой процента’ [СТП] – *кредит-аванс, кредит-бюро, кредит-ломбард, кредит-нота*; ***сервис*** (англ. *service* – служба) ‘обслуживание населения в различных сферах повседневной жизни’ [СИСВ] – *сервис-бюро, сервис-кооператив, сервис-партнер, сервис-центр*; ***холдинг*** (англ. *holding* – владеющий) ‘корпорация, компания, управляющая деятельностью или контролирующая деятельность других компаний, обществ’ [СЭП] – *холдинг-компания, холдинг-концерн, холдинг-трест*; ***процент*** (лат. < *pro centum* – за сто) ‘плата, которую заемщик уплачивает кредитору за пользование полученными деньгами или материальными ценностями’ [СТП] – *процент-дебитор, процент-кредитор* и др.

Среди лексически освоенных НЗК, характеризующихся единичной встречаемостью в составных номинациях, отметим лексемы ***аваль*** (фр. *aval*) ‘поручительство по векселю, чеку, сделанное третьим лицом’ [СИСВ] – *аваль-кредит* (гарантийный кредит); ***декрет*** (лат. decretum) ‘постановление верховной власти, имеющее силу закона’ [БЭС] – *декрет-законы*; ***икс*** ‘название двадцать первой буквы латинского алфавита; обозначение неизвестной или переменной величины’ [БТС] – *икс-процент*; ***кейс*** (англ. case < лат. capsa – ящик, футляр) – ***кейс-метод*** ‘система подготовки менеджеров, заключающаяся в моделировании и разрешении производственных ситуаций’ [БЭС]; ***курс*** (лат. *cursus* < *currere* – бежать, быстро двигаться) – ***курс-маклер*** ‘в Германии служащий биржи, устанавливающий официальные курсы ценных бумаг’ [БЭС]; ***маркетинг*** (англ. *marketing* < *market* – рынок, сбыт) ‘в общем значении это работа с рынком ради осуществления обменов с целью удовлетворения человеческих нужд и потребностей’ [БЭС] – *маркетинг-система*; ***ломбард*** (фр. *lombard* < ит. *Lombardia* – область в Италии, где появились первые ломбарды) ‘кредитное учреждение, ссужающее деньги под залог движимого имущества’ [СТП] – *ломбард-ставка*.

В отличие от рассмотренных выше препозитивных НЗК, лексемы *риск* и *трансферт/трансфер* в функции несклоняемых определителей могут употребляться как в препозиции, так и в постпозиции, ср.: ***риск*** (фр. *risque* < ит. *risico*) ‘возможность опасности, неудачи’ [СИСВ] – *риск-контракт, риск-менеджмент* и *капитал-риск* ‘кредиты, направленные на развитие новых, недостаточно извест-

ных направлений' [СЭП]; ***трансферт/трасфер*** (фр. *transfert* / англ. *transfer* < лат. *transferre* – переводить, переносить) 'перевод денег с одного счета на другой; передача права владения именными ценными бумагами одним лицом другому' [СТП] – *трансфер-агент / трансферт-агент* и *агент-трансфер / агент-трансферт*.

Только в постпозиции зафиксирован НЗК ***экстерн*** (< лат. *externus* – внешний) – ***баланс-экстерн*** 'баланс, составляемый специально для публикаций' [БЭС].

В состав некоторых экономических терминов может входить в качестве НЗК лексема ***плюс***, означающая в этом случае 'с прибавлением чего-л.' [БТС], например: ***издержки плюс*** 'метод назначения цены в виде суммы издержек плюс прибыль как процент сверх издержек' [БЭС]; ***«первичная ставка плюс»*** 'определение процентной ставки по возобновляемому кредиту, при котором к первичной ставке процента добавляется специальный коэффициент' [СЭП].

Значительная часть рассмотренных НЗК относится к новой лексике, активно осваиваемой формирующимися терминосистемами современной экономики, в частности венчурной и биржевой. Заимствованные неологизмы получают толкования в специальных словарях как самостоятельные термины, многие из них формируют достаточно распространенные ряды образований с зафиксированной или незафиксированной относительно опорного термина позицией.

К НЗК-неологизмам с незафиксированной позицией относится, например, орфографически и фонетически не освоенное заимствование *лампсум / лумпсум / люмпсум* (англ. *lumpsum* – провозная плата; паушальная сумма; общая сумма; крупная сумма) [БЭС; СЭП; СИСВ], ср.: ***лампсум роялти*** 'фиксированная арендная плата' [СЭП]; ***фрахт люмпсум*** 'аккордная оплата фрахта за все судно' [БЭС], а также: *оплата люмпсум, условия люмпсум, сумма люмпсум* и *лумпсум-фрахт, лумпсум/люмпсум-чартер*.

Грамматическая полифункциональность некоторых из рассматриваемых заимствований, то есть их способность выступать то в качестве несклоняемых прилагательных, то склоняемых существительных, приводит к параллельному функционированию составных наименований с одной и той же лексемой, которая в одном случае является препозитивным или постпозитивным определителем, а в другом – опорным компонентом. Таковы, например, термины ***своп*** (ср.: *курс «своп», операция «своп»* и др., но: *своп «спот-некст»*) и ***спрэд*** (англ. spread) 'одновременная покупка и продажа однотипных контрактов или опционов, но по разным ценам и с разными сроками исполнения; размах колебаний цен' [СИСВ], ср.: *спрэд-поручение* и *опцион спрэд*, но: *«пут спрэд быков», «пут спрэд медведей», колл-спрэд «медведей», колл спрэд «быков»*. Функционируя в качестве опорных компонентов-имен существительных, заимствования ***своп*** и ***спрэд*** образуют многочисленные ряды наименований и с обычными прилагательными: *базисный своп, валютный своп, отзывной своп* и пр.; *гарантийный спрэд, диагональный спрэд* и др.

К НЗК со свободной позицией относятся также заимствования ***ролловер*** (< англ. *roll-over* – перекатывание) 'продление кредита путем выдачи новой ссуды взамен старой или обмена старых облигаций на новые' [СЭП], ср.: *ролловер-кредит* и *кредит «ролловер»*; ***оффшор*** (англ. *off-shore* – расположенный на расстоянии от берега) [БЭС; СЭП], ср.: ***центр оффшор*** 'выражение, применяемое для обозначения финансовых центров, рынков в зонах с благоприятным, весьма льготным налоговым контролем' [СЭС] и др.

К постпозитивным НЗК этой подгруппы относятся заимствования ***кэш*** (англ. cash) 'наличные деньги' [БЭС] – *курс «кэш», сделка «кэш», фонды «кэш»*;

аутрайт (англ. *outright* – открыто, сразу) ‘простая срочная валютная сделка; котировка валют по срочным сделкам методом премии или скидки’ [БЭС] – *позиция «аутрайт», операция «аутрайт», сделка «аутрайт», курс «аутрайт»*; ***овернайт*** (англ. *overnight* – букв. сверх ночи) – ***кредит «овернайт»*** ‘сверхкраткосрочный кредит сроком на сутки либо на выходные’ [СЭП]; ***свинг*** (англ. *swing* – колебание) ‘предел взаимного кредитования сторонами клиринговых расчетов; колебание курса на бирже’ [БЭС] – *кредит «свинг»*; ***свитч*** (англ. *switch* – переход, переключение) ‘ликвидация принятых ранее обязательств с одними ценными бумагами и заключение сделок по другим’ [БЭС] – *сделка «свитч»*; ***оффсет/офсет*** (англ. *offset* – возмещение) ‘вид бартерной сделки’ [БЭС] – *сделка «оффсет»*.

В качестве препозитивных НЗК функционируют неологизмы ***индент*** (англ. *indent* – заказ на товары), ср.: ***индент-агент*** ‘агент по сбыту, ведущий за границей на комиссионной основе операции по продаже товаров, поступающих от иностранных поставщиков’ [СЭП]; ***хайтэк / хайтек*** (англ. *high* – высокий + *tech(nology)* – технология) ‘наименование наукоемких отраслей производства’ [БЭС; СЭП; СИСВ], ср.: ***хайтек-компания*** ‘компания, внедряющая и применяющая высокотехнологические процессы, прогрессивное оборудование’ [СЭП]; ***бербоут / бэрбоут*** (англ. *bareboat* – букв. голый корабль) ‘судно, зафрахтованное без экипажа’ [БЭС], ср.: ***бэрбоут-чартер*** ‘договор фрахтования судна, в соответствии с которым судно фрахтуется без экипажа’ [СТП]; а также: ***чартер*** (англ. *charter*) ‘договор между владельцем транспортного средства и нанимателем’ [БЭС] – *чартер-партия*; ***хедж*** (англ. *hedge*) ‘срочная сделка, заключаемая с целью страхования от падения цен’ [СЭП] – *хедж-фонд*; ***фактор*** (англ. *factor* – агент, посредник) – ‘имеющий отношение к факторингу, занимающийся факторингом – приобретением за определенное вознаграждение права на взыскание долгов’ [БЭС] – *фактор-банк, фактор-компания, фактор-фирма* и др.

Сопоставление аналогичных образований второй подгруппы, отмеченных в словарях по информатике, математике и металлургии, показывает, что и в этих терминосферах НЗК, омонимичные существительным мужского рода в им. падеже ед. числа, представляют чрезвычайно пестрые по лексическому наполнению и наиболее многочисленные по количественному составу подгруппы. Прежде всего следует отметить, что каждая терминосистема характеризуется индивидуальным перечнем наиболее частотных НЗК этого типа. Например, в подъязыке техники список препозитивных компонентов, частотность которых превышает число 10, включает лексемы ***вакуум*** (*вакуум-прибор, вакуум-скважина, вакуум-фильтр* – более 70 ед.), ***блок*** (*блок-матрица, блок-механизм, блок-станция* – всего более 40 ед.), ***грамм*** (*грамм-вес, грамм-калория, грамм-процент* – около 30 ед.), ***пресс*** (*пресс-остаток, пресс-рубашка, пресс-ножницы* – более 20 ед.), ***крекинг*** (*крекинг-мазут, крекинг-бензин, крекинг-завод* – более 10 ед.), ***мотор*** (*мотор-колесо, мотор-вагон, мотор-насос* – 10 ед.) и т. д. В подъязыке математики наиболее частотным НЗК является лексема ***нуль*** (*нуль-последовательность, нуль-множество, нуль-функция* – 20 ед.).

Таким образом, проведенное исследование показало, что круг неизменяемых терминокомпонентов, функционирующих в различных терминосферах русского языка, расширяется за счет склоняемых существительных, в силу грамматической полифункциональности приобретающих способность выступать в функции неизменяемых определителей. К ним относятся имена существительные женского рода с конечной ***а*** (*бета, дельта*) и имена существительные мужского рода (*бизнес, курс, нуль*). Слова с широкими грамматическими возможностями характерны для разных областей профессиональной деятельности человека, однако ка-

ждая терминосфера отличается индивидуальным перечнем наиболее частотных НЗК того или иного типа.

В целом же следует отметить, что наличие этого класса, на наш взгляд, исключительно важно, так как благодаря этому можно говорить о том, что тенденция к аналитизму в рамках морфологического строя современного русского языка – это живое явление, активно проявляющееся в разных сферах функционирования языка.

Библиографические ссылки

1. **Астен Т. Б.** Аналитизм номинации: когнитивное содержание и прагматика неизменяемых существительных в русском языке в сравнении с другими славянскими языками / Т. Б. Астен. – Ростов н/Д. : РГЭУ (РИНХ), 2003. – 62 с.
2. **Бондаревский Д. В.** Категория неизменяемых прилагательных в современном русском языке : автореф. дис. … канд. филол. наук / Д. В. Бондаревский. – Ростов-на-Дону, 2000. – 21 с.
3. **Воронцова В. Л.** Образование нового грамматического класса слов / В. Л. Воронцова, М. В. Панов // Русский язык и советское общество. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. – М. : Наука, 1968. – С. 111–134.
4. **Ким Л. А.** Неизменяемые прилагательные-неологизмы в системе средств терминологической номинации (на материале терминосистемы экономики) / Л. А. Ким // Лексико-грамматические инновации в современных славянских языках : матер. II Междунар. науч. конф. – Д. : Пороги, 2005. – С. 180–183.
5. **Ким Л. А.** Черты аналитизма в терминосистемах русского языка : монография / Л. А. Ким, Т. С. Пристайко. – Д. : Пороги, 2008. – 148 с.
6. **Панов М. В.** Позиционная морфология русского языка / М. В. Панов. – М. : Наука, Школа «Языки русской культуры», 1999. – 175 с.
7. **Панов М. В.** Об аналитических прилагательных / М. В. Панов // Фонетика. Фонология. Грамматика. – М. : Наука, 1971. – С. 240–253.
8. **Рощина Ю. В.** Проявления тенденции к аналитизму в современной русской морфологии : на материале предметных и признаковых слов : дисс. … канд. филол. наук : 10.02.01 / Ю. В. Рощина. – М., 2005. – 333 с.
9. **Русская грамматика** : в 2-х т. – Т. 2. – М. : Наука, 1980. – 712 с.

Словари

БТС – Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.

БЭС – Большой экономический словарь / Под ред. А. И. Азрилияна. – 5-е изд., испр. и доп. – М. : Институт новой экономики, 2002. – 1280 с.

ВФ – Тематический англорусский словарь венчурного финансирования // Ивина Л. В. Лингвокогнитивные основы анализа отраслевых терминосистем (на примере англоязычной терминологии венчурного финансирования). – М. : Академ. проект, 2003. – С. 197–290.

СИСВ – Словарь иностранных слов и выражений / авт.-сост. Е. С. Зенович. – М. : ООО «Изд-во АСТ», 2003. – 778 с.

СВ – Скляревская Г. Н. Давайте говорить правильно! Новейшие и наиболее распространенные заимствования в современном русском языке : краткий словарь-справочник / Г. Н. Скляревская, Е. Ю. Ваулина. – СПб. : Филол. фак-т СпбГУ; М. : Изд. центр «Академия», 2004. – 224 с.

СТП – Словарь терминов современного предпринимательства / под ред. В. В. Морковкина. – М. : АСТ, Астрель, 2002. – 416 с.

СЭС – Райзберг Б. А. Современный экономический словарь / Б. А. Райзберг, Л. Ш. Лозовский, Е. Б. Стародубцева. – М. : Инфра-М, 2000. – 480 с.

СЭП – Словарь современных экономических и правовых терминов / под ред. В. Н. Шимова и В. С. Каменкова. – Мн. : Амалфея, 2002. – 816 с.

ТСИ – Новий російсько-український-англійський тлумачний словник з інформатики. Основні терміни / уклад. : М. Д. Гінзбург, Л. І. Білоусова, І. М. Корніловська та ін. / за ред. М. Д. Гінзбурга. – Харків : «Корвін», 2002. – 656 с.

Надійшла до редколегії 06.02.12

УДК 811.161.1'373.611

О. Е. Козлова

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

СООТНОШЕНИЕ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СРЕДСТВ ОБОЗНАЧЕНИЯ ИНТЕНСИВНОСТИ ПРОЦЕССА В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Розглянуто деякі групи російських дієслів зі значенням інтенсивної дії, особливості вживання прислівників, які вказують на інтенсивність різних типів дії, а також словотвірні засоби означення інтенсивності процесу у російській мові.

Ключеві слова: дієслово, інтенсивність дії, прислівник, словотвірні засоби.

Рассмотрены некоторые группы глаголов со значением интенсивного действия, особенности употребления наречий, указывающих на интенсивность разных типов действия, а также словообразовательные средства обозначения интенсивности процесса в русском языке.

Ключевые слова: глагол, интенсивность действия, наречие, словообразовательные средства.

The article deals with some groups of verbs meaning the intensity of actions, peculiarities of using adverbs which indicate the intensity of different types of actions and also word-forming ways of indicating this intensity of process in Russian language.

Keywords: a verb, intensity of action, an adverb, word-forming ways.

Анализ возможностей выражения одного и того же типа значения единицами разных языковых уровней остается важной задачей современной русистики, актуальность которой особенно возрастает при преподавании русского языка как иностранного, когда возникает необходимость теоретически обосновать и разъяснить то, что на практическом уровне хорошо ощущается носителями русского языка, во всяком случае, их образованной частью: какое из имеющихся в русском языке средств выражения какого-либо значения предпочтительнее использовать в конкретной речевой ситуации. Возможность выбора нередко бывает достаточно широка, поскольку одна и та же семантика может выражаться и синонимическими лексическим единицами, и словообразовательными средствами, входящими в состав слова (*большой дом – домина, один раз сильно толкнуть – толкануть, очень модный – моднейший – супермодный* и т. д.), хотя традиционно основное внимание в русистике уделяется исследованию синонимии единиц одного языкового уровня, прежде всего лексического (см., напр.: [2]).

Задача нашей статьи – проанализировать состав, соотношение и взаимодействие в современном русском языке разных средств выражения одной из важнейших характеристик действия – его интенсивности, под которой обычно понимают высокую напряженность, силу процесса (см.: [4, т. 1, с. 671]).

© Козлова О. Е., 2012

Специфику различных средств выражения этой характеристики и их взаимодействие в современном русском языке мы прежде всего рассмотрим на примере лексико-семантических групп русских глаголов, обозначающих интенсивность движения человека, его речи, зрительных действий, целеполагания, эмоционального состояния и трудовых усилий. Большинство этих групп глаголов имеет в своем составе названия процессов «нормальной» интенсивности. Такие глаголы просто называют какой-либо вид действия без указания на степень его напряженности или усиление.

Так, «главным» обозначением движения человека является глагол *ходить* – «1. То же, что идти… с той разницей, что… обозначает движение повторяющееся, совершающееся в разных направлениях или в разное время» [4, т. 4, с. 611]. В свою очередь, первым и основным для глагола *идти* является лексико-семантический вариант «передвигаться, ступая ногами, делая шаги» [4, т. 1, с. 631].

Вместе с тем в русском языке имеется группа глаголов, лексическое значение которых указывает на высокую степень интенсивности движения. В нее входят следующие единицы: *бежать, мчаться, нестись, лететь*. Кроме того, в значении «быстро, энергично делать что-л.», в том числе передвигаться, могут в разговорной речи использоваться просторечные глаголы *дуть* [4, т. 1, с. 454] и *чесать* [4, т. 4, с. 671].

Все эти глаголы, кроме глагола *бежать*, имеют яркую стилистическую разговорную окраску, а глаголы *дуть* и *чесать* в интересующих нас значениях являются просторечными. В толковании семантики всех приведенных глаголов присутствуют слова «быстро», «очень быстро», «с большой скоростью».

Для глаголов речи самым нейтральным обозначением действия является глагол *говорить*. Громкая речь обозначается такими глаголами, как *кричать, орать, вопить, горланить, горлопанить, голосить, рявкать, гаркать, рычать, вопиять, провозглашать, гомонить, галдеть*. В толкования всех этих единиц включаются либо наречие «громко», либо глагол «кричать».

Глаголы созидания, трудового действия также составляют довольно значительную группу. Нейтральными с точки зрения указания на интенсивность процесса в этой группе являются глаголы *работать* и *трудиться*. К глаголам, которые указывают на высокую интенсивность трудового процесса, можно отнести следующие единицы: *вкалывать, корпеть, ишачить, трубить, усердствовать, стараться, изощряться, налегать, нажимать, надрываться, пыжиться, жилиться, расшибаться, потеть*. Глаголы этой группы различаются и стилистической окраской, и особенностями характеристики трудового действия.

По семантическим особенностям приведенные нами глаголы можно разделить на три группы: 1) указывающие на длительные физические усилия, прилагаемые к выполнению действия (*потеть, ишачить, вкалывать, надрываться, трубить, жилиться*). В толковании значений этих глаголов встречаются слова и словосочетания «изо всех сил», «долго и упорно», «тяжело» и под.; 2) указывающие на тщательность исполняемого трудового действия, иногда даже излишнюю (*корпеть, стараться, усердствовать, пыжиться, изощряться)***.** В семантической структуре таких глаголов присутствуют элементы значения, которые выражаются словами «старательно», «тщательно», «со старанием» и т. п. и 3) обозначающие энергичное выполнение действия (*налегать, нажимать*). В их толкования включены наречия «усиленно», «энергично».

Глаголов со значением целеполагания, то есть стремления к достижению чего-либо, в современном русском языке относительно немного, причем среди них нет такого названия действия, которое бы не указывало на его интенсивность.

К этой группе можно отнести ряд лексем: *стремиться, тянуться, влечься, рваться, добиваться, домогаться, стараться*.

Все приведенные глаголы являются литературными и имеют общий элемент значения «прилагать усилия для достижения чего-либо». Интенсивность этого действия выражается в толковании глаголов такими словами, как «настойчиво», «страстно», «после усилий», «с излишней настойчивостью».

Среди глаголов со значением высокой интенсивности эмоционального состояния в русском языке нет такого, который бы указывал на его «норму». Это «нормальное» психологическое состояние может быть обозначено только словосочетанием «быть спокойным». Поскольку интенсивное эмоциональное состояние может быть вызвано и положительными, и отрицательными чувствами, такие глаголы можно разделить на три группы: 1) глаголы, которые обозначают высокую степень проявления положительных эмоций: *восхищаться*, *восторгаться, очароваться, вдохновляться*, *воодушевляться, загораться, окрыляться, зажигаться, воспламеняться*, *воспарять, торжествовать, ликовать*, *радоваться*; 2) глаголы, обозначающие негативное эмоциональное состояние, прежде всего связанное с чувствами утраты или обиды. К этой группе относятся следующие глаголы: *грустить, печалиться*, *горевать*, *огорчаться, скорбеть, тужить, тосковать, кручиниться, возмущаться, сердиться, злиться, негодовать, гневаться, бояться, досадовать, раздражаться*; 3) глаголы, которые указывают на значительную интенсивность каких-либо переживаний, связанных с чувством тревоги, беспокойства: *волноваться*, *нервничать, горячиться, гореть, бурлить, кипеть, психовать, неистовствовать, беспокоиться, болеть, переживать, тревожиться.* Большинство этих глаголов являются нейтральными литературными словами. Лишь некоторые из них относятся к просторечным (*психовать*) или же обозначают интенсивное эмоциональное состояние в переносном значении (например, *болеть, кипеть, бурлить*).

Среди глаголов зрительного восприятия имеется такой, который просто обозначает действие и не указывает на его интенсивность (*смотреть*). Остальные глаголы этой группы не только стилистически окрашены, но и обозначают большую, чем в норме, степень проявления процесса: *таращиться, вытаращиться, глазеть, вылупиться, вериться, уставиться, пялиться, воззриться*. Кроме того, есть группа глаголов, которая обозначает интенсивное зрительное действие только в сочетании со словом «глаза» в разных падежах: *таращить глаза, пялить глаза, сверлить глазами, вперить глаза, не сводить глаз, пожирать глазами, вылупить глаза*.

Таким образом, среди рассмотренных групп глаголов, обозначающих интенсивное действие, большинство имеют яркую разговорную или даже просторечную окраску и не допустимы в литературной устной или письменной речи, что ограничивает возможности их употребления, хотя и делает устную непринужденную речь эмоциональной.

Более универсальным лексическим средством указания на высокую степень проявления процесса являются наречия, основной грамматической семантикой которых является признак действия или другого признака. При этом наречия могут обозначать интенсивность действия даже при сочетании с теми глаголами, которые не имеют таких сем в своем значении, например, *идти быстро, смотреть пристально, работать усердно*.

Рассмотрим, каким образом и какие группы наречий могут использоваться для указания на то, что действие производится с большей интенсивностью, чем в норме.

Прежде всего следует обратить внимание на особую группу наречий, которые называются наречиями степени, или количественными наречиями [3, с.703], к которым относятся *очень, страшно, удивительно, исключительно, слишком, много, гораздо, прямо, чересчур, крайне, необычно, весьма, совсем, вдвое, впятеро, еле, чуть-чуть* и др. Такое же значение может выражаться и качественными наречиями типа *абсолютно, необычайно, фантастически, чрезвычайно, феноменально, сверхъестественно* и под. (см.: [3, с. 704]).

Хотя в «Русской грамматике»-80 отсутствует указание на сочетаемость наречий меры с глаголами, анализ показывает, что такое употребление количественных наречий является нормативным для русского литературного языка. Так, данные «Словаря сочетаемости слов русского языка» подтверждают использование наречий *очень, чрезвычайно, страшно, сильно, ужасно* с глаголами, называющими чувства и эмоциональное состояние человека. Такие наречия сочетаются, например, с глаголами *беспокоиться* [5, с. 27], *бояться* [5, с. 38], *волноваться* [5, с. 72], *грустить* [5, с. 116], *сердиться* [5, с. 502], *скучать* [5, с. 510]. Список глаголов, которые приводит «Словарь сочетаемости», можно значительно расширить. Так, указанные наречия могут использоваться при глаголах *нервничать, горячиться, психовать, переживать, возмущаться, негодовать, тревожиться* (например: *очень нервничать*, *сильно беспокоиться*, *страшно горячиться*, *ужасно психовать* и т. д.). С такими наречиями употребляются также глаголы, которые называют положительные и отрицательные эмоциональные процессы: *очень (страшно, сильно, ужасно) + сердиться (печалиться, горевать, сердиться, злиться, грустить)*; *очень (страшно, ужасно, сильно) + радоваться (воодушевляться, окрыляться* и нек. др.).

Вместе с тем среди стилистически окрашенных глаголов, которые обозначают высокую интенсивность эмоционального состояния только в переносном смысле, большинство таких, которые не употребляются или редко используются с количественными наречиями. Это можно объяснить тем, что их семантика в этом плане является «самодостаточной» и наречие просто продублировало бы её. К глаголам этой группы относятся *восторгаться, загораться, очароваться, воспламеняться, ликовать, торжествовать, воспарять.* Как видим, все такие глаголы обозначают очень высокую интенсивность положительных чувств.

Очевидно, что перечень наречий, которые употребляются с глаголами, называющими высокую интенсивность эмоционального состояния, достаточно широк. Со многими глаголами такого типа могут употребляться также наречия *бесконечно* (*бесконечно восхищаться*), *безумно* (*безумно восторгаться*), *несказанно* (*несказанно + ликовать, торжествовать*), *беспредельно* (*беспредельно + радоваться, восхищаться, ликовать*), *чересчур* (*чересчур + волноваться, тревожиться, сердиться*), *бурно* (*бурно + радоваться, ликовать, возмущаться*). Как видим, с этими глаголами могут сочетаться, в основном, те наречия, которые обозначают степень чего-либо только в переносных значениях, например, *безумно, беспредельно, несказанно* и под.

Семантика высокой интенсивности названного глаголом эмоционального состояния может быть усилена сочетаниями наречий *«очень + сильно»* (*очень сильно волноваться*), *чересчур + сильно* (*чересчур сильно злиться*), *слишком + сильно* (*слишком сильно переживать*).

Остальные анализируемые нами группы глаголов могут выражать высокую интенсивность действия при сочетании с другими лексико-семантическими разрядами наречий.

Так, на высокую интенсивность движения могут указывать наречия *быстро* и *стремительно*, которые, как показывает «Словарь сочетаемости слов русского

языка», используются с такими глаголами движения, как *двигаться* [5, с. 121], *идти* [5, с. 198], *бежать* [5, с. 25]. Что касается таких глаголов, как *мчаться, нестись, лететь*, обозначающих быстрое движение человека в переносных значениях, с ними сочетаются такие «усилительные» наречия, как *стремительно, резво, стрелой* или синонимичные им фразеологические выражения *во весь дух, во весь опор, сломя голову*. Кроме того, с наречиями *быстро, стремительно, резво* может употребляться наречие степени *очень* (реже *весьма*). При этом наречное словосочетание *очень быстро* может использоваться при глаголах *идти, бежать, двигаться*, а наречные словосочетания *очень стремительно, очень резво* могут в основном «усиливать» глагол *бежать*, тогда как глаголы *мчаться, нестись, лететь*, обозначающие в разговорной речи очень высокую скорость движения человека, не нуждаются в таком наречном словосочетании. С другой стороны, наречия и фразеологические словосочетания типа *стрелой, во весь опор, во весь дух* не сочетаются с нейтральными обозначениями движения человека *идти, двигаться*, так как такие действия не могут быть настолько интенсивными.

Для глаголов речи показателем интенсивности является громкость. Соответственно, все такие глаголы – от нейтральных *говорить* и *сказать* до указывающих на высокую интенсивность звучания типа *кричать, вопить* – прежде всего способны сочетаться с наречием *громко*: *громко говорить* (*провозгласить*, *крикнуть*, *галдеть*, *гомонить* и т. д.)

Как показывают данные «Словаря сочетаемости слов русского языка», с глаголами, указывающими на высокую интенсивность звучания, могут использоваться и наречия *оглушительно, громоподобно, зычно, трубно*: *оглушительно вопить (горлопанить, горланить), громоподобно прорычать (рявкнуть, прореветь), зычно, трубно провозгласить*. Рядом с такими глаголами избыточным выглядит наречное словосочетание *очень громко*, а синонимичные ему фразеологизмы *во всю Ивановскую, во все горло, из всех сил* могут использоваться, в основном, при глаголах *кричать, орать, вопить*.

Поскольку показателем интенсивности трудового действия могут быть прилагаемые для его осуществления усилия, тщательность исполнения и энергичность, глаголы такого типа могут сочетаться с разными группами наречий.

Так, с глаголами, обозначающими трудовые действия, могут сочетаться наречия *упорно, неутомимо, рьяно, усердно, самоотверженно, самозабвенно*, а также синонимичные им фразеологические словосочетания *изо всех сил, не покладая рук*: *упорно вкалывать*, *неутомимо ишачить*, *усердно корпеть*, *рьяно пахать*, *самоотверженно вкалывать*, *изо всех сил надсаживаться*. Эти же наречия могут указывать на интенсивность действия даже в том случае, если сам глагол не выражает такого значения: *упорно (не покладая рук, усердно, самозабвенно, самоотверженно) работать (трудиться, делать что-либо)*.

С некоторыми глаголами, которые указывают на тщательность исполнения трудового действия, может сочетаться наречие степени *очень*: *очень стараться* (*усердствововать*).

На тщательность исполнения трудового действия могут в разных ситуациях указывать наречия *старательно, прилежно, добросовестно, аккуратно, скрупулезно, филигранно* (*выполнить работу*).

Для обозначения высокого темпа трудового действия могут использоваться наречия *активно, энергично, быстро* (*работать, трудиться*).

Отметим, что такие наречия не сочетаются с глаголами, которые обозначают не просто интенсивное, но и длительное действие (типа *корпеть, ишачить*).

Для глаголов зрительного восприятия важнейшим показателем напряженности действия является пристальность и сосредоточенность. Такие характеристики

действия могут в первую очередь выражаться наречиями *пристально, внимательно, сосредоточенно (внимательно, сосредоточенно, пристально смотреть).*

Все остальные глаголы этой лексико-семантической группы (*пялиться, таращиться, вылупиться* и под.) не употребляются с подобными наречиями, что объясняется и их семантикой, и яркой разговорно-просторечной окрашенностью.

Особенностью словообразовательных способов выражения интенсивности действия в русском языке является то, что большинство аффиксальных морфем вносят в семантическую структуру слова дополнительные, «сопутствующие» семы. Именно поэтому значение словообразовательных формантов во многих случаях «с трудом может быть перефразировано с использованием лексических средств русского языка [1, с. 136].

Так, единственное суффиксальное словообразовательное средство, выражающее интенсивность действия, обозначенного глаголом, в современном русском языке – морфема *-ану*(ть). С ее помощью в разговорной речи образуется относительно небольшая группа глаголов со значением не просто интенсивного, но резкого однократного действия (*толкануть, чиханут*ь и под.).

Продуктивными словообразовательными средствами обозначения интенсивности действия в современном русском языке являются различные приставки, семантика большинства которых достаточно сложна и, как правило, требует дополнительных пояснений.

Лучше всего поддается описанию с помощью лексических средств семантика приставок *пре-* (например, *преуменьшить = сильно уменьшить*), *пере-* (*пересолить = слишком*, *чересчур* посолить), *от-* (*отгладить = тщательно*, *старательно* погладить), *из-/ис-* (*измучиться = очень намучиться*) и нек. др.

С другой стороны, для характеристики многих глаголов с приставкой *раз-/рас-* требуется развернутое описание, например: *раскричаться* – 1. Начать кричать все сильнее и сильнее…; 2. Начать с криком браниться, ругаться… [4, т. 3, с. 647].

Как видим, помимо указания на интенсивность действия, в толкование обоих значений входит указание на его начало, а в первом ЛСВ еще и на усиление.

С большим трудом поддаются лексическому описанию и значения глагольных приставок *воз-/вос-/вз-/вс-,* например:

возмечтать – 1. Увлечься мечтой, отдаться мечтам … [4, т. 1, с. 200],

взбушеваться – внезапно и сильно разбушеваться [4, т. 1, с. 164],

воспеть – прославить, изобразить в песнях, стихах [4, т. 1, с. 215].

Особый интерес представляет вопрос о взаимодействии различных способов выражения одного и того же значения, в нашем случае – семантики интенсивности действия. Как уже отмечалось, имеются определенные ограничения в сочетаемости наречий, обозначающих высокую степень проявления действия, с глаголами, которые сами по себе называют напряженный процесс. Вместе с тем узуальным для русского языка является одновременное выражение семантики интенсивности действия и лексическими, и словообразовательными средствами. Так, в словосочетаниях *сильно перетрудиться, старательно отбелить, ужасно пересолить* значение интенсивности представлено дважды – наречием и глагольной приставкой, а в словосочетании *страшно разораться* – трижды: наречием, приставкой и корневой морфемой глагола. Дальнейшие исследования способов выражения идентичных значений единицами разных языковых уровней позволит уточнить границы аналитических (с помощью словосочетаний) и синтетических (с помощью слов и морфем, входящих в их состав) возможностей репрезентации определенных типов значений в современном русском языке.

Библиографические ссылки

1. **Милославский И. Г.** Вопросы словообразовательного синтеза / И. Г. Милославский. – М. : Изд-во МГУ, 1980. – 296 с.
2. **Новый объяснительный словарь синонимов** / [под общ. рук. Ю. Д. Апресяна]. – Вып. 3. – М. : Языки русской культуры, 2003. – 256 с.
3. **Русская грамматика** : в 2-х т. / [под ред. Н. Ю. Шведовой]. – М. : Наука, 1980. – Т. 1. – 784 с.
4. **Словарь русского языка** : в 4-х т. / [под ред. А. П. Евгеньевой]. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М. : Русск. яз., 1981–1984.
5. **Словарь сочетаемости слов русского языка** / [под ред. П. Н. Денисова, В. В. Морковкина]. – М. : Русск. яз., 1983. – 688 с.

Надійшла до редколегії 22.01.12

УДК 811.161.1'367.624

С. В. Короткова

Национальный горный университет (г. Днепропетровск)

СЕМАНТИКА НАРЕЧИЯ В ПРОИЗВОДСТВЕННО-ТЕХНИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Висвітлено питання, які пов'язані із функціонуванням прислівників у виробничо-технічному тексті: розглянуто поняття виробничо-технічного тексту, проаналізовано особливості прислівника як частини мови, на основі базової класифікації прислівників російської мови дано лексико-семантичне групування прислівників, які використовуються у виробничо-технічному дискурсі.

Ключові слова: виробничо-технічний текст, прислівник, лексико-семантичні групи прислівників.

Освещены вопросы, связанные с функционированием наречий в производственно-техническом тексте: рассмотрено понятие производственно-технического текста, проанализированы особенности наречия как части речи, на основе базовой классификации наречий русского языка представлена лексико-семантическая группировка наречий, используемых в производственно-техническом дискурсе.

Ключевые слова: производственно-технический текст, наречие, лексико-семантические группы наречий.

The article deals with the problems of adverbs' functioning in the texts on industry and engineering. The article analyzes the notion of the text on industry and engineering and the peculiarities of the adverb as a part of speech. It provides industrial and engineering discourse adverbs' lexico-semantic grouping on the basis of the Russian language adverbs basic classification.

Keywords: industrial engineering text, adverb, adverbial lexico-semantic groups.

Наречная лексика, занимающая значительное место в словарном составе русского языка, его грамматическом и коммуникативном строе, издавна является объектом исследовательского интереса специалистов различных областей лингвистического знания (см. об этом: [11, с. 2–4]). И все же, несмотря на постоянное внимание ученых к изучению семантики и закономерностей функционирования наречия, исследователи этого участка языковой системы констатируют меньшую научную разработанность категории наречия в сравнении с другими частями речи [11].

Как известно, наречная система русского языка реализуется множеством своих функциональных вариантов, в каждом из которых с разной степенью отчёт-

© Короткова С. В., 2012

ливости проступают специфические особенности адвербиальной лексики. Однако различные функциональные подсистемы русского наречия изучены в разной степени. Так, только начинается исследование особенностей функционального поведения наречий в научной речи [12], в то время как задача комплексного описания наречной лексики, функционирующей в производственно-техническом дискурсе, все еще требует своего решения. Опыт такого рода описания представлен в настоящей работе. В конкретные задачи исследования входит: 1) кратко охарактеризовать понятие «производственно-технический текст»; 2) принять рабочее определение наречия как части речи; 3) на основе сформированного корпуса наречий, извлеченных методом сплошной выборки из текстов производственно-технического профиля, осуществить семантическую классификацию наречной лексики.

Материалом для исследования послужили более 300 наречий, отмеченных в контекстах, извлеченных из технических текстов, относящихся к области машиностроения, маркшейдерии, горного дела и электротехники.

Понятие «производственно-технический текст» является видовым по отношению к более широкому понятию «научный текст». Традиционно научный текст, в котором фиксируется фрагмент научной деятельности, рассматривается как единица коммуникации, осуществляемой на специальном подъязыке, часто называемом языком для специальных целей (LSP). Он представляет собой «функциональную разновидность естественного языка, в которой аккумулировано и сохранено специальное знание, и обеспечивает адекватное и эффективное общение специалистов в определенной предметной области» [6, с. 78].

У языков для специальных целей, обслуживающих различные сферы специальных знаний и материально репрезентированных соответствующими массивами научно-технических текстов, имеются общие черты, присущие всем им или большинству из них, так называемые интегральные признаки, которые и позволяют объединить все эти многочисленные языки в пределах целостной функциональной разновидности – языка науки [10, с. 25].

Ученые отмечают, что специфика языка науки вытекает из специфики научного мышления, его обобщенного и абстрагированного характера. Для научной речи, по наблюдениям многочисленных исследователей, типичны смысловая точность, безóбразность, скрытая эмоциональность, объективность изложения. Все эти черты находят свое выражение в строгой нормированности, стандартизованности, точности, ясности и лаконичности в выражении мыслей, терминированности речи, широком использовании абстрактной лексики, употреблении слов в их предметном, конкретном значении, безличности, последовательности, завершенности, полноте высказывания и т. д., свойственных научным текстам [5, с. 165].

В то же время исследования конкретных подъязыков показывают, что, несмотря на ряд общих черт, язык науки не может оставаться единым во всех своих проявлениях в таких сферах специальных знаний, как наука, техника и производство. В частности, Т. С. Пристайко отмечает, что для внутристилевой дифференциации текстов по металлургии существенное значение имеет первоначальное разделение их на собственно научные и производственно-технические, различающиеся сферами функционирования и связанными с ними видами деятельности человека [10, с. 27]. На целесообразности такого разделения настаивают многие зарубежные и отечественные лингвисты, обосновывающие существование наряду с языком науки особой функциональной разновидности – языка техники [4; 2] или производственно-технического стиля [1, с. 234; 8, с. 7; 9, с. 8–10 и др.]. Существенным аргументом в данном случае является и мнение коллектива исследователей, полностью нами разделяемое: «Хотя в конечном счете назначение как

научных, так и произведений на производственную тему – зафиксировать и сообщить специалистам соответствующую информацию, задачи научной и производственной деятельности не совпадают, наука занимается исследованиями тех или иных сторон действительности, тогда как производственная деятельность – область приложения научных знаний» [13, с. 55].

Тексты производственно-технического профиля соотнесены с жизненно важной сферой бытия человека – трудовой деятельностью, производством материальных ценностей, орудий труда, технических объектов. В отличие от научно-теоретической сферы, деятельность сознания в сфере производства направлена на создание жизненно необходимых материальных ценностей с использованием для этого всех имеющихся научных достижений. Проанализированные нами тексты (см. Источники фактического материала) относятся к специальной области «Технология машиностроения», тематически сопряженной со сферой техники, что позволяет рассматривать их как тексты производственно-технического профиля.

В производственно-техническом тексте как в когнитивном пространстве объединены разнообразные концепты и категории, связанные между собой сетью отношений. Они служат средством формирования информационной ценности текста и образуют план содержания. Не последнюю роль в вербализации специальных знаний играет наречие, принадлежащее к числу кардинальных частей речи, которые «обслуживают в первую очередь познавательно-классификационную деятельность человека и сами способствуют её прогрессу» [1, с. 31]. По подсчетам некоторых ученых, наречия составляют в лексико-номинативной структуре производственно-технических текстов около 3,2 % [10, с. 88].

Наречие – одна из молодых частей речи, формирование которой продолжается и в наши дни, поэтому очень часто в характеристиках этого класса слов ученые подчеркивают, что «категория наречия расплывчата и мало определена» [3, с. 282].

В настоящем исследовании мы исходим из так называемого узкого понимания наречия, отграничивая его как лексико-грамматический разряд от категории состояния, модальных слов, некоторых частиц. В качестве рабочего определения наречия мы будем использовать определение, предложенное Л. А. Савёловой. В соответствии с ним ***наречием*** называется «лексико-грамматический разряд слов, которые (1) обозначают непроцессуальный признак различных характеристик предмета – действия, отношения, состояния, положения, непроцессуального и процессуального признака; (2) не имеют системы форм словоизменения; (3) выступают в предложении в роли детерминантов или присловных [качественно-определительных либо обстоятельственных] распространителей» [11, с. 10]. В таком понимании наречная лексика характеризуется относительной однородностью семантико-синтаксических свойств, что делает сопоставимым описание функционально-семантического потенциала значительного корпуса единиц.

Существенным для нашего исследования является вопрос о классификации наречий. Как известно, в научной литературе существует несколько подходов к классификации наречий. Это объясняется неоднородностью наречий по их значению.

Ученые отмечают, что распределение русских наречий по разрядам на основе их семантической общности имеет давние традиции (М. В. Ломоносов выделял 16 групп наречий в зависимости от «разных знаменований», А. А. Барсов – до 35, А. А. Шахматов разграничивал 6 классов наречий с точки зрения выражения ими «представлений о качествах-свойствах и отношениях» и т. д.). В настоящее время вошли в научный обиход и получили признание различные семантические классификации наречий (В. В. Виноградов; РГ 1980; М. В. Филипенко). Тем не

менее проблема выделения и систематизации семантических классов наречной лексики до сих пор остаётся актуальной [11, с. 20].

Одним из самых распространенных является деление наречий на обстоятельственные и определительные (качественные, собственно характеризующие), восходящее к русской грамматике начала XIX в. (см. об этом: [3, с. 306]).

В нашем исследовании мы опираемся на базовую классификацию, предложенную и разработанную Л. А. Савеловой [11].

Согласно Л. А. Савеловой, «наречия включены в систему средств репрезентации таких семантических категорий, как количественность / квантитативность; качественность / квалитативность; время / временные отношения; пространственность; обусловленность; отношение» [11, с. 22]. Иными словами, наречия делятся на шесть классов: количественные, квалификативные, пространственные, временные, наречия обусловленности и модальные. Опираясь на данную классификацию, сформируем и рассмотрим лексико-грамматические группы анализируемых наречий.

Квалификативные наречия образуют самый обширный класс единиц. Они выступают как качественные характеризаторы процессуального признака. В научно-литературном жанре наречия характеризуют способ выполнения действия. В основе адвербиальной семантики данных наречий находятся признаки, воспринимаемые органами чувств (‘цвет’, ‘запах’, ‘вкус’, ‘звук’, ‘положение в пространстве’ и др.), признаки, связанные с характеристикой состояния человека, с этической и эстетической оценкой ситуации, со способом выполнения действия. Все наречия этого класса вовлечены в организацию и формальное представление смыслового сектора ‘КАК’. Особое место в составе квалификативных наречий занимают лексемы с компонентом значения ‘с точки зрения’ / ‘в аспекте’: *автономно, аналитически, асимптотически, бессистемно, веерообразно, графически, децентрализовано, изолированно, математически* и т. п. Л. А. Савелова условно называет их аспектными [11, с. 23].

Количественные наречия включают лексемы, выражающие значение ‘сколько, в каком количестве’ или обозначающие интенсивность проявления признака. Наречия этого класса соотносятся с разными ключевыми смыслами, означенными исходными местоимениями, это смыслы ‘СКОЛЬКО’, ‘НАСКОЛЬКО’ и ‘КАК’ и выражают интенсивность проявления признака: *вдвое, длительно, ежемесячно, ежегодно, ежесменно, серийно* и т. п.

Временные наречия. Необходимость в четкой логической структуре научной речи обусловливает широкое использование в связующей функции временных наречий, таких как: *сначала, затем, немедленно, мгновенно, регулярно.*

Пространственные наречия. К пространственным наречиям можно отнести *внутри, извне, высоко, глубоко* и т. п.

По мнению Л. А. Савеловой, ***пространственные*** и ***временные*** наречия являются репрезентантами сложных и разнообразных по способам проявления семантических категорий – пространства и времени [11, с. 23].

Модальные слова, как правило, стоят в начале предложения и служат для объединения частей текста, логически связанных друг с другом. Модальные наречия оформляют разные участки сектора ‘КАК’ в смысловом пространстве русского языка. В составе модальных слов как самостоятельной части речи различаются собственно модальные слова (*конечно*, *например*, *известно*) и функционально модальные слова (*безусловно*, *действительно*, *по-нашему*)

К классу **наречий со значением обусловленности** относятся наречия причины и цели, которые, соответственно, выражают ключевые смыслы ‘ПОЧЕМУ’,

‘ОТЧЕГО’ и ‘ЗАЧЕМ’ и типичны для разговорной речи, поэтому не целесообразно рассматривать наречия обусловленности в сфере научного жанра.

Семантическая классификация наречной лексики имеет реляционный и нежёсткий характер, что обусловлено гибкостью и подвижностью структуры того участка смыслового пространства языка, который объективируется наречиями. В то же время для функционального анализа наречий и характеристики их прагмасемантического потенциала представляет интерес выявление особенностей реализации базовых семантических категорий наречными средствами в конкретных наречных подсистемах. Исходя из этого, продолжим анализ рассматриваемых наречий с точки зрения их лексико-семантической группировки. Учет лексической семантики наречий, функционирующих в производственно-технических текстах, позволил выделить 13 ЛСГ наречий:

1. ЛСГ «наречия с общей семантикой направления»: *параллельно, вкрест, внахлестку, навстречу, прямолинейно, слева направо, снизу вверх, мимо, диагонально*. См: «*Одинарные перемычки сооружают из двух-четырех стоек, к которым со стороны движения воздуха прибивают* ***внахлестку***, ***сверху вниз***, *доски или обаполы*» (ГД, с. 346).

2. ЛСГ «наречия с общей семантикой способа производства»: *вручную, вхолодную, всухую, прессованием, серийно, секционно, стохастически, комплектно, самотеком*. См.: *«Например, в одном и том же цехе одни детали могут изготовляться единично, другие* ***серийно***, *третьи массовым порядком»* (ТТМ, с. 13); *«…увеличивается дробление угля, который* ***самотеком*** *спускается в откаточный штрек, а это приводит к большому пылеобразованию и др.»* (ГД, с. 59).

3. ЛСГ «наречия с общей семантикой характеристики внешнего вида и формы»: *подковообразно, соосно, пропорционально, тангенциально, шарнирно, графически, герметически, вчерне, начисто, грубо*. См.: «*Рольганги размещают прямолинейно,* ***подковообразно*** *или замкнуто в виде вытянутой буквы «о»* (ТТМ, с. 502).

4. ЛСГ «наречия с общей семантикой очередности и повторения»: *непрерывно, периодически, повторно, поступательно, поочередно, циклически, ежегодно, круглосуточно, ежесменно*. См.: «*От главного штрека на каждый блок проводят блоковые квершлаги, которые вскрывают* ***первоначально*** *часть или все пласты свиты в зависимости от числа* ***одновременно*** *вскрываемых пластов*» (ГД, с. 55).

5. ЛСГ «наречия с общей семантикой предназначения и сферы применения»: *математически, научно, технически, технологически, химически*. См.: «*Полученные отсчеты* ***математически*** *приводят к оси конструкции*» (МН, с. 62).

6. ЛСГ «наречия с общей семантикой скорости»: *быстро, плавно, медленно*. См.: «*Деталь* ***медленно*** *перемещается параллельно оси круга на протяжении всей поверхности, а затем возвращается в исходное положение*» (ТТМ, с. 107).

7. ЛСГ «наречия с общей семантикой подобия и отличия»: *наоборот, одинаково, иначе*. См.: «*Все детали, размеры которых не будут выходить за пределы допустимых отклонений, будут* ***одинаково*** *годны для работы в машине или взаимозаменяемы*» (ТТМ, с. 43).

8. ЛСГ «наречия с общей семантикой положения объекта в пространстве»: *вертикально, горизонтально, прямо, косо, перпендикулярно, диагонально, поперечно, внутри, высоко, глубоко, изолированно, отдельно, прямолинейно, симметрично / эксцентрично*. См.: «*При шлифовании прямозубых колес круг движется* ***вертикально***, *а при обработке косозубых колес – под углом наклона зубьев колеса* $\beta_ш$» (ТТМ, с. 344);

9. ЛСГ «наречия с общей семантикой оценки»: *выгодно/невыгодно, значительно, мало, ничтожно, легко, затруднительно, трудно, невозможно, рационально / нерационально, рентабельно / нерентабельно, эффективно / неэффективно, положительно / отрицательно, дорого / дешево, идеально-качественно, плохо*. См.: *«Этим способом литья получают отливки из любых сплавов, в том числе **плохо** поддающихся обработке резанием и давлением»* (ТТМ, с. 24).

10. ЛСГ «наречия с общей семантикой времени»: *иногда, заведомо, редко, крайне редко, предварительно*. См.: *«…**поздно** обнаружен очаг пожара или **несвоевременно** начато тушение пожара, и он принял большие размеры…»* (ГР, с. 391).

11. ЛСГ «наречия с общей семантикой предела»: *максимально / минимально, предельно, полностью*. См.: «*Максимальный операционный припуск получается, когда на предшествующей ступени обработки допуск не использован, а на данной ступени допуск использован **полностью***» (ТТМ, с. 36).

12. ЛСГ «наречия с общей семантикой межобъектных отношений»: *попарно, по отдельности, раздельно / вместе, синхронно, совместно, сам по себе*. См.: «*При этом учитываются угол падения, число **совместно** вскрываемых пластов, расстояние между ними*» (ГР, с. 51).

13. ЛСГ «наречия с общей семантикой восприятия (звук и визуально)»: *бесшумно, заметно, наглядно*. См.: «*Поэтому зубчатые колеса должны быть достаточно прочны и долговечны, надежно, **бесшумно** и плавно работать при условии правильной эксплуатации*» (ТТМ, с. 306).

Как видим, наречия в технической литературе служит семантическим уточнителем действия, процесса, состояния, признака, совершаемого, испытываемого предметом или приписываемого ему. Перечень лексико-семантических групп и их лексическое наполнение свидетельствуют, что в производственно-техническом тексте функционируют наречия достаточно широкого диапазона, разнообразные по выражаемой семантике.

Дальнейшую перспективу исследования составит рассмотрение наречий по их соотношению с пластами лексики производственно-технического текста: общеупотребительной, общенаучной и общетехнической и терминологической; изучение сочетаемостных возможностей наречия в специальном тексте; сравнительно-сопоставительное описание наречных систем специальной и художественной речи.

Библиографические ссылки

1. **Березин Ф. М.** Общее языкознание / Ф. М. Березин, Б. Н. Головин. – М. : Просвещение, 1979. – 416 с.
2. **Винье Ж.** Язык французской технической литературы / Ж. Винье, А. Мартэн. – М. : Наука, 1981. – 118 с.
3. **Виноградов В. В.** Русский язык (грамматическое учение о слове) / В. В. Виноградов. – М. : Высш. шк., 1986. – 640 с.
4. **Гавранек Б. О.** О функциональном расслоении литературного языка / Б. О. Гавранек // Пражский лингвистический кружок / сост., ред. и предисл. Н. А. Кондрашова. – М., 1967. – 559 с.
5. **Кожина М. Н.** Стилистика русского языка / М. Н. Кожина. – М. : Просвещение, 1983. – 222 с.
6. **Кофман Е. П.** Анализ репрезентации и функционирования концепта ‘отрицание’ в научно-техническом тексте / Е. П. Кофман // Вестник Челябинского гос. ун-та. – 2011. – № 33 (248). Филология. Искусствоведение. – Вып. 60. – С. 78–80.
7. **Кубрякова Е. С.** Части речи в ономасиологическом освещении / Е. С. Кубрякова. – М. : Наука, 1978. – 116 с.

8. **Метс Н. А.** Особенности синтаксиса научного стиля речи и проблемы обучения иностранных учащихся / Н. А. Метс. – М. : Изд-во МГУ, 1979. – 54 с.
9. **Наер В. Л.** К описанию функционально-стилевой системы современного английского языка. Вопросы дифференциации и интеграции / В. Л. Наер // Лингвистические особенности научного текста. – М., 1981. – С. 3–13.
10. **Пристайко Т. С.** Лексико-номинативная организация специального текста : монография / Т. С. Пристайко. – Дн. : Вид-во УкО ІМА-пресс, 1996. – 200 с.
11. **Савёлова Л. А.** Семантика и прагматика русского наречия : автореф. дисс. ... доктора филол. наук / Л. А. Савёлова. – Архангельск, 2009. – 40 с.
12. **Скорикова Т. П.** Семантика и функционирование русских акцентно маркированных наречий в устном научном тексте / Т. П. Скорикова // Научный и общественно-политический текст : Лингвистический и лингводидактический аспекты. – М. : Наука, 1991. – С. 193–205.
13. **Стилистика русского языка**: жанрово-коммуникативный аспект стилистики текста / отв. ред. А. Н. Кожин. – М. : Наука, 1987. – 238 с.

Источники фактического материала

МТМ – Маталин А. А. Технология машиностроения : учебник для машиностр. вузов по специальности «Технология машиностроения, металлорежущие станки и инструменты» / А. А. Маталин. – Л. : Машиностроение, Ленингр. отд-ние, 1985. – 496 с.

ТТМ – Тихонов А. П. Технология машиностроения / Тихонов А. П., Заславский М. А. – М. : Машгиз, 1962. – 534 с.

ГД – Килячков А. П. Горное дело : учебник для техникумов / А. П. Килячков, А. В. Брайцев. – М. : Недра, 1989. – 422 с.

МН – Николаева Т.Г. Маркшейдерские наблюдения за деформациями металлоконструкций горнотранспортного оборудования : монография / Т. Г. Николаева. – Д. : НГУ, 2009. – 168 с.

Надійшла до редколегії 03.04.12

УДК 811.161.1’37

Э. А. Кравченко

Донецкий национальный университет

РАЗВИТИЕ СЕМАНТИКИ КОМПАРАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ С ОНИМАМИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Проаналізовано різні структурні форми порівняльних зворотів із власними іменами (ВІ) зі значенням образу дії, уподібнення та ототожнення. Встановлено семантичні зв’язки компонентів порівняння з історико-культурними іменами та конотонімами, що зумовлюють розвиток змісту поетоніма і контексту. Доведено участь компаративів з онімами у створюванні ідейно-змістовної образності твору.

Ключові слова: конотонім, контекст, міжфразова єдність, образність, поетонім, порівняння.

© Кравченко Э. А., 2012

Проанализированы разные структурные формы сравнительных оборотов с собственными именами (СИ) со значением образа действия, уподобления и отождествления. Установлены семантические связи компонентов сравнения с историко-культурными именами и коннотонимами, которые обусловливают развитие содержания поэтонима и контекста. Доказано участие компаративов с онимами в создании идейно-содержательной образности произведения.

Ключевые слова: коннотоним, контекст, поэтоним, образность, сравнение, сверхфразовое единство.

Various structural forms of the comparisons with proper names meaning theaction mode, assimilation and identification are analyzed. The semantic relations of comparison's components with historical and cultural names and connotonyms, stipulating the development of semantics of poetonym and context are revealed. The participation of comparisons with onyms in making of text's idea-meaning imagery is affirmed.

Key words: comparison, connotonym, context, imagery, poetonym, superphrase whole.

Широкий семантический потенциал сравнительных отношений и структурное разнообразие компаративных конструкций с собственными именами, не раз становившихся предметом исследования в поэтонимологии, свидетельствуют о признании сравнения «сильным» средством создания идейно-содержательной сферы литературного произведения. В статье «Компаративы с онимами как средство образности художественного текста» обосновывалось изучение этих языковых единиц в контекстах различной протяженности (от простого предложения – до нескольких сверхфразовых единств). Сравнительные обороты с СИ, вступая в широкие взаимосвязи с контекстом, способны не только к формированию содержательно-фактуальной и содержательно-подтекстовой информации, но и к актуализации какой-либо части содержательно-концептуальной информации целостного произведения. В рамках настоящей статьи рассматриваются сравнения, выраженные формой творительного падежа и употребленные в функции именной части составного сказуемого, с помощью которых в компонентах сравнения – поэтонимах или апеллятивных лексемах – реализуется семантика образа действия, уподобления и отождествления.

В монографии «Поэтика онима» В. М. Калинкин отметил, что в различных контекстных (структурных и семантических) условиях творительный сравнения может обозначать «чистое» сравнение, сходство, уподобление, превращение, отождествление и т. д. [6, с. 357]. В поэме В. Маяковского «Война и мир» семантика сравнения передается онимно-апеллятивным сочетанием «*слепым Вием*»[*] со значением образа действия:

Слушайте!
Из меня
слепым Вием
время орет:
«Подымите,
подымите мне
веков веки!» [8, с. 178].

Энергия этого «отрезка» текста, представляющего собой сверхфразовое единство (СФЕ), аккумулируется в сложной системе языковых средств, «заданных» творительным падежом сравнения. Обозначенный историко-культурным именем объект сравнения, расположенный в препозиции к нарицательному существительному *время*, выдвигает на первый план развернутую метафору: ***слепым***

[*] *Вий* – в восточнославянской мифологии персонаж, чей смертоносный взгляд скрыт под огромными веками или ресницами, одно из восточнославянских названий которых связывается с тем же корнем: ср. укр. *вія*, *війка*, белорус. *вейка* – «ресница». По русским и белорусским сказкам, веки, ресницы или брови Вия поднимали вилами его помощники, отчего человек, не выдерживавший взгляда Вия, умирал [9, с.124].

Вием *время* ***орет***. Образ «слепо-орущего» голосом Вия времени приобретает чрезвычайную выразительность и напряженность благодаря созвучию конструкции, построенной на аллитеративном повторе сонорных ***м***, ***р***, звонкого согласного ***в*** (слепы***м*** ***В***ие***м*** ***вр***емя о***р***ет), и единообразной двуслоговой структуре. Далее метафорический контекст развивается с помощью цитаты, заимствованной из повести Н. В. Гоголя «Вий»: «– ***Подымите мне веки***: *не вижу*!*» – сказал подземным голосом Вий – и все сонмище кинулось подымать ему веки*» [3, с. 376], дополненной повтором императивной формы глагола *подымите* и лексемой *веков*. Эффект сравнения усиливается не только за счет использования лексики одного семантического поля: *время – века́*, но и приема парономазии в генетивном словосочетании ***век*****ов** ***в***еки с акцентом на звонкий согласный.

В другом СФЕ поэмы «Война и мир» объект сравнения употребляется в творительном падеже, который обозначает уподобление:

Где пели птицы – тарелок лязги.
Где бор был – площадь ***стодомым содомом****.*
Шестиэтажными фавнами ринулись в пляски
Публичный дом за публичным домом [8, с. 164].

В основе метафорического контекста находится окказиональное прилагательное ***стодом****ый*, звуковой состав которого анаграмматически предваряет главный компонент словосочетания – ***содом***. Эта языковая единица является деонимизированным коннотонимом, совмещающим в себе несколько переносных значений, актуализированных в развернутой метафоре: *Шестиэтажными фавнами ринулись в пляски Публичный дом за публичным домом*. Лексема *фавны*[*] и словосочетание *публичный дом* «выводят на поверхность» семы интерлингвального коннотативного мифотопонима *Содом*, имеющего широкую известность: ‘средоточие порока, греховной жизни; очаг разврата, «злачное место»’ [10, с. 318]. В то же время метафоричность контекста позволяет «увидеть» здесь и другие отконнотонимные значения, бытующие в рамках русского языка: 1. ‘Шум, гвалт, переполох, скандал’; 2. ‘Нечто невообразимое, неописуемое, из ряда вон выходящее’ [10, с. 318]. Смысловой «энергообмен» между образами площади, напоминающей *стодомый содом*, и публичных домов осуществляется с помощью приемов, усиливающих выразительность компаративной конструкции: 1) размещения компонента сравнения *содом* в рифмующейся позиции (*содомом – домом*); 2) повтора лексемы *дом* – однокорневой по отношению к окказионализму *стодомый*; 3) паронимического сходства главного и зависимого компонентов словосочетания *стодомым содомом*.

В поэме В. Маяковского «Облако в штанах» собственные имена в компаративных конструкциях оказываются самым сильным средством образности метафорического контекста, в состав которого входят два сверхфразовых единства. В первом СФЕ используется прием «оживления» ночи, реализованный на грамматическом уровне однородными глаголами-сказуемыми: *Ночь* ***придет***, ***перекусит*** *и* ***съест***. Следующее предложение вводит тему «предательства» ночи, актуализируемую эксплицитно (лексема «*предательство*») и имплицитно (окказионализм «*иудит*»): *Видите – небо опять* ***иудит*** *пригоршнью обрызганных* ***предательством*** *звезд?*. Метафорический образ ночи-‘*предательницы’* во втором СФЕ развивается, дополняясь семами ‘*завоевательница’*, ‘*победительница*’ за счет собственного имени в творительном падеже, выражающего образ действия:

[*] Ср.: *Фавн* – древнеиталийский бог гор, лесов и полей, охранитель стад; отождествлялся с греческим Паном – олицетворением чувственной любви [4, с. 450, 750].

Пришла.
Пирует ***Мамаем****,*
Задом на город насев [8, с. 113].

«Одушевленной» ночи присваиваются «свойства» *Мамая* – правителя Золотой Орды, предводителя татар во время Куликовской битвы в 1380 г. [10, с. 222]. В «Словаре коннотативных собственных имен» Е. С. Отина зафиксирован узуальный коннотативный антропоним с интралингвальной (утраченной в современной речи) коннотацией и широким диапазоном известности *Мамай*[*] [10, с. 222], однако ни одно из его значений не соответствует контекстной семантике поэмы. Очевидно, в сочетании *Пирует Мамаем* использованы окказиональные семы ‘*правитель’*, ‘*завоеватель’*, ‘*победитель’*, которые доказывают связь с переносным значением историко-культурного имени, следовательно, мотивирующей основой поэтонима *Мамаем* является коннотативное СИ. Переносное значение актуализируется также в широко известном имени тайного сотрудника полиции, провокатора *Азефа*[**], выбранного в качестве второго объекта сравнения:

Эту ночь глазами не проломаем,
Черную, ***как Азеф****!* [8, с. 113].

Коннотонимная семантика эксплицирована определением «*черная*», расположенным в препозиции к компаративной конструкции: черная ночь, т. е. ночь-‘*предательница’*. Заложенная в образ в первом сверхфразовом единстве (небо иудит, обрызганные предательством звезды) сема ‘*предательство’* входит в состав узуального коннотативного антропонима *Азеф* с интралингвальной (утраченной в современной речи, но актуальной в период творчества В. Маяковского) коннотацией и широким диапазоном известности ‘двурушник; провокатор’; ср. отконнотонимные производные: *азефщина* ‘предательство, доносительство’, *азефствовать* ‘вести себя, как двурушник, скрытый предатель’ [10, с. 33]. Обе компаративные конструкции (*пирует Мамаем, как Азеф*) при единстве обозначаемого предмета (*ночь*) не только участвуют в создании развернутой метафоры, но формируют образные компоненты семантики контекста, в котором ночь предстает ‘*завоевательницей*’, ‘*победительницей*’ и ‘*предательницей*’.

Широко распространенными компаративными формами являются сравнения с собственными именами в функции именной части составного сказуемого. Эта синтаксическая позиция онима, использованного в качестве объекта сравнения, предопределяет семантику пародийного уподобления персонажей романа И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок» историко-культурным лицам с высокой репутацией и широкой известностью. Таким образом в главе «Ярбух фюр психоаналитик» создается сюжетная ситуация, где описывается, как опасающийся «чистки» бухгалтер Берлага скрывается в сумасшедшем доме. Шурин Берлаги, осведомленный о нравах и привычках душевнобольных, предлагает изобразить «бред величия»: «*<…> ты только должен всем и каждому кричать в уши:* «***Я Наполеон***!», или: «***Я Эмиль Золя***», или «***Магомет****!», если хочешь*» [5, с. 443]. Выбор этих культурно значимых собственных имен (*Наполеон* – император Франции; *Эмиль Золя* – известный французский писатель-натуралист; *Магомет* – основатель ислама, почитающийся как пророк) объясняется предполагаемым психическим заболеванием. Общая доминантная сема в антропоэтонимах *Наполеон*, *Эмиль Золя*,

[*] Ср.: *Мамай* – 1. Представитель народов, исповедующих ислам (чаще – татарин). 2. Старьевщик-татарин [10, с. 222].

[**] Азеф Евно Фишилевич (1869–1918), провокатор, с 1892 секретный сотрудник департамента полиции. Один из организаторов партии эсеров, руководитель ряда террористических актов. В 1901–1908 гг. выдал полиции многих членов партии и «боевую организацию». В 1908 разоблачен, приговорен к смертной казни [11, с. 26].

Магомет – ‘*известный, великий человек, который прославился какими-либо деяниями*’, позволяет разыграть «бред», уподобившись любому из «великих». Берлага выбирает «роль» вице-короля Индии, и санитары увозят сумасшедшего в больницу.

В последующих фрагментах главы персонаж пытается убедить окружающих в «ненормальности», заявляя: «*– Я вице-король Индии!*» [5, с. 444–445], но со страхом ожидает встречи с «настоящими сумасшедшими», которые оказываются такими же обманщиками и симулянтами. Один из мнимых сумасшедших изображает *Юлия Цезаря*[*], выкрикивающего «*И ты, Брут, продался большевикам!*» Этот человек, несомненно, ***воображал себя Каем Юлием Цезарем***. Иногда, впрочем, в его взбаламученной голове соскакивал какой-то рычажок, и он, путая, кричал: «***Я Генрих Юлий Циммерман***!» [5, с. 446]. Пародийное уподобление «выстраивается» таким образом, что, вжившись в роль «великого человека», персонаж произносит знаменитую фразу Цезаря, происхождение которой связано с трагедией Шекспира «Юлий Цезарь». У Шекспира умирающий полководец обращается к Бруту, находившемуся в числе заговорщиков, напавших на него в Сенате, со словами: «*И ты, Брут*?», подразумевая неожиданную измену друга [2, с. 139]. Ироническое продолжение «цитаты» – «*продался большевикам*» подчеркивает современность ситуации и «взбаламученность» сознания психа-симулянта. В целом его слова подтверждают «воображаемое» уподобление великому полководцу, репрезентированное составным именным сказуемым с глаголом-связкой *воображал* и СИ *Кай Юлий Цезарь* в творительном падеже. Экспрессивно-оценочные коннотации контекста накапливаются благодаря имени вымышленного лица, сходного по звучанию с *Кай Юлий Цезарь*. В поэтониме *Генрих Юлий Циммерман* повторяется компонент *Юлий*, фамилия ***Ц****иммерман*, аллитерируя лишь с начальным звуком ***Ц****езарь*, восходит к реальному имени немецкого историка Вильгельма Циммермана, автора «Истории крестьянской войны в Германии» [11, с. 1487]. «Коктейль из историко-культурных имен» усиливает «правдоподобие» сумасшествия, а между тем персонаж до сих пор не назван «настоящим» именем. Отсутствие имени «вынуждает» бухгалтера именовать «про себя» мнимого психа *Каем Юлием Цезарем*: «*По голосу Берлага определил, что слова эти произнес* ***Кай Юлий Цезарь***» [5, с. 447]. Однако тождество объектов сравнения переходит в отрицание, когда выясняется, что бред величия – всего лишь роль обитателей палаты: «*Он* (Берлага. – *Э. К.*) *такой же король, как вы – Цезарь*» [5, с. 447], где указательное местоимение с частицей *такой же* при лексеме *король* «снимает» и идентификацию безымянного действующего лица с Цезарем.

Тем не менее в следующем сверхфразовом единстве референт вновь назван историко-культурным, намеренно сокращенным, именем *Кай Юлий*: «*– Вы не читали Блейера? – спросил* ***Кай Юлий*** *удивленно*» [5, с. 447–448]; «*– Поздно, – сказал* ***Кай Юлий***. *– Уже в истории болезни записано, что вы вице-король, а сумасшедший не может менять свои мании, как носки*» [5, с. 448]. Последняя реплика является ответом на слова Берлаги, предполагавшего «переменить бред»: «*Что, если я буду Эмиль Золя или Магомет*?» [5, с. 448]. Здесь в новой синтаксической форме воспроизведено предложение шурина Берлаги. Ретроспективная отсылка эксплицирована повторяющимися именами *Эмиль Золя* и *Магомет*, употреблен-

[*] *Кай Юлий Цезарь* (102 или 100–44 гг. до н.э.) – римский диктатор и полководец. Консул 59, затем наместник Галлии: в 58–51 подчинил Риму всю заальпийскую Галлию. Разгромив Помпея и его сторонников в 49–45 гг., оказался во главе государства. Сосредоточив в своих руках должности диктатора, консула, стал фактически монархом. Убит в результате заговора республиканцев [11, с. 1479].

ными в функции именной части сказуемого в вопросительной конструкции, подчеркивающей семантику выбора достойных объектов.

Игра с именем римского полководца продолжена использованием этого онимного «заместителя», пока Берлага не узнаёт «подлинные истории болезней своих соседей по палате»: «*Но совсем не таков был* ***Кай Юлий Цезарь, значившийся в паспорте бывшим присяжным поверенным И. Н. Старохамским. Кай Юлий Старохамский*** *пошел в сумасшедший дом по высоким идейным соображениям.*

– В Советской России, – говорил он, драпируясь в одеяло, – сумасшедший дом – это единственное место, где может жить нормальный человек. <…> Нет, с большевиками я жить не могу. <…>

Увидев проходившего мимо санитара, ***Кай Юлий Старохамский*** *визгливо закричал:*

– Да здравствует Учредительное собрание! Все на форум! ***И ты, Брут, продался ответственным работникам***!» [5, с. 448–449]. В этом СФЕ доминируют приемы, способствующие «развенчанию» симулянтов, которых профессор Титанушкин выгоняет из больницы. Сначала читатель узнает паспортное имя «Кая Юлия Цезаря»; затем пародийное отождествление объектов «организуется» контаминацией компонентов «ролевого» (*Кай Юлий*) и «официального» говорящего (*Старохамский* ← старый, хам) имен. Повтор структуры *Кай Юлий Старохамский*, наряду с воспроизведением крылатой фразы Цезаря, по-иному модифицированной (ср. «*продался* ***большевикам***» – «*продался* ***ответственным работникам***»), усиливает ироническую образность контекста, сформированную, прежде всего, компаративами, которые обозначают уподобление и отождествление с историко-культурными лицами.

При выявлении содержательно-концептуальной информации художественного текста важно учитывать функциональную нагруженность сравнений с собственными именами. В свою очередь и поэтоним, как компонент сравнительного оборота, взаимодействуя с «развертывающимся» контекстом, получает дополнительные «приращения» в семемную структуру. Так, сравнительно-отождествительная конструкция *Лета – Нева* в «Поэме без героя» А. Ахматовой[*] получает совершенно новые обертоны смысла, если проследить «участие» в построении текста «петербургского» и «мифологического» элементов. Петербургское пространство поэмы создают «реальные» топонимы, ставшие маркерами места создания (*Фонтанный Дом*) и места действия, обозначенного в авторских ремарках («*Петербург* 1913 года. Лирическое отступление: последнее воспоминание о *Царском Селе*» [1, с. 332]; «Угол *Марсова Поля*» [1, с. 333]; «Место действия – *Фонтанный Дом*» [1, с. 335]; «*В* ***Шереметевском*** *саду цветут липы и поет соловей*» [1, с. 341] и др.) и в основном тексте поэмы (*Питер*, *Нева*, *Летний* сад, *Исакьевская*, *Фонтанный Грот*, *Галерная*, *Петровские Коллегии*, *Эрмитажные залы*, *Волково Поле* и др.).

Тема Петербурга задана уже в эпиграфе «Вместо предисловия»: Deus conservat omnia[**]. *Девиз в гербе Фонтанного Дома* [1, с. 319] и актуализирована в сильных позициях текста: 1) подзаголовке первой части «Девятьсот тринадцатый год. *Петербургская* повесть» [1, с. 322]; 2) в цепочке эпиграфов к третьей части «Эпилог», где *Петербург* сперва остается неназванным и «пустынным», затем возникает в онимной перифразе «*Петра творенье*» и, наконец, однозначно подразумевается в посвящении «Моему городу»:

[*] Здесь анализируется текст окончательной редакции поэмы А. А. Ахматовой.

[**] Бог хранит все (лат.)

Быть пусту месту сему…
?
Да пустыни немых площадей,
Где казнили людей до рассвета.
Анненский
Люблю тебя, Петра творенье.
Пушкин
Моему городу [1, с. 341].

Петербургский «пласт» поэмы пересекается и совмещается у Ахматовой с мифологическим, «сконструированным» из поэтонимов, источники которых заимствуются из древнегреческой и библейской мифологии. Имена античного красавца *Антиноя*, маскарадных «*Афродит*» и «*Елен*» (*Афродиты возникли из пены, Шевельнулись в стекле Елены* <…> [1, с. 327]) сосуществуют наряду с ветхозаветными наименованиями из Книги Бытия (*содомские Лоты*, *Мамврийский дуб*) и Книги царств (*Ковчег завета*). Границы между мифологическим и «реальным» пространством и временем как будто «стираются» в образных номинациях современниц лирической героини («каторжанок», «стопятниц», «пленниц»), названных «*обезумевшими Гекубами*»[*] и «*Кассандрами из Чухломы*»[**] [1, с. 338].

«Знаковым» именем, формирующим текстовый континуум «Поэмы без героя», становится мифоним *Лета* (река забвения в подземном царстве Аида, из которой души умерших пили воду и забывали про свою прошлую жизнь [12, с. 193–194]), повторяющийся в различных частях основного текста и входящий в состав одного из эпиграфов.

Первое упоминание мифопоэтонима *Лета* во «Втором посвящении», содержащем криптоним *О. С.*, связано со смертью близкой подруги А. Ахматовой Ольги Глебовой-Судейкиной, актрисы, которая умерла в Париже в 1945 году [7, с. 433]:

Ты ли, Путаница-Психея[***]*,*
Черно-белым веером вея,
Наклоняешься надо мной,
Хочешь мне сказать по секрету,
Что уже миновала ***Лету***
И иною дышишь весной [1, с. 321].

Структурно-семантическое единство узуального фразеологического оборота *кануть в Лету* ‘быть забытым, бесследно, навсегда исчезнуть’ разрушается, заменяется новой формой *миновала Лету* с индивидуально-авторским значением: в содержательной структуре СИ *Лета* воспроизводится сема ‘*смерти’* как перехода в потусторонность, но не репродуцируется сема ‘*забвения’*.

В первой части «Девятьсот тринадцатый год» используется производное от мифонима прилагательное *летейская* (стужа), образованное суффиксальным способом (*Лета* + интерфикс *-ей+-ская*), включенное в контекст «появление Гостя из Будущего»:

[*] *Гекуба* – жена троянского царя Приама, мать девятнадцати сыновей и Кассандры, которые погибли в связи с падением Трои [4, с. 236].

[**] *Кассандра* – дочь Приама и Гекубы, обладала даром пророчества, но не встречала веры. Стала добычей Агамемнона и убита вместе с ним Клитемнестрой [4, с. 336]. Зависимый компонент перифразы *Кассандры из Чухломы* используется в коннотативном значении ‘глухая провинция, медвежий угол, глухомань’ [10, с. 385].

[***] Путаница и Психея – роли, которые Глебова-Судейкина исполняла в 1913 году в пьесах Ю. Беляева [7, с. 433].

Б *Звук шагов, тех, которых нету.*
Е *По сияющему паркету*
Л *И сигары синий дымок.*
Ы *И во всех зеркалах отразился*
Й *Человек, что не появился*
И проникнуть в тот зал не мог.
З *Он не лучше других и не хуже,*
А *Но не веет **летейской стужей**,*
Л *И в руке его теплота.*
Гость из Будущего! – Неужели
Он придет ко мне в самом деле,
Повернув налево с моста? [1, с. 324–325].

Гость из Будущего – жданный гость, в котором парадоксально совмещаются ‘*нереальность*’ и ‘*жизненность*’: *Но не веет **летейской стужей**, И в руке его теплота*. Сочетание с зависимым отонимным компонентом является образным выражением ‘смерти и забвения’, получившим в процитированном контексте отрицательный смысл (*не веет*…).

Повторное упоминание поэтонима *Лета* встречается во второй главе, где возникает отождествление мифологической «реки забвения» с петербургской Невой. Предпосылка к отождествлению задана в эпиграфе – строках из стихотворения А. Ахматовой «Голос Памяти» (1914), посвященного О. А. Глебовой-Судейкиной: *Иль того ты видишь у своих колен, / Кто для белой смерти твой покинул плен?* [1, с. 328].

Эпиграф отсылает к теме самоубийства поэта Всеволода Князева, виновницей которого, по мнению А. Ахматовой, была ее близкая подруга [7, с. 376]. Эта тема не только становится одной из сюжетных линий «Поэмы без героя», но определяет внутреннюю интертекстуальную связь между произведениями А. Ахматовой. Возвращение к названию *Лета* (ср. *миновала Лету*) обусловлено сквозной темой смерти Глебовой-Судейкиной и, в подтексте, самоубийства поэта Князева. Действующее лицо второй главы – оживший портрет «хозяйки дома» *Путаницы* (ср. роль Глебовой-Судейкиной). Тема «мертвеца среди людей» имплицитно указывает на А. Блока, черты которого угадываются под маской «Демона с улыбкой Тамары» [7, с. 434]. Таинственный пришелец «с мертвым сердцем и мертвым взором» является вестником смерти:

И его поведано словом,
Как вы были в пространстве новом,
Как вне времени были вы, –
И в каких хрусталях полярных,
И в каких сияньях янтарных
*Там, у устья **Леты – Невы*** [1, с. 330].

Кореферентность *Лета – Нева* устанавливается с помощью пояснения зависимого компонента словосочетания *у устья **Леты***. Перед пояснительным членом предложения *Невы* можно вставить союз *то есть*: «*... **Леты**, то есть **Невы***» – реки смерти, протекающей в ином пространстве и в безвременьи. Образный компонент семантики – ‘траурность’ *Невы* реактуализируется в третьей главе, где упоминание о Лете как будто становится излишним вследствие полного тождества компонентов сравнения в предтексте. «Ветер, не то вспоминая, не то пророчествуя, бормочет»:

*<... >И весь **траурный** город плыл*
По неведомому назначенью,
*По **Неве** или против теченья, –*
Только прочь от своих могил [1, с. 332].

Последняя процитированная строка дополняет поэтоним *Нева* (*Лета*) семой ‘*забвения*’, которая воспроизводится упоминанием мифонима *Лета* в эпиграфе ко второй части «Решка», заимствованном из «Домика в Коломне» А. С. Пушкина:

… я воды ***Леты*** *пью,*
Мне доктором запрещена унылость
Пушкин [1, с. 335].

Образная структура поэтонима *Лета*, создаваемая сравнительно-отождествительной семантикой (*Лета – Нева*), развивается в разных «отрезках» текста, поэтому и объективно-авторская интерпретация «восстанавливается» лишь при последовательном анализе сюжета «Поэмы без героя».

Итак, сравнительные обороты с онимами, использованные для обозначения образа действия, уподобления и отождествления, являются преимущественно полисемантичными языковыми единицами. С развитием контекстной семантики поэтоним, включенный в компаративную конструкцию, накапливает разнообразные значения и оттенки смысла. Синтаксическая позиция сравнения оказывается наиболее «сильной» для развития в собственном имени коннотативного значения. Поскольку в сравнительном обороте актуализируются, как правило, дифференцирующие, смыслоразличительные признаки объекта, обозначенного собственным именем (ср. *Мамай* ‘завоеватель, победитель’, *Вий* ‘слепота’, ‘угроза’), конструкция сравнения может стать предпосылкой к *воспроизведению* и *узнаванию* переносного значения собственного имени, «прокладывающего путь» к коннотонимизации в текстах иных художественных миров.

Библиографические ссылки

1. **Ахматова А. А.** Собрание сочинений : в 2 т. / А. А. Ахматова. – Т. 1. – М. : Изд-во «Правда». «Огонек», 1990. – 448 с.
2. **Ашукин Н. С.** Крылатые слова: литературные цитаты; Образные выражения / Н. С. Ашукин, М. Г. Ашукина. – 4-е изд., доп. – М. : Худож. лит., 1987. – 528 с.
3. **Гоголь Н. В**. Вий // Н. В. Гоголь. Сочинения : в 2 т. / Н. В. Гоголь. – Т. 1. Повести. – М. : Худож. лит., 1973. – С. 342–378.
4. **Иллюстрированный энциклопедический словарь Ф. Брокгауза и И. Ефрона**. – М. : Эксмо, 2008. – 960 с.
5. **Ильф И. А.** Золотой теленок // И. А. Ильф, Е. П. Петров. Двенадцать стульев. Золотой теленок : романы. – Одесса : Маяк, 1990. – С. 299–606.
6. **Калинкин В. М**. Поэтика онима / В. М. Калинкин. – Донецк : Юго-Восток, 1999. – 408 с.
7. **Кралин М**. Примечания / М. Кралин // А. А. Ахматова. Собрание сочинений : в 2 т. – Т. 1. – М. : Изд-во «Правда». «Огонек», 1990. – С. 366–438.
8. **Маяковский В. В.** Собрание сочинений : в 8 т. / В. В. Маяковский. – Т. 1. Стихотворения. Владимир Маяковский. Облако в штанах. Флейта-позвоночник. Война и мир. Человек. Мистерия-буфф. Статьи и выступления. Письма к родным. – М. : Изд-во «Правда», 1968. – 463 с.
9. **Мифологический словарь** / гл. ред. Е. М. Мелетинский. – М. : Сов. энцикл., 1990. – 672 с.
10. **Отин Е. С.** Словарь коннотативных собственных имен / Е. С. Отин. – Донецк : ООО Юго-Восток, 2004. – 412 с.
11. **Советский энциклопедический словарь** / научно-ред. совет : А. М. Прохоров (пред.). – М. : Сов. энцикл., 1981. – 1600 с.
12. **Фразеологический словарь русского языка**. Свыше 4000 словарных статей / Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Федоров; под ред. А. И. Молоткова. – Изд. 2-е. – М. : Сов. энцикл., 1968. – 543 с.

Надійшла до редколегії 30.01.12

УДК 811.161.1′38

Е. К. Куварова

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

РЕДУКЦИЯ ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЙ ЭТИКЕТНОЙ ФОРМУЛЫ В ЭПИСТОЛЯРНОМ ТЕКСТЕ

Розглянуто комунікативно-прагматичні умови редукції заключної формули етикету в епістолярному тексті. Показано, що відсутність заключної етикетної формули листа буває детермінованою такими факторами: надзвичайно високий соціальний статус адресанта, високий ступінь офіційності або інтимності спілкування, невизначеність адресата, емоційний стан адресанта під час написання листа.

Ключові слова: лист, епістолярний текст, етикетна формула, адресант, адресат, комунікативна дистанція.

Рассмотрены коммуникативно-прагматические условия редукции заключительной формулы этикета в эпистолярном тексте. Показано, что отсутствие заключительной этикетной формулы письма бывает детерминировано следующими факторами: исключительно высокий социальный статус адресанта, высокая степень официальности или интимности общения, неопределённость адресата, эмоциональное состояние адресанта в момент написания письма.

Ключевые слова: письмо, эпистолярный текст, этикетная формула, адресант, адресат, коммуникативная дистанция.

The article deals with the communicative and pragmatic factors of the reduction of the final etiquette formula in an epistolary text. It is shown that the absence of the final etiquette formula is related to such terms of writing communication as an addresser's exceptionally high social status, a high degree of officiality or intimacy of intercourse, vagueness of an addressee, an addresser's emotional state at the time of writing the letter.

Keywords: letter, epistolary text, final etiquette formula, addresser, addressee, communicative distance.

Практика речевого общения людей за многие века выработала разнообразные коды, формы и средства коммуникации, а в отдельных сферах человеческой деятельности коммуникативный процесс подвергся достаточно жёсткой регламентации. Но даже в таких областях, как, например, непринуждённое бытовое общение, предоставляющее человеку наибольшую, казалось бы, свободу в выборе языковых и паралингвистических средств, некоторые фазы этого процесса регулируются конвенциями, то есть «неписаными, но ясно сознаваемыми социализированной личностью нормативными типами и моделями речевого поведения» [5, с. 101], и в первую очередь это касается начала и окончания акта коммуникации. В письме, которое является графическим субститутом устного сообщения [6], этикетной ритуализации подверглись вводная и заключительная части, оформляющие «вхождение» коммуникантов в ситуацию общения и «выход» из неё, что выражается в выработке общепринятых способов обращения и подписи, обозначения места и времени коммуникации, а также в использовании особых эпистолярных формул: *С уважением..., Преданный Вам..., Всегда Ваш.., Прощай(те), Жму руку* и т. п. Эти и другие подобные выражения, в известной мере клишированные, но допускающие и широкие возможности варьирования лексических и грамматических средств, обычно предшествуют подписи и завершают текст письма, однако могут подвергаться редукции вместе с подписью или без неё. ***Целью*** данной работы является выяснение тех коммуникативно-прагматических условий, которые делают такую редукцию возможной или даже необходимой.

© Куварова Е. К., 2012

Значительная часть рассмотренных нами писем, принадлежащих самым разным корреспондентам и репрезентирующих эпистолярное общение достаточно большого временного периода XVIII–XX вв., заключительную этикетную формулу содержит. Структурная значимость этого компонента эпистолярного текста, сигнализирующего завершение текстового общения, обычно подчёркивается графически – вынесением его в отдельную строку или абзац. Заключительная формула письма является этикетным знаком, реализующим основные функции ритуалов, выделенные К. Лоренцом и описанные Н. И. Формановской применительно к этикетному речевому поведению [15, с. 183]: снятие агрессии, обозначение «своих» и отторжение «чужих». Первая из этих функций проявляется в том, что заключительная формула часто демонстрирует (иногда даже в гиперболизированном виде) приязненное, доброжелательное отношение автора письма к адресату, провоцируя его изъявить ответные чувства и запуская механизм психологической проекции таким, например, образом: *В прочем, прося вашего родительского благословения и желая усерднейше вашего любезного здравия, остаюсь навсегда с глубочайшим почтением, милостивый государь батюшка, ваш нижайший слуга и сын Михайло Муравьев* [9, с. 263]. Эту же функцию выполняют перформативы типа *Обнимаю, Целую, Жму руку*. Вторую и третью функции заключительные формулы письма совмещают, так или иначе регулируя коммуникативную дистанцию между адресантом и адресатом. Аналогично выбору форм Ты- или Вы-общения предваряющее подпись адресатное местоимение *Твой* или *Ваш* маркирует более или менее близкие отношения между коммуникантами. Экстраполируя на письменную коммуникацию известные идеи Эдварда Холла о существовании территориальных зон общения (интимной, личной, социальной, публичной), можно сказать, что подписью типа *Твой Сашуня* автор письма помещает себя в интимную зону общения адресата; ещё больше сократить дистанцию позволяет расширение адресатного местоимения: *Твой навсегда...* или *Всегда твой...*; а вот выбор формы *Ваш* в сочетании с онимом: *Ваш Саша* или *Ваш А. Иванов* – увеличивает предполагаемое расстояние между участниками общения до личной дистанции. Ещё более отдаляет адресанта подпись, сопровождаемая соответствующим социальной дистанции между людьми этикетным *С уважением...* или *Уважающий Вас...* и т. п. И если этикетные формулы первого типа реализуют стратегии «позитивной вежливости», направленной на сближение с адресатом, то формулы второго типа, скорее, предназначены для того, чтобы удержать адресата на некотором расстоянии, в русле стратегии «негативной вежливости», или вежливости дистанцирования [3]. Таким образом, в условиях дистантного общения заключительная формула письма вербализует ситуативно значимую информацию, которая при непосредственном общении передаётся большей частью неязыковыми средствами.

Релевантность экспликации коммуникативной дистанции при межличностном общении снижается в тех случаях, когда исключительно высокий социальный статус адресанта делает невозможным сколько-нибудь ощутимое сближение с ним, а вместе с тем и заключительная этикетная формула письма становится функционально избыточной. Она регулярно подвергается редукции в письмах Петра I своим подданным, сколь бы ни был высок статус адресата (князю В. В. Долгорукому [8, с. 5, 14, 37], генерал-адмиралу Ф. М. Апраксину [8, с. 6, 16, 25, 49], царевичу Алексею Петровичу [8, с. 15, 20, 39], графу Б. П. Шереметеву [8, с. 17, 22, 23, 28, 141], князю А. Д. Меншикову [8, с. 17, 34, 52], князю Ф. Ю. Ромодановскому [8, с. 22, 48], князю М. П. Гагарину [8, с. 34, 57] и многим другим). Исключение составляют межгосударственные контакты, когда субъектность адресатов Петра I повышается в силу того, что они представляют суверен-

ное государство, и Пётр обращается к ним как к потенциальным союзникам. Письмо коронному великому гетману Адаму-Николаю Сенявскому Пётр завершает следующим образом: *В чем, вашу милость обнадежа, пребывая при сем к вам всегда в приязни нашей склонный Петр* [8, с. 44]; письмо князю Франциску Леопольду Ракочи: *И пребываем при сем светлости вашея склонный приятель П(етр)* [8, с. 47]; письмо герцогу Брауншвейг-Люнебурскому Антону-Ульриху: *Пребываю при желании всякого саможелаемого благополучия вашей высококняжей светлости дружебно охотный Петр* [8, с. 142].

Редукция заключительной этикетной формулы, обусловленная высоким социальным статусом адресанта, реализует вежливость дистанцирования и отмечается при такой форме организации общества, когда роль социальной иерархии в отношениях людей ничем не вуалируется, а место каждого на сословно-иерархической лестнице достаточно чётко обозначено. В условиях демократизации общественной жизни и такой системы ценностных координат, когда декларируется приоритет идеалов свободы и равенства, даже исключительные властные полномочия зачастую маскируются принятыми в обществе фигурами речи, и многие письма, например, И. В. Сталина, заканчиваются оборотом *С комм[унистическим] приветом. И. Сталин* [11, с. 74] или вполне обычной деидеологизированной формулой в письмах К. Е. Ворошилову: *Ну, до скорого свидания. Привет. Твой И. Сталин* [11, с. 161], *Жму руку. Твой Сталин* [11, с. 163], *Ну, всего. Привет! Твой И. Сталин* [11, с. 175]. Использование таких формул, эксплицирующих сокращение коммуникативной дистанции, имеет место в тех случаях, когда степень близости в личных отношениях позволяет игнорировать неравенство социального статуса. То же самое наблюдается и в письмах Екатерины II Г. А. Потемкину, которые она нередко заканчивает формулой прощания типа: *Прощай, мой друг, да будет тебе сам Бог помощник. Будь здоров, щастлив и благополучен* [2, с. 354]. Естественно, что инициатива подобного сближения принадлежит обычно лицу с более высоким статусом; его корреспондент будет более строго придерживаться требований этикета, и в то же самое время Потёмкин заканчивает своё письмо Екатерине II речевым оборотом, в значительно большей мере соответствующим общепринятым конвенциям при обращении к первому лицу в государстве: *Простите, матушка Государыня, я по смерть Ваш вернейший и благодарнейший подданный Князь Потемкин Таврический* [2, с. 353].

Интересно, что стремление сохранить дистанцию в общении бывает свойственно и участнику коммуникации, занимающему низшую ступень в социальной иерархии, чем его адресат. Известно несколько писем М. А. Булгакова, в которых он обращался к И. В. Сталину с различными просьбами: разрешить ему выехать за границу, смягчить участь драматурга Н. Р. Эрдмана и т. п. Положение опального литератора, каким был в это время Булгаков, и Генерального секретаря ЦК ВКП(б), который в 1930-е годы уже сосредоточил в своих руках власть в огромной стране, несопоставимо. Начав письмо вполне стандартным и нейтрально-вежливым *Многоуважаемый Иосиф Виссарионович!* или *Глубокоуважаемый Иосиф Виссарионович*, можно ли завершить текст чем-нибудь столь же стандартным типа: *С уважением Булгаков*? Любые изъявления уважения и преданности могут быть интерпретированы как попытка лести, отказ от своих этических и творческих принципов. И М. Булгаков каждый раз заканчивает свои письма только подписью, без каких бы то ни было этикетных знаков [1, с. 309, 439, 607].

Наличие или отсутствие в эпистолярном тексте заключительной этикетной формулы связано также со степенью официальности общения, а следовательно, и с содержанием и стилистическими характеристиками письменного документа. Авторы одного из современных пособий по ведению деловой переписки, реко-

мендуя придерживаться нейтрального тона, сухости и строгости в изложении, предостерегают от увлечения чрезмерной вежливостью [4, с. 29]. В другом пособии отмечается, что «заключительная формула вежливости может отсутствовать в официальных письмах, но почти всегда «подытоживает» письма, текст которых носит отчасти личный характер (например, письмо-благодарность)» [10, с. 37], приглушая официальный тон в конце послания. Таким образом, даже в пределах деловой переписки эпистолярные тексты отличаются мерой официальности, с чем связано, в частности, противопоставление служебных писем, т. е. писем государственных организаций, предприятий и учреждений, и деловых писем – писем негосударственных организаций, предприятий и учреждений [10, с. 11]. Превалирование личных или деловых отношений выражается и в характере адресации письма, в том, обращено оно к конкретному человеку, группе людей или неперсонифицированной организации или учреждению. В последнем случае заключительная этикетная формула, как правило, отсутствует, и соответствующие примеры можно наблюдать в письмах В. К. Тредиаковского в Канцелярию Академии наук [9, с. 58, 60, 61] и в Канцелярию Морского шляхетного кадетского корпуса [9, с. 61], в письмах А. П. Сумарокова в Канцелярию Академии наук [9, с. 85, 86], в Комиссию Академии наук [9, с. 114] и в Каширскую воеводскую канцелярию [9, с. 160], в письмах Л. Н. Толстого в Крапивенский уездный мировой съезд [13, т. 60, с. 489, 491] и в Тульское губернское по крестьянским делам присутствие [13, т. 60, с. 491, 492], в письмах М. А. Булгакова Правительству СССР и в Коллегию ОГПУ [1, с. 287, 290], в письмах А. А. Фадеева в Управление по охране авторских прав и в редакцию международного литературного журнала «Де Ким» [14, с. 359, 562].

Заключительная формула вежливости регулирует межличностное взаимодействие, отношения между двумя конкретными людьми, поэтому вполне естественно, что в открытых письмах, адресат которых неизвестен автору заранее, а также в письмах, имеющих коллективного адресата или коллективного адресанта, она тоже подвергается редукции, как в открытом письме М. А. Булгакова, направленном во Всесоюзное общество культурной связи с заграницей для опубликования [1, с. 211–213], в обращении И. В. Сталина к членам и кандидатам Политбюро ЦК, А. А. Жданову, Н. И. Бухарину, А. И. Стецкому [11, с. 295] или в письме И. В. Сталина и В. М. Молотова Н. И. Бухарину [11, с. 111]. В то же время письмо, отправленное какой-либо организации, но адресованное конкретному лицу, несмотря на деловой характер, нередко заканчивается этикетной формулой. Скажем, в письме Л. Н. Толстого Совету общества для содействия народному образованию в Ярославской губернии присутствует как обращение: *Господин Председатель Совета*, так и заключительная формула вежливости: *С совершенным уважением остаюсь готовый к услугам* [13, т. 79, с. 89–90]. То же самое в письме М. А. Булгакова издательству «С. Фишер-Ферлаг», которое начинается обращением: *Многоуважаемый г. Марил!*, а завершается этикетным *Примите уверения в моем уважении* [1, с. 372]. Градация степени официальности общения дифференцирует не только деловую переписку, но и частные письма, причем граница между этими двумя видами посланий достаточно условна, в связи с чем выделяется значительный пласт частно-деловых писем, адресант и адресат которых – частные лица, но обсуждают деловые вопросы, связанные со своим бизнесом или профессиональной деятельностью. В письмах такого рода заключительная формула вежливости реже всего, пожалуй, подвергается редукции.

Отказ от использования общепринятых этикетных средств бывает связан не только с высокой степенью официальности письма, как это было показано выше, но и, напротив, с абсолютно неофициальным, даже интимным характером пере-

писки, когда соблюдение требований этикета, скорее, создаёт некую нежелательную дистанцию между коммуникантами. Большая часть писем и записок Екатерины II Г. А. Потёмкину, написанных в 1774–1775 гг., то есть в разгар любовного романа между ними, не содержит ни подписи, ни этикетных формул, что, впрочем, может быть связано ещё и с конспиративными соображениями [2, с. 9–88]. Вот пример такого письма:

Голубчик, душа моя. Каков ты, пришли сказать, каков. Я домой пришла, и буде я тебе надобна, как и не сумневаюсь, то вели сказать, сударушка. Душа не на месте, что неможешь. Естьли теперь мне прийти нельзя, то когда можно будет, дай знать [2, с. 48].

На выбор способа установления и прерывания вербального контакта оказывает влияние такой фактор, как эмоциональное состояние адресанта в момент написания письма. Гнев, негодование, обида и другие отрицательные эмоции, испытываемые по отношению к адресату, нередко побуждают автора письма нарушить этикетные правила, что выражается в редукции как заключительной формулы вежливости, так и инициального вокатива. Например, заключительная этикетная формула отсутствует в гневном письме М. Горького Л. Н. Толстому, в котором Горький в 1905 году выразил своё резкое несогласие с нравственно-религиозной проповедью Толстого о спасительности личного совершенствования и отказе от идеи борьбы людей за свои права, – в письме, которое, правда, так и не было ни доставлено адресату, ни напечатано. Полемический пафос письма достигает своего апогея в конце его, когда М. Горький, обращаясь к Л. Толстому, пишет о «хищниках и паразитах» страны:

И несколько дней они будут повторять Ваши слова, они схватятся за них, как утопающие за солому, и кинут в лицо честных и мужественных людей России тяжелые и обидные, ликующие и злорадные слова:

– Лев Толстой не с вами!

М. Горький [7, с. 282].

Любая формула вежливости в данном тексте снизила бы накал полемики, что противоречило бы коммуникативной задаче, и Горький завершает письмо только своей подписью.

Помимо разного рода нюансов, связанных с личными и социальными отношениями между участниками эпистолярной коммуникации, на характер оформления завершающей части послания влияют и ситуативные факторы, в частности такие, как недостаток времени, необходимость быстрого информирования о происходящих событиях. Многие письма Г. А. Потёмкина Екатерине II имеют характер оперативных донесений из, выражаясь современным языком, «горячих точек», в которых ему не раз приходилось оказываться. Все рамочные элементы: обращение, подпись, этикетные формулы – подвергаются редукции в письмах Потёмкина, написанных во время конфликта на границе с Китаем, столкновений между православными и униатами в пограничных с Польшей провинциях Малороссии, вооружённого нападения турок и лезгин на жителей Грузии, русско-турецкой войны и т. д. [2, с. 200–202, 294, 335–346, 362, 421 и др.]. То же самое – в письмах А. В. Суворова, которые содержат отчёты, приказы или распоряжения во время Итальянского и Швейцарского походов [12, с. 336, 340, 357], например:

Любезный мой генерал Кейм.

Я отправляюсь в Пиаченцу; иду разбить Макдональда. Возьмите скорее цитадель Туринскую, чтоб я не пел благодарственного молебна прежде Вас [12, с. 340].

Таким образом, редукция заключительной этикетной формулы письма бывает детерминирована следующими четырьмя факторами, связанными с условиями коммуникации: 1) исключительно высокий социальный статус адресанта при иерархических отношениях между участниками общения; 2) высокая степень официальности или, напротив, интимности общения; 3) неопределённость адресата; 4) эмоциональное состояние адресанта в момент написания письма. При неоднозначности, а иногда и противоречивости коммуникативно-прагматических факторов, влияющих на выбор способа «выхода» из ситуации текстового общения, отсутствие этикетных формул в конце письма может реализовать как стратегии «негативной вежливости» (вежливости дистанцирования), так и стратегии «позитивной вежливости» (вежливости сближения).

Библиографические ссылки

1. **Булгаков М. А.** Собрание сочинений : в 8 т. Т. 8: Жизнеописание в документах / сост., подготовка текста В. И. Лосева. – СПб. : Азбука-классика, 2002. – 736 с.
2. **Екатерина II и Г. А. Потемкин**: Личная переписка 1769–1791 / издание подгот. В. С. Лопатин. – М. : Наука, 1997. – 992 с.
3. **Кастлер Л.** Негативная и позитивная вежливость / Л. Кастлер // Агрессии в языке и речи. – М. : РГГУ, 2004. – С. 9–18.
4. **Кирсанова М. В.** Деловая перепискав: учебно-практ. пособие / М. В. Кирсанова, Ю. М. Аксенов, Н. Н. Анодина. – 3-е изд. – М. : ИНФРА-М, 2006. – 100 с.
5. **Колтунова М. В.** Конвенции как прагматический фактор диалогического общения / М. В. Колтунова // Вопросы языкознания. – 2004. – № 6. – С. 100–115.
6. **Куварова Е. К.** Письмо как графический субститут устного сообщения / Е. К. Куварова // Ученые записки Таврич. нац. ун-та им. В. И. Вернадского. – Серия «Филология. Социальные коммуникации». – Том 24 (63). № 2. Часть 3. – 2011. – С. 63–70.
7. **Переписка М. Горького** : в 2-х т. / подгот. текста и коммент. М. Семашкиной и Л. Евстигнеевой. – М. : Худож. лит., 1986. – Т. 1. – 479 с.
8. **Письма и бумаги императора Петра Великого**. – Т. 8 (июль–декабрь 1708 г.). – Вып. 1 / ред. А. И. Андреев. – М.–Л. : Изд-во АН СССР, 1948. – 408 с.
9. **Письма русских писателей XVIII века** : сборник / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом); [Отв. ред. и авт. вступит. статьи, с. 3–41, Г. П. Макогоненко]. – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1980. – 472 с.
10. **Рогожин М. Ю.** Современное деловое письмо : пособие / М. Ю. Рогожин. – Изд. 4-е, перераб. и доп. – М. : ГроссМедиа Ферлаг: РОСБУХ, 2009. – 272 с.
11. **Советское руководство. Переписка. 1928–1941 гг.** / Сост. А. В. Квашонкин, Л. П. Кошелева и др. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. – 519 с.
12. **Суворов А. В.** Письма / отв. ред. А. М. Самсонов. – М. : Наука, 1986. – 808 с.
13. **Толстой Л. Н.** Полн. собр. соч. Серия третья. Письма. – Т. 60 / подгот. текста и коммент. М. А. Цявловского, О. В. Воронцовой-Вельяминовой и Н. С. Родионова. – М. : ГИХЛ, 1949. – 560 с. – Т. 79 / подгот. текста и коммент. В. С. Мишина. – М .: ГИХЛ, 1955. – 304 с.
14. **Фадеев А. А.** Собр. соч. : в 5 т. – Т. 5. Статьи, рецензии, записные книжки, письма / под ред. Е. Ф. Книпович, В. М. Озерова, К. А. Федина. – М. : ГИХЛ, 1961. – 684 с.
15. **Формановская Н. И.** Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход / Н. И. Формановская. – М. : Русский язык, 2002. – 216 с.

Надійшла до редколегії 16.02.12

УДК [811.161.1+811.161.2+811.133.1]'373.7

В. С. Луговий

Горлівський державний педагогічний інститут іноземних мов

ШИРОКОЗНАЧНІСТЬ ФРАЗЕОЛОГІЗМІВ З ОНІМНИМ КОМПОНЕНТОМ ЯК ОБ'ЄКТ ЛЕКСИКОГРАФІЇ

Зроблено спробу проаналізувати особливості презентації широкозначних фразеологічних одиниць (далі – ФО) з компонентом – власним іменем – у лексикографічних джерелах неспоріднених мов (французька, українська, російська). Обґрунтовано принципи фіксації і експлікації даного тематичного класу ФО у складі словникової статті, а також розроблено критерії їх диференціації як від моносемантичних, так і полісемантичних онімних ФО.

Ключові слова: фразеологізм, онімний компонент, багатозначність, евриземія, фіксація, експлікація, репрезентація, лексикографія.

Сделана попытка проанализировать особенности презентации широкозначных фразеологических единиц (далее – ФЕ) с компонентом – именем собственным – в лексикографических источниках неродственных языков (французский, украинский, русский). Обоснованы принципы фиксации и экспликации данного тематического класса ФЕ в составе словарной статьи, а также разработаны критерии их дифференциации как от моносемантических, так и полисемантических онимных ФЕ.

Ключевые слова: фразеологизм, онимный компонент, многозначность, эвриземия, фиксация, экспликация, репрезентация, лексикография.

In this article the autor makes an attempt to analyse the peculiarities in the presentation of euresemantic phraseological units (PhU) with the proper name as their component on the basis of lexicographical sources of non-cognate languages (French, Ukrainian, Russian). The principles of the fixation and explication of this thematic class of PhU as a part of dictionary entry are substantiated. The criteria of differentiation the units in question from both monosemantic and polysemantic onym PhU are worked out.

Keywords: phraseologism, onym component, polysemy, euresemy, fixation, explication, representation, lexicography.

Проблема семантичної градації сталих словосполучень фразеологічного і нефразеологічного характеру, в тому числі і фразеологічних одиниць (ФО) з компонентом-власним іменем, або онімом (ОФО), залежно від рівня семантичної взаємозалежності компонентів, аналіз семантичної структури ФО з широким, недиференційованим значенням, особливості їх відмежування від власне однозначних та багатозначних ФО на матеріалі дієслівних ОФО, а також дослідження широкозначних ОФО як об'єкта лексикографії та фразеографії зумовили актуальність написання даної статті.

Її ***наукова новизна*** полягає у виявленні критеріїв фіксації та експлікації широкозначних фразеологізмів з онімним компонентом у складі словникової статті.

Основною ***метою*** роботи є вивчення методик репрезентації багатозначних та широкозначних ОФО генетично неспоріднених мов в одномовних і двомовних лексикографічних джерелах. Дана мета конкретизувала вирішення такої низки завдань: 1) критичний аналіз точок зору сучасних лексикологів і фразеологів на широку семантику слова і фразеологізму; 2) опис методик фіксації та експлікації багатозначних ФО з компонентом – власним іменем у складі словникової статті; 3) розробка критеріїв диференціації широкозначних та багатозначних ОФО у різнотипних лексикографічних джерелах.

Аналіз семантичної структури слова, здійснений мовознавцями в 70–90-і роки XX ст., виявив наявність у лексичних системах європейських мов (францу-

© Луговий В. С., 2012

зька, німецька, англійська) ряду лексем, які за своїми семантичними параметрами не можуть бути описаними у словникових джерелах як моносемантичні або полісемантичні, так як у структурі їх лексичного значення превалює широкий, недеталізований сигніфікат. Термін «еврисемія – широкозначність» вперше вводить у лінгвістичну термінологію Н. Н. Амосова, експлікуючи його як «особенный тип семантики лексических единиц, которые имеют широкое, недифференцированное значение и максимальную степень обобщения» [1 с. 114]. В. Г. Гак слушно вказує на те, що в основі диференціації багатозначного слова від широкозначного є те, що «слово с недифференцированным значением означает одно понятие, но настолько широкое, что оно охватывает ряд понятий, которые обозначаются в другом языке разными словами» [2, с. 52].

Роботи таких вчених-семасіологів, як Н. Н. Амосова (1963), Б. Д. Джоломанова (1978), С. Н. Димова (1972), О. М. Діанова (1987), А. Н. Єгорова (1986), В. К. Колобаєв (1983), А. Л. Ленца (1987), В. Я. Плоткін, Л. Я. Гросул (1982), Г. С. Чинчлей (1983), заклали основи теорії лексичної широкозначності, так як проведені ними наукові розвідки дозволили пролити світло на природу як вербальної, так і іменної широкозначності, пояснити механізм впливу контексту на семантичне варіювання широкозначних лексем і створили певні теоретичні передумови для дослідження феномена широкозначності на фразеологічному рівні.

Становлення теорії фразеологічної широкозначності знаходиться на стадії реєстрації та накопичення фактологічного матеріалу, що пов’язано з такими чинниками як семантична потенція лексем, їх поліфункціональність. Варто також взяти до уваги і певні труднощі чисто семантичного характеру при делімітації широкозначних ФО з корпусу багатозначних, так як для них характерні такі структурно-семантичні характеристики, як образність, експресивність, багатокомпонентність, ідіоматичність і немодельованість. Вперше на цей аспект фразеологічної семантики звернув увагу Д. І. Квеселевич, досліджуючи семантичну структуру ФО-інтенсифікаторів на матеріалі англійської та російської мов. Він придумав для них робочий термін «платеосемія – широкозначність (гр. платус – широкий, об’ємний, сема – знак, значення)» і вважав, що це не автономна семантична категорія, а, скоріше всього, різновид моносемії з широким обсягом денотату, «где оттенки значения группируются вокруг одного и того же семантического стержня» [3, с. 77]. Але він вивчав лише семантичну градацію ФО-інтенсифікаторів і особливості їх фіксації в словниках нового типу, і тому феномен фразеологічної широкозначності був ним досліджений фрагментарно. Інші вчені-германісти (І. І. Чернишова, Л. А. Болгова, В. Н. Попова, А. В. Кунін) вважають, що явище широкозначності властиве лише окремій групі фразеологізмів, які займають суміжні позиції в семантичній структурі багатозначних фразеологізмів, і в яких окремі фразео-семантичні варіанти (ФСВ) мають широке, узагальнене значення. Всі ці дослідження мали, в основному, супроводжуючий, другорядний характер у плані семантичної градації та кодифікації сталих словосполук у словникових джерелах і лише дисертаційне дослідження В. Н. Попової дозволило значно поглибити наші знання на явище фразеологічної широкозначності як проблему лексикографії та фразеографії. Розвиваючи оригінальні ідеї І. І. Чернишової на природу фразеологічної широкозначності, на матеріалі дієслівних фразеологізмів сучасної німецької мови, В. Н. Попова розробила методику ідентифікації широкозначних дієслівних фразеологізмів (ШДФ), виявила критерії розмежування багатозначних і широкозначних фразеологізмів, встановила провідні семантичні типи дієслівних фразеологізмів залежно від широти їх семантичного потенціалу. Теоретична новизна в даній роботі полягає в системному і комплексному підході при розробці системи репрезентації ШДФ у лексикографічних і фразеографічних дже-

релах. Основні ідеї і положення даного дослідження заклали підвалини теорії фразеологічної широкозначності у германістиці, дозволили перейти до системного і регулярного вивчення цієї семантичної категорії і в інших споріднених і неспоріднених мовах як на матеріалі вербальних ФО, найпоширенішого граматичного класу фразеологізмів, так і таких структурно-семантичних розрядів ФО, як іменні, ад'єктивні, адвербіальні, ФО-компаративи, ФО зі структурою речення (прислів'я і приказки). Досить актуальним і навіть нагальним є їх вивчення як об'єкта лексикографії, враховуючи, те, що абстрактність семантики даних фразеологізмів спричиняє значні труднощі при їх експлікації та кодифікації у словникових джерелах. Розробка критеріїв лексикографічної фіксації і експлікації як полісемантичних, так і широкозначних ФО встала на порядок денний у сучасній лексикографії і саме опис критеріїв їх делімітації у складі словникової статті допоможе уточнити розмитий семантичний статус багатьох фразеологізмів, які в одномовних і двомовних словниках фіксуються їх укладачами, або як однозначні, або як багатозначні. Проведемо короткий аналіз презентації широкозначних ФО з компонентом – власним іменем – у лексикографічних джерелах неспоріднених мов (французька, українська, російська).

Аналіз кодифікації французьких ОФО, насамперед вербальних, в одномовних тлумачних словниках засвідчив схильність їх укладачів до презентації даного семантичного типу як однозначних, без конкретизації відтінків їх широкого, недиференційованого значення. А у двомовних словникових джерелах [10] він дозволив нам зробити такі статистичні виміри: 80 % ОФО трактуються укладачами як моносемантичні і лише 10–15 % фразеологізмів виходять за межі вузькозначності, стаючи або широкозначними, або полісемантичними (двозначними) ОФО в результаті метафоро-метонімічного переносу. Наприклад, ОФО '*courir comme un Basque*' представлена як однозначна: *«идти, бежать очень быстро; бежать, сломя голову»* [10, с. 46], тобто для неї характерний перехід від генералізації до конкретизації широкого значення, представленого архісемою «*дуже швидко*» і її необхідно кодифікувати як широкозначну за такою описовою моделлю у складі словникової статті *«courir comme un Basque* – очень быстро: а) *идти, бежать;* в) *бежать сломя голову»*. Разом з тим у даному словнику є ряд еврисемічних ОФО, наприклад *«aller à Damas – пойти по правильному пути*; *обратиться в истинную веру»*, архісема «devenir croyant – стати віруючим»; *«soûl comme un Polonais – пьяный в стельку; мертвецки, вдрызг пьян; пьян в доску, в дым»* – архісема «très ivre – дуже п'яний» [10, с. 314; 991].

Фіксація та експлікація аналогічних фразеологізмів у французько-українських двомовних словникових джерелах має також певні розбіжності з відповідним корпусом французьких словників, що пов'язано насамперед з різними підходами та критеріями до укладання словників у Франції та на Україні. Так як французька мова є аналітичною, саме для неї, а не для української характерна наявність фразеосполук з недиференційованою семантикою, насамперед дієслівних широкозначних ФО, в тому числі і широкозначних ФО з онімним компонентом. Основна маса представлених у них вищеназваних фразеологізмів фіксуються і експлікуються як моносемантичні, вузькозначні ФО, хоча зустрічаються серед них як власне еврисемічні, так і бісемічні ФО, тобто для даного тематичного класу фразеосполук феномен фразеологічної багатозначності не є релевантним. Серед бісемічних ОФО варто виділити фразеосполуки *«avoir l'air de revenir de Pontoise* : а) *виглядати провінціалом*; в) *мати розгублений вигляд*; *coup de Trafalgar* : а) *тривога*, *хвилювання*; в) *несподівана катастрофа»* [9, с. 104; 127], але еврисемічні або псевдополісемантичні ОФО фіксуються частіше *«air de la Palice – стара пісня*; *наша пісня гарна й нова»*, архісема «routine de la vie – рутина, буденність життя, незмінність, біг по

колу»; *«au diable Vauvert – у чорта на болоті; де чорти навкулачки б'ються; де Макар телят не пас»*, архісема «très loin – дуже далеко» [9, с. 104, 134].

Що стосується презентації семантичної структури ОФО у складі словникової статті в українських фразеологічних і тлумачних словниках, то мова може йти лише про семантичні універсалії: українські ОФО, як і французькі, частіше за все фіксуються як моносемантичні – 90 % із числа виявлених ОФО. Лише інтернаціональні фразеологізми біблейського та міфологічного походження подаються у словникових джерелах або як еврисемічні: *«гордіїв вузол – дуже складна*, *заплутана справа*; *складне сплетіння обставин»*, архісема «дуже складна річ»; *«ланцюг (пути) Гіменея – книжн*., *жарт*. *подружні стосунки*; *шлюб»*, архісема «шлюб» [8, с. 161; 415], або як бісемантичні *«з Богом*: 1) *уживається як форма побажання, успіху, удачі, позитивних наслідків у роботі, в якій-небудь справі; 2) з дієсловами – благополучно, спокійно; 3) іти кудись, звідкись»; «як мухи у спасівку» жарт*: *1) хтось злий, сердитий, кусливий, уїдливий; 2) зі сл. злий, сердитий, кусливий вживається для підсилення зазначених слів – дуже, надто, надзвичайно; 3) з д. набридливо, невідступно, уїдливо, неприємно»* [8 с. 42; 514].

Презентація семантичної структури ОФО у російських словникових джерелах, на жаль, має нерегулярний та непослідовний характер, лише у Фразеологічному словнику російської мови під ред. А. І. Молоткова онімна фразеологія представлена досить повно, але не ідеально. Ми не можемо погодитись із твердженням цього видатного російського фразеолога про те, що «компоненты фразеологизма, генетически восходящие к собственным именам, следовало бы писать со строчной, а не с прописной, так как компонент фразеологизма не может рассматриваться как имя собственное» [5, с. 23]. Ми вважаємо, що тільки фразеологічні компоненти – власні імена, які у процесі частого уживання втратили своє первинно-образне унікальне значення і перейшли до класу апелятивної лексики, можуть підлягати даній регламентації. Наприклад, ОФО *«валять ваньку //* валять дурака*»*, фразеологічний компонент якої, оцінний антропонім *«ванька»* є синонімом апелятиву *«дурак»*, але ми проти підпорядкування даному правилу, запропонованому А. І. Молотковим, усіх семантичних типів ОФО, в тому числі і складових термінів (сталих словосполучень нефразеологічного характеру), а також паремій. Ми вважаємо, що дане міркування може стосуватись лише псевдоонімних фразеологічних компонентів і відонімних іменників, тобто іменників – власних назв, які у процесі деономізації стали присвійними прикметниками, наприклад, ОФО *«ложе Прокруста* (одиничність) – *прокрустово ложе* (масовість, типічність, загальність)*»*. У словнику А. І. Молоткова фразеологізми з онімним компонентом, в основному, експлікуються як моносемантичні з різними відтінками широкого значення, тобто є фактично широкозначними *«бочка Данаид, книжн. – бесполезный*, *не имеющий конца труд; бесплодная работа»*, архисема «ненужная*,* бессмысленная работа»; *«коломенская верста – человек очень высокого роста; верзила»*, архисема «очень высокий человек» [5, с. 43; 60]. Але і серед них виділяються полісемантичні (бісемантичні) ОФО, наприклад вищеназваний фразеологізм *«валять ваньку»* зафіксований як багатозначний (значення 1–4) *«валять ваньку*: *1) дурачиться, паясничать, потешать глупыми выходками; 2) делать глупости; поступать не так, как следует; 3) притворяться глупым, непонимающим; 4) праздно проводить время, бездельничать»* [5, с. 55]. Але, в основному, в даному словнику ФО з онімним компонентом фіксуються як псевдоонімні, власне ім'я не може бути, на думку А. І. Молоткова, фразеологічним компонентом.

Таким чином, як в українських, так і в російських лексикографічних джерелах семантична структура ОФО представлена, в основному, вузькоспеціалізовано, однозначно, хоча останнім часом спостерігається тенденція, у зв'язку з розши-

ренням первинного значення як онімного компонента, так і самого фразеологізму, до появи нових відтінків широкого недиференційованого значення в їх різних контекстуальних реалізаціях.

З урахуванням різних критеріїв фіксації та експлікації широкозначних ФО у словникових джерелах генетично неспоріднених мов, ми вважаємо доцільним підтримати точку зору В. Н. Попової «давать глагольным широкозначным фразеологизмам обобщенное абстрактное толкование, а в скобках через запятую или точку с запятой – наиболее типичные ситуативные реализации или способы перевода на русский язык; отдельные же значения полисемантичных ФЕ отграничивать друг от друга при помощи цифровых или буквенных обозначений» [7, с. 146]. Наприклад, в українсько-французькому фразеологічному словнику широкозначна ФО *«Barbe Bleue»* може відповідно кодифікуватись як «**дуже ревнива людина** (*Синя борода*; *злий*, *ревнивий чоловік*), а *«chemin de Saint-Jacques* – **дорога у вирій** (*Чумацький шлях; Дорога у вирій; Батиєва дорога; Мамаєва дорога; Басурманська дорога*) [9. с. 108; 119].

Слід зазначити, що дана стаття тільки окреслює проблему фіксації та експлікації широкозначних ФО як об'єкта лексикографії в різноструктурних мовах і за рамками наших наукових розвідок залишились такі досить суперечливі і полемічні питання як розробка методики диференціації у складі словникової статті широкозначних та багатозначних ФО, відмежування типових ситуативних реалізацій широкозначних ФО від способів їх передачі на рідну мову і т. д. Будемо сподіватись, що подальші плідні пошуки на терені лексикографії та фразеографії дозволять заповнити лакуну в ідентифікації різних семантичних категорій ФО, в тому числі і широкозначних, у складі словникової статті.

Бібліографічні посилання

1. **Амосова Н. Н**. Основы английской фразеологии / Н. Н. Амосова. – Л. : Наука, 1963. – 208 с.
2. **Гак В. Г.** Беседы о французском слове / В. Г. Гак. – М. : Наука, 1966. – 336 с.
3. **Квеселевич Д. И.** К вопросу о фразеологизмах – интенсификаторах / Д. И. Квеселевич // Сб. научн. тр. МГПИИЯ им. М.Тореза. – М., 1973. – Вып. 71. – С. 165–172.
4. **Кунин А. В**. Курс фразеологии современного английского языка / А. В. Кунин. – М. : Высш. шк., 1986. – 336 с.
5. **Молотков А. И.** Фразеологический словарь русского языка / А. И. Молотков. – М. : Сов. энцикл., 1968. – 543 с.
6. **Назарян А. Г**. Фразеология современного французского языка / А. Г. Назарян. – М. : Высш. шк., 1976. – 311 с.
7. **Попова В. Н**. Широкозначные глагольные фразеологизмы современного немецкого языка как проблема лексикографии и фразеографии : дисс. … канд. филол. наук / В. Н. Попова. – М. : МГПИИЯ им. М. Тореза, 1984. – 210 с.
8. **Удовиченко Г. М**. Фразеологічний словник української мови / Г. М. Удовиченко. – К. : Вища шк., 1984. – Т. 1–2.
9. **Українсько-французький** і французько-український фразеологічний словник [уклад. М. А. Венгренівська, Г. Ф. Венгренівська, Т. Б. Оратовський]. – К. : Генеза, 2000. – 276 с.
10. **Французско-русский** фразеологический словарь [под ред. Я. И. Рецкера]. – М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1963. – 1112 с.
11. **Rat M**. Dictionnaire des locutions françaises / M. Rat. – P. : Larousse, 1957. – 448 p.
12. **Rey A.** Dictionnaire des expressions et locutions / A. Rey, S. Chantreau. – P. : Robert, 1989. – 1324 p.

Надійшла до редколегії 16.02.12

УДК 811.161.1'23

Е. Л. Ляпичева

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

ИМИТАЦИЯ ДЕТСКОЙ РЕЧИ КАК ОСНОВА ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ДЛЯ ДЕТЕЙ (на материале произведений Д. Хармса, Ю. Мориц, Г. Остера)

Виявлено та описано особливості дитячого мовлення, імітація яких є основою утворення мовної гри в літературі для дітей. Для цього узагальнено та класифіковано риси дитячого мовлення, що зафіксовані в науковій літературі; знайдено, описано та класифіковано приклади мовної гри дитячих письменників, що наслідує особливості дитячого мовлення й мислення; визначено загальне та особливе у мовній грі для дітей у творчості Д. Хармса, Ю. Мориц та Г. Остера.

Ключові слова: дитяче мовлення, мовленнєві й мисленнєві потреби дитини, мовна гра, література для дітей.

Выявлены и описаны особенности детской речи, имитация которых становится основой языковой игры в литературе для детей. Для этого обобщены и классифицированы черты детской речи, зафиксированные в научной литературе; найдены, описаны и классифицированы примеры языковой игры детских писателей, подражающей особенностям детской речи и мышления; определены общее и особенное в языковой игре для детей в творчестве Д. Хармса, Ю. Мориц, Г. Остера.

Ключевые слова: детская речь, речемыслительные потребности ребёнка, языковая игра, литература для детей.

In the article the special features of the children speech, which have a look of language game in children literature, are found out and described. For this purpose we generalize and classify the features of children speech, which are fixed in scientific papers. We find out, describe and classify the examples of the children writers' language game, which is based upon the children speech and thinking specification. We also define general and individual in the language play for children in the texts of D. Harms, Y. Morits and G. Oster.

Keywords: children speech, the children needs in speech and thinking progress, language game, literature for children.

Одним из актуальных направлений исследования языка в психолингвистическом аспекте является сегодня изучение детской речи. Считается, что освоение речи ребёнком проливает свет на внутренние процессы сознания, сопровождающие речемыслительную деятельность взрослых людей. Действительно, понимание основных закономерностей становления детской речи помогает глубже понять природу ментальных процессов, происходящих во время порождения и понимания речи, а также в процессе языковой игры.

Изучением детской речи занимались известные психологи, психолингвисты, писатели, в работах которых рассматривались как общие, так и частные проблемы формирования мышления и речи у ребёнка. Так, частными проблемами формирования детской речи занимались С. Н. Цейтлин, изучавший словообразовательные инновации и окказиональные морфологические формы в детской речи [8], и Г. И. Богин, выделивший уровни эволюции языковой личности по её способности порождать тексты [1]. Е. И. Исенина описала общие закономерности становления речи детей в дословесный период [3]. К. И. Чуковский в яркой, живой форме описал наиболее общие особенности речевого и мыслительного развития детей дошкольного возраста. Он показал, что процессы формирования речи у

© Ляпичева Е. Л, 2012

детей тесно связаны с их движением, эмоциями и мышлением. Изобретение новых слов по аналогии (*ловитель*), попытки осмыслить значения слов по их внутренней форме (*лодырь* – тот, кто делает лодки), объяснение непонятных слов путём их переделывания (*вихрахер* о парикмахере*, автоматный сок*), буквальное понимание метафор (*Как это утро наступило? На кого?*), стремление к звуковой мотивированности слова (*Бяка-Закаляка*); любовь к рифме и ритму, проявляющаяся в изменении слов в угоду рифмующимся созвучиям и ритму стиха (*Плывут уточка с* ***гусём*** */ на раздутых* ***парусём*** [9, с. 284]; *Я не* ***та-ак*** *волоку, / я в галопию скаку*! [9, с. 284]) сочетаются у них с любовью к действию, динамике, движению; детской «логикой», интересом к перевёртышам.

Перевёртышами, или нелепицами, «путаницами», К. И. Чуковский называет игровые стихи, описывающие нарушения установленного порядка вещей. Например:

Ехала деревня мимо мужика,
Вдруг из-под собаки лают ворота.
Лошадь ела кашу, а мужик – овёс,
Лошадь села в сани,
А мужик повёз.

Это игры мыслительные, игры ума. Ребёнок играет не только камешками, кубиками, куклами, но и мыслями [9, с. 233]. Для восприятия этих игровых стихов ему необходимо твёрдое знание истинного положения вещей [9, с. 228]. С лингвистической точки зрения перевёртыши могут быть охарактеризованы как столкновение нормативного, прогнозируемого и вымышленного, игрового порядка вещей, как аттракция.

Целью нашего исследования является определение и описание приёмов имитации детской речи, служащей основой языковой игры в художественной литературе для детей. Для выполнения этой цели мы ставим задачи: 1) обобщить и классифицировать особенности детской речи, описанные в научной литературе; 2) найти, описать и классифицировать приёмы имитации детской речи в литературе для детей; 4) определить общее и особенное языковой игры в творчестве Д. Хармса, Ю. Мориц, Г. Остера.

Поднимаемая в данной статье проблема имеет прикладное значение и актуальна с точки зрения методики развития речи и мышления у детей. Она касается приёмов «подключения» детей к языковой игре писателя, приёмов «заинтересовывания» ребёнка особенностями его же речи. Мы опираемся на специфику детской речи, сформулированную К. И. Чуковским [9].

В стихотворении Д. Хармса «Человек устроен из трёх частей» [7, с. 40–41] в качестве языковой игры с детьми используются перевёртыши части и целого, а также количества (столкновение нормативного представления о частях тела человека и их количестве с фантастическим). Автор неожиданно выделяет в человеке три части: бороду, глаз и пятнадцать рук, что создаёт комический эффект:

Человек устроен из трёх частей,
из трёх частей,
из трёх частей.
Хэу-ля-ля,
дрюм- дрюм-ту-ту!
Из трёх частей человек.

Борода, и глаз, и пятнадцать рук,
И пятнадцать рук,
И пятнадцать рук.

Хэу-ля-ля,
дрюм- дрюм-ту-ту!
Пятнадцать рук и ребро.

А впрочем, не рук пятнадцать штук,
пятнадцать штук,
пятнадцать штук.
Хэу-ля-ля,
дрюм- дрюм-ту-ту!
Пятнадцать штук, да не рук.

Повторение бессмысленных звукосочетаний (*Хэу-ля-ля, дрюм-дрюм-ту-ту!*) служит подчёркиванию ритма, как в детских считалках.

Стихотворение Д. Хармса «Иван Топорышкин» [7, с. 65] всё построено на аттракции реальной и вымышленной лексической и синтаксической сочетаемости. Автор придумывает четверостишие, состоящее из двух сложных предложений с верной сочетаемостью компонентов, а затем «перетряхивает» его, так что рядом оказываются компоненты, не сочетающиеся в смысловом отношении, но верно соединённые с точки зрения синтаксических связей:

Иван Топорышкин пошёл на охоту,
С ним пудель пошёл, перепрыгнув забор,
Иван, как бревно, провалился в болото,
А пудель в реке утонул, как топор.

Иван Топорышкин пошёл на охоту,
С ним пудель вприпрыжку пошёл, как топор.
Иван провалился бревном на болото,
А пудель в реке перепрыгнул забор.

Иван Топорышкин пошёл на охоту,
С ним пудель в реке провалился в забор.
Иван, как бревно, перепрыгнул болото,
А пудель вприпрыжку попал на топор.

В стихотворении «Очень-очень вкусный пирог» [7, с. 76–77] поэт устраивает игру в отгадывание рифм, которые довольно легко находятся, так как подсказаны ситуацией и созвучиями:

Я захотел устроить бал,
И я гостей к себе …

Купил муку, купил творог,
Испёк рассыпчатый …

Пирог, ножи и вилки тут –
Но что-то гости …

Я ждал, пока хватало сил,
Потом кусочек …

Потом подвинул стул и сел
И весь пирог в минуту …

Когда же гости подошли,
То даже крошек …

В стихотворении «Весёлый старичок» [7, с. 63–64] Д. Хармс использует звукоподражательные междометия, выделяющие ритм стиха путём использования повтора слогов и скандирования. Вот один из примеров:

«Ха-ха-ха
Да хе-хе-хе,
Хи-хи-хи
Да бух-бух!
Бу-бу-бу
Да бе-бе-бе,
Динь-динь-динь
Да трюх-трюх!»

Есть в стихотворении и столкновение прогнозируемой и вымышленной эмоциональной реакции старичка, который, испугавшись или рассердившись, почему-то смеётся:

Раз, увидя паука,
Страшно испугался,
Но, схватившись за бока,
Громко рассмеялся…
А увидя стрекозу,
Страшно рассердился,
Но от смеха на траву
Так и повалился …

Таким образом, в исследованных текстах Д. Хармса использованы такие приёмы имитации детской речи с целью создания языковой игры, как: 1) столкновение нормативного представления о частях тела человека и их количестве с фантастическим, аттракция прогнозируемой и вымышленной лексической и синтаксической сочетаемости, столкновение ожидаемой и «перевёрнутой» эмоциональной реакции; 2) угадывание рифмы, подсказываемой ситуацией и созвучиями; 3) повторение бессмысленных звукосочетаний, служащих подчёркиванию ритма; 4) звукоподражание, выделяющее ритм стиха с помощью повтора слогов и скандирования.

Анализ стихотворений Ю. Мориц показывает, что в её текстах для детей часто встречаются аттракции различных видов. Так, в стихотворении «Свежие коты» [4] использован перевёртыш модели «целое – единица»: вместо букета цветов в тексте фигурирует *букет котов*, причём данный перевёртыш выполняет в стихотворении композиционную роль – выстраивает целый текст. Это выражается в повторении указанного перевёртыша в целом ряде фраз: *у меня уже готов для тебя букет котов, очень свежие коты!; а у меня букет котов – изумительной красы, и, в отличье от цветов, он мяукает в усы; я несу букет в охапке, он дерётся и визжит; я несу букет котов, дай скорее вазу.* В стихотворении, помимо перевёртышей, используется также игра в точную рифму: *готов – котов, котов – цветов, красы – усы, лапки – охапке.*

В стихотворении «Одна старушка молодая» [4] использовано столкновение нормативного и фантастического поведения старушки, также выполняющее композиционную роль: *старушка … на голове вошла в метро, впала в спячку; коза её будила, выходила ногами кверху из метро*. Данный вид перевёртыша сочетается с перевёртышами моделей «объект – место» (старушка **с козой** вошла **в метро**), «действие – объект» (коза бодала ведро с яйцами), «объект – инструмент действия» (*я стояла … в обнимку с* ***дверью*** *от* ***ключа***, ***нога*** *её … держала* ***с яйцами ведро***), «целое – часть» (*а на другой ноге висела коза от пятки* ***до плеча*** вместо ***до бедра***) и «отношения совместности – объектно-инструментальные отношения» (*я стояла … в обнимку …****с пирогом от чая***), а также с нарушением сочетаемости (***нога*** *её седая, ногами кверху хохоча*) и употреблением слова *вся* в несвойственном для него значении (*вся старушка в поезд села, вся старушка впала в спячку*).

Стихотворение «Самоваро-паровозо-ветролёт» [4] построено на основе ассоциации самовара с паровозом и вертолётом (последний изменён в *ветролёт* в связи с необходимостью объяснить название путём его переделывания: когда вертолёт летит, он создаёт сильный ветер). Основание ассоциации названо: самовар пыхтит, свистит и имеет много краников, как паровоз; от самовара исходит пар, создающий впечатление полёта. Ассоциативное смешение самовара с паровозом и вертолётом порождает перевёртыши: самовар летит по небу, машет крыльями, танцует и поёт. Перевёртышами являются и возникающие в конце стихотворения названия-перестановки: *самоваро-ветролёто-паровоз* и *паровозо-ветролёто-самовар.*

В стихотворении «Песенка совы по имени Дуся» [4] яркими примерами языковой игры, построенной на аналогии с детской речью, являются образование новых слов по аналогии с другими словами (*летательно, кувыркателально, скакательно, гремительно, звенительно, скакачая, рулячая, храбрительна, творительно*) и использование «детской» логики (сова считает себя очень мудрой и свою маму тоже). К языковой игре можно отнести и использование образованных по аналогии потенциальных слов в рифме, что ещё больше выделяет эти слова. Звукоподражательное слово *бим-бомкаю* также отражает специфику детской речи.

В стихотворении «На бал к Марусе» [4, с. 36–39] поэтесса использует парономазы: *кролик, король, тролли; кроликовые, короликовые, тролликовые, роликовые коньки.* Причем, слова *короликовые* и *тролликовые* являются новыми (потенциальным и окказиональным) и созданы «в угоду» игре, основанной на столкновении парономазов. Автор также использует перевёртыши действия и места: *клоуны в солнечных облаках вниз колпаками идут на руках, и скачет петух – на козе он верхом!*

Таким образом, в анализируемых стихотворениях Ю. Мориц были обнаружены следующие приёмы языковой игры: 1) аттракции моделей «целое – единица» и «субъект – характерное для него действие»; 2) образование новых слов по аналогии; 3) употребление парономазов; 4) игра в точную рифму; 5) нарушение сочетаемости; 6) употребление слова в несвойственном для него значении; 7) создание ассоциативного образа предмета; 8) объяснение названия путём его переделывания; 9) применение «детской» логики; 10) использование звукоподражательного слова.

Языковую игру в творчестве Г. Остера мы рассмотрим на примере рассказов «Человек с детским акцентом» [5, с. 42–47] и «Поле Брани» [5, с. 32–35].

В рассказе «Человек с детским акцентом» отражена такая особенность становления детской речи, как освоение произношения звуков. Известно, что самыми трудными для детей являются звуки [ж], [ш], [р], которые дети осваивают позже других. Но в рассказе Г. Остера не выговаривает шипящие и [р] взрослый человек (здесь автор использует столкновение представлений читателей о нормативном и игровом поведении героя). Это порождает комическую ситуацию: взрослый обращается к детям с просьбой:

Меня в детстве осень сильно напугали, и с тех пол я не выговаливаю. Вот тут меня напугали. На этом месте. И доктол мне сказал, стоб меня опять на том зе самом месте естё лаз напугали. Вдлуг я опять стану выговаливать. Помогите мне, позалуста.

В рассуждениях взрослого человека с детским акцентом прослеживается «детская» логика (стремление ребёнка прихвастнуть), что также является основой для языковой игры с детьми:

– В том-то и дело, – окончательно огорчился человек с детским акцентом, – сто я, кается, нисево не боюсь. Уз такой я отвазный. Сто поделаес?

В рассказе использованы имя и фамилия ребёнка, значимые в звуковом и этимологическом отношении: в них есть звуковой повтор и внутренняя форма: *Тяпа Тапочкин.* В характеристике этого героя, придумавшего способ, как напугать отважного взрослого, использованы слова *воображение* и *воображала*, производные от различных значений производящего слова *воображать* (а) представлять, рисовать с помощью фантазии; б) иметь о себе слишком высокое мнение), которые автор объясняет читателям. Наименование существа, поглощающего любимые сосиски и сардельки взрослого, *Каркараляка* также обладает звуковой мотивированностью. Наконец, внезапное обретение взрослым способности произносить звуки, выраженное во фразе с акцентированием звука [р], также выдвигает на первый план звуковую ощутимость слов и звуковой повтор:

– Карррраул! Карркарраляка ест сардельки! Спасайте сардельки от Каркараляки! Караул!

В рассказе «Поле Брани» в качестве объекта имитации выступают такие особенности детской речи, как «детская» логика, ложное толкование одного из омонимов, стремление детей к выделению ритма и перевёртыши. Отображение «детской» логики использовано в повествовании ребёнка-рассказчика об истории Лаврового переулка:

Говорят, что в старинные времена Лаврового переулка вовсе не было. Его потом построили вместе с городом. А тогда было на месте Лаврового переулка Поле Брани.

Это было такое специальное поле большого размера, на котором встречались разные войска. Войска были разные, но каждый раз обязательно в одном войске были наши, а в другом – враги.

Ложное толкование одного из омонимов возникает, когда ребёнок-рассказчик объясняет название Поле Брани:

Войска появлялись на поле с двух сторон и осторожно подходили поближе друг к другу. Враги всегда начинали первыми. Они выходили на самую середину Поля Брани, становились перед нашими и начинали браниться.

Стремление детей к выделению ритма речи (скандирование) становится объектом авторского подражания в эпизоде, когда вражеские войска начинают дразнить друг друга бранными словами:

– Ду-ра-ки! Ду-ра-ки! – кричали враги хором. И размахивали руками.

А наши им спокойно отвечали:

– От та-ких же слы-шим! От та-ких же слы-шим!

Тогда враги начинали волноваться и кричали:

– Ма-мень-ки-ны сы-ноч-ки! Ма-мень-ки-ны сы-ноч-ки!

А наши отвечали:

– Са-ми та-ки-е-е! Са-ми та-ки-е-е!

В скандировании обидных слов используется аттракция правильного и неправильного расположения слогов в словах, рождающая неуместные слова: когда одна группа врагов кричала *Трусы!*, а другая – *Слабаки!*, в общем хоре звучало:

– Тру-ба-сы! Сла-сы! Ба-сы! Ки-сы!

Таким образом, в проанализированных рассказах Г. Остера мы встретили такие особенности детской речи: 1) аттракция правильного и неправильного расположения слогов в словах и столкновение представлений читателей о нормативном и игровом поведении; 2) освоение произношения шипящих звуков [р]; 3) использование слов, ощутимых в звуковом и этимологическом отношении; 4) «дет-

ская» логика; 5) звуковой повтор; 6) использование омонимов; 7) стремление детей к выделению ритма речи; 8) ложное толкование одного из омонимов (1).

К общим выводам исследования можно отнести следующие положения:

1. Имитация детской речи часто является основой для создания языковой игры в художественной литературе для детей. Особенно ярко это выражается в творчестве Д. Хармса, Ю. Мориц, Г. Остера.

2. Приёмы подражания писателей детской речи можно использовать в качестве параметра для характеристики их идиостиля. Для этого следует выделить общее и особенное в использовании таких приёмов. Общим для языковой игры с детьми в исследованных текстах всех трёх писателей является использование столкновения нормативного и вымышленного описания ситуаций и звуковых приёмов изобразительности.

В текстах Д. Хармса и Ю. Мориц общим является выделение рифмы, а также нарушение сочетаемости слов. Общим в текстах Д. Хармса и Г. Остера является актуализация ритма речи. Ю. Мориц и Г. Остер в качестве основы для языковой игры используют парономазы и омонимы; показ «детской» логики; опору на «внутреннюю форму» слова.

3. Индивидуальные приёмы создания языковой игры отмечены только в детских текстах Ю. Мориц. К ним относятся образование новых слов по аналогии; употребление слова в несвойственном для него значении; создание ассоциативного образа предмета.

Изучение отражения особенностей детской речи в литературе для детей, безусловно, может быть продолжено как на материале творчества писателей, рассматриваемых в данной статье, так и на материале текстов других современных авторов: В. Данько, Н. Носова, П. Синявского, Э. Мошковской, Кс. Драгунской и др. Рассмотрение данной проблемы может быть обогащено исследованием приёмов языковой игры и риторических средств языковой изобразительности на разных языковых уровнях.

Библиографические ссылки

1. **Богин Г. И.** Типология понимания текста / Г. И. Богин. – Калинин : КГУ, 1986. – 87 с.
2. **Горелов И. Н.** Основы психолингвистики : учебное пособие / И. Н. Горелов, К. Ф. Седов. – Изд. третье, перераб. и доп. – М. : Лабиринт, 2001. – 304 с.
3. **Исенина Е. И.** Дословесный период развития речи у детей / Е. И. Исенина. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1986. – 162 с.
4. **Мориц Ю. П.** Двигайте ушами : стихи / Ю. П. Мориц. – [Ил. и оформл. Е. А. Антоненкова]. – М. : ЗАО «Росмэн-Пресс», 2005. – 151 с.
5. **Остер Г. Б.** 38 попугаев / Г. Б. Остер. – М. : Союз кинематографистов СССР, Всесоюзное творческо-производственное объединение «Киноцентр», 1991. – 128 с.
6. **Фрумкина Р. М.** Психолингвистика : учеб. для студ. высш. учеб. заведений / Р. М. Фрумкина. – М. : Издательский центр «Академия», 2001. – 320 с.
7. **Хармс Д. И.** Цирк Принтинпрам / Д. И. Хармс. – М. : Мартин, 1996. – 175 с.
8. **Цейтлин С. Н.** Окказиональные морфологические формы в детской речи / С. Н. Цейтлин. – Л. : Изд-во ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1988. – 80 с.
9. **Чуковский К. И.** От двух до пяти : рассказы : для ст. шк. возраста / К. И. Чуковский. – К. : Вэсэлка, 1988. – 365 с.

Надійшла до редколегії 18.01.12

УДК 811.161.1'367

И. И. Меньшиков

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

ТИПОЛОГИЯ ПРИСЛОВНЫХ СЛОЖНОПОДЧИНЁННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Проаналізовано традиційну систему нерозчленованих складнопідрядних речень, в яких підрядна частина підпорядкується опорному слову головної частини. Вказано на неповноту цієї системи і показано, що опорним словом головної частини прислівних речень може бути практично будь-яка частина мови.

Ключові слова: складнопідрядне речення, прислівне речення, опорне слово, головна частина, підрядна частина.

Проанализирована традиционная система нерасчленённых сложноподчинённых предложений, в которых придаточная часть подчиняется опорному слову главной части. Отмечена неполнота этой системы и показано, что опорным словом в главной части присловных предложений может быть практически любая часть речи.

Ключевые слова: сложноподчинённое предложение, присловное предложение, опорное слово, главная часть, придаточная часть.

The traditional system of undivided complex sentences has been analyzed. In these sentences the subordinate parts obey the contact word in the principal part. The incompleteness of the system is shown as well as the fact that practically any part of speech can serve as the contact word in the principal part of the sentences which refer to one word.

Keywords: complex sentence, a sentence referring to one word, contact word, principal part, subordinate part.

Метаязык синтаксиса как раздела грамматики за последние десятилетия был подвергнут целому ряду радикальных преобразований, касающихся практически всех аспектов этого уровня структуры языка, в том числе, естественно, и учения о сложном предложении. Своеобразными же вехами, в известной степени канонизирующими тот или иной подход к изучению и описанию речевых цепей в современной русистике, стали три изданные с интервалом в десять лет академические грамматики русского языка: Грамматика русского языка [4], Грамматика современного русского литературного языка [5], Русская грамматика [9], – а отчасти и Русская грамматика, вышедшая в издательстве «Русский язык» в 1990 году [10].

В первой из них превалирует ещё буслаевская концепция сложного, и в частности сложноподчинённого, предложения с прямой аналогией между системой его придаточных частей и системой членов предложения: как главных, так и второстепенных. В Грамматике современного русского литературного языка такая аналогия уже не проводится, а характер придаточной части, её тип устанавливается в зависимости от синтаксических отношений между частями сложноподчинённого предложения, подразделяющих эти предложения на два структурно-семантических типа: нерасчленённые и расчленённые, а также от лексического наполнения их обеих частей. Последующие две грамматики исходят, в общем-то, из тех же принципов классификации сложноподчинённых предложений, иногда, правда, с некоторыми терминологическими расхождениями и с более детальным акцентированием семантической составляющей соответствующих конструкций.

Авторы вузовских учебников по современному русскому языку, приняв в целом суть концепции академических грамматик, не сразу перешли на предло-

© Меньшиков И. И., 2012

женную в них терминологию относительно структурно-семантических типов сложноподчинённого предложения. Так, Н. С. Валгина говорит об одночленных и двучленных предложениях [3, с. 294–297]. В учебнике под редакцией Д. Э. Розенталя используется дизъюнкция: нерасчленённые, или односоставные, и расчленённые, или двусоставные [14, с. 617], а, например, у И. П. Распопова и А. М. Ломова речь в той же ситуации идёт о соотносительных и несоотносительных предложениях [8, с. 295–296]. При этом одни лингвисты следуют за Грамматикой современного русского литературного языка [11; 13] со своей, разумеется, интерпретацией её идей (вплоть до радикальной, как это имеет место у украинистов, корректировки практически всех концептов, связанных с присловными предложениями [7; 15]), другие отдают предпочтение теоретическим разработкам авторов Русской грамматики, при необходимости адаптируя и дополняя их применительно к вузовской практике [1; 12]. Однако и в том и в другом случае остаётся проблематичной трактовка, да и сама номинация целого ряда синтаксических фигур, квалифицируемых в качестве сложного предложения или какого-либо лингвистически значимого его фрагмента. И ниже мы обратимся только к одной из таких фигур, которая обозначена как присловное сложноподчинённое предложение.

К присловным предложениям по определению относятся такие нерасчленённые сложноподчинённые предложения, придаточная часть которых непосредственно подчиняется какому-то одному, так называемому опорному (контактному), слову главной части. И если на указанном параметре не делать акцента, как, например, у П. А. Леканта [12], или поставить этот параметр на вершину сугубо синтаксической деривации присловного предложения, что фактически предлагают Ю. И. Беляев [2, с. 428], И. Р. Выхованец [15, с. 557], А. М. Ломов [6, с. 270] и многие другие лингвисты, квалифицируя на одном уровне в качестве присловных и придаточные изъяснительные, и, скажем, придаточные определительные, то все последующие построения окажутся достаточно полными в том смысле, что за пределами нерасчленённых сложноподчинённых предложений не окажется коммуникатов, придаточная часть в которых подчинялась бы одному слову главной части, но не была бы так или иначе обозначена в соответствующей системе конструктов. Однако в учебниках, ориентированных на Грамматику современного русского литературного языка, присловные предложения разводятся по двум уровням структуры языка: семантическому (изъяснительные предложения) и грамматическому (присубстантивные и прикомпаративные), а характер придаточной части в одном случае определяется по семантике опорного слова главной части, в другом – по его принадлежности к той или иной части речи [11; 13]. При этом с изъяснительными предложениями особых проблем не возникает, и толкуются они, что вполне приемлемо, в соответствии с тем, позицию какого члена предложения занимает их придаточная часть. Что же касается второй группы присловных предложений, в которой зафиксировано только два указанных их типа, то декларированная степень её полноты явно недостаточна. И даже априори следует, по-видимому, предположить, что в принципе любой член предложения может быть распространён, детерминирован не только отдельным словом или словосочетанием, но и предикативным распространителем, т. е. придаточным предложением. При наличии же определённой корреляции между членами предложения и частями речи вполне логично допустить, что не только любой член предложения, но и любая функционально маркированная знаменательная часть речи может быть распространена придаточным предложением. Вопрос при этом будет, по-видимому, заключаться лишь в том, сохранит или не сохранит соответствующее сложноподчиненное предложение статус предложения нерасчленённого.

Итак, является ли закрытой и полной построенная авторами Грамматики современного русского литературного языка и включённая в целый ряд вузовских учебников система нерасчленённых присловных предложений, распространяющих слово как часть речи? Наш ответ категоричен – нет, поскольку, наряду с присубстантивными и прикомпаративными придаточными предложениями, в русском языке существуют и достаточно часто функционируют такие присловные предикативные распространители, которые можно и даже нужно в зависимости от того, какому парадигматическому классу слов они синтаксически подчиняются, квалифицировать как, скажем, приглагольные, принаречные, приместоимённые и т. п. И если в качестве дифференциальных признаков рассматриваемого нами класса сложноподчинённых предложений квалифицировать обязательную сочленённость всего лишь двух основных их параметров: 1) подчинение придаточного предложения одному слову главной части и 2) невозможность хотя бы одной из частей нерасчленённого сложного предложения функционировать в качестве самостоятельной коммуникативной единицы, то класс присловных сложных предложений, распространяющих слово как часть речи, должен быть существенно расширен и представлен в полном его объёме, с включением в список опорных слов, как минимум, всех знаменательных частей речи.

На присловные предложения, непосредственно подчиняющиеся глаголу-сказуемому, лингвисты уже обращали внимание, и Ю. И. Беляев, в частности, приводит такие примеры: *Трава растёт, где хочет* и *Казак едет, куда лежит дорога* [2, с. 428]. Однако связывать такого рода конструкции только с глаголами перемещения в пространстве и движения, на наш взгляд, не следует, поскольку вполне нормативны и фразы типа *Он спит / работает / поёт, где придётся* или даже *Он пишет, кому хочет*; *Она никогда не говорит, о чём говорить не принято*. О редукции антецедента в приведенных и подобных им конструкциях говорить можно, но можно в таком случае говорить и о противоположном явлении – включении антецедента в предложения *Он спит там, где придётся* и *Она пишет тому, кому хочет*. И в том и в другом случае есть свои семантические и стилистические нюансы. Факт же непосредственного подчинения придаточной части именно глаголу главной части – налицо, а из этого, очевидно, следует возможность подчинения придаточного предложения и любой форме соответствующего глагола, как адъективной, т. е. причастию (*Человек, работающий, где придётся, карьеры не сделает*), так и адвербиальной, т. е. деепричастию (*Человек, работая, где придётся, карьеры не сделает*).

Придаточная часть нерасчленённого присловного предложения может подчиняться личному местоимению, как это имеет место, например, в предложении типа *Ты, кому я отдала свою молодость, говоришь теперь о разводе* или, скажем, в таких стихах В. В. Маяковского: *Для вас, которые здоровы и ловки, поэт вылизывал чахоткины плевки шершавым языком плаката*. И это не местоимённо-соотносительные (здесь иные отношения между местоимением и содержанием придаточной части) и не местоимённо-союзные (местоимение скрепой не является) предложения, а собственно присловные, причём такие, которые в соответствии с моделью используемой терминологии следует квалифицировать в качестве приместоимённых. А вот образец конструкции, где в качестве опорного слова главной части выступает наречие, с которым непосредственно соотносится придаточная часть: *Он жил внизу / наверху, куда спуститься / подняться можно было только по специальной лестнице*. Думается, что подобные факты речи дают нам достаточно оснований для отнесения такого рода предложений к предложениям принаречным.

К приквантитативным и приадъективным присловным предложениям как к менее продуктивным, чем приглагольные, приместоимённые и принаречные конструкты, лингвистическим фигурам следует относить нерасчленённые сложноподчинённые предложения, придаточная часть которых формально подчиняется соответственно числительному или прилагательному как членам предложения главной части, а рассматривать в этом плане можно, по-видимому, и спонтанные, даже искусственные речевые образования, если они в принципе возможны или просто не табуированы в той или иной коммуникативной ситуации. Так, высказывание типа *Семь, которое слева, чуть меньше семи, что посередине* будет и функциональным, и понятным, например, в разговоре о числе *777* как компоненте визуальной рекламы портвейна *Три семёрки*. Соотнесённость же придаточной части с прилагательным в главной части можно усмотреть как в прикомпаративных предложениях, так и, если называть соответствующие придаточные части приадъективными, что, на наш взгляд, сути дела не меняет, в предложениях, опорным словом в главной части которых является причастие.

Таким образом, при присвоении нерасчленённым присловным предложениям, распространяющим слово как часть речи, статуса особых лингвистических фигур, отдельных синтаксических конструктов, необходимо существенно расширить номенклатуру этих синтаксических образований и в соответствии с речевыми реалиями дополнить её приглагольными, приместоимёнными, принаречными и приквантитативными предложениями.

Библиографические ссылки

1. **Бабайцева В. В.** Современный русский язык. Ч. 3. Синтаксис и пунктуация / В. В. Бабайцева, Л. Ю. Максимов. – М. : Просвещение, 1987. – 256 с.
2. **Беляев Ю. И.** Синтаксис современного русского литературного языка / Ю. И. Беляев. – Херсон : ХГУ, 2003. – 496 с.
3. **Валгина Н. С.** Синтаксис современного русского языка / Н. С. Валгина. – М. : Высш. шк., 1973. – 424 с.
4. **Грамматика русского языка** / под ред. В. В. Виноградова, Е. С. Истриной. – М. : Изд-во АН СССР, 1960. – Т. 2. – Ч. 2. – 440 с.
5. **Грамматика современного русского литературного языка** / под ред. Н. Ю. Шведовой. – М. : Наука, 1970. – 768 с.
6. **Ломов А. М.** Словарь-справочник по синтаксису современного русского языка / А. М. Ломов. – М. : АСТ : Восток–Запад, 2007. – 416 с.
7. **Пономарьова Л. В.** Семантико-граматичні типи власне прислівних складнопідрядних речень : автореф. дис. … канд. філол. наук : спец. 10.02.01 «Українська мова» / Л. В. Пономарьова. – Д., 2002. – 20 с.
8. **Распопов И. П.** Основы русской грамматики. Морфология и синтаксис / И. П. Распопов, А. М. Ломов. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1984. – 352 с.
9. **Русская грамматика** / под ред. Н. Ю. Шведовой. – М. : Наука,1980. – Т. 2. – 710 с.
10. **Русская грамматика** / под ред. Н. Ю. Шведовой, В. В. Лопатина. – М. : Русский язык, 1990. – 640 с.
11. **Синтаксис современного русского языка** / под ред. С. В. Вяткиной. – СПб. : СПбГУ, 2008. – 347 с.
12. **Современный русский литературный язык** / под ред. П. А. Леканта. – М. : Высш. шк., 1988. – 416 с.
13. **Современный русский язык** / под ред. В. А. Белошапковой. – М. : Высш. шк., 1981. – 560 с.
14. **Современный русский язык** / под ред. Д. Э. Розенталя. – М. : Высш. шк. – 736 с.
15. **Українська мова.** Енциклопедія / за ред. В. М. Русанівського, О. О. Тараненка. – К. : Укр. енцикл., 2000. – 752 с.

Надійшла до редколегії 29.11.11

УДК 811.161.1'373.45

И. Н. Мозовая

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

ТИПЫ ИНОЯЗЫЧНЫХ СЛОВ В АСПЕКТЕ ТЕОРИИ МЕТАЯЗЫКА НЕОЛОГИИ (на материале современной коммерческой рекламы)

Розглянуто теоретичні проблеми, які пов'язані з виокремленням й класифікацією типів запозичених слів; визначено критерії, що дозволяють однозначно виокремити екзотизми, іншомовні вкраплення та варваризми серед інших запозичених новоутворень.

Ключові слова: іншомовні слова, класифікація запозичень, екзотизми, іншомовні вкраплення, варваризми.

Рассмотрены теоретические проблемы, связанные с выделением и классификацией типов заимствованных слов; определены критерии, способствующие однозначному выделению экзотизмов, иноязычных вкраплений и варваризмов в кругу заимствованных новообразований.

Ключевые слова: иноязычные слова, классификация заимствований, экзотизмы, иноязычные вкрапления, варваризмы.

Theoretical problems connected with singling out and classification of loan words have been looked into; criteria, enabling to differentiate exactly between exotic words, foreign inclusions and barbarisms among other loan neologisms have been developed.

Keywords: foreign words, classification of loan words, exotic words, foreign inclusions, barbarisms.

Новые явления в русском языке нашего времени во многом связаны с активизацией лексических заимствований, что определяется непосредственной обращенностью лексики к внеязыковой действительности и теми глобальными изменениями, которые в ней происходят в связи с демократизацией общества, открытого сотрудничеству с другими странами в самых различных областях деятельности, сосуществованию и обмену информацией в разных сферах.

Процессы появления и функционирования в языке заимствованных слов, их постепенной адаптации на разных уровнях языковой системы неоднократно становились объектом теоретического осмысления ученых и, прежде всего, в плане классификации заимствований-новообразований. Отметим, что по мере того как пласт заимствований пополнялся и становился все более разнообразным, а также в связи с развитием самого языкознания, классификация заимствований претерпевала различные изменения. Постепенно вводились все новые термины, и сейчас терминологический корпус, обслуживающий иноязычную лексику, включает в себя более десятка наименований: заимствования; квазизаимствования (Л. М. Баш); ксенизмы (Л. Деруа) – диаксенизмы – палеоксенизмы – экстранизмы (М. Габинский); иностранные слова, варваризмы, экзотизмы (экзотическая лексика, экзотические слова); алиенизмы (В. П. Берков); локализмы; макаронизмы; интернационализмы (интернациональная лексика, интернациональные слова); регионализмы (М. М. Маковский); иносистемные языковые единицы; иноязычные вкрапления, экстремальные заимствования (В. Г. Дружин) и т. д. Однако, как отмечают сами исследователи, терминология эта не является системной, последовательно разработанной. Постепенное накопление в языке заимствований, их разная адаптация, с одной стороны, и отмечаемая в последнее время активизация проникновения в язык иноязычных единиц, увеличение их разнообразия (этимологи-

© Мозовая И. Н., 2012

ческого, тематического, функционального) – с другой, все это приводит к сложности, разнообразию, многоуровневости пласта заимствований в русском языке.

Определения терминов сферы заимствований включают в себя такие параметры, как время заимствования и степень адаптации, функциональность использования, количественные и качественные показатели употребительности. Но сопоставление определений показывает, что лингвисты используют разные параметры для одного терминологического наименования, и, как результат, одним термином нередко называются различные пласты заимствованных единиц, либо, наоборот, для наименования определенного круга заимствований используются разные термины.

В настоящей статье предпринята попытка систематизировать существующие подходы к пониманию наиболее употребительных терминов, использующихся для номинации разных типов заимствованной лексики, и выработать более или менее надежные критерии для отграничения применяемых номинаций. В качестве иллюстративного материала привлекаются контексты, репрезентирующие язык современной коммерческой рекламы, размещенной на страницах так называемых «глянцевых» журналов.

Анализ лингвистических работ выявляет в первую очередь смешение таких терминов, как *варваризм*, *экзотизм*, *иноязычное вкрапление*, что свидетельствует об отсутствии единого подхода к критериям для номинации этих разнородных явлений. Рассмотрим отмеченные понятия, начав с определения экзотизмов.

Экзотизмы – это национальные названия предметов быта, одежды, обычаев, обрядов того или иного народа, той или иной страны. Попадая в язык-реципиент, они обычно бывают освоены грамматически и фонетически русским языком и передаются на письме средствами русской графики, но сохраняют национальные языковые черты и функционируют как обозначения уникальных, не имеющих аналогов в принимающем языке явлений. Их смысловая функция заключается в передаче колорита исконной культуры носителей языка. Признаками экзотической лексики являются: отнесенность к национальной реалии, ее уникальность, отсутствие синонимов в принимающем языке, высокая степень обусловленности культурой нации.

Как известно, на природу «экзотизма» существуют разные точки зрения в лингвистической литературе. Одна группа ученых считает, что в основе выделения экзотизмов из иноязычной лексики лежит только внешнесистемный признак [2; 22 и др.] – отнесенность реалии к чужой жизни, культуре. Другая часть лингвистов не учитывает внешнесистемный признак, а анализирует «экзотизмы» только в ряду противопоставлений: экзотизмы – освоенные заимствования [15] и др.).

В работах Л. П. Крысина [8; 9] учитываются оба признака экзотической лексики (внешнесистемный и их неосвоенность в языке-реципиенте). Разделяя по степени освоенности заимствованные слова (= освоенные) и экзотизмы (= неосвоенные), Л. П. Крысин пишет, что «слово не может быть заимствовано раньше, чем предмет, им обозначаемый» [9, с. 89], в то же время, экзотизм с заимствованием предмета может стать заимствованным словом [8, с. 50]. Однако здесь нужно оговорить один существенный момент. Характеризуя экзотизмы, Л. П. Крысин пишет, что они, «хотя и переданы русской графикой, представляются чуждыми для носителей языка» [8, с. 39]. Надо заметить, что «чуждость» собственно экзотизмов, обусловленная их природой, связана с семантической недоосвоенностью, не столько выраженной в затененности денотата, сколько с этнокультурным (культурно-национальным, культурным) компонентом лексического значения, компонентом, который «опирается на особые фоновые знания о реалиях и фрагментах действительности, свойственных тому или иному народу или культурной общно-

сти тех или иных народов» [21, с. 63], и который в заимствовании-экзотизме маркирован отнесением к жизни других народов. Маркированность по этнокультурному компоненту лексического значения и выделяет экзотизм в ряду иноязычных заимствований как единицу, используемую функционально – при описании явлений, отсутствующих в жизни русских, и для передачи, создания местного колорита.

Проводником новых экзотизмов в наши дни чаще всего служат рекламные публикации в глянцевых журналах, посвященные путешествиям в разные страны. Новые экзотизмы, попадая в русскоязычную рекламу, чаще всего сопровождаются пояснительным комментарием, в то время как известные экзотизмы подаются без пояснений. См., например, фрагменты рекламы а) д у х о в: «*Первая капелька Girl 2 на твоей коже раскрывается трепетным ароматом спелого манго и пикантностью* ***юзу*** *(это кислый японский фрукт с очень ароматной коркой). Затем у экзотического фруктового коктейля появляется аромат маракуйи...»* (Cosmo, № 8, 2006, с. 14); б) м а с с а ж а: «*Кисть руки (по-корейски «су») и стопа («джок») – это миниатюрные модели тела. На них располагаются биологически активные точки, соответствующие внутренним органам. Раздражая чудо-точки, можно стимулировать работу органов. Система такого точечного лечения, как ты догадываешься, называется* ***су-джок***» (Cosmo, № 8, 2006, с. 146); в) л а к о м с т в а: «*Малолетних домочадцев можно порадовать уникальным грузинским «сникерсом» –* ***чурчхелой*** *– «позвоночникообразной» сладостью из лесных орехов, залитых янтарно-рубиновой «смолой» из сваренного с мукой виноградного сока*» (MINI, № 9, 2004, с. 168) (полужирным курсивом выделены новые экзотизмы, подчеркиванием – уже известные. – *И. М.*) и т. д.

Термин *и н о я з ы ч н о е в к р а п л е н и е* широко используется в лингвистической литературе последних лет [10; 8; 13; 18; 19 и др.]. К иноязычным вкраплениям ученые относят «незамкнутые группы слов» чужого языка, употребление которых обусловлено «степенью знакомства говорящего с иностранным языком, некоторыми стилистическими или жанровыми особенностями речи» [8, с. 46]. В отличие от лексических заимствований, иноязычные вкрапления «не принадлежат системе использовавшего их языка, но функционируют в качестве более или менее связанных с лексическим и грамматическим строем этого языка единиц» [8, с. 49].

Термин *иноязычное вкрапление*, введенный А. А. Леонтьевым, «в общенародном языке помогает раскрыть суть обозначаемого им лингвистического явления: слово «вкрапление» образовано от глагола *вкрапить*, перен. – поместить, вставить куда-нибудь отдельными кусками, частями (словарь Д. Ушакова)» [12, с. 11]. Ю. Т. Листрова подчеркивает, что, находясь за пределами русского языка, иноязычные вкрапления-лексемы представляют собой не заимствованную, а использованную лексику чужого языка в русской речи, в отличие от русской лексики иноязычного происхождения, не являются фактами русского языка, не входят в его словарный состав и поэтому, как правило, не отражаются в словарях русского языка [12]. Исследователь обращает внимание на то, что термин *иноязычное вкрапление* обозначает иноязычные явления разного «объема» (от звука до куска связного текста в несколько страниц), включенные как инородные тела в речь билингвов» [12, с. 3–18]. То, что заимствованные языковые единицы первоначально фигурируют в качестве иноязычных вкраплений в речи билингвов, подтверждается и социолингвистическими исследованиями иноязычных новаций: «наиболее проницаемыми для заимствований оказываются прежде всего группы билингвов (или полилингвов), по роду своей профессиональной деятельности связанные с непосредственными внешними контактами в экономике (бизнесе) и политической сфере» [5, с. 139]. Фактор билингвизма в процессе заимствования ранее выделял

как общепризнанный и Л. П. Крысин, выражая и собственное мнение: «Знакомство с передающим языком, некоторый минимум двуязычия – главное условие лексического заимствования» [8, с. 32].

Кладя в основу применения термина *иноязычное вкрапление* принцип билингвизма пользователя, Ю. Т. Листрова-Правда и ее последователи относят к иноязычным вкраплениям не только полные (вставленные в русскую речь без изменений) и частичные (ассимилированные в той или иной мере), но и контаминированные (русско-иноязычные) вкрапления. В. М. Феоктистова также отмечает, что иноязычное вкрапление может быть не только текстовым, внутрисинтагматическим, но и внутрисловным. В последнем случае буквы приобретают знаковые свойства и вносят дополнительное значение в общую семантику высказывания: «Sветская хроника» (Комсомольская правда) [23, с. 10].

Следует отметить, что контаминированные и внутрисинтагматические вкрапления достаточно часто используются в рекламе, являясь действенным средством привлечения внимания читателя, см., например, слоган рекламы электронной карты банка «Союз» для молодежи: «*Он не просто тратил деньги – он делал это как союз**nick***!» (JOY, № 8, 2006, с. 35). Приведем также ряд примеров контаминированных вкраплений, типичных для русскоязычной рекламы: «***Beaty**-гурмания. Гурманкой можешь ты не быть, но баловать свою кожу всякими лакомствами обязана … угости свое личико сывороткой Cellular elixir от Lancaster с экстрактами цитрусовых и кофе…*» (MINI, № 8, 2006, с. 26); «*Маска Masque Magique от Christian Dior. …содержащиеся в маске питательные вещества обеспечат твоей коже правильный **beaty**-рацион*» (MINI, № 8, 2006, с. 140); ср. также: «***Бьюти**-приемы обольщения*» (Cosmo, 09/05); «*Самая модная. Среди горячих **hair**-тенденций-2006 – длинные локоны, прямые у корней, шиньоны в стиле 60-х, конские хвосты и холодная волна*» (Cosmo, № 8, 2006, с. 134); и др. Особенно активно в контаминированных включениях, отмеченных в «эталонных» рекламных текстах, используется аббревиатура ***SPA***: *spa-программа, SPA-ритуалы, SPA-курорт, SPA-технологии* и т. д.

Гибриды, образованные путем соединения аббревиатуры или лексемы, написанных латиницей, и слова в кириллической графике, являются яркой приметой терминологии сферы высоких технологий (компьютерная техника, радио-, видеотехника, мобильные телефоны и т. п.) и совершенно закономерно присутствуют в рекламе соответствующей техники, например: *3G-мобильник, TFT-дисплей, TV-выход, TransFlash-карта, Qwerty-клавиатура, VGA-камера* и др. Ср.: «*Smart Wireless Devices представляет новую оригинальную **Bluetooth**-гарнитуру SBH-770*» (*Тз*, № 8, 2006, с. 36); «*Мистер Тончунг Samsung 2540. Это самый тонкий в мире **3G**-телефон, оснащенный внутренним 2,3-дюймовым экраном **QVGA**-разрешения…*» (*Тз*, № 8, 2006, с. 46); «*…Вам удобно использовать холодильник как доску объявлений и галерею семейных фотографий? Через **USB-порт** можно загрузить в него оцифрованную информацию…*» (Натали, № 8, 2006, с. 14).

Нередко в работах лингвистов понятие «иноязычное вкрапление» включает в себя языковые явления, различные с точки зрения функционирования, условий возникновения и проникновения в русскую речь, то есть используется очень широко.

Т. Н. Новикова перечисляет следующие адаптационные признаки иноязычных вкраплений, выдвигаемые разными исследователями:

– неосвоенность (Крысин, Берков, Голуб), причем на первом плане может быть а) графическая неосвоенность (Крысин), б) грамматическая неассимилированность (Берков);

– иносистемность – более широкое понятие, включающее не только неосвоенные иноязычные единицы, но и единицы русского языка, использованные не по

правилам русской языковой системы (Леонтьев, Листрова-Правда, Олейникова, Скребов, Шагалова);

– иноязычная и русскоязычная графика (Леонтьев, Крысин 1968, Берков, Листрова-Правда, Голуб, Шагалова);

– иноязычная графика (Крысин 1991);

– семантическая несамостоятельность (Листрова-Правда, Олейникова, Скребов, Шагалова) [16, с. 40–42].

Особо следует отметить, что при определении иноязычных вкраплений адаптационный параметр – неосвоенность – лингвистами ставится на первое место. Основные функциональные параметры употребления этого термина связаны с чужеродностью материала. Следует отметить, что использование иноязычных вкраплений окказионально, всегда привязано к контексту, как правило, сопровождается текстовыми средствами выделения информации и пояснениями; они не фиксируются в словарях.

Термин *в а р в а р и з м*, или «барбаризм», используется для обозначения иноязычной лексики еще с начала XVIII века. Т. В. Новикова отмечает, что впервые его употребление зафиксировано в словаре Ф. Поликарпова в 1704 году: Варваризмъ, barbarismus, и до настоящего времени этот термин остается широко востребованным в лексикологии [16, с. 42].

Общий подход, без конкретизации, к термину ***варваризм*** – обозначение им в разной степени неусвоенного иноязычного материала в противовес усвоенным заимствованиям – отражен в статье Л. П. Крысина: «Не всякое иноязычное слово, употребляемое в речи, может считаться заимствованием, т. е. элементом, необходимым в системе языка и связанным с нею. Заимствованным считается слово, удовлетворяющее некоторым условиям внутриязыкового (отсутствие семантических дублетов на лексическом уровне и употребительность не менее чем в двух разных речевых жанрах) и внешнего порядка (слово не может быть заимствовано раньше, чем предмет, им обозначаемый). Большое число иноязычных слов, встречающихся в речи, но не удовлетворяющих названным условиям, является варваризмами» [9, с. 89–90].

Давняя традиция считать варваризмами чуждые языковой системе элементы, противопоставляя их освоенным, принадлежащим системе языка, отражала самое широкое понимание этого термина.

Сейчас в лингвистических работах разрабатывается конкретизация стадий освоения заимствований, и понятие «варваризм» сужается. Адаптационный параметр теперь уже включает в себя несколько противопоставлений варваризмов и других терминов по степени освоенности соответствующих языковых единиц. Однако все лингвисты, использующие этот термин, называют варваризмами слова и выражения, не освоенные языком (Крысин, Реформатский, Калинин, Шанский, Фомина, Брагина, Кузнецова, Голуб, Колесов); не закрепившиеся в языке [26]; не вошедшие в язык [6]. В качестве особых примет неосвоенности варваризмов называются следующие:

– отсутствуют в словарях (Калинин, Голуб, Рахманова и Суздальцева);

– передаются не только в русскоязычной, но и в иноязычной графике (Реформатский, Крысин, Калинин, Шанский, Фомина, Касаткин, Рахманова и Суздальцева, Колесов, Костомаров);

– передаются только в иноязычной графике (Арапова, Баш);

– низкая частотность употребления варваризмов отражает степень их неосвоенности в языке и включает следующие характеристики: ограниченное употребление в зависимости от специфики ситуации (Крысин); индивидуальный характер употребления (Голуб); употребление лишь отдельными группами говоря-

щих (Шмелев); окказиональное употребление (Крысин, Голуб); окказиональное и регулярное употребление (Калинин); более или менее регулярное употребление (ЛЭС); находятся на стилистической периферии языка (Гак). Прогнозы употребительности на будущее, представляемые авторами, прямо противоположны: со временем могут закрепиться в языке (Шанский, Голуб), со временем полностью выходят из употребления (Шмелев) [16, с. 44–45].

Таким образом, важная особенность варваризмов состоит в том, что они не освоены языком-рецептором и не зафиксированы в словарях, имеют иноязычное написание, которое «нарушает «чистоту» речи» [17, с. 68]. Однако в отличие от иноязычных вкраплений, всегда сохраняющих графику языка-источника, варваризмы могут передаваться и кириллицей, что не меняет их характера. Варваризмы, по мнению С. В. Гринева, не называют иностранных реалий, имеют соответствия в принимающем языке и легко могут быть переведены, но это нецелесообразно [4, с. 167].

При различении понятий «иноязычное вкрапление» и «варваризм» наиболее ярко прослеживается несогласованность подходов лингвистов, которая выражается в том, что эти термины могут употребляться и как эквиваленты, и как соотнесенные между собой гипонимы, а также в том, что они могут синонимизироваться с другими обозначениями. Так, наряду с термином *иноязычное вкрапление* (не всегда в качестве его эквивалентов) в литературе применяются и иные: *варваризм* [3; 14; 23; 25], *экзотизм-вкрапление* [1] и др. Н. М. Шанский и В. Н. Вакуров употребляют в своих работах термин *варваризм* вместо термина *иноязычное вкрапление*, Д. С. Лотте [14] считает, что термины *варваризм* и *иноязычное вкрапление* не синонимичны, так как термин *иноязычное вкрапление* целесообразнее применять для окказионального употребления иностранных слов в русской речи (в нерусской графике), варваризмы не имеют регулярного употребления в закрепленных за ними функциональных сферах; В. М. Феоктистова [23] рассматривает варваризмы как часть иноязычных окказиональных вкраплений. Иноязычные вкрапления иногда рассматриваются как предшественники варваризмов: «На первых ступенях заимствованные слова чужого языка могут употребляться в текстах заимствующего языка в качестве иноязычных вкраплений, сохраняя свой иноязычный облик, а если они (обычно это проявление моды) получают более или менее регулярное употребление, то их называют варваризмами» [11, с. 158]. Некоторые ученые вообще предлагают отказаться от понятия «варваризм» в пользу понятия «иноязычное вкрапление», исходя из того, что термин *варваризм* в русском языке имеет отрицательную коннотацию за счет сем ‘пренебрежительное’ (стилистическая сема), ‘невежественный’, ‘грубый’, ‘жестокий’ (содержательные семы), имеющихся в семантике производящей основы *варвар-*. Поэтому предпочтительнее термин *иноязычные вкрапления*, он составной по своей структуре и отражает более точно сущность понятия» [20, с. 313].

Мы исходим из того, что *варваризм* – это особая заимствованная единица. Для рационального разграничения терминов *варваризм*, *иноязычное вкрапление* и *экзотизм* и стоящих за ними понятий Т. В. Новикова предлагает рассмотреть, прежде всего, соотнесенность данных терминов с соответствующими группами заимствуемой лексики. По наблюдениям исследовательницы [16, с. 48–50], наиболее полно сопоставляются термин *экзотизм* и группа выделяемой экзотической лексики. Термины *иноязычное вкрапление* и *варваризм* не имеют устойчивого соотнесения с какой-либо определенно выделяемой в неосвоенной заимствованной лексике группой. В использовании термина *экзотизм* превалирует функциональный план применения, для терминов *иноязычное вкрапление* и *варваризм* преимущественным является адаптационный план. Широкие адаптационные границы

экзотизмов (от полностью усвоенных до неосвоенных, окказионально используемых) и функциональные параметры иноязычных вкраплений и варваризмов, а также возможность объединения применительно к одному слову двух параметров, позволяют сделать вывод, что слово, употребленное функционально как экзотизм, в адаптационном плане может быть варваризмом или иноязычным вкраплением.

Таким образом, следует противопоставлять термины *иноязычное вкрапление* и *варваризм* по критерию освоенности, но не противопоставлять их *экзотизмам*, а использовать параллельно для более точной, двуплановой классификации заимствований.

В свою очередь, при сопоставлении иноязычных вкраплений и варваризмов следует учитывать, что оба термина применяются по отношению к неосвоенным заимствованиям как обозначение некой стадии, предшествующей освоению лексической единицы, ср.: «все лексические заимствования из других языков, прежде чем войти в словарный состав языка, прошли стадию иноязычных вкраплений» и другое: «практически все заимствования, прежде чем войти в постоянный состав лексики, какое-то время были варваризмами» [13, с. 13].

В вопросе стадиальности заимствования важен фактор пользователя: «в основе своей это процесс, протекающий в каждом отдельном двуязычном носителе, а уж затем он переносится в сферу общественного поведения» [24, с. 344].

Относительно собственно терминов *иноязычное вкрапление* и *варваризм* отметим, что только у первого есть четкий определяющий критерий – иноязычные вкрапления вводятся в речь билингвами. Варваризмы же такой маркировки не имеют. Относительно описываемых этими терминами категорий следует заметить, что в отличие от иноязычных вкраплений, которые включают и отрезки текста разной величины, под варваризмами подразумеваются меньшие иноязычные сегменты – слова и словосочетания, – именно те элементы, которые могут войти в лексический состав языка.

Далее отметим, что, помимо большого количества иноязычных элементов, употребляющихся в речи билингвами (полилингвами), в языке существует крупный пласт неосвоенных заимствований, которые, однако, активно употребляются и людьми, говорящими только на одном языке, что говорит о большей их распространенности и, следовательно, о большей степени освоенности в языке. Многие такие заимствования настолько употребительны, что образуют дериваты (например, словообразовательные: *пейджинг – пейджинговый* или семантические: *телефакс* / *факс* как аппарат для передачи сообщений и, впоследствии, переданное таким образом сообщение).

Очевидно, что в языке существует пласт иноязычных языковых единиц, подвергшихся большей адаптации, чем иноязычные вкрапления, но которые все же не являются усвоенными, и этот пласт требует своего определения. Использование термина *варваризм* в целом отвечает классификационным запросам корпуса такой лексики – общепринято обозначать им неосвоенные заимствования, не маркированные отнесением к пользователю-билингву.

Вслед за Т. В. Новиковой, мы принимаем следующее определение варваризма: *варваризмы* – это иноязычные единицы любой функционально-стилистической направленности, в адаптационном плане вышедшие за пределы иноязычных вкраплений (показатель – использование не только билингвами, но и монолингвами), но еще не вошедшие в систему языка, не ставшие его полноправными членами (показатель – не зафиксированы в нормативных академических словарях) [16, с. 58].

На стадии варваризма происходит освоение фонетического, графического, грамматического, семантического планов слова, поэтому для варваризма харак-

терна соответствующая вариантность (в произношении и написании: *серфинг – сёрфинг*, написании: *секонд хэнд – second hand*, *плейер – плэйер – плеер*; в понимании: *ксерокс* – любой копировальный аппарат или только фирмы «Xerox»); на этой стадии слово фиксируется в неологических словарях и справочниках и в словарях иностранных слов.

Варваризмы (как и иноязычные вкрапления-лексемы или иностранные слова) могут иметь экзотическую окраску (*сабвей* «подземная железная дорога, метро в США», *пентхаус* «в США жилая пристройка на плоской крыше» [7]) или представлять собой нейтральные номинации (*гамбургер, памперсы, шоп*), включать в себя специальную, терминологическую лексику (*саммит, мониторинг, вэб-сайт / web-сайт / web site*).

Как мы уже отмечали, в языке современной коммерческой рекламы, наряду с освоенными заимствованиями, возможны все типы рассмотренных иноязычных слов. В некоторых случаях рекламный текст может одновременно репрезентировать разнотипную иноязычную лексику, как, например, реклама фирменного коктейля клуба IKRA: «*Западные* ***стандарты*** (заимствование) *клубной* ***индустрии*** (заимствование)*: лучшие* ***диджеи*** (варваризм)*, прекрасный звук, несколько залов,* ***трэш-гламурный*** (варваризм) ***дизайн*** (в значении «художественное оформление интерьера» – переосмысление заимствования)*. Здесь как дома собираются деятели* ***видеоарта*** (варваризм)*,* ***киноманы*** (неологизм-сложение на основе иноязычных компонентов *кино- + …ман*) *и театральные* ***артисты*** (заимствование)*. Фирменный* ***коктейль*** (заимствование) *«Стальные яйца» (****ликер*** (заимствование) ***калуа*** (экзотизм)*,* ***текила*** (экзотизм)*,* ***лайм*** (экзотизм)*) – 210 руб. Концерт* ***FRONT LINE ASSEMBLY*** (иноязычное вкрапление) *(Канада) – 30 августа в 22:00*» (Cosmo, № 8, 2006, с. 161).

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1) изучение и описание явления заимствования из других языков в настоящее время характеризуется отставанием теоретической базы исследования, что практически выражается в отсутствии единого подхода к систематизации иноязычной лексики и терминоупотреблению при ее описании. Наибольшие разногласия с этой точки зрения вызывает неосвоенная (недоосвоенная) иноязычная лексика. Особо отличаются несогласованностью использования термины *экзотизм – иноязычное вкрапление – варваризм*, как по своим собственным характеристикам, так и в сопоставлении друг с другом, где наблюдается их смешение;

2) экзотизм в ряду иноязычных заимствований выделяется по соотнесенности с этнокультурным компонентом лексического значения как единица, используемая функционально – при описании явлений, отсутствующих в жизни русских, и для передачи, создания местного колорита;

3) при определении иноязычных вкраплений на первое место ставится адаптационный параметр – полная неосвоенность, начиная с графического уровня. Иноязычные вкрапления, будучи фактами использования лексики чужого языка в русской речи, не являются фактами русского языка, не входят в его словарный состав и поэтому, как правило, не отражаются в словарях русского языка;

4) характерными чертами варваризмов как иноязычных единиц, в адаптационном плане вышедших за пределы иноязычных вкраплений, можно считать использование их монолингвами, неосвоенность принимающим языком, возможность существования как в графике языка-источника, так и в графике языка-реципиента. Варваризмы на общеязыковом уровне отличаются также фонетической и грамматической вариативностью и различной степенью отнесения их пользователями к основному лексическому фонду русского языка.

Перспективу исследования составляет изучение вопроса о том, насколько оправданно использование различных типов иноязычных слов в языке современной русскоязычной рекламы с точки зрения их информативности и социокультурной значимости.

Библиографические ссылки

1. **Берков В. П**. Вопросы двуязычной лексикографии : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / В. П. Берков. – Л., 1971. – 43 с.
2. **Берков В. П.** Двуязычная лексикография / В. П. Берков. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Астрель. АСТ. Транзиткнига, 2004. – 236 с.
3. **Вакуров В. Н.** Иноплеменные слова в современной российской публицистике: Язык печати, радио, телевидения / В. Н. Вакуров // Вестник Московск. ун-та. Сер. 10. – 1993. – № °4. – С. 24–36.
4. **Гринев С. В.** Введение в терминоведение / С. В. Гринев. – М. : Московский лицей, 1993. – 309 с.
5. **Какорина Е. В.** Иноязычное слово в узусе 90-х годов (социолингвистическое исследование) / Е. В. Какорина // Русский язык сегодня / отв. ред. Л. П. Крысин. – М., 2000. – С. 137–156.
6. **Касаткин Л. Л.** Лексикология / Л. Л. Касаткин // Краткий справочник по современному русскому языку / под ред. П. А. Леканта. – М. : Русский язык, 1995. – С. 8–66.
7. **Комлев Н. Г.** Словарь новых иностранных слов (С переводом, этимологией и толкованием)./ Н. Г. Комлев. – М. : Изд-во МГУ, 1995. – 144 с.
8. **Крысин Л. П.** Иноязычные слова в современном русском языке / Л. П. Крысин. – М. : Наука, 1968. – 208 с.
9. **Крысин Л. П.** О новых иноязычных заимствованиях в лексике современного русского литературного языка / Л. П. Крысин // Вопросы культуры речи. – Вып. 5. – М., 1964. – С. 71–90.
10. **Леонтьев А. А.** Иноязычные вкрапления в русскую речь / А. А. Леонтьев // Вопросы культуры речи. – Вып. 7. – М., 1966. – С. 60–68.
11. **Лингвистический энциклопедический словарь** / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.
12. **Листрова Ю. Т.** Иносистемные языковые вкрапления в русской художественной литературе XIX века / Ю. Т. Листрова. – Воронеж, 1979. – 155 с.
13. **Листрова-Правда Ю. Т.** Отбор и употребление иноязычных вкраплений в русской литературной речи XIX века / Ю. Т. Листрова-Правда. – Воронеж, 1986. – 142 с.
14. **Лотте Д. С.** Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминоэлементов / Д. С. Лотте. – М. : Наука, 1982. – 148 с.
15. **Мартынек В. Д.** К вопросу о лексико-семантической ассимиляции английских слов в современном русском литературном языке / В. Д. Мартынек // Вопросы истории и методики преподавания иностранных языков. – Вып. 2. – Днепропетровск, 1970. – С. 36–37.
16. **Новикова Т. В.** Англо-американские заимствования-варваризмы в современном русском языке: 1990-е годы : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Т. В. Новикова. – СПб., 2003. – 182 с.
17. **Ожегов С. И.** Лексикология. Лексикография. Культура речи / С. И. Ожегов. – М. : Высш. шк., 1974.
18. **Олейникова О. Н.** Иноязычные вкрапления в русской литературной речи советской эпохи (с 1917 по 1940 год) : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.01 «Рус. язык» / О. Н. Олейникова. – Воронеж, 1992. – 23 с.
19. **Скребов Г. Н.** Иноязычные вкрапления в послевоенной художественной литературе : дис. … канд. филол. наук : 10.02.01 / Г. Н. Скребов. – Воронеж, 1997. – 163 с.
20. **Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц** : в 2 ч. – Ч. 1 / под ред. Е. И. Дибровой. – М. : Изд. центр «Академия», 2001. – 544 с.
21. **Солодуб Ю. П.** Структура лексического значения / Ю. П. Солодуб // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. – М., 1997. – № 2. – С. 220–226.

22. **Супрун А. Е.** Экзотическая лексика / А. Е. Супрун // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. – М., 1958. – № 2. – С. 51–54.
23. **Феоктистова И. М.** Иноязычные заимствования в русском литературном языке 70–90-х годов XX века : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 «Рус. язык» / И. М. Феоктистова. – Тверь, 1999. – 20 с.
24. **Хауген Э.** Процесс заимствования / Э. Хауген // Новое в лингвистике. Языковые контакты. – Вып. 6. – М. : Прогресс, 1972. – С. 344–382.
25. **Шанский Н. М.** Лексикология современного русского языка / Н. М. Шанский. – 2-е изд., испр. – М. : Просвещение, 1972. – 327 с.
26. **Шмелев Д. Н.** Современный русский язык: Лексика / Д. Н. Шмелев. – М. : Просвещение, 1977. – 335 с.

Надійшла до редколегії 10.12.11

УДК 811.161.1'373.46

О. В. Нашиванько

Днепропетровская медицинская академия

ЯЗЫК СПЕЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ В АСПЕКТЕ СООТНОШЕНИЯ В НЕМ ЕСТЕСТВЕННОГО И ИСКУССТВЕННОГО НАЧАЛ (на материале терминосферы медицинской косметологии)

Розглянуто питання про співвідношення природного та штучного у мові спеціальної комунікації: висвітлено основні теоретичні положення, на матеріалі підмови медичної косметології визначено пріоритетні зони штучної номінації, які проілюстровано відповідними прикладами.

Ключові слова: мова професійної (спеціальної) комунікації, терміни, професіоналізми, номенклатура, природне й штучне у номінації спеціальних понять.

Рассмотрен вопрос о соотношении естественного и искусственного начал в языке специальной коммуникации: освещены основные теоретические положения, на материале подъязыка медицинской косметологии определены приоритетные зоны искусственной номинации, проиллюстрированные соответствующими примерами.

Ключевые слова: язык профессиональной (специальной) коммуникации, термины, профессионализмы, номенклатура, естественное и искусственное в номинации специальных понятий.

The question about correlation of natural and artificial beginnings in the language of special communication has been studied. The main theoretical statements have been described on the material of medical cosmetology sublanguage. The priority areas of artificial nomination illustrated by appropriate examples have been determined.

Keywords: language of professional (special) communication, terms, professionalisms, nomenclature, nature and artificiality in nomination of special concepts.

Понятие «язык специальной (профессиональной) коммуникации» (ЯСК/ЯПК) тесно связано с вопросом о социальной дифференциации языка, традиционно выступающим одной из центральных проблем лингвистики. В основе решения этой проблемы лежит идея о том, что все средства языка распределены по сферам общения и само выделение этих сфер имеет социальную обусловленность.

По мнению Е. И. Головановой, в самом общем виде в функционировании языка можно выделить две основные сферы – сферу бытового, повседневного общения людей и сферу профессионального (специального, специализированно-

© Нашиванько О. В., 2012

го) общения [1, с. 42]. Между этими сферами имеются принципиальные отличия. Общение в быту не носит вполне осознаваемого целенаправленного характера, это общение преимущественно включено в комплекс бытовых повседневных отношений, направленных на поддержание и удовлетворение прежде всего социобиологических потребностей человека: это общение человек воспринимает естественным образом, учится ему постепенно. Е. И. Голованова определяет повседневное общение как коммуникативный микромир человека, имеющий индивидуально-центрический характер [1, с. 43]. Общение же в профессиональном коллективе институционально включено в соответствующую деятельность, а значит, характеризуется целенаправленностью и в связи с этим имеет ряд ограничений в использовании языковых средств. Это социально обусловленное и социально ориентированное коммуникативное пространство. Профессиональное общение требует специальной подготовки (обычно в рамках формального обучения профессии – в специальном образовательном учреждении).

Специфика общения в сфере профессиональной деятельности закономерно приводит к тому, что эта сфера обслуживается специальным языком – языком профессиональной коммуникации, отличным от языка обыденного общения. Языки профессиональной коммуникации, являющиеся основным средством, материалом и в то же время предметным результатом коммуникативной деятельности людей в специальных сферах, представляют собой социально ограниченные функциональные разновидности национального литературного языка, получившие в современной лингвистике различные обозначения: *специальный язык, язык для специальных целей, подъязык, язык науки, язык специальной коммуникации, функциональный стиль* и др. (см. об этом: [11]). Мы в нашем исследовании пользуемся терминами *язык специальной коммуникации* и *язык профессиональной коммуникации* как равнозначными.

Под языком профессиональной коммуникации (ЯПК), вслед за Е. И. Головановой, мы понимаем автономную, хотя и не искусственно обособленную систему в рамках естественного (этнического) языка. Эта система «демонстрирует потребность носителей данного языка в “оязыковлении” специальной информации, полученной в ходе целенаправленной деятельности человека и отражающей особенности его восприятия объектов, их связей и отношений и специфику сложившейся сферы коммуникации» [1, с. 46].

Если говорить о разновидностях ЯПК, то количество данных языков будет соответствовать общему числу сфер деятельности в обществе: право, политика, медицина, торговля, образование, управление, промышленность и т. д. Иными словами, правомерно говорить о языке профессиональной коммуникации в сфере права, политики, медицины и т. д. «Это именно профессиональный язык, а не язык отдельной специальности, это комплекс языковых средств, обслуживающих определенную профессиональную область» [1, с. 47].

Данная статья посвящена рассмотрению вопроса о соотношении естественного и искусственного начал в языке профессиональной коммуникации, одной из разновидностей которого является активно развивающийся в наши дни подъязык медицинской косметологии.

Как известно, язык профессиональной коммуникации неоднороден по своему составу, в нем вычленяется несколько страт, в зависимости от степени информационной содержательности и кодифицированности используемых здесь единиц: терминология, устная профессиональная лексика, профессиональные жаргонизмы, номенклатура.

Ядро ЯПК составляет терминология, его околоядерную зону – терминолексика, еще не приобретшая статус термина: предтермины (терминоиды), устная

профессиональная лексика (профессионализмы и профессиональные жаргонизмы), на периферии располагается номенклатура. Все страты, составляющие язык специальной коммуникации, различаются денотативным составом. Если термины и профессионализмы – это обозначения обобщенных денотатов: предметов, явлений и отношений, то профессиональные жаргонизмы могут обозначать также и единичные предметы и явления. Что касается номенклатуры, то это обозначения единичных или же серийных (массовых) предметов и явлений, воспринимаемых как единичные.

Внутри каждого из этих классов единиц обнаруживаются сложные связи и отношения, которые составляют предмет самостоятельного исследования. В рамках же данной статьи предварительная краткая характеристика единиц номинации в сфере специальной коммуникации необходима нам в связи с вопросом о соотношении в ЯПК естественного и искусственного начал, рассмотрение которого позволит уточнить суть взаимосвязи и взаимообусловленности единиц, репрезентирующих структуры обыденного сознания, и единиц, объективирующих научно-профессиональные знания. Остановимся на этой стороне ЯСК более подробно.

В терминоведческих работах конца XX ст. термин и терминологию часто противопоставляют единицам естественного языка, тем самым подчеркивая особое, «неестественное» происхождение данных единиц. Проблема соотношения естественного и искусственного в языке – это, прежде всего, вопрос о степени рационального воздействия человека на возникновение, развитие и функционирование языковых единиц. Под естественным развитием языка принято понимать языковые изменения, обусловленные процессами его саморегуляции и самоорганизации. Язык при таком подходе рассматривается как сложная самоорганизующаяся система, обслуживающая потребности языкового коллектива (социума). Искусственное начало в языке предполагает «активность человека, вторгающегося в языковую действительность, упорядочивающего, преобразующего или выстраивающего ее заново в соответствии со специфическими задачами, решение которых необходимо для нужд познания и коммуникации» [2, с. 4]. Таким образом, искусственное начало связано с потребностью относительного ограничения возможностей языковой системы, обусловленного особыми задачами познания и коммуникации.

Предельное выражение искусственного начала в языке обнаруживается в создании искусственных языков, противопоставленных естественным. Под естественным языком обычно понимают этнический язык с его нежесткой организацией, в результате которой он обладает бесконечными возможностями для обозначения объектов окружающего мира. Искусственный язык – это целенаправленно созданная человеком знаковая система, в той или иной мере соотносимая с естественным языком и использующая его возможности [1, с. 50]. В составе искусственных языков выделяют две основные категории: 1) искусственные аналоги естественных языков, предназначенные для межэтнического общения: эсперанто, идо, волапюк и др.; 2) специализированные искусственные языки, связанные преимущественно с профессиональной деятельностью по передаче, приему и переработке информации (информационно-поисковые языки, языки программирования, информационно-логические языки) (см. об этом: [9, с. 185–198]). По мнению Е. И. Головановой, в современном мире наблюдается тенденция к сокращению естественных языков, в то время как количество искусственных языков постоянно растет. Происходит, как считает исследователь, расширение зоны искусственного начала в средствах коммуникации, что обусловлено растущими потребностями усложняющегося мира в экономной и рациональной информации [1, с. 50–51].

В современных естественных языках с проявлением рационального начала связано установление принципов языковой политики, практика кодификации

языковых систем (в частности, литературного языка), создание вспомогательных систем машинного общения и др. Разные уровни языка, по мнению лингвистов, обладают различной степенью проницаемости для внешнего воздействия: менее всего им подвержен грамматический уровень, наиболее проницаем для человеческого влияния лексический уровень языка [1, с. 51]. Именно с ним связано использование в лингвистике понятия «искусственная номинация». По признанию ряда исследователей, приоритетными зонами искусственной номинации являются научная терминология и номенклатура [2; 6; 9; 12 и др.].

В терминологической литературе проблема соотношения естественного и искусственного начал обычно сближается с проблемой стихийности или сознательности создания единиц терминологической номинации. Очевидно, что наиболее «естественное» происхождение и бытование демонстрируют профессионализмы как единицы устной профессиональной коммуникации. Подобно словам естественного языка, они возникают свободно, без особых ограничений и почти всегда содержат в своей семантике некий конкретно-чувственный образ, хотя обозначают не только конкретные специальные предметы, но и отвлеченные специальные понятия [1, с. 55]. Появление таких единиц в рамках профессиональной коммуникации связано со стремлением преодолеть невыразительность, стертость, непонятность имеющегося наименования, заменить его на экспрессивное, ярко характеризующее (см. об этом: [11, с. 79–86]). Ср., например, профессионализмы, функционирующие в номинативном пространстве медицинской косметологии: *сосудистая «сетка», кожа аллигатора, крокодилова кожа, «винные прыщи», «проклятие кельтов»* и др. (ТГ «Кожно-косметические заболевания»); *«бульдожьи щечки», «морщины покоя», «складки гордецов», область «галифе», зона «гусиных лапок»* и т. д. (микросистема «Дефекты кожи и фигуры»); *«инъекции красоты», массаж «под дождём», «процедура выходного дня», «мезотерапия без игл»* и пр. (ТГ «Косметологические процедуры и операции»).

Наиболее «искусственны» единицы номенклатуры. Они создаются целенаправленно, здесь вырабатываются особые номинативные нормы, отличные от норм естественного языка. В современных условиях создание номена представляет собой институированный акт, поскольку номен является продуктом творчества специально подготовленных для этой деятельности специалистов. Исследуя номенклатурные единицы различных специальных областей, ученые установили, что номены, функционирующие в языке техники и производственно-технических подъязыках, и номены, относящиеся к подъязыкам естественно-научного и гуманитарного профиля, зачастую различаются структурным оформлением. Если технические и производственно-технические номены чаще всего состоят из двух частей: графемной (буквенной) и цифровой, за каждой из которых закреплены вполне определенные функции [3, с. 46; 11, с. 50; 13, с. 256; 15, с. 30 и др.], то номены, функционирующие в других сферах специальной коммуникации, могут по внешнему виду ничем не отличаться от общеупотребительных слов и словосочетаний или же представлять собой искусственно созданные словесные знаки.

Так, Л. А. Ким и Т. С. Пристайко отмечают, что номенклатурные единицы экономико-правовой сферы коммуникации в первую очередь включают в себя ряды наименований-согипонимов, состоящих из родового термина и словесного компонента условного характера или собственного имени, примыкающего к родовому термину в форме им. падежа. В единичных случаях номенклатурный знак представляет собой словесно-буквенное или словесно-цифровое образование [5, с. 10]. Такая же картина наблюдается и в номинативной системе, обслуживающей сферу медицинской косметологии. Как правило, номенклатурные знаки словесно-буквенного или словесно-цифрового типа обозначают виды косметологического

оборудования, например: *аппарат INCO 2, аппарат LIFT M6, CO2-лазер* и др. Чаще всего номенклатурный знак состоит из родового термина и словесного компонента условного характера или собственного имени. Такие номены могут обозначать средства, используемые для косметологических процедур (*крем-лифтинг для массажа лица «Soin LiftGalbe Visage et Com», крем-маска «Masque Hydralift Anti-age», ночная эмульсия против морщин «Emulsion reparatrica Anti-age»* и др.), а также различные аппараты (*лазер Fraxel, система Skin Station Kona®, аппарат Bella Contour* и др.).

Терминология на шкале естественности – искусственности занимает промежуточное положение между номенклатурой и профессионализмами, то есть в терминах присутствует и естественное, и искусственное начало. В большинстве случаев термины, как и профессионализмы, создаются на базе естественных способов слово- и формообразования. Однако отбор этих способов строго подчинен логике отражения в термине его места в данной терминосистеме. Очевидно, следует говорить о своеобразном происхождении терминов в отличие от единиц естественного языка: внешняя и внутренняя форма термина служит для выражения профессионально значимой информации и манифестирует ориентационные параметры выражаемого термином понятия. При создании многих терминов, как и номенклатурных знаков, широко используются особые модели номинации, отсутствующие (или непродуктивные) в естественном языке: символо-слова (*синдром Х*), комбинированные типы номинации с символьно-буквенно-цифровыми компонентами (*pH-баланс кожи, pH-метрия, RF-липолиз, массаж 3D пластический*), эпонимы (*клетки Маркеля, болезнь Барре-Массона, синдром Ремберга*), аббревиатурные номинации (*УФБ-лучи, ТЭПВ, УЗ-пилинг*), номинации, сконструированные из элементов классических (мертвых) языков – древнегреческого и латинского (*гиперпигментация, биоревитализация, видеодерматоскопия, микродермобразия*).

Анализ единиц специальной номинации, функционирующих в подъязыке медицинской косметологии, вполне подтверждает вывод Е. И. Головановой о том, что язык профессиональной коммуникации в наши дни «все чаще выступает как объект активной преобразующей деятельности, предмет рационального осмысления и переосмысления, необходимого для формирования новых средств обозначения» [1, с. 61]. Уменьшение роли естественного начала в сфере профессиональной коммуникации, как и возрастание искусственного начала, обусловлено, по мнению ученого, изменениями в системе профессиональной социализации членов общества, а также в системе получения и передачи социально значимой информации. Если на начальном этапе существования и развития тех или иных областей знания и деятельности человека совокупности терминов, репрезентирующие эти области, складываются на основе профессиональных знаний, добытых прежде всего эмпирическим путем (что не исключает процессов обобщения и категоризации) и переданных непосредственно от мастера-профессионала к ученику, то в более поздние периоды неизмеримо возрастает роль теоретического знания, полученного в ходе специального, формального обучения, что, однако, не умаляет значимости практики как основы верификации любых теоретических построений [1, с. 62–63]. Росту числа искусственных наименований в сфере специальной коммуникации способствует множественность современных моделей интерпретации областей знаний и деятельности, наличие корпоративных профессиональных образов мира. В то же время искусственно созданные, придуманные обозначения «живут» нормальной жизнью в языке, а накопление новых сведений, полученных наукой и практикой, может кардинально изменить любую терминосистему, уже пережившую процесс унификации и стандартизации.

В завершение нашего обзора нельзя не отметить, что медицинская терминология с точки зрения источников происхождения и способов образования ее единиц на шкале искусственности – естественности занимает особое место. Исторически сложилось так, что официальным языком мировой медицины стал латинский, вобравший в себя и греческую медицинскую терминологию. Спецификой развития мировых медицинских знаний [14] и особенностями их вербализации объясняется то, что в терминосистемах русской медицины греко-латинские заимствования составляют 90–95 % (см. об этом: [4; 10 и др.]). Тысячелетняя практика использования для обозначения медицинских концептов искусственных, специально созданных номинаций сохраняется и в наши дни, более того, в языке современной медицины функционируют не только классические латинизмы и грецизмы, но и многие новообразования гибридного характера, совмещающие греческие и латинские морфемы с автохтонными морфемами. По мнению С. Г. Казариной, «подобная “гибридизация” закономерна в рамках медицинской терминологии, где греческие и латинские корневые, а также аффиксальные морфемы на протяжении многих столетий врастали в ткань национальных языков и образовывали в них интернациональный фонд» [4, с. 49].

В целом же, разграничивая естественное и искусственное начало, следует помнить о том, что противопоставление единиц, полученных естественным и искусственным путем, в большей степени условно и необходимо лишь для создания адекватных моделей описания актуальных процессов в сфере специальной коммуникации, изучение которых составляет перспективу дальнейших исследований в этой области.

Библиографические ссылки

1. **Голованова Е. И.** Когнитивное терминоведение : учеб. пособие / Е. И. Голованова. – Челябинск : Энциклопедия, 2008. – 180 с.
2. **Голомидова М. В.** Искусственная номинация в русской ономастике / М. В. Голомидова. – Екатеринбург, 1998. – 375 с.
3. **Гринев С. В.** Введение в терминоведение / С. В. Гринев. – М. : Московский лицей, 1993. – 308 с.
4. **Казарина С. Г.** Типологические характеристики отраслевой терминологии : монография / С. Г. Казарина. – Краснодар : Изд-во Куб. гос. мед. акад., 1998. – 271 с.
5. **Ким Л. А.** Черты аналитизма в терминосистемах русского языка : монография / Л. А. Ким, Т. С. Пристайко. – Д. : Пороги, 2008. – 147 с.
6. **Комарова З. И.** Семантическая структура специального слова и ее лексикографическое описание / З. И. Комарова. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1991. – 155 с.
7. **Лейчик В. М.** Предмет, методы и структура терминоведения : автореф. дис. на соискание ученой степени д-ра филол. наук / Институт языкознания АН СССР / В. М. Лейчик. – М., 1989. – 46 с.
8. **Лейчик В. М.** Проблемы отечественного терминоведения в конце XX века / В. М. Лейчик // Вопросы филологии. – 2000. – № 2(5). – С. 20–30.
9. **Мечковская Б. Н.** Общее языкознание. Структурная и социальная типология языков / Б. Н. Мечковская. – М. : Флинта : Наука, 2001. – 312 с.
10. **Новодранова В. Ф.** Именное словообразование в латинском языке и его отражение в терминологии : монография / В. Ф. Новодранова. – М. : Языки славянских культур, 2008. – 328 с.
11. **Пристайко Т. С.** Лексико-номинативная организация специального текста : монография / Т. С. Пристайко. – Дн. : УкО-ИМА-пресс, 1996. – 200 с.
12. **Султанов А. Х.** Слово и термин : Пролегомены к философии имени : монография / А. Х. Султанов. – М. : РУДН, 2007. – 207 с.
13. **Татаринов В. А.** Теория терминоведения : в 3 т. – Т. 1. Теория термина: история и современное состояние / В. А. Татаринов. – М. : Московский лицей, 1996. – 311 с.

14. **Чернявский М. Н.** Краткий очерк истории и упорядочения медицинской терминологии / М. Н. Чернявский // Энциклопедический словарь медицинских терминов. – Т. 3. – М., 1984. – С. 410–425.
15. **Шелов С. Д.** Номенклатура и терминология / С. Д. Шелов // Русское языкознание. – 1984. – Вып. 8. – С. 24–31.

Надійшла до редколегії 10.02.12

УДК 81'367.5 "19"

К. О. Огієнко

Слов'янський державний педагогічний університет

АКТУАЛЬНЕ ЧЛЕНУВАННЯ РЕЧЕННЯ В МОВОЗНАВСТВІ ПОЧАТКУ 60-х – КІНЦЯ 80-х рр. XX ст.

Присвячено проблемі актуального членування речення та підходам до його вивчення в мовознавстві 60–80-х рр. XX ст. Розглянуто основні концепції вчених цього періоду, проаналізовано рівень їхньої вивченості. Результати показали, що в сучасній лінгвістиці немає комплексних праць з теорії актуального членування речення.

Ключові слова: актуальне членування речення, логіко-комунікативне членування, суб'єкт, предикат, тема, рема, відоме, нове.

Посвящена проблеме актуального членения предложения и походам к его изучению в языкознании 60–80-х гг. XX в. Рассмотрены основные концепции ученых этого периода, проанализирован уровень их изученности. Результаты показали, что в современной лингвистике нет комплексных работ по теории актуального членения предложения.

Ключевые слова: актуальное членения предложения, логико-коммуникативное членение, субъект, предикат, тема, рема, известное, новое.

The article deals with the problem of the actual division of the sentence in the linguistics of the 60-s – the beginning of the 80-s years of the XX century. It highlights the main concepts of this period and analyses the level of their investigation. The results have shown that there are no integrate papers in the theory of the actual division of the sentence.

Keywords: actual division of the sentence, logic-communicative division of the sentence, subject, predicate, theme, rheme, given, new.

Друга половина XX ст. виявилася дуже плідною для досліджень з актуального членування. Концепція В. Матезіуса, підтримана та розвинута І. П. Распоповим, отримала гучний резонанс серед дослідників.

Актуальність нашого дослідження визначається браком комплексного ґрунтовного вивчення праць з актуального членування речення в цей період. Тому завдання нашої статті полягає в комплексному висвітленні ідей актуального членування речення у студіях 60–80-х років XX ст. на основі таких підходів до кваліфікації цього явища: семантичного, синтаксичного, логіко-граматичного, комунікативного та морфологічного.

Дослідження І. П. Распопова ґрунтується на синтаксичному підході – виявлення кореляції граматичного та актуального членування речення (АЧР). Концепція дослідника отримала широке висвітлення в лінгвоісторіографії (дослідження І. І. Ковтунової, В. Є. Шевякової, Ю. Я. Бурмистровича), тому ми зупинимось лише на кількох важливих зауваженнях ученого.

На думку І. П. Распопова, зв'язок граматичного та актуального членування (АЧ) є двобічнім. Обидва види членування речення залежать від комунікативного

© Огієнко К. О., 2012

завдання [23, с. 45]. Особливу увагу дослідник закликав звернути на те, що традиційне тлумачення граматичних членів у ряді випадків спирається, по суті, не на граматичне, а на АЧ [23, с. 46].

Взаємовідносини та взаємозв'язок компонентів АЧР можуть бути різноманітними. Загалом дослідник виокремив шість типів речень [23, с. 58–73].

В. З. Панфілов у своєму дослідженні використав логіко-граматичний та синтаксичний підходи. Говорячи про співвіднесення синтаксичного та логіко-граматичного рівнів речення, лінгвіст зробив такі висновки.

Логіко-граматичний рівень речення конструюється на основі вираження спеціальними мовними засобами логічних форм мислення та їхніх структурних компонентів. У більшості мов спеціальними мовними засобами фіксується лише логіко-граматичний предикат, а логіко-граматичний суб'єкт виділяється у структурі речення суто негативно, у протиставленні логіко-граматичному предикату, тобто характеризується нульовою формою.

На думку В. З. Панфілова, підмет і присудок – суто мовні категорії. Вони належать до синтаксичного рівня мови та характеризуються як центри, які граматично організовують речення і протиставляються один одному в кожній мові за певними граматичними ознаками.

Крім того, з погляду дослідника, тотожність речень на синтаксичному рівні не означає тотожності цих речень на логіко-граматичному рівні [21, с. 220].

Ю. К. Щеглов теж спирався на логіко-граматичний підхід до членування речення. Дослідник зазначив, що поняття *логічний суб'єкт* та *логічний предикат* вимагають точного визначення, тому що визначення більшості лінгвістів є недостатніми.

Трансформаційне визначення логічного предиката Ю. К. Щеглов сформулював так: *логічним предикатом* речення є та його частина, яка під час трансформації в питання замінюється питальним словом [29, с. 111].

У питальних реченнях може бути свій логічний предикат, як і в розповідних. Дослідник дотримувався думки, що навіть можна поставити «питання до питання», щоб з'ясувати логічний предикат питального речення шляхом нової питальної трансформації. Логічним предикатом питального речення може виявитися не лише питальне слово, а й будь-який інший член.

Ту частину речення, яка при трансформації цього речення в питальне стає логічним предикатом останнього, дослідник назвав *власне логічним суб'єктом* [29, с. 114]. Не всі речення мають власне логічний суб'єкт: логічним предикатом питання може бути питальне слово, яке у відповіді зазвичай не повторюється, тому що замінюється конкретним словом.

Логічним суб'єктом дослідник назвав будь-яку частину речення, яка не є ані логічним предикатом, ані власне логічним суб'єктом [29, с. 115].

Ю. К. Щеглов виокремив також *абсолютний* та *дифузний логічний предикат*. *Дифузність* логічного предиката – поширене явище, яке полягає в тому, що часто буває важко з повною впевненістю сказати, якої величини текст є логічним предикатом: слово чи група слів. Коли невідомо, що обрати, група слів стає дифузним логічним предикатом [29, с. 116]. *Абсолютний логічний предикат* – це єдино можливий логічний предикат у певному реченні [29, с. 117]. Слід також розрізняти *обмежений* та *необмежений дифузний логічний предикат*.

Н. Хомський вживав терміни *топік* та *коментар. Топік* позначає «самий лівий субстантивний член», а *коментар* – всю іншу частину речення.

Концепція Н. Хомського отримала значну критику з боку сучасників. Так, О. Дал не погодився із запровадженим Н. Хомським членуванням деяких речень, закликаючи розрізняти розщеплені речення та топікалізацію [32, с. 12]. Невлуч-

ним та нечітким О. Дал назвав і термін Н. Хомського *стилістична інверсія* (*stylistic inversion*).

Л. С. Бархударов зосередився на питанні кореляції *логіко-комунікативного членування* та *синтаксичної структури* речення (синтаксичний підхід). Дослідник наголосив, що питання логіко-комунікативного членування виходить далеко за межі синтаксису, і запропонував відносити його до лінгвістичної стилістики. Це членування має першочергове значення і для такої галузі прикладного мовознавства, як лінгвістична теорія перекладу. Одна з основних вимог перекладу – збереження незмінності логіко-комунікативного членування речення.

О. В. Ісаченко спирався у своєму дослідженні на семантичний підхід до АЧ. Дослідник вважав, що в кожній мові існує оптимальне розташування елементів речення на часовій вісі. При створенні абстрактної схеми речення обов'язково дотримуються цього оптимального порядку слів. Такий порядок дослідник назвав *позаконтекстовим*, або *граматичним* [12, с. 27].

Учений зазначив, що не слід плутати граматичний порядок з тим порядком, який у традиційній граматиці називається «нормальним», «природним», «звичайним» або «первинним». Граматичний порядок слів може бути навіть фіктивним, тобто таким, який не зустрічається у тексті. Але він є необхідним для кожної мови, оскільки всі синтаксичні правила неминуче повинні враховувати лінійність розміщення структурних елементів [12, с. 29].

Зазвичай окремі питання порядку слів трактуються на основі спостережень тексту, тобто на основі вивчення поверхневих структур. Саме тому, на думку О. В. Ісаченка, учення про АЧР, виокремлення *відомого* та *нового* належить цілком до синтаксису тексту [12, с. 29].

Досліджуючи АЧ, І. Ф. Вардуль запропонував назвати рівень, який утворюється формальним членуванням, *потенційно-синтаксичним*, а відповідний розділ граматики – *потенційним синтаксисом*. Рівень, який утворюється АЧ, і всі одиниці цього рівня можна назвати *актуально-синтаксичними*, а відповідний розділ граматики – *актуальним синтаксисом.* Одиниці цих рівнів повинні мати назви *речення* та *повідомлення* відповідно [6, с. 119].

Крім того, І. Ф. Вардуль не погодився з попередниками стосовно кількості та назви членів повідомлення. На його думку, число членів дорівнює чотирьом: три обов'язкових компоненти (*тематичне* й *нове* для двоскладних речень та *констатуюче* для односкладних речень) та один необов'язковий (*ситуативне* – член, який містить обставинну характеристику нової інформації) [7, с. 24].

Дослідження О. А. Бризгунової базується на семантичному підході, наведені нею матеріали деякою мірою розкривають специфіку участі інтонації в АЧР: вона спроможна показати межу складів даного і нового та зробити градуювання смислових відношень у цих складах [5, с. 47–48].

Лексико-граматичні склади, які потенційно допускають більше, ніж один спосіб використання в комунікації з різними значеннями, визначаються комунікативно багатозначними. Їм протистоять однозначні лексико-граматичні склади з одним способом їхнього використання в комунікації [5, с. 42].

У російській мові дослідниця виокремила п'ять видів багатозначності лексико-граматичного складу, які відрізняються особливостями взаємодії з інтонацією та результатами цієї взаємодії: 1) розповідне речення, 2) нейтральне питання, 3) повторення питання під час відповіді, 4) питання-пригадування, 5) оцінне речення [5, с. 44].

Інший представник семантичного підходу – це В. В. Осокін. На думку дослідника, члени речення є єдністю двох значень: синтаксичного значення та значення комунікативного навантаження.

У комунікативному навантаженні, яке визначає смислове членування, виділяються дві взаємопов'язані частини: *вихідний пункт висловлення* та *ядро* цього *висловлення*, тобто те, що складає так зване *комунікативне завдання* [19, с. 62].

У поширених та складних реченнях комунікативне навантаження та відношення між складовими частинами ускладнене: і дане, і нове можуть виражатися не одним, а кількома словами. Члени речення для цього процесу не мають жодного значення, тому що нове може виступати будь-яким граматичним членом.

У непоширеному реченні наголос, як правило, знаходиться на останньому слові, незалежно від того, підмет це чи присудок. Якщо треба особливо підкреслити слово, то його слід поставити на перше місце та наголосити [19, с. 62].

Основним засобом АЧ В. В. Осокін назвав порядок слів [19, с. 114]. Крім того, використовуються відокремлення, протиставлення та порівняння [19, с. 117], а на письмі – винесення слів в окремий рядок [19, с. 122].

Погляди В. С. Юрченка збігаються з поглядами багатьох інших дослідників АЧР, які використовували семантичний підхід. В *актуальному судженні* дослідник виділяв *дане* та *предикований член*. І дане, і предикований член можуть бути вираженими як одним словом, так і кількома. В останньому випадку мова йде про групу даного та предиковану групу. У групі даного слово, яке виділяється більше за інші слова, є основним компонентом цієї групи – *власне-дане* [30, с. 68]. Найбільш рельєфно виділене слово в межах предикованої групи дослідник назвав *безпосередньо-предикованим членом*.

Надбанням В. С. Юрченка є розгляд прикладів складного (ієрархічного) членування фрази: 1) випадок, коли дане виражається двічі – спочатку іменником, а потім займенником; 2) випадок, коли фраза, яка має матеріально змістові дане та предикований член, приєднується до абстрактного предмета мовлення, вираженого вказівною часткою *це* [30, с. 77].

І. І. Ковтунова для позначення складових частин АЧР користувалася термінами *тема* та *рема* [13, с. 10]. Якщо в реченні спостерігається перехід від теми до реми, то мова йде про динамічне наростання (*стилістично нейтральний порядок слів*), якщо від реми до теми – про динамічний спад (*експресивний порядок слів*). Всередині теми та реми, які складаються з кількох слів, спостерігається динамічна рівновага – зупинка руху, при якій розташовані поряд слова мають однакову динамічну вагу.

У своєму дослідженні І. І. Ковтунова використала і морфологічний підхід до АЧ. Так, функція теми є найбільш характерною для іменника, особового займенника та інфінітива. Короткі форми прикметників, повні прикметники у предикативній функції, дієвідмінювані дієслова та прислівники виступають зазвичай як рема [14, с. 79–90].

А. Й. Багмут, як і І. І. Ковтунова, при аналізі АЧР спиралася на динамічність процесу мовлення. Крім того, дослідниця використала поняття *синтагматичного членування*: відповідно до динамічного складу, речення членується на окремі словосполучення (синтагми), відокремлені одне від одного дійсною або уявною паузою [1, с. 22].

Синтагматичне членування кожного речення не є сталим, єдино можливим. Властивістю усної мови є значна варіативність довжини синтагми, яка, здебільшого, пов'язана з темпом вимови [1, с. 23].

О. О. Крилова розглянула АЧР за допомогою різних підходів. Перш за все, згідно з синтаксичним підходом, порядок слів залежить від того, яку мету ставить перед собою мовець, яку нову, важливу для нього інформацію він хоче передати своїм висловленням [15, с. 14].

Для визначення теми та реми дослідниця застосувала кілька методів – «метод питань» та контекстний метод [15, с. 15].

Майже однією з перших О. О. Крилова звернула увагу на аналіз складнопідрядних речень з погляду АЧР, який привів дослідницю до думки про кілька ярусів АЧ.

О. О. Крилова спробувала також розглянути детермінанти в аспекті комунікативного синтаксису [15, с. 44].

О. О. Леонтьєв вважав, що АЧР слід розглядати з психологічного боку і неправильно відносити його до логіки або лінгвістичної царини. На думку дослідника, комунікація – це акт мовлення, психологічна основа речення [16, с. 347]. Комунікація складається з двох членів: суб'єкта та предиката.

Незважаючи на такий явний крок назад, О. О. Леонтьєв назвав два підходи до аналізу речення: синтаксичний (членування на тему та рему) та семантичний (членування на дане та нове) [16, с. 348].

Т. П. Ломтєв підтримував синтаксичний підхід до АЧ та дворівневу структуру речення: конструктивний та комунікативний рівні. *Конструктивний* рівень не містить повідомлення, а відповідно, предикації. Лише *комунікативний* рівень речення містить повідомлення, предикацію. Вираз стає комунікативною одиницею, коли виявляється одна з можливих актуалізацій – наявність логічного наголосу або зміна порядку слів [17, с. 170]. З погляду вченого, речення без АЧ виражає таку саму істину, що й речення з АЧ [17, с. 172]. Крім того, речення в наукових текстах зазвичай не мають АЧ, тому що проблема АЧР – це проблема зворотного зв'язку під час побудови речення, а не проблема комунікативності [17, с. 175].

О. Л. Пумпянський у своєму дослідженні використав кілька підходів (логіко-граматичний, синтаксичний та комунікативний) і спирався на концепцію В. З. Панфілова про логіко-граматичне членування речення, вважаючи, що логіко-граматичне членування речення можна досліджувати не лише на мовленнєвому рівні, а й на мовному. Речення різних мов, які виражають одну й ту саму думку, на логіко-граматичному рівні будуть мати одну й ту саму структуру [22, с. 66].

Будь-яке речення будь-якої мови, яке несе однакову наукову та технічну інформацію, має однакове логіко-граматичне членування і складається з двох компонентів: *логіко-граматичного предиката* та *логіко-граматичного суб'єкта*. Логіко-граматичний суб'єкт може виражатися не лише експліцитно, але й імпліцитно, тобто припускатися ситуацією (усне мовлення) або бути латентно наявним у контексті (письмове мовлення).

Досліджуючи актуальне, або *композиційно-синтаксичне*, членування Г. О. Золотова зазначила, що його виразником є логічний наголос, який вона запропонувала назвати *кульмінаційним наголосом*, щоб усунути термінологічні розбіжності [11, с. 334]. Слово, яке несе кульмінаційний наголос, знаходиться в кінці речення.

Слід також зазначити, що, на думку Г. О. Золотової, АЧР не змінює первинного характеру конструктивного зв'язку, воно лише перебудовує компоненти речення та навантажує їх додатковим значенням даного – нового, теми – реми [11, с. 149].

О. Б. Сиротиніна приділила увагу АЧР у розмовному мовленні, в якому АЧ виражається безпосередньо, а кожне речення є ясним та однозначним для кожного слухача певної мови. АЧР в усному мовленні виражається інтонаційними засобами. Проте в усному мовленні багато речень без яскраво вираженої теми, а тому, на думку дослідниці, характерним є не членування в повному розумінні на тему-рему, не їхнє протиставлення, а виділення власне реми та розрізнення за ступенем

комунікативної значущості інших елементів речення. Саме через це О. Б. Сиротиніна використала терміни *комунікативна структура речення*, *комунікативно значимий* та *комунікативно незначимий член* [24, с. 173].

Експериментальні дослідження О. Б. Сиротиніної показали, що рема в розмовному мовленні виділяється не лише мелодикою, а й більшою інтенсивністю, тривалістю, напруженістю вимови. Рема виділяється завжди чітко та однозначно, проте, крім реми, можливі й інші центри – комунікативно значимі члени, які виділяються на фоні інтонаційних провалів [24, с. 173].

Т. В. Єлфімова розглянула АЧ складнопідрядного речення. Серед причинних складнопідрядних речень з постпозитивною підрядною частиною дослідниця виокремила два динамічних типи речень за ознакою комунікативної завершеності / незавершеності головної частини, яка визначається спроможністю / неспроможністю головної частини повністю реалізувати мету висловлення [10, с. 202].

Перший динамічний тип складають речення з комунікативною незавершеністю головної частини. Складнопідрядне речення є одним цілісним висловленням, у якому тема – головна частина – протиставляється ремі – підрядній частині [10, с. 208].

Другий динамічний тип утворюють речення з комунікативною завершеністю головної частини. Вони являють висловлення зі складною ремою [10, с. 209].

В. О. Васильєв звернув увагу на інтонаційні засоби вираження реми. Серед компонентів фонетичної будови мови дослідник вказав такі: система звуків, склад добудови, словесного наголосу та інтонації, яка розуміється як діалектична єдність фразової мелодики, фразового наголосу, швидкості або темпу вимови фраз і голосового тембру [8, с. 7].

Найважливішими для вираження думки в її інтелектуально-комунікативному плані є висотний і фразово-акцентний компоненти. Важливість фразово-акцентного компонента інтонації полягає в тому, що положення останнього повного наголосу у фразі служить основним інтонаційним засобом сигналізації про головний момент інформації, про який повідомляється або запитується в реченні [8, с. 8].

Конкретне інтонаційне оформлення реми, з погляду В. О. Васильєва, залежить від її виду. По-перше, щодо кількості слів, реми класифікуються на однослівні та багатослівні. У багатослівній ремі завжди є *акцентне ядро* [8, с. 12].

По-друге, дослідник класифікував реми за їхньою немаркованістю / маркованістю, розуміючи під останньою наявність у даного виду реми ознак, які відсутні в іншого її виду. Цими ознаками є позиція у фразі однослівної реми і акцентного ядра багатослівної реми, а також сила наголосу на однослівній ремі або на акцентному ядрі багатослівної. Позиційно немаркована однослівна рема міститься в кінці англійської і російської фраз. Позиційно маркована рема стоїть або на початку, або в середині фрази [8, с. 14].

Другий спосіб маркування реми полягає у виділенні її сильним емфатичним наголосом. Емфатично-маркована рема є, як правило, однослівною. Акцентне ядро багатослівної немаркованої реми може бути завдяки вимові із сильним динамічним наголосом перетворене в емфатично-марковану однослівну рему в кінці фрази [8, с. 15].

Третій принцип класифікації видів реми заснований на кількості рем у фразі: реми можуть бути одинарними та множинними.

По-четверте, необхідно розрізняти реми залежно від місцезнаходження теми. За цим принципом виділяються реми, які знаходяться у тій самій фразі, що й теми, та реми, теми яких лежать за межами даної фрази [8, с. 16].

М. А. К. Хелідей досліджував функціональну перспективу речення, яка, на його думку, пов'язана з організацією речення як повідомлення. У реченні дослідник виокремив три виміри граматичної структури: емпіричний (діяч, процес, локатив), міжособистісний (модальний компонент та пропозиціональний компонент) та текстовий (тема та рема).

Крім того, М. А. К. Хелідей переглянув тематичні системи, вважаючи, що існує значно більше структур, ніж учені зазвичай вивчають. Дослідник поділив тематичні системи на дві групи – ті, які пояснюють структуру у всьому складному реченні, та ті, які пояснюють підструктури певних його частин. М. А. К. Хелідей зупинився на першому виді. Ці тематичні системи мають три види. Дослідник назвав їх інформацією, тематизацією та ідентифікацією. Вони описують структури «дане – нове», «тема – рема» та «відоме – невідоме» відповідно [33, с. 174].

Інформаційні вибори реалізуються фонологічно, інтонаційними рисами. *Тематизація* реалізується послідовністю елементів у складному реченні. *Ідентифікація* реалізується певними структурними засобами [33, с. 175].

Л. О. Черняховська при дослідженні АЧР спиралася на концепцію Я. Фірбаса про ступінь комунікативного динамізму, яка, на думку вченої, наочно ілюструє сутність смислового членування.

За теоретичну основу як модель інформаційної структури лінгвіст взяла речення, яке не входить у конкретну ситуацію і розраховане на одержувача «взагалі», не відображає нічого індивідуального, проте про щось повідомляє і є комунікативною одиницею, яка виражає зміст. У ньому завжди є вихідний пункт повідомлення та його смисловий центр [27, с. 11].

Л. О. Черняховська виокремила висловлення, тема яких не містить нового і має низьку семантико-контекстуальну вагомість. Такі висловлення дослідниця назвала *диремами*. Висловлення, у яких тема, як і інші компоненти, містить нове, дослідниця визначила як *монореми*.

Проаналізувавши переклад речень з російської на англійську мову, дослідниця зробила висновок, що в обох мовах спостерігається порядок від теми до реми, проте часто треба змінювати формально-граматичну структуру заради смислової [27, с. 254].

М. Я. Блох виокремив у реченні номінативне та актуальне членування. Мета АЧР – визначити відносну важливість складових частин речення з погляду їхньої актуальної інформативної ролі у висловленні, тобто з погляду їхнього безпосереднього семантичного внеску до загальної інформації, що розкривається реченням у контексті зв'язного мовлення [3, с. 243].

Основні складові компоненти АЧР – це *тема* та *рема*. Між темою та ремою розміщуються перехідні елементи АЧ різного ступеня інформативної цінності (так званий перехід).

У своєму дослідженні лінгвіст використав також синтаксичний підхід. Тема АЧР може збігатися або не збігатися з підметом речення. Рема АЧР, у свою чергу, може збігатися або не збігатися з присудком або його групою (додатком та обставиною) [3, с. 244].

На думку М. Я. Блоха, АЧР втратить зв'язок із синтаксисом, якщо його компоненти будуть розглядатися з погляду їхньої відомості / невідомості слухачеві [3, с. 245].

О. І. Москальська зосередила увагу на контексті та його впливі на АЧР, указавши моделі тема-рематичного ланцюга [18, с. 135].

Найбільш поширеною моделлю тема-рематичного ланцюга є так звана *проста лінійна тематична прогресія*, яка полягає у послідовній тематизації реми попереднього речення. Цій моделі протистоїть модель *тема-рематичного ланцюга*

із наскрізною темою. *Тема-рематичний ланцюг* також може бути утворений *на базі похідних тем*, які витікають із загальної теми (гіпертеми). Сегменти тема-рематичних ланцюгів, побудованих на базі похідних тем, пов'язані за допомогою синтаксичного паралелізму, який полягає у повторенні однієї й тієї ж моделі речення й у симетричному розташуванні головних членів речення. Ці моделі значно частіше зустрічаються в різних комбінаціях одна з одною [18, с. 16].

Дуже ґрунтовним є дослідження В. Є. Шевякової, яка продовжила зіставлення синтаксичного та актуального членування.

Дослідниця розкрила специфіку АЧР як розповідних, так і питальних речень. Загалом, її погляди дуже близькі до поглядів Я. Фірбаса. Відрізняються лише терміни для типів питань: *неозначено-предикатне питання* (тобто спеціальне питання), у якому нерозкритим є предикат, та *неозначено-зв'язкове питання* (загальне), у якому невідомим є характер зв'язку між суб'єктом та предикатом [28, с. 108].

Детально В. Є Шевякова, як і О. І. Москальська, торкнулася питання видів логічного зв'язку між реченнями і виокремила три види: *ланцюговий контактний зв'язок* (нове кожного речення перетворюється у відоме наступного), *паралельний зв'язок* (дане попереднього речення залишається даним наступного) і *лінійний зв'язок* (і дане, і нове суміжних речень різні).

Т. Л. Борисенко виокремила два трактування АЧР: перше спирається на поняття бінарності, друге – на поняття градуальності. Трактування, яке спирається на поняття комунікативних центрів, дослідниця поєднала з другим [4, с. 23–24].

Серед аспектів дослідження АЧР вона виділила 1) структурно-синтаксичну характеристику тематичного компонента АЧ; 2) його семантичну характеристику; 3) його морфологічну характеристику; 4) його роль у структурі зв'язного тексту; 5) лексичні засоби його вираження [4, с. 25–30].

Згідно з першою характеристикою, тематичний компонент може виражатися лише підметом, присудком або детермінантом, а також їхніми комбінаціями.

Згідно з другою характеристикою, слід звертати увагу на кореляцію плану змісту та плану вираження тематичного компонента.

Щодо морфологічної характеристики тематичного компонента, то тема – предмет мовлення – зазвичай виражається іменником у прямому або непрямому відмінках. Тема – ситуаційна куліса – прислівником або іменником у непрямому відмінку. Часто в ролі теми виступають займенники.

Входження речення до складу зв'язного тексту, вплив контексту та ситуації і фонових знань слід віднести до першочергових чинників, які визначають комунікативну спрямованість. Саме в цьому аспекті виявляється кореляція компонентів АЧР з категоріями даного / нового, відомого / невідомого, означеного / неозначеного.

Т. Л. Борисенко також зазначила лексичну антонімію та синонімію у складі теми. Найчастішим проявом лексичної синонімії в АЧР є вираження синонімії нового в ремі попереднього речення та даного в темі наступного речення, які належать до одного денотата.

На думку Н. О. Слюсарєвої, якщо протиставити актуальний синтаксис логічному, то слід підкреслити, що логічний синтаксис передає об'єктивні відносини між предметами та явищами пізнаваної оточуючої людину дійсності. Актуальний синтаксис дає можливість для її суб'єктивного опису в категоріях комунікативного завдання [25, с. 85].

У концепції функцій мови Н. О. Слюсарєвої категорії АЧР співвідносяться з комунікативною функцією, а всі стилістичні категорії та прийоми – з емоційною.

Темою дослідниця вважала предмет, виражений іменними частинами мови, тобто іменником або його еквівалентами, суб'єктивно обраний мовцем для повідомлення про нього деяких відомостей. Тема є тим пунктом висловлення, який визначає ступінь контекстуальної залежності цього висловлення від попередніх та наступних. Тема має такі функції: динаміка тексту, ідентифікація та референція [25, с. 113].

Функція ідентифікації яскраво виступає під час використання подвійної теми, тобто назви одного й того ж референта двічі в межах одного речення, де одна номінація представлена займенником, а обидві номінації співвідносяться з одним присудком [25, с. 116–117].

Рема, або інформаційний фокус, маркується інтонаційним ядром, тобто виділяється наголосом або зміною контуру. Саме до цього елемента мовець прагне привернути увагу слухача. Як правило, він знаходиться в кінці речення. Разом з тим можливе й переміщення фокусу [25, с. 122].

Н. О. Слюсарєва вважала дієслово важливим для тема-рематичних структур англійської мови і не погодилась віднести його до переходу, включаючи його до складу реми [25, с. 127].

Для англійської мови характерна дієслівна конструкція з подвійною ремою, перша складова якої може бути представленою іменною або ад'єктивною частиною, а друга – інфінітивом [25, с. 130].

Н. О. Слюсарєва також дала визначення теми і реми на основі фундаментального протистояння тотожності та розбіжності: тема виступає носієм тотожного, яке реалізується через відоме, визначене, дане, вихідне, тобто через «стару» інформацію, а рема – носієм відмінного, яке реалізується через невідоме, невизначене, тобто через «нову» інформацію [25].

М. Ю. Федосюк мав на меті з'ясувати можливі способи передачі нової інформації ремою. На думку дослідника, художня проза не завжди дотримується експліцитного принципу передачі нової інформації, при якому тема висловлення позначає дещо вже відоме з попереднього тексту або ситуації – «дане».

Під даним зазвичай розуміють «щось, що є відомим з конситуації» [26, с. 41]. Проте дослідник одразу зробив кілька зауважень. По-перше, слід пам'ятати, що рема є невідомою для слухача, а не мовця. По-друге, називаючи компонент висловлення *даним*, ми маємо на увазі обізнаність слухача лише у факті існування певних предметів, ознак або ситуацій дійсності. По-третє, під змістом, який не передавався попереднім текстом і разом з тим даним, треба розуміти такі відомості про предмети, ознаки та явища дійсності, які відомі адресату мовлення завдяки його життєвому досвіду.

М. Ю. Федосюк також звернув увагу на способи імпліцитної передачі нового [26, с. 43–45].

О. В. Падучева, крім традиційних термінів, виокремила *незалежний початок* – початок, який не виражає даного; *смислову тему* – те, про що йдеться в реченні, предмет мовлення; *підкреслену смислову тему* – спеціальну конструкцію, яка вживається в ситуації, коли мовець хоче сказати, що в попередньому тексті мова йшлася про кілька різних об'єктів, а в цьому реченні в центрі уваги опинився один з них; *нормальну рему* – рему речення з нейтральною комунікативною структурою, тобто рему, яка природно витікає із синтаксичної структури та лексичного складу речення; *зсунуту рему* – рему, яка виражається групою підмета, а не присудка; *контрастний початок* – початкову групу з контрастним, а не звичайним другорядним початком; *емфатичну препозицію* – групу, яка містить слово з головним фразовим наголосом, звичайним або контрастним, та переміщується

на початок речення, зберігаючи свій наголос або підсилюючи його до контрастного [20, с. 118].

Більше того, дослідниця відзначила два перетворення: *дислокація складної реми* (та частина реми, яка не входить до складу власне реми, переміщується в позицію перед початком і отримує другорядний низхідний наголос, а початок стає ненаголошеним) та *контрастна дислокація складної реми* (синтаксично головний компонент реми пересувається на початок і отримує *контрастний висхідний наголос*, а вихідний початок стає ненаголошеним) [20, с. 120].

Розглядаючи явище АЧР, слід також звернути увагу на дослідження АЧР у східних мовах і зазначити, що більшість даних є схожими з даними європейських мов. Так, дослідження А. Ю. Айхенвальда (берберська мова), А. Г. Бєлової (арабська мова), І. Ш. Козинського, Н. К. Соколовської (австралійські мови), Н. В. Омельяновича (бірманська мова), М. Н. Орловської (монгольська мова) показали, що АЧР у цих мовах тісно пов'язане з синтаксичним. Серед засобів АЧР дослідники одностайно зазначають а) порядок слів; б) категорію означеності / неозначеності; в) видільні та модальні частки; г) контекст [9].

Отже, комплексне вивчення наукової спадщини граматистів другої половини XX ст. дозволить заповнити прогалини в царині лінгвоісторіографічного вивчення актуального членування. У цьому ми вбачаємо перспективи подальших досліджень.

Бібліографічні посилання

1. **Багмут А. Й.** Інтонаційна будова простого розповідного речення у слов'янських мовах / А. Й. Багмут. – К. : Наукова думка, 1970. – 176 с.
2. **Бархударов Л. С.** Структура простого предложения современного английского языка / Л. С. Бархударов. – М. : Высшая школа, 1966. – 200 с.
3. **Блох М. Я.** Теоретическая грамматика английского языка : учебник / М. Я. Блох. – М. : Высшая школа, 1983. – 383 с.
4. **Борисенко Т. Л.** О различных аспектах исследования тематического компонента актуального членения предложения / Т. Л. Борисенко // Коммуникативно-синтаксический и стилистический аспекты анализа текста : сб. статей. под ред. О. А. Крыловой. – М. : УДН, 1980. – С. 22–33.
5. **Брызгунова Е. А.** О смыслоразделительных возможностях русской интонации / Е. А. Брызгунова // Вопросы языкознания. – 1971. – № 4. – С. 42–52.
6. **Вардуль И. Ф.** К обоснованию актуального синтаксиса / И. Ф. Вардуль // Язык и мышление : сборник статей / отв. ред. Ф. П. Филин. – М. : Наука, 1967. – С. 115–122.
7. **Вардуль И. Ф.** Основные понятия актуального синтаксиса / И. Ф. Вардуль // Исследования по японскому языку : сборник статей / отв. ред. И. Ф. Вардуль. – М. : Наука, 1967. – С. 20–29.
8. **Васильєв В. О.** Про інтонаційні засоби вираження реми (на матеріалі англійської і російської мов) / В. О. Васильєв // Інтонація як мовний засіб вираження думки ; за ред. А. Й. Багмут. – К. : Наукова думка, 1975. – С. 7–17.
9. **Восточное языкознание: грамматическое и актуальное членение предложения** / сост. С. Б. Янкивер, отв. ред. В. Н. Солнцев. – М. : Наука, 1984. – 187 с.
10. **Елфимова Т. В.** Соотношение актуального и грамматического членения в причинных сложноподчиненных предложениях с постпозитивной придаточной частью / Т. В. Елфимова // Спорные вопросы синтаксиса : сборник статей / отв. ред. В. А. Белошапкова. – М. : Изд-во Моск. ун-та им. М. В. Ломоносова, 1974. – С. 199–215.
11. **Золотова Г. А.** Коммуникативные аспекты русского синтаксиса / Г. А. Золотова. – 3-е изд., стереотип. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 368 с.
12. **Исаченко А. В.** О грамматическом порядке слов / А. В. Исаченко // Вопросы языкознания. – 1966. – № 6. – С. 27–34.

13. **Ковтунова И. И.** Порядок слов как предмет грамматического изучения / И. И. Ковтунова // Вопросы языкознания. – 1973. – № 4. – С. 51–62.
14. **Ковтунова И. И.** Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения : учеб. пособие / И. И. Ковтунова. – 2-е изд., стереотип. – М. : УРСС, 2002. – 238 с.
15. **Крылова О. А.** Детерминанты в аспекте коммуникативного синтаксиса / О. А. Крылова // Вопросы языкознания. – 1976. – № 2. – С. 43–52.
16. **Леонтьев А. А.** Актуальное членение предложения и способы его выражения в русском языке / А. А. Леонтьев // Теория языка, методы его исследования и преподавания. К 100-летию со дня рождения Льва Владимировича Щербы : сборник статей / отв. ред. Р. И. Аванесов – Л. : Наука, 1981. – С. 167–172.
17. **Ломтев Т. П.** Структура предложения и вопрос об актуальном членении предложения / Т. П. Ломтев // Русское и славянское языкознание. – М. : Наука, 1973. – С. 170–175.
18. **Москальская О. И.** Грамматика текста : учеб. пособие / О. И. Москальская. – М. : Высш. шк, 1981. – 183 с.
19. **Осокин В. В.** Логическое ударение (На материале русского языка) / В. В. Осокин. – Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1968. – 145 с.
20. **Падучева Е. В.** Коммуникативная структура предложения и понятие коммуникативной парадигмы / Е. В. Падучева // Научно-техническая информация. Серия 2. Информационные процессы и системы. – 1984. – № 10. – С. 25–33.
21. **Панфилов В. З.** Взаимоотношение языка и мышления / В. З. Панфилов. – М. : Наука, 1971. – 232 с.
22. **Пумпянский А. Л.** О логико-грамматическом членении предложения / А. Л. Пумпянский // Вопросы языкознания. – 1972. – № 2. – С. 66–76.
23. **Распопов И. П.** Актуальное членение предложения (На материале простого повествовательного предложения преимущественно в монологической речи) / И. П. Распопов. – Уфа : Изд-во Башкир. гос. ун-та им. 40-летия Октября, 1961. – 163 с.
24. **Сиротинина О. Б.** Об актуальном членении в разговорной речи / О. Б. Сиротинина // Papers on Functional Sentence Perspective / ed. by F. Daneš. – Prague : Academia, 1974. – P. 172–174.
25. **Слюсарева Н. А.** Категориальная основа тема-рематической организации высказывания-предложения / Н. А. Слюсарева // Вопросы языкознания. – 1986. – № 4. – С. 3–15.
26. **Федосюк М. Ю.** Способы передачи новой информации в художественном тексте / М. Ю. Федосюк // Филологические науки. – 1983. – № 6. – С. 40–46.
27. **Черняховская Л. А.** Перевод и смысловая структура / Л. А. Черняховская. – М. : Международные отношения, 1976. – 264 с.
28. **Шевякова В. Е.** Современный английский язык. Порядок слов, актуальное членение, интонация / В. Е. Шевякова. – М. : Наука, 1980. – 384 с.
29. **Щеглов Ю. К.** К понятиям логических субъекта и предиката / Ю. К. Щеглов // Машинный перевод и прикладная лингвистика. – 1964. – № 8. – С. 109–124.
30. **Юрченко В. С.** О некоторых вопросах актуального членения фразы в современном русском языке / В. С. Юрченко // Вопросы славянского языкознания. – Саратов : Изд-во Саратовск. ун-та, 1968. – С. 67–80.
31. **Chomsky N.** Aspects of the Theory of Syntax / Noam Chomsky. – Cambridge (Mass.) : Cambridge University Press, 1965. – 251 p.
32. **Dahl Ö.** Topic and comment: a study in Russian and general transformational grammar / Östen Dahl. – Stockholm : Acta universitatis Gothoburgensis, 1969. – 53 p.
33. **Halliday M. A. K.** The Place of «Functional Sentence Perspective» in the System of Linguistic Description / Michael Alexander Kirkwood Halliday // Papers on Functional Sentence Perspective / Ed. by F. Daneš. – Prague : Academia, 1974. – P. 43–53.

Надійшла до редколегії 21.10.11

УДК 811.161.1'253

А. В. Онанченко

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

К ВОПРОСУ О ВАРИАНТНОСТИ И АНТОНИМИИ ТЕРМИНОВ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ

Присвячено вивченню таких системних відношень термінів перекладознавства, як варіантність та антонімія; розглянуто види варіантних та антонімічних номінацій, наведено приклади функціонування цих одиниць у спеціальному тексті.

Ключові слова: термінологія перекладознавства, рівнозначність, синонімія, варіантність, антонімія.

Посвящена изучению таких системных отношений терминов переводоведения, как вариантность и антонимия; рассмотрены виды вариантных и антонимических номинаций, приведены примеры функционирования этих единиц в специальном тексте.

Ключевые слова: терминология переводоведения, равнозначность, синонимия, вариантность, антонимия.

The article deals with the study of such system terms relations in translation as variance and antonymy. The types of variant and antonymic nominations were investigated, the examples of functioning of such units in a special text were provided.

Keywords: terminology of translation, equivalence, synonymy, variance, antonymy.

Слово как единица языка может вступать в синонимические и антонимические отношения, в которых наиболее ярко проявляется системность лексических единиц, т. к. они входят в состав различных лексико-семантических парадигм. Обновление этих парадигм в системном строе терминологии переводоведения вызывает необходимость их дальнейшего изучения. Целью данного исследования является анализ терминов перевода с точки зрения системных связей, заключающийся в: а) формировании парадигм терминов-вариантов и терминов-антонимов и б) классификации вариантных и антонимических номинаций на типы.

Терминология представляет собой открытую систему, которой свойственно динамическое развитие и способность образовывать вариантные номинации. Каждая языковая единица, оставаясь неизменной, существует в виде множества вариантов, поскольку «вариантность – термин, характеризующий способ существования и функционирования единиц языка и системы языковой в целом» [2, с. 80].

Проблема вариантности терминов остаётся актуальной и сегодня, так как, несмотря на множество научных работ, до сих пор нет единой точки зрения на ее причины, природу, характер взаимодействия семантически эквивалентных терминов, тенденции развития этого явления.

Не ставя перед собой задачу критического осмысления затрагиваемого вопроса в теоретическом отношении, мы остановимся на характеристике типов вариантов терминов, функционирующих в сфере переводоведения, которая в наши дни является одной из наиболее развивающихся отраслей человеческой деятельности. При этом остается практически не изученным язык профессиональной коммуникации в этой области и, в частности, его номинативная система, не лишенная всех семантических явлений, свойственных естественному языку, в том числе и вариантности. Нужно заметить, что в сложившейся терминологии большинство терминов зафиксировано в словарях (словарные термины), не отражающих в полной мере варьирование формы термина. Но существуют научные тек-

© Онанченко А. В., 2012

сты по переводоведению со своими терминами, часто употребляемыми исследователями (авторские термины), в которых допускается неустойчивость формы и значения. Даже в пределах одного текста могут встретиться около 7 вариантов термина (например, *ИЯ – язык-источник – исходный язык – исходный код – язык оригинала – язык автора – язык, с которого осуществляется перевод; ПЯ – язык перевода – переводящий язык – код выходного текста – код переводного текста – язык-рецептор – язык, на который осуществляется перевод* и др.). В частности, проанализировав учебник «Теория перевода» [10], мы обнаружили, что в тексте используется несколько разных вариантов одного и того же термина, например: «*Следует также отметить, что носителей* ***ИЯ*** *и ПЯ может различать неодинаковая степень информационного запаса относительно определенных фрагментов реальной действительности* (с. 128). … *При таком подходе система лексических и грамматических категорий ПЯ как бы проецируется на* ***язык оригинала*** (с. 193). … *Для того чтобы избежать этих неприятностей, переводчик художественной литературы должен не просто знать* ***исходный язык****, а также литературу, историю, культуру народа, говорящего на этом языке, но и быть знакомым с творчеством, системой взглядов и эстетических ценностей автора* (с. 256).

Вслед за С. В. Гриневым-Гриневичем, мы не разграничиваем понятий синонимии и вариантности, отдавая приоритет термину *равнозначность*. Равнозначные термины делятся на *термины-синонимы* – термины одного языка с тождественным или подобным значением и *эквиваленты* – разноязычные термины с тождественным или подобным значением. Термины-синонимы, в свою очередь, делятся на *варианты* – абсолютные синонимы, полученные вариацией формы термина, и *дублеты* – абсолютные синонимы с различной формой [3, с. 102–108].

К основным видам вариантов терминов переводоведения относятся:

1. Словообразовательные варианты, различающиеся словообразовательным аффиксом: *авториз**ирова**нный перевод – авториз**ова**нный перевод, перифраз**ирова**ние – перифраз*; *перевод-диктант – перевод-дикт**овка**; транслитерирование – транслитерация; эллипс – эллипс**ис**; дистант**н**ое обучение – дистанц**ион**ное обучение; заглав**н**ое слово – заглав**очн**ое слово; изоморфность –изоморф**изм**; иллюстр**ирова**нный словарь – иллюстрат**ив**ный словарь; интеграт**ивность** текста – интегра**ция** текста*.

Проиллюстрируем употребление словообразовательных вариантов в специальном тексте: *«Доктор Притт в своей статье "Curbing the Right in Iraq's Republic" пользуется метафорическим* ***перифразом****:…»* [7, с. 19].

«Широко используя предложенную В. Г. Гаком классификацию моделей языкового синтеза, А. Д. Швейцер предлагает различать в процессе перевода грамматические трансформации, лексико-семантическое ***перифразирование*** *и ситуативные преобразования»* [5, с. 15].

Словообразовательные варианты *эллипс – эллипсис* неоднократно встречаются в книге Л. С. Бархударова «Язык и перевод» [1], ср: «*Действительно, наличие в речевой ситуации определенных элементов, помогающих однозначно раскрыть содержание тех или иных языковых единиц, дает возможность опускать (подвергать* ***эллипсису****) те компоненты текста, значение которых может быть извлечено из самой наличной ситуации»* (с. 31). *... Это явление весьма типично для словосочетаний английского языка; с точки зрения порождающей грамматики, его можно трактовать как «****эллипс****» или «опущение» тех или иных семантических элементов, наличествующих в глубинной структуре предложения, при ее трансформации в структуру поверхностную*» (с. 220).

2. Синтаксические варианты – варианты терминов-словосочетаний, отличающиеся синтаксической моделью образования (порядком слов и отношением

между ними): *переводческие трансформации – трансформации перевода; коммуникационный акт – акт коммуникации; кинетический язык – язык жестов; компрессия текста – речевая компрессия; языковая единица – единица языка; языковой стиль – стиль языка; инвариантность смысла – смысловой инвариант*. Ср.: «*В ходе предыдущего изложения нам неоднократно приходилось делать ссылки на понятие контекста, отмечая, что выбор того или иного соответствия при переводе во многом определяется контекстом, в котором употреблена та или иная* ***языковая единица***» [1, с. 169]. … «*Еще раз подчеркнем, что слово – далеко не единственная* ***единица языка***…» [1, с. 169].

3. Морфолого-синтаксические варианты – варианты, один из которых представляет собой термин-словосочетание, а другой – его краткий вариант, полученный путем синтаксических и морфологических преобразований. Здесь можно выделить следующие разновидности:

а) эллиптические варианты – морфолого-синтаксические варианты, образованные путем пропуска одного или нескольких малоинформативных компонентов: *автоматизированный машинный словарь – машинный словарь*; *конверсивные преобразования – конверсия; перевод на уровне фонем – пофонемный перевод; модель переводческой деятельности – модель перевода.*

При анализе специальных текстов была замечена сложность при поиске двух вариантов в одном специальном тексте, но возможно их наличие в двух разных текстах как, например: *«Теория уровней эквивалентности предлагает "****модель переводческой деятельности****, основанную на предложении, что отношения эквивалентности устанавливаются между аналогичными уровнями содержания текстов оригинала и перевода"»* [6, с.62]; *«Поэтому достаточно адекватная и «сильная»* ***модель перевода*** *должна быть, прежде всего, моделью семантической»* [1, с. 235].

б) аббревиатурные варианты – морфолого-синтаксические варианты, образованные сложением частей слов многокомпонентного термина: *обучающий лингвистический автомат – ОЛА, ограниченный машинный перевод документов – ОМПД, исходный текст – ИТ, лингвоэтническая коммуникативная компетенция – ЛКК; инженерно-лингвистическая модель – ИЛМ* и др.

Как правило, аббревиатуры функционируют в специальном тексте как субституты их полных аналогов, ср.: «*лингвистическая теория перевода имеет дело как с текстами на* ***исходном языке (ИЯ)*** *и на* ***языке перевода (переводящего языка – ПЯ)****, так и с процессом преобразования текста оригинала в текст перевода. … переводчик объединяет речевые акты на* ***ИЯ*** *и* ***ПЯ****, участником которых он является*» [5].

К дублетам в терминологии переводоведения относятся такие ряды равнозначных номинаций, как *подлинник – оригинал; ручная речь – кинетическая речь; контактная аудитория – открытая аудитория; коммуникативная эффективность – переводческая компетенция; коммуникант – источник – реципиент; контекстные соответствия – эквивалентные соответствия; контрастивная лингвистика – сопоставительное языкознание; лингвистический перевод – специальный перевод; перевод – результат – транслят* и т. д.

Равнозначность дублетного типа чаще всего возникает при варьировании определяющего компонента термина-словосочетания, ср.: ***Единичное (постоянное) соответствие*** – наиболее устойчивый (постоянный) способ перевода данной единицы ИЯ, относительно независимый от контекста [5]; ***Свободный (вольный) перевод*** – перевод, выполненный на более низком уровне эквивалентности, чем тот, которого можно достичь при данных условиях переводческого акта [5] и др. Варьироваться может и определяемый компонент составного термина: ***Уро-***

вень (тип) эквивалентности – степень смысловой близости оригинала и перевода, определяемая частью содержания оригинала, сохраняемой при переводе [5]. В отношения дублетности могут вступать и разноструктурные номинации: а) слово – словосочетание: ***Модуляция (смысловое развитие)*** – лексико-семантическая замена слова или словосочетания ИЯ единицей ПЯ, значение которой является логическим следствием значения исходной единицы; ***Экспликация (описательный перевод)*** – лексико-грамматическая трансформация, при которой лексическая единица ИЯ заменяется словосочетанием, эксплицирующим ее значение, т. е. дающим более или менее полное объяснение этого значения на ПЯ; б) словосочетание – сложное слово; ***Узкий контекст (микроконтекст)*** – лингвистический контекст в пределах одного словосочетания или предложения [5].

В тексте дублетные номинации чаще всего предъявляются контактно, выполняя функцию идентифицирующей (отождествляющей) номинации [9, с. 157], ср.: «*Речевое общение может осуществляться и между коммуникантами, говорящими на разных языках. В этом случае будет иметь место* ***межъязыковая (двуязычная) коммуникация****. … Языковой посредник должен извлекать информацию из* ***текста исходного сообщения («оригинала» или «подлинника»)*** *и передавать ее на другом языке*» [5].

Итак, можно заметить, что все виды синонимов представляют довольно обширные группы в терминологии переводоведения.

В отличие от синонимических отношений, антонимические не вызывают пылких дискуссий в научных кругах, но заслуживают внимания, поскольку они возникают бинарно и основываются на противопоставлении двух качеств, состояний, характеристик. Антонимы – это слова с противоположным значением, то есть слова, которые соотносятся по противоположному семантическому признаку. Они не нарушают главные принципы терминологии – точность, стилистическую нейтральность и однозначность. Это подтверждают исследования В. П. Даниленко, которая ссылается на А. М. Деборина: «Понятия рождаются парами», и Кеннета Форда, утверждающего, что «в природе у каждой частицы есть своя античастица» [4, с. 79–80].

Благодаря этой специфике явление антонимии распространяется также на сферу терминологии, а именно на сферу изучаемой нами терминологии переводоведения. Следует рассмотреть проявления данного явления под призмой классификации антонимов Л. А. Новикова [8, с. 20–21], в основе которой лежит различие в выражении контраста в антонимических парах. Согласно учёному, антонимы-термины делятся на 3 группы – контрадикторные, контрарные и комплементарные; антонимы-конверсивы представляют отдельную группу.

Группа контрадикторных антонимов представлена парами однокоренных терминов, их члены взаимопредполагают и взаимоисключают друг друга. В эту группу невозможно включить нейтральный член. Один из терминов имеет отрицательный словообразовательный префикс, который несет значение отсутствия какого-либо признака, например: *маркированный – немаркированный, переводимость – непереводимость, машинный перевод – немашинный перевод* (=обычный перевод).

Отметим, что контрадикторные антонимы также могут быть представлены разнокоренными словами с полярным, противоположным значением: *опущение – добавление, конкретизация – генерализация, узкий контекст – широкий контекст*; *буквалистский перевод – вольный перевод; эквивалентные соответствия – безэквивалентные формы; прямой перевод – косвенный перевод*.

В отличие от единиц предыдущей группы, контрарные антонимы проявляются в отношении противоположности, а не строгой оппозиции. Их характерной

особенностью является градуальность, которая позволяет расширить антонимическую пару до ряда терминов, в котором элементы различаются по степени проявления признака*: открытая аудитория – полузакрытая аудитория – закрытая аудитория*. Разнокоренные контрарные термины обычно дополняются средним членом, представленным словом с нейтральным значением*: внутриязыковой перевод – межъязыковой перевод – межсемиотический перевод*. К контрарному типу также следует отнести антонимические ряды терминов, образованных по модели: один – два – (три) – много, ср.: *односторонний перевод – двусторонний перевод – трёхсторонний перевод*.

Комплементарные антонимы характеризируются положительным содержанием каждого члена, которые не несут в себе отрицательных признаков, а лишь соотносятся на основе контраста выражаемых признаков. Комплементарная терминологическая пара строится на отношениях рода и вида и не может быть расширена за счет нейтрального члена: *внешняя лингвистика – внутренняя лингвистика, внешняя речь – внутренняя речь; общая теория перевода – частная теория перевода.*

Отметим, что условие градуальности / неградуальности является главной граничащей чертой между контрарными и комплементарными антонимами.

Термины-контраверсивы образуют отдельную группу антонимов, так как в отличие от трёх рассмотренных групп характеризуются с позиции двух разных денотатов. Они отличаются от представленных выше групп антонимов, поскольку представляют обратные по характеру и направленности назначения явления и действия, которые описаны с позиции двух субъектов-участников действия, например: *адресат – адресант*; *отправитель – реципиент.*

В процессе функционирования один и тот же термин может развивать парадигматические отношения вариантного и антонимического типа одновременно. Например, термины ***широкий контекст – узкий контекст***, будучи дублетами, вступают в антонимические связи с дублетной парой ***макроконтекст – микроконтекст***. Ср.: «*В пределах общего понятия контекста различается* ***узкий контекст*** *(или “микроконтекст”) и* ***широкий контекст*** *(или “макроконтекст”)»* [1, с. 169].

Такие же отношения характеризуют и термины ***свободный (вольный) перевод*** (перевод, выполненный на более низком уровне эквивалентности, чем тот, которого можно достичь при данных условиях переводческого акта) – ***синтаксическое уподобление (дословный перевод)*** (способ перевода, при котором синтаксическая структура оригинала преобразуется в аналогичную структуру ПЯ с сохранением набора полнозначных слов и порядка их расположения в оригинале и переводе).

Подводя итог, следует отметить, что неустойчивость формы и значения равнозначных терминов допускается во многих специальных текстах. Вариантные термины, как и термины-дублеты, широко используются в авторских текстах, поскольку они допускают вариацию формы либо определяющего компонента словосочетания. В отличие от равнозначных терминов, антонимические термины возникают в парах и проявляются в отрицании, противоположности, градуальности и неградуальности (отношениях рода и вида), направленности явления. Терминология переводоведения имеет множество парадигм, в которых равнозначные термины функционируют как между собой, так и с антонимическими терминами, таким образом, вступая с ними в системные отношения.

Библиографические ссылки

1. **Бархударов Л. С.** Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода) / Л. С. Бархударов. – М. : Международные отношения, 1975. – 239 с.
2. **Большой энциклопедический словарь. Языкознание** / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. – 683 с.
3. **Гринев-Гриневич С. В.** Терминоведение / С. В. Гринев-Гриневич. – М. : Академия, 2008. – 304 с.
4. **Даниленко В. П**. Русская терминология. Опыт лингвистического описания / В. П. Даниленко. – М. : Наука, 1977. – 246 с.
5. **Казакова Т. А.** Теория перевода (лингвистические аспекты) [Электронный ресурс] / Т. А. Казакова. – Режим доступа : web-local.rudn.ru/web-local/prep/prep_96/load/ seminar 1.doc
6. **Комиссаров В. Н.** Теория перевода (лингвистические аспекты) : учеб. пособие для ин-в и фак-в иностр. яз. / В. Н. Комисаров. – М. : Высш. шк., 1990. – 253 с.
7. **Левицкая Т. Р.** Теория и практика перевода с английского языка на русский / Т. Р. Левицкая, А. М. Фитерман. – М. : Изд-во литературы на иностр. языках, 1963. – 125 с.
8. **Новиков Л. А.** Лексикология русского языка, ее основные понятия и категории / Л. А. Новиков // Русский язык в национальной школе. – 1972. – № 6. – С. 11–24.
9. **Пристайко Т. С.** Лексико-номинативная организация специального текста : монография / Т. С. Пристайко. – Дн. : УкО ІМА-прес, 1996. – 200 с.
10. **Сдобников В. В.** Теория перевода / В. В. Сдобников, О. В. Петрова. – М. : Восток-Запад, 2006. – 445 с.

Надійшла до редколегії 10.11.11

УДК 811.161.1'367

И. В. Острецова

Национальная металлургическая академия Украины (г. Днепропетровск)

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ОПИСАТЕЛЬНЫХ ПРЕДИКАТОВ

На основі критичного осмислення сучасних наукових розробок проаналізовано основні наукові підходи до вивчення описових предикатів у російській мові.

Ключові слова: описовий предикат, рівень словосполучення, рівень речення, ОП як одна денотативна одиниця, ОП як комунікативна одиниця.

На основе критического осмысления современных научных разработок проанализированы основные научные подходы к изучению описательных предикатов в русском языке.

Ключевые слова: описательный предикат, уровень словосочетания, уровень предложения, ОП как единая денотативная единица, ОП как коммуникативная единица.

Basic scientific approaches to research of descriptive predicates in Russian on the basis of critical thinking of the modern scientific developments are analysed.

Keywords: descriptive predicate, level of the phrase, level of the sentence, DP as single denotative unit, DP as communicative unit.

Глагольные описательные единицы с общим значением процессуальности относятся в русском языке к области «нечетких структур» и переходных явлений, анализ которых принадлежит к наиболее перспективным направлениям современного языкознания [5, с. 2]. Повышенное внимание ученых к подобным струк-

© Острецова И. В., 2012

турам обусловлено их семантической усложненностью, разнообразием выполняемых в языке функций и сравнительно высокой частотностью употребления в разных функциональных разновидностях русского и других языков, а также с усиливающейся в современном русском языке тенденцией к аналитизму, конкурирующей в истории языка с тенденцией к синтетизму [11, с. 3]. Несмотря на то, что описательные глагольные обороты являются традиционным объектом лингвистики, в последнее время интерес к ним возрождается благодаря появлению новых объектов исследования, новых подходов к изучению языка и речи, новых целей и аспектов лингвистических исследований [4; 9].

В связи с отмеченным в настоящей статье предпринимается попытка на основе критического осмысления имеющихся научных разработок осветить основные современные научные подходы к изучению подобных языковых структур.

Отметим, прежде всего, что до недавнего времени к разряду глагольных описательных выражений традиционно относились глагольно-именные словосочетания непредикативного характера, соотносимые с однословными коррелятами (типа *осуществлять прокатку = прокатывать, производить зондирование = зондировать, проводить досмотр (груза) = досматривать (груз)*), которые именовались в лингвистической литературе по-разному: лексикализованные сочетания (С. И. Ожегов), глагольно-именные фразеологические обороты (В. А. Козьменко), глагольно-именные сочетания (В. М. Дерибас, Е. М. Вольф, Э. И. Ефремова, В. В. Розанова), описательные глагольно-именные обороты (П. А. Лекант, Е. Н. Лагузова, Л. Н. Касьянова), глагольно-описательные выражения (А. П. Мордвилко) и т. д. Со временем ученые пришли к выводу о том, что подобные единицы не исчерпывают всего состава описательных выражений, поскольку многие из последних имеют структурную модель предложения, например: *идет ремонт, проходит рекристаллизация, происходит внесение (налога), происходит изменение (функций почек)* и т. д.

В рамках нового подхода описательные выражения получили название ***описательных предикатов***. Современный этап изучения описательных предикатов связан с работами М. В. Всеволодовой, Р. Канзы и их последователей. В частности, в исследовании Р. Канзы последовательно проводится разграничение ОП по структурному принципу: **ОП-1**, строящиеся по образцу непредикативной конструкции-словосочетания: *производить посадку, подвергать тело давлению* (примеры наши. – *И. О.*), и **ОП-2**, строящиеся по образцу предикативной конструкции: *происходит излучение, распад, рассеяние.* Соответственно, они имеют следующую структурную схему: ОП-1 – $V_f + N_2$synt, где V_f – спрягаемая форма глагола, N_2synt – существительное в косвенном падеже (винительном, дательном или творительном), и ОП-2 – $V_f + N_1 + N_2$synt , где V_f – спрягаемая форма глагола, N_1 – существительное в именительном падеже, N_2synt – существительное в родительном падеже с субъектным значением [6].

Исчерпывающее определение описательных предикатов предложено в статье М. В. Всеволодовой и В. А. Кузьменковой «Описательные предикаты как фрагмент русской синтаксической системы». «**Описательными предикатами**, – пишут авторы, – мы называем производные двухсловные дескрипции с именной словоформой, соотносимые по смыслу с одним словом – глаголом, прилагательным, страдательным причастием или предикативным наречием (которые можно по аналогии со словообразованием назвать производящими) – и образующие синтаксические структуры двух уровней: уровня словосочетания (в его узком понимании) с именной словоформой в косвенном падеже, где именной компонент занимает, как правило, синтаксически зависимую позицию формального дополнения: *Террорист взорвал бомбу > Террорист* ***произвел взрыв*** *бомбы*, и уровня под-

лежащно-сказуемостной пары, где именной компонент занимает позицию подлежащего: *Бомба взорвалась* > ***Произошел взрыв*** *бомбы*» [3, с. 7].

В ключе нового подхода выполнены исследования Г. В. Макович и В. А. Кузьменковой. В работе Г. В. Макович «Описательные предикаты со значением конкретного действия, поведения, когнитивно-познавательной и речевой деятельности в современном русском языке» [10] анализируются различные виды активных действий, которые могут быть обозначены при помощи ОП. Необходимыми признаками предикатов активного действия, как считает Г. В. Макович, являются конкретная локализованность во времени, а также соотнесенность с интеллектуальным субъектом, прилагающим усилия для того, чтобы действие имело место. Автор представляет классификацию ОП, выражающих различные виды активных действий:

1) конкретные действия: *вести бурение, делать замес, заниматься побелкой, подвергать кипячению*;

2) социальную деятельность: *вершить суд, заниматься коммерцией, проводить инвентаризацию*;

3) поведение: *делать пакости, проявлять беспечность, допускать неосторожность*;

4) когнитивную деятельность: *делать предположения, заниматься обдумыванием*;

5) речевую деятельность: *вести рассказ, обращаться с призывом*.

Исследователь отмечает специфику ОП – их структурное расчленение при относительной целостности значения, семантическое преобразование одного из компонентов (глагольного), сосредоточение семантики ОП в именном компоненте. ОП в работе рассматриваются как структурно-семантический центр предложения, анализируется их состав (глагольный + именной компонент) и структура. Актуальным и перспективным в работе Г. В. Макович представляется рассмотрение ОП в составе предложения и шире – в тексте. Только такой подход, на наш взгляд, гарантирует решение многих вопросов, связанных с использованием однословных и описательных предикатов в речи. По оценкам других исследователей, работа Г. В. Макович вносит существенный вклад в разработку проблемы описательных предикатов, в разработку семантической классификации предикатов русского языка [8, с. 37].

В работах В. Н. Телии [1981] и В. А. Кузьменковой [2000] реализован подход, в соответствии с которым ОП представляется как «единица “косвенной номинации”, которая состоит из глагольного компонента с переосмысленным исходным значением и именного компонента; она обладает семантической целостностью и выполняет синтаксическую функцию простого глагольного сказуемого (ОП-1) или сочетания подлежащего и сказуемого (ОП-2)»: *Готов* ***оказывать*** *Вам всяческое* ***содействие*** (*оказывать содействие* > *содействовать* – ОП-1); *По вечерам в центре Москвы* ***происходит*** *массовое* ***ограбление*** *прохожих* (*происходит ограбление* > *грабят* – ОП-2) [8, с. 13].

Основы такого подхода заложены в учении В. В. Виноградова о типах лексического значения, изложенном в статье 1953 г. «Основные типы лексических значений слова» [2]. В ней впервые была поставлена проблема свободных и связанных значений слова. В. В. Виноградов считал, что одним из путей подхода к решению сложных вопросов, связанных с изучением слова и его значения, с исследованием законов изменений значений слов «является выяснение разных типов или видов лексических значений слова и способов или форм их связи в смысловой структуре слова» [2]. В работе выделяется несколько типов значений: свободное значение, фразеологически связанное значение (*облечь властью, довери-*

ем), функционально-синтаксически ограниченное значение (*она у нас молодец*) и конструктивно-обусловленное (*плакаться, сетовать, жаловаться* на что-л.).

Принципиально важным для нового представления об ОП является понятие фразеологически связанных значений, для которых характерна «замкнутость, ограниченность возможных сочетаний с другими словами» [2, с. 27].

Мысль В. В. Виноградова о связанном значении слова оказалась весьма плодотворной в определении места ОП в системе языка и получила своё развитие в работах В. Н. Телии [12], Л. М. Корневой [7], В. А. Кузьменковой [8] и др.

В работе «Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке» В. Н. Телия, вслед за В. В. Виноградовым, утверждает, что связанное значение слова коренным образом отличается от слов в их свободных значениях и имеет свою категориальную специфику. Эта специфика заключается в том, что связанное значение представляет собой продукт особого способа вторичной номинации – номинации косвенной, оперирующей комбинаторной техникой сочетания слов для создания новых лексических наименований и приводящей к опосредованному способу указания на мир такими косвенно-производными значениями через отнесённость к действительности семантически ключевых для них слов, выступающих в роли опорных наименований в несвободных сочетаниях слов [12, с. 11].

В. Н. Телия рассматривает ОП как явление косвенной номинации, при которой именной компонент является опорным наименованием (ключевым словом, семантически главенствующим), а глагольный компонент обозначает какой-либо динамический признак опорного наименования, выполняя роль транспонирующего знака.

Глагольные перифразы, отмечает В. Н. Телия, занимают в предложении позицию сказуемого (или его трансформов). Однако глагол в ОП не является ядром пропозитивного значения, он служит для оформления смыслового содержания и отражает динамическое состояние обозначаемого. Таким образом, «ключевое слово отсылает к тому, что имеет место в мире, а связанное значение сигнализирует о динамике и распределении участников обозначаемого события» [12, с. 185]. «Техника» образования глагольных перифраз (ОП) такова: опредмеченное имя, лишённое грамматических показателей процессуальности, ищет себе признаковое определение динамических свойств. Обрамление сочетания общей для обоих его членов актантной рамкой приводит к смысловому сращению имени и глагола [12, с. 186]. При такой дополнительности слова-компоненты в ОП лишаются автономной знаковой функции, но не утрачивают её полностью.

В. Н. Телия, подробно останавливаясь на связанности значения глагола, подчеркивает, что «глагол, указывая на динамический признак ключевого слова и на роли участников, расшифровка которых зависит от его лексической семантики (ср.: *приходить в недоумение* и *приводить в недоумение*), сходен по знаковой функции с глаголами, имеющими абстрактное (аналитическое) значение типа *начинать, являться* и т. п. с той, однако, существенной разницей, что глагол в составе перифраз указывает только на индивидуальные признаки определённого слова (или ряда слов [12, с. 187].

Важно заметить, что связанность значения обусловлена в первую очередь не выветриванием лексического значения глагола (последнее, скорее, является следствием), а семантической спецификацией – обозначением индивидуальных признаков семантически ключевых слов.

Несколько иначе трактует понятие связанности значения Л. М. Корнева. Отталкиваясь от положений В. В. Виноградова и В. Н. Телии, она настаивает на разграничении фразеологически связанного значения и значения, которое реализуется в ОП. Исследователь обосновывает свою позицию следующими аргумен-

тами: «Связанность глаголов в устойчивых сочетаниях (УС) имеет отличительные признаки. Во-первых, они характеризуются более широкой сочетаемостью, нежели слова с фразеологически связанным значением. Во-вторых, замена их синонимами не раскрывает значение данных слов; ср.: *сделать / допустить ошибку и щурить / прикрывать глаза*. В-третьих, глагол со связанным значением в УС имеет более абстрактную семантическую структуру и совместно с существительным выражает целостное понятие, тогда как слова с фразеологически связанными значениями обладают конкретной семантикой и самостоятельной направленностью на денотат» [7, с. 22]. В свою очередь, Л. М. Корнева, вслед за Н. Н. Амосовой, предлагает называть связанное значение глагольного компонента в УС «узуально связанным», исходя из того, что в словах, имеющих узуально связанное значение, «указательный минимум является ни классически переменным, ни тем более постоянным, а лишь традиционно (или узуально) лимитированным» [1, с. 69].

Более плодотворной нам представляется точка зрения В. А. Кузьменковой, которая также развивает концепцию В. В. Виноградова и В. Н. Телии. Подчеркивая важность данной В. В. Виноградовым характеристики связанного значения слова, В. А. Кузьменкова отмечает, что она помогает составить «портрет» анализируемой синтаксической единицы – ОП. Автор пишет: «Для нас важен не факт «зачисления» В. В. Виноградовым ОП в область фразеологии, как считают некоторые учёные, а принципиально важный факт выделения им связанного значения слова, и прежде всего то, что связанные значения, как считает В. В. Виноградов, проявляются лишь в связи со строго определённым кругом понятий и их словесных обозначений» [8, с. 28]. В своей работе В. А. Кузьменкова убедительно показывает, что контекстпартнёрство глагольного и именного компонентов в ОП не является произвольным, оно взаимообусловлено, взаимозависимо и в разной степени ограничено. Согласно автору, слова-партнёры (глагольный + именной компонент) участвуют в формировании значения ОП как одной семантической единицы, причем их участие проявляется в разной степени, в зависимости от типа ОП.

В. А. Кузьменкова дополняет положение об описательном предикате как акте косвенной номинации в коммуникативном аспекте, уточняя его с позиций учения об уровнях организации предложения, которое, в свою очередь, базируется на идеях Фр. Данеша и развивается в работах М. В. Всеволодовой, О. Ю. Дементьевой и др. Обобщенная концепция, предлагаемая В. А. Кузьменковой, включает четыре уровня организации предложения: денотативный, семантический, синтаксический и коммуникативный. С этих позиций определяющим критерием для отнесения той или иной единицы языка к ОП следует считать фундаментальное свойство ОП – представлять одну (единую) понятийную единицу, что не означает ее изоморфности формальным синтаксическим единицам – членам предложения. «ОП-1 на формальном уровне, – пишет В. А. Кузьменкова, – мы рассматриваем как сказуемое + дополнение (прямое или косвенное), а ОП-2 – как сочетание подлежащего и сказуемого» [8, с. 13].

На наш взгляд, признание отмеченного В. А. Кузьменковой фундаментального свойства описательных предикатов – представлять на денотативном уровне одну (единую) денотативную единицу – является ключом к решению проблем выделения и классификации ОП, а в сочетании с анализом синтаксической устроенности предложений с ОП – ключом к пониманию многих вопросов, связанных с функционированием ОП в речи, явления семантической парадигмы, фактов функционирования ОП, не имеющих соотносительного глагола-коррелята, т. е. аналогов ОП (*наносить урон – Ø*, *доставлять удовольствие – Ø*), и других явлений.

Несомненным достоинством обсуждаемой работы В. А. Кузьменковой является и то, что ОП в ней представлены как коммуникативный механизм, оптимально обеспечивающий говорящему (пишущему) решение коммуникативных задач.

Таким образом, представленный обзор позволяет говорить о последовательном развитии научных подходов к пониманию и анализу описательных предикатов в современном русском языке: от выделения глагольно-именных сочетаний непредикативного характера до представления об описательных предикатах как синтаксических структурах двух уровней: уровня словосочетания с именной словоформой в косвенном падеже и уровня подлежащно-сказуемостной пары, где именной компонент занимает позицию подлежащего. Безусловно плодотворным для теоретического осмысления ОП явилось положение об ОП как единой денотативной единице, успешно выполняющей в речи функции коммуникативного механизма.

Библиографические ссылки

1. **Амосова Н. Н.** Основы английской фразеологии / Н. Н. Амосова. – М. : Наука, 1963. – 130 с.
2. **Виноградов В. В.** Основные типы фразеологических единиц в русском языке / В. В. Виноградов // Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М. : Наука, 1977. – С. 140–162.
3. **Всеволодова М. В.** Описательные предикаты как фрагмент русской синтаксической системы / М. В. Всеволодова, В. А. Кузьменкова // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. – 2003. – № 5. – С. 7–29.
4. **Грошева М. А.** Номинативный потенциал глагольно-именных сочетаний типа «*принять решение*» и «*to give a smile*» : автореф. дисс. … канд. филол. наук / М. А. Грошева. – Тюмень, 2004а. – 20 с.
5. **Дидковская В. Г.** Системно-функциональное описание фразеологических сочетаний современного русского языка (на материале глагольно-именных словосочетаний : автореф. дисс. … доктора филол. наук / В. Г. Дидковская. – СПб, 2000. – 38 с.
6. **Канза Р.** Описательный способ выражения семантического предиката в современном русском языке (предикат со значением состояния человека) : автореф. дисс. … канд. филол. наук / Р. Канза. – М., 1991. – 20 с.
7. **Корнева Л. М.** Семантико-стилистические свойства глагольно-именных устойчивых словосочетаний нефразеологического характера в современном русском языке : дисс. ... канд. филол. наук / Л. М. Корнева. – Волгоград, 1993. – 219 с.
8. **Кузьменкова В. А.** Типология описательных предикатов и их аналогов в современном русском языке : дисс. ... канд. филол. наук / В. А. Кузьменкова. – М., 2000. – 202 с.
9. **Лагузова Е. Н.** Описательный глагольно-именной оборот как единица номинации : дис. … д-ра филол. наук / Е. Н. Лагузова. – М., 2003. – 345 с.
10. **Макович Г. В.** Описательные предикаты со значением конкретного действия, поведения, когнитивно-познавательной и речевой деятельности в современном русском языке / Г. В. Макович. – Челябинск : Челяб. гос. ун-т, 1995. – 148 с.
11. **Похмельных В. В.** Глагольно-именные перифрастические обороты современного русского языка : автореф. дисс. ... канд. филол. наук / В. В. Похмельных. – М., 1985. – 18 с.
12. **Телия В. Н.** Типы языковых значений : связанное значение слова в языке / В. Н. Телия. – М. : Наука, 1981. – 269 с.

Надійшла до редколегії 20.02.12

УДК 811.111

Е. И. Панченко

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

КРАСНЫЙ ЦВЕТ В АНГЛИЙСКИХ ПАРЕМИЯХ И ТЕКСТЕ

Розглянуто значення колоратива «червоний», специфіка якого полягає в тому, що він є полісемантичним, і нові компоненти його значення виникають залежно від низки лінгвальних та екстралінгвальних факторів.

Ключові слова: колоратив, полісемант, паремія, фразеологізм.

Рассмотрено значение колоратива «красный», специфика которого заключается в том, что он является полисемантичным, и новые компоненты его значения возникают в зависимости от ряда лингвальных и экстралингвальных факторов.

Ключевые слова: колоратив, полисемант, паремия, фразеологизм.

This article deals with the meaning of the colorative red that is characterised as a polysemantic word, which new components appear due to a few lingual and extralingual factors.

Keywords: colorative, polysemantic word, paremy, phraseologism.

Данная статья написана в русле новейших исследований, поскольку проблема цветообозначения сохраняет свою актуальность в силу того факта, что значение той или иной цветолексемы меняется со временем, отражая социолингвистические и исторические факторы.

Систему английского цветообозначения изучают Е. Комина, Л. Полубиченко, С. Упорова, Е. Штенгелов и другие исследователи, однако, насколько нам известно, сопоставление словарного, идиоматического и текстового значения слова, обозначающего цвет, еще не проводилось.

Целью данной статьи является комплексный анализ семантических компонентов слова RED, представленных в лексикографической дефиниции, в пословицах и поговорках, в художественном тексте.

Красный цвет, по мнению исследователей, в целом символизирует состояние «затраты энергии». Он выражает жизненную силу, нервную активность, означает склонности и устремление к получению результата и достижению успеха, импульсную волю к победе, жадное желание всего того, что может способствовать насыщенности бытия. Кулачные бои на Руси и дуэли во Франции проходили до первой крови. Человек, который предпочитает красный цвет, находится в состоянии сверхвозбуждения потому, что ему не хватает жизненной силы, или потому, что ему кажется, что его со всех сторон обступили неразрешимые проблемы [1, с. 210].

Аналогом русского слова «красный» в английском словаре является слово «red». Рассмотрим значение, которое имеет данная лексема в следующих словарях:

«Oxford advanced learner's dictionary of current English» А. С. Хорнби. Словарь является одноязычным словарем обычного типа, содержащим информацию о любом слове, а также производных словах. Слово «red» в нем имеет несколько значений: как прилагательное «*цвет крови, человеческих губ, языка, осенних листьев»* и приобретает еще одно значение «*имеет цвет телефонной будки в Великобритании»*. Второе значение слова «red» – «*относящийся к октябрьской социалистической революции, которая состоялась в России в 1917 году*» [9, с. 214]. Каждое значение иллюстрируется примерами:

Red with anger; with red eyes

© Панченко Е. И., 2012

The Red Army

Как известно, в английском языке одна форма слова может представлять разные части речи. Так и в данном случае, слово «red» является существительным и имеет такие значения как «*красный цвет; красная одежда; революционер; долг*» [9, с. 214]. Данные значения можно проиллюстрировать следующими примерами:

too much red in the painting

dressed in red

to be in the red (быть в долгу, иметь задолженность)

Словообразовательное гнездо представлено небольшим количеством лексем: *redden* (в значении «покраснеть»), *reddish* (в значении «слегка красноватый»).

Еще одним популярным толковым словарем является «New Century Dictionary» Вебстера. Данный словарь содержит только значение слов, без иллюстраций. В этом словаре основные значения слова «red» сохраняются. Оно трактуется как «*цвет крови, красный; политически левосторонний, коммунист*» [10]. Данные значения можно проиллюстрировать примерами из художественной литературы:

There were red flowers on the wallpaper (B. Plain).

The dark red braids fell free (B. Plain).

Наибольшее количество коннотаций английских слов представлено в «Новом большом англо-русском словаре», составленном Ю. Д. Апресяном. Этот словарь является двуязычным. Главная задача данного словаря – дать максимально полную информацию о том или ином слове. Каждое слово в словаре получает максимально полное толкование, приводятся примеры употребления слова в языке и фразеологические сочетания.

Как существительное слово «red» сохраняет основные значения. Оно определяется как «*красный цвет», «красный», революционер»* и как «*задолженность, долг; дефицит, убыток (записываемый красными чернилами)*» [с. 23–48]. Наряду с этими значениями, слово «red» приобретает еще значение – «*красный предмет; красная пуля* (в бильярде); *«красный»* (в рулетке), «*рыжее животное»*, «pl. amer. – *краснокожие (индианцы)*», «разг. *красное вино»* и «сленг – *деньги*». Появление данных значений обусловлено изменениями в общественной идеологии и появлением новых жизненных реалий. Приведенные значения иллюстрируются следующими примерами:

The reds and browns of the wood in autumn.

The red wins. («Красный» выиграл)

the Reds

Как прилагательное слово «red» также имеет основные значения – «*красный, алый, багровый, багряный»*, «*покрасневший»*, «*революционный, советский, коммунистический*». И в данном случае слово «red» приобретает и другие значения – «*румяный»*, «*рыжий»*, «*гнедой»*, «*окровавленный, обагренный кровью* (о руках)», «*краснокожий»* и «*северный* (о магнитном полюсе)». Иллюстрации к данному значению:

red cheeks, eyes with red weeping

Red flag

Red hair; red pony

He has red hands.

В словаре синонимов «Roget's New Millennium Thesaurus» приведены синонимы и антонимы того или другого слова, но без объяснений и иллюстраций. Вот такие синонимы дает Тезаурус к слову «red» как существительному: «*bittersweet, blood, bloodshot, blooming, blush, brick, burgundy, cardinal, carmine, cerise, cherry,*

chestnut, claret, copper, coral, crimson, dahlia, damask, flaming, florid, flushed, fuchsia, garnet, geranium, glowing, healthy, inflamed, magenta, maroon, pink, puce, rose, roseate, rosy, rubicund, ruby, ruddy, russet, rust, salmon, sanguine, scarlet, terra cotta, titian, vermeil, vermilion, wine».

Другие синонимы предоставляются к слову «red» как прилагательные: «*black, brown, dyed, flushed, glowing, hued, reddened, rouged, shaded, stained, tinged, tinted, washed*». А антонимами к данному слову в значении прилагательного является следующее слово: «*palewhite*».

Указанные значения можно проиллюстрировать примерами из художественной литературы:

Funny red spots came out on Mama's face (B. Plain).

his reddish eye snapped (B. Plain).

Приведем в табл. 1 синонимические ряды, типичные для русского и английского языков.

Таблица 1

«Красный» в синонимическом ряду

Русский язык «красный»	**Английский язык** «red»
алый, багровый, пурпурный, пурпуровый, рдяный, огненный, огневой, пламенный, рубиновый, коралловый, кумачный, карминный, багряный, червленый, кармазинный, червонный; прекрасный, приглядный, распрекрасный, казистый, интересный, красовитый, баской	*Blood* (кровавый), *blooming* (цветущий) *brick* (кирпичный), *cardinal* (ярко-красный), *cherry* (вишневый), *chestnut* (каштан), *claret* (бордовый), *coral* (коралловый), *flaming* (огненный), *maroon* (темно-бордовый), *pink* (розовый), *rosy* (румяный), *russet* (красно-бурый), *scarlet* (красный)

Происхождение английских слов представлено в «A Comprehensive Etymological Dictionary of the English Language», созданном Клейном. По мнению Клейна, прилагательное «red» образовалось от среднеанглийского «*red, read, reed*» в значении «*красный*», «*кровавый*», «*румяный*», «*красноватый*», далее от слова «red» образовались производные: «*red* (как существительное)», «*redden*», «*reddish*», «*reddishness*», «*redly*» и «*redness*».

В английской культуре красный цвет имеет немаловажное значение. Красный флаг в Британском военно-морском флоте существует с XVII века и символизирует «вызов на бой». Национальная эмблема Англии – красная роза. В течение тридцати лет, с 1455 по 1485 год, Ланкастеры, эмблемой которых была красная роза, вели войну за английский престол с Йорками, другой династией (эмблема – белая роза). Соперничество между династиями закончилось браком. С тех пор красная роза стала национальной эмблемой Англии.

В Англии красный цвет доныне очень популярен. Автобусы и телефонные будки в Англии красного цвета. Английские солдаты носят мундиры красного цвета. В Англии есть праздник под названием «Красная пятница» в честь победы горняков над предпринимателями.

Красный цвет присутствует в Англии практически везде. Даже Наполеон говорил: «Красный – это цвет Англии. Я не могу выносить его вид».

Английская фразеология также очень богата и разнообразна в использовании слова RED. «Большой англо-русский фразеологический словарь» А. В. Кунина, включающий разные типы устойчивых словосочетаний, представляет следующие фразеологические единицы со словом «red»:

«*to be in the red*» со значением «быть *в долгах, иметь задолженность*» и «работать *с убытком, быть убыточным*» [4, с. 288], ср.: *believe me, we're pretty well in the red* (P. H. Johnson «The Humble Creation», chapter 5); *The private rail lines of the U.S. and the State lines of Western Europe are equally «in the red»* («Daily Worker», March 31, 1962).

«*come (get) out of the red*» в значении «*распутаться с долгами; покрыть дефицит; начать давать прибыль*»;

«*go to the red*» в значении «*приносить дефицит, стать убыточным; показывать дефицит*» [4, с. 583], ср.: *Prince Philip says that the royals will «Go into the red» next year and «may have to move into smaller premises»* («Morning Star», November 10, 1969).

«*put in the red*» со значением «привести *к банкротству, сделать нерентабельным, убыточным*» [4, с. 583], см.: *He applied a credit squeeze which put hundreds of thousands of small business in the red* («Daily Worker», January 11, 1957).

«*as red as a beet*» в значении «*красный, багряный; красный как рак*» [4, с. 583], см.: *I rubbed him 'til he was red as a lobster, all over.*

«*as red as cherry*» в значении «румяный; *кровь с молоком*» [4, с. 583], см.: *Today you see them bouncing, buxom, and red as cherries.* (Ch. Bronte «Shirley», chapter XI).

«*as red as fire*» со значением «покрасневший» [4, с. 583], см.: *You're sick . Your face is as red as fire...* (J. Jones «Some Came Running», book II, Chapter XVIIII).

«*the red, white and blue*» со значением «английский *флот и армия*» [4, с. 583].

Также в данном словаре представлен фразеологизм к производному слову «*red-handed*» – «*catch (take) smb. red-handed*» со значением «поймать *на горячем*» [4, с. 583], см.: *I did but tie one fellow, who was taken red-handed in the fact, to the horns of a wild stag* (W. Scott «Ivanhoe», chapter XXV).

Происхождение некоторых фразеологизмов с компонентом КРАСНЫЙ неизвестно, однако некоторые из них обязаны своим возникновением тем или иным историческим событиям или авторам. Так, фразеологізм *a\the thin red line*-, обозначает небольшую группу отважных людей, которые защищают местность или принципы, которые не уступают своих позиций. Имеются в виду британские войска в период крымской войны, которые носили красную униформу.

Фразеологизм *Catch/ take smb red-handed* – «застать кого-либо на месте преступления, захватить на горячем» – впервые встречается в романе В. Скотта «Айвенго»:

А фразеологизмы:

Paint the town red – предаваться веселью, гулять;

A red cent ≈ медный грош,

относятся к «американизмам».

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что многообразие значений слова «красный» в английском языке обусловлено как значимостью данного цвета как элемента физической реальности, так и лингвальными и экстралингвальными факторами. Перспективу дальнейших исследований мы видим в изучении авторского обогащения семантических компонентов данной лексемы.

Библиографические ссылки

1. **Василевич А. П.** Цвет и его название / А. П. Василевич, С. Н. Кузнецова, С. С. Мищенко; под общ. ред. А. П. Василевича. – М. : КомКнига, 2005. – 216 с.
2. **Герасименко И. А.** Семантика русских цветообозначений : моногр. / Ирина Анатольевна Герасименко. – Горловка : Изд-во ГГПИИЯ, 2010. – 440 с.

3. **Комина Е. В.** Модели цветообозначений в английском языке / Е. В. Комина //. Проблемы английской филологии и психолингвистики. – Вып. 1. – Калинин : КГУ, 1972. – С. 45–86.
4. **Кунин А. В**. Англо-русский фразеологический словарь. – 3-е изд. – М., 1967. – Т. 1. – 583 с.
5. **Упорова С. О**. О методологии анализа цвета в художественном тексте / С. О. Упорова // Гуманитарные науки в Сибири. – 1995. – № 4. – С. 52.
6. **Фрумкина Р. М.** Цвет, смысл, сходство : Аспекты психолингвистического анализа / Р. М. Фрумкина. – М. : Наука, 1984. – 173 с.
7. **Allen D. C.** Symbolic color in the literature of the English Renaissance / D. C. Allen // Philological Quarterly. – 1936. – N 4. – P. 81–92.
8. **Kay P.** The Linguistic Significance of the Meanings of Basic Color Terms / Kay P., Mc Daniel C. K. // Language. – 1973. – Vol. 54. – №. 3. – 214 p.
9. **Hornby A. S.** Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English / A. S. Hornby. Oxford, 1982. – V. 2.
10. Webster's New Century Dictionary. – New York, 2001.

Надійшла до редколегії 23.01.12

УДК 811.161.2'27

В. В. Посмітна

Академія внутрішніх військ МВС України, м. Харків

МАЙБУТНІЙ ОФІЦЕР ВНУТРІШНІХ ВІЙСЬК ЯК ОБ'ЄКТ МАНІПУЛЯТИВНОГО МОВНОГО ВПЛИВУ

Досліджено особливості маніпулятивного мовного впливу на військовослужбовців внутрішніх військ. Виявлено основні цілі та мовні індикатори маніпулятивного впливу на військових правоохоронців. Проаналізовано рівень підготовленості курсантів до виявлення маніпулювання у професійній комунікації. Обґрунтовано необхідність і результативність розвитку вмінь у майбутніх офіцерів-правоохоронців розпізнавати маніпулятивний мовний вплив та протидіяти йому.

Ключові слова: маніпулятивний мовний вплив, комунікативні наміри, мовні засоби впливу, професійна комунікація, об'єкт маніпулятивного впливу, комунікативна ситуація.

Исследованы особенности манипулятивного речевого воздействия на военнослужащих внутренних войск. Выявлены основные цели и речевые индикаторы манипулятивного воздействия на военных правозащитников. Проанализирована степень подготовленности курсантов к выявлению манипулирования в профессиональной коммуникации. Обоснована необходимость и результативность развития умений у будущих офицеров-правозащитников распознавать манипулятивное речевое воздействие и противостоять ему.

Ключевые слова: манипулятивное речевое воздействие, коммуникативные намерения, речевые средства воздействия, профессиональная коммуникация, объект манипулятивного воздействия, коммуникативная ситуация.

Features of manipulative speech influence on military men of interior troops are studied in the article. Basic objectives and speech indicators of manipulative influence on the military law-men are revealed. Degree of cadets preparation to revealing manipulation in professional communication is analyzed. Need and productivity of development of abilities of future officers to distinguish manipulative speech influence and to resist to it is proved.

Keywords: manipulative speech influence, communicative purposes, professional communication, object of manipulative speech influence, communicative situation.

© Посмітна В. В., 2012

Поширення маніпулятивних технологій, зростання зацікавленості широкого загалу можливостями та засобами маніпулювання спонукає науковців активно досліджувати маніпулятивний вплив. Маніпулювання застосовується в усіх сферах спілкування, жертвою маніпуляцій може стати представник будь-якої професії. Увагу дослідників привертає передусім маніпулювання у сфері засобів масової інформації, реклами, політики, управління персоналом (А. В. Белецька [1], О. В. Дмитрук [3], С. Г. Кара-Мурза [7], Л. Ф. Компанцева [14], Г. Г. Почепцов [11; 12], В. В. Різун [13] та ін.).

Маніпулятивний вплив на представників військовій та правоохоронної галузей спеціально не досліджувався, проте саме в цих сферах маніпуляція є особливо небезпечною: спрямована на охоронця правопорядку, вона може спричинити загрозу як для його життя, так і для життя багатьох інших людей. Тому існує необхідність вивчення маніпулятивного мовного впливу у правоохоронній діяльності та повсякденному спілкуванні військовослужбовців. Майбутніх офіцерів внутрішніх військ навчають протистояти силовим діям, прямій агресії, але вони можуть виявитися безсилими проти агресії прихованої. Визначення основних мовних засобів маніпулювання, спрямованого на курсанта внутрішніх військ, може стати першим кроком у вирішенні цієї проблеми. Соціальна потреба у вмінні військових правоохоронців виявляти маніпулювання за мовними ознаками, а також відповідність цієї проблеми напрямам сучасних лінгвістичних досліджень зумовлюють актуальність теми, якій присвячена стаття.

Маніпулювання досліджується переважно в аспекті психології (Є. Л. Доценко [4], С. Г. Кара-Мурза [7], О. О. Кічаєв [8], Р. В. Левін [9], М. М. Присяжнюк [14], С. С. Харін [15], В. П. Шейнов [16], Г. Шіллер [17], Е. Шостром [18] та ін.). Маніпулятивний вплив має психологічну природу, проте здійснюється він мовними засобами, а отже, об’єктивно виявлятися може передусім на мовному рівні.

Мета роботи – визначити основні наміри та мовні індикатори маніпулятивного впливу на майбутнього офіцера-правоохоронця та виявити вміння курсантів внутрішніх військ розпізнавати спроби маніпулювання у службовій комунікації.

Ураховуючи зміст різних дефініцій маніпулятивного впливу [2; 4; 5; 7; 8; 10], будемо тлумачити **маніпулювання** як прихований вид мовно-психологічного впливу, спрямований на збудження в реципієнта намірів, що відповідають комунікативним інтенціям суб’єкта впливу. Погоджуючись із В. В. Різуном, за основний критерій виділення маніпулятивного впливу приймаємо його прихований характер, неусвідомлюваність адресатом [13, с. 31]. Вважаємо, що саме прихований характер цього виду впливу визначає такі його особливості, як усвідомлюваність суб’єктом [там само] та здійснення поза волею об’єкта [13, с. 151]. Названі особливості спонукають досліджувати питання про мовні індикатори маніпулювання, за допомогою яких можна виявити сам факт прихованого впливу і далі – прихований зміст висловлювань.

Курсант внутрішніх військ може стати об’єктом маніпулювання як під час виконання завдань охорони громадського порядку, так і в процесі повсякденного службового спілкування у військовому колективі. Відповідно, суб’єктом маніпулятивного впливу може бути і стороння цивільна особа (правопорушник), й інший військовослужбовець (керівник, підлеглий або рівноправний партнер по спілкуванню).

Визначаючи, які **позамовні цілі** можуть спричинити застосування маніпулятивного впливу до курсанта внутрішніх військ, виділимо ті з них, що пов’язані зі специфікою військової, правоохоронної діяльності об’єкта впливу: проникнути на заборонену територію; отримати секретну інформацію; приховати і пронести

заборонені речі; уникнути відповідальності за свої дії; підпорядкувати адресата у процесі виконання тих чи інших завдань; заволодіти зброєю; спровокувати конфлікт, силові дії; приховати чи викривити певні факти тощо.

Звідси випливають основні **комунікативні наміри** у спілкуванні маніпулятора з курсантом у процесі його службової діяльності: 1) «приспати» пильність, знизити критичність сприймання інформації; 2) порушити емоційну рівновагу, дезорганізувати. У реалізуванні цих комунікативних намірів застосовується стратегія підпорядкування адресата, тобто керування його поведінкою.

Щоб не допустити маніпулювання, його необхідно виявити. Серед **мовних індикаторів маніпулятивного впливу** на курсанта-правоохоронця вважаємо за необхідне виділити такі:

– невідповідність змісту мовлення його темпові, інтонації, позамовним елементам спілкування (ситуація, жести, погляд та ін.) – це все зовнішні ознаки хитрування;

– засоби, що дозволяють стереотипізувати ситуацію, знизити критичність мислення і таким чином досягти від об'єкта впливу очікуваних суб'єктом дій: фіксування рольових стереотипів і «ярликів», нав'язування «ролей», віднесення до тієї чи іншої категорії людей (*Ви, як людина військова, не можете не розуміти; Ви, як людина відповідальна, не можете не виконати; Ви, як підлеглий, не повинні; Ви ж чоловік, ви не можете не допомогти дівчині*), посилання на авторитети (*Ваш командир мені дозволив*), хибне узагальнення (*Невже всі військові такі байдужі до чужих проблем?*), викривлення думки співрозмовника (*Ви хочете мене образити відмовою?; Отже, ви хочете, щоб я тут мерзла?; Для вас головне папірець, а не людина*), акцентування на відмінностях (*Ви розумієте, хто я, а хто ви?; Ви тут головний, а я, що я можу?*);

– засоби, що дають змогу драматизувати ситуацію і в результаті контролювати поведінку об'єкта впливу: надмірне вживання слів з емоційно-експресивним забарвленням (позитивним чи негативним), нетактовність у мовленні (*Ти що, тупий? Ніяк не второпаєш?*), намагання обмежити адресата в часі (*Вирішуйте швидше, за хвилину буде пізно*) або в можливих варіантах вирішення проблеми (*У нас немає іншого виходу*), нав'язування своїх послуг (*Давайте я замість вас перевірю, так буде швидше*), гіперболізація (*інакше мені кінець*);

– прийоми, що дозволяють зменшити дистанцію між співрозмовниками, допомагають маніпулятору стати «своїм» і тим самим знизити критичність сприймання інформації: постійне підкреслення спільності інтересів, думок, цілей (*Ми ж друзі; Ми разом щось придумаємо*), заспокоювання (*Не хвилюйтеся, мене не помітять*), зіставлення з можливим негативним явищем, часто з перебільшенням, із використанням антонімів (*Я ж не грубіяню, я ввічливо прошу; Нас же не 20 осіб, я одна, дозвольте тут стати*), зближення (*Я вас розумію, вам не можна, але…*), гра на дружніх стосунках (*Ти ж не відмовиш мені, ми ж друзі; А я колись заради тебе…*), повторення імені співрозмовника, використання техніки віддзеркалення: підлаштування під темп, інтонацію у мовленні адресата, повторення його слів і граматичних конструкцій;

– засоби, що спричиняють «зближення», викликають в адресата відчуття своєї значущості й одночасно відповідальності за співрозмовника: підтакування (*Так, я розумію, звичайно, але я тільки на секунду*), прохання дозволити заборонені дії або допомогти, пояснити (*Я знаю, що не можна користуватися телефоном, але мені терміново потрібно зателефонувати, як мені це зробити? Ви не можете допомогти?*);

– засоби, що свідчать про прагнення відволікти увагу адресата, послабити його контроль над ситуацією, знизити аналітичність мислення: компліменти, лес-

тощі (*Ти найкраще малюєш, підготуй стінгазету; Ви ж тут головний, дозвольте…; Я звернувся до вас, тому що одразу видно, ви людина добра, здатна зрозуміти; У вас така красива форма, а зброя яка, можна подивитися ближче? А як нею користуватись?*), неочікувана, невиправдана зміна теми (*А за яку команду ви вболіваєте?; Ви як Термінатор, пам'ятаєте фільм?*), зміщення акцентів на другорядні деталі (*А що означає цей ваш значок?*), підкреслення вагомості слів або дій адресата, акцентування на його особистих проблемах (*У вас таке складне завдання, ви, мабуть, так утомились*), уникнення прямих відповідей на запитання (*Ну що ви допитуєтесь? Моє прізвище вам нічого не скаже*), випитування думки адресата (*А як би ви вийшли із цього становища?*), надмірна жартівливість.

Усі названі засоби можуть використовуватися не тільки з метою маніпулювання, а й мовного впливу взагалі, і в цьому полягає складність ідентифікації маніпуляцій. Вважаємо, що для з'ясування того, чи дійсно маніпулятивний вплив застосовується, необхідно (відповідно до виділених вище основних ознак маніпулювання): по-перше, вміти виявляти хитрування, сприймати його як сигнал до більш критичного аналізування інформації та мовної поведінки співрозмовника; по-друге, намагатися визначити істинні наміри партнера у процесі спілкування і тільки після цього приймати рішення.

З метою виявлення вмінь курсантів внутрішніх військ розпізнавати маніпулятивний мовний вплив у процесі виконання службових завдань було проведено опитування та експериментальне дослідження.

В **опитуванні** брали участь курсанти різних спеціальностей Академії внутрішніх військ МВС України із трьох навчальних груп. Анкети не містили готових варіантів відповідей, оскільки основною метою опитування було не перевірити знання про класифікацію видів мовного впливу, а виявити розуміння, сприймання курсантами маніпулювання, і саме їхні власні формулювання дають дослідникові таку можливість. Крім того, такий підхід дозволяє з'ясувати, які особливості має мовний вплив у діяльності внутрішніх військ, а саме це питання визначає загальний напрям наших досліджень.

Результати опитування засвідчили, що загалом маніпулятивний мовний вплив сприймається курсантами як негативний, шкідливий для адресата. У розумінні ж відмінностей маніпулятивного впливу від неманіпулятивного виявилися такі особливості: тільки 38 % опитуваних назвали визначальні риси маніпулювання (використання співрозмовника як засобу досягнення мети – 26 %; прихованість намірів – 12 %). 20 % опитаних схарактеризували маніпулятивний вплив як примушування, а 30 % уважають маніпулюванням будь-який вплив, що передбачає підпорядкування адресата, намагання керувати ним. Викликає занепокоєння той факт, що значна кількість опитаних курсантів уважає маніпулятивним (а отже, у їхньому сприйманні, шкідливим) упливом будь-яке керування. З огляду на те, що військовий дискурс передбачає необхідність підпорядкування у спілкуванні з командиром, можна говорити про існування проблеми непорозуміння в асиметричних комунікативних ситуаціях.

Серед мовленнєвих ознак маніпулятивного впливу найбільш відомою для курсантів виявилась улесливість (31 % опитуваних), із засобів, що сприяють зближенню зі співрозмовником, називалися також підкреслення позитивного, дружнього ставлення (8 %), намагання викликати співчуття (8 %), демонстрування вигоди для співрозмовника (8 %), ввічливість (3 %). Курсанти звертають увагу на невідповідність інтонації і змісту мовлення (20 %), надмірну грубість і критику (11 %), дехто з опитаних знає про такі ознаки маніпулювання, як повторення (6 %), постійне використання імені співрозмовника (3 %) та навіть про засіб НЛП підлаштування під мовлення об'єкта впливу (3 %). Усі ці засоби дійсно є індика-

торами маніпулювання. Але привертає до себе увагу той факт, що 25 % опитаних курсантів уважають індикаторами маніпулятивного впливу наказування, спонукання до дії (основні види мовного впливу у військовому дискурсі!), а 8 % називають як ознаку маніпуляції «*погрози позбавити звільнення, посадити на казарму*». Тобто значна кількість курсантів вбачає загрозу маніпулювання передусім у повсякденному службовому спілкуванні з командирами.

У відповідях на запитання «Які наміри може мати маніпулятор у спілкуванні з вами як із курсантом внутрішніх військ (у процесі вашої службової та правоохоронної діяльності)» прослідковується така сама тенденція. У 40 % анкет можливі наміри маніпулятора визначаються так: «*виконати за нього службові обов'язки*», «*задіяти до виконання завдань*». Отже, у 40 % опитаних курсантів слово «маніпулятор» асоціюється передусім не з терористом чи порушником громадського порядку, а з керівником або (меншою мірою) з рівноправним партнером, таким, як і вони, військовослужбовцем. Пояснити це можна тим, що курсанти вкрай негативно ставляться до маніпулювання з боку особи, яка має можливість застосувати неприховані види впливу; маніпулювання ж, хитрування, вважається засобом, характерним для підлеглих, які далеко не завжди можуть застосувати прямий вплив.

Таку відповідь на запитання про можливі наміри маніпулятора, як «*уникнути покарання*» (14 %), через неконкретність формулювання, не можна віднести тільки до повсякденного службового спілкування (у ролі маніпулятора виступає підлеглий) або тільки до спілкування у процесі правоохоронної діяльності (суб'єктом маніпулятивного впливу може бути правопорушник).

Інші варіанти відповідей на це запитання виявили, наскільки курсанти усвідомлюють небезпеку опинитися в ролі об'єкта маніпулятивного впливу під час охорони громадського порядку. 20 % опитаних розуміють, що потенційний правопорушник може застосувати маніпулювання з метою отримання секретної інформації; тільки 8 % усвідомлюють, що маніпулятор може мати намір проникнути на територію, яка охороняється; 8 % розуміють, що маніпуляції можуть застосовуватись із метою провокування конфлікту, протизаконних дій; тільки 3 % (!) усвідомлюють, що за допомогою маніпулятивного впливу співрозмовник може заволодіти їхньою зброєю. Формулювання ж типу «*з метою особистої вигоди, особистих потреб*» (14 %) не містять конкретної відповіді на запитання, оскільки характеризують маніпулятивний вплив загалом і свідчать, скоріше, про те, що цими курсантами маніпулювання не осмислюється в аспекті власної професійної діяльності.

У роботі не ставилася мета виявити уміння курсантів внутрішніх військ протидіяти маніпулюванню. Проте для отримання цілісної картини їх уявлень про маніпулятивний мовний вплив в анкетах було поставлено питання і про те, як не піддатися маніпуляціям, нейтралізувати маніпулятивний вплив. 24 % опитуваних назвали ігнорування, не уточнюючи, на рівні думок чи на рівні зовнішніх виявів; 13 % анкет містять поради «*не сприймати інформацію серйозно*», «*не звертати уваги на слова*», «*думати про щось приємне*», що відповідає ігноруванню на внутрішньому рівні; а 30 % опитаних уважають: потрібно робити вигляд, що не розумієш, тобто обирають блокування на рівні зовнішніх виявів.

Серед активних способів протидії 17 % курсантів назвали рішуче припинення контакту, 14 % – зміну теми; ці мовні тактики відповідають захисній стратегії відходу. 3 % опитаних навіть готові застосувати «*засоби фізичного впливу та спецзасоби*» в разі потреби, але цей спосіб протидії є небезпечним, оскільки саме він може бути спровокований маніпулятором, і тому такі думки правоохоронців вимагають особливої уваги.

Самостійне формулювання курсантами думок стосовно того, як не піддатися маніпулюванню, дозволило виявити, що більшість із них передусім намагається пригадати дієві, часто стандартні, способи протидії небажаному мовному впливу. Основна ж умова – збереження самостійності мислення – усвідомлюється далеко не всіма майбутніми офіцерами: тільки 11 % зазначають важливість контролювання емоцій у службовому спілкуванні, 11 % усвідомлюють необхідність критично осмислювати інформацію, 8 % вважають за необхідне зосередитись на завданні, тільки 5 % розуміють, наскільки важливо мати свою думку, і 3 % пропонують «*перед виконанням завдання обдумати його*».

Аналіз відповідей на запитання про сутність маніпулятивного мовного впливу, його індикатори, наміри маніпулятора та про способи захисту від нього, дав змогу виявити загрозливу тенденцію. Більшість курсантів має загальні уявлення про маніпулювання як про вплив в інтересах суб'єкта, будь-який небажаний для об'єкта мовний вплив. Значною кількістю курсантів маніпулювання сприймається передусім як тиск, порушення особистісної території, спроба командувати ними; названі курсантами маніпулятивні засоби та наміри дозволяють говорити про те, що в ролі маніпулятора велика кількість опитуваних вбачає командира (керівника); виявлені ж способи нейтралізування маніпулятивного впливу відображають звичну для більшості (67 %) курсантів реакцію відгородитись (у їх формулюванні «*відморозитись*») від упливу, не аналізуючи критично кожну окрему комунікативну ситуацію.

Усе, що пов'язане з тиском, викликає в адресата внутрішнє і зовнішнє неприйняття. В аспекті діяльності внутрішніх військ це можна тлумачити як невиконання службового завдання, наказу, формулювання якого асоціюється з тиском. А це вже може призвести до вкрай негативних наслідків, навіть до людських жертв. До того ж, якщо курсант очікує маніпулювання (шкідливого впливу) передусім від командира, зростає імовірність того, що він не помітить маніпуляцій із боку правопорушника, терориста. Спостерігається викривлення в оцінюванні дійсності: «свої» сприймаються як «чужі». За цих умов значну небезпеку становить і знання виявлених особливостей потенційним порушником: у спілкуванні з більшістю курсантів-правоохоронців (понад 60 % опитаних) дієвою для маніпулятора може виявитись тактика зближення з об'єктом упливу через підсилення вже існуючого дистанціювання, «відчуження», від командирів. Як не прикро, доводиться констатувати, що спричинити маніпулятивний вплив на наших курсантів можуть фрази типу: *Ну то й що, що командир наказав не пускати, він сам он відпочиває, матч дивиться, а ви тут на сонці смажитесь, порядок забезпечуєте*; *Я сам (мій брат, мій товариш) був курсантом, знаю, як вам важко виконувати всі накази.*

Проведене опитування дало неочікуваний перерозподіл акцентів: на відміну від передбачуваної уваги до маніпулювання у спілкуванні із правопорушниками, курсанти асоціюють маніпулятивний вплив передусім зі службовим спілкуванням із командирами. Зважаючи на виявлену потенційну небезпеку, результати дослідження спонукають більш глибоко вивчити мовні особливості повсякденного службового спілкування військових-правоохоронців в асиметричних комунікативних ситуаціях.

Необхідно передусім виявити мовні сигнали як негативного, так і позитивного впливу, за результатами такого дослідження можна розробити рекомендації, тренінги для курсантів і молодших командирів, звертаючи особливу увагу на те, які мовні формули, лексичні засоби, граматичні конструкції перешкоджають ефективності спілкування і чому. Необхідність у цьому існує, оскільки домінанта військового дискурсу, його основна мета – це готовність до захисту, а досягти її

можна тільки за умови злагоджених дій керівника й підлеглого, їх взаємної підтримки і довіри.

Отримані результати опитування спонукали до проведення **експериментального дослідження**, що мало на меті виявити вміння курсантів розпізнавати спроби маніпулювання вже суто у процесі правоохоронної діяльності, а також з'ясувати, наскільки впливає попереднє обговорення маніпулятивних цілей і засобів на вміння їх визначати у конкретних ситуаціях.

З курсантами експериментальної групи на занятті була проведена бесіда про цілі та мовні засоби маніпулятивного впливу, які може застосувати порушник у спілкуванні із захисником правопорядку або будь-яка особа, що взяла на себе роль маніпулятора з метою задоволення своїх інтересів. Після цього обговорювались інші види мовного впливу та проблеми службової комунікації, щоб курсанти не здогадались, на що саме буде спрямоване завдання. Наступним кроком було переглядання відеофрагмента, в якому застосування маніпулятивного мовного впливу допомогло порушникові досягти комунікативної мети у спілкуванні з охоронцями правопорядку. Після перегляду курсанти отримали завдання написати, які мовні сигнали маніпулювання вони помітили у відеофрагменті.

Курсантам контрольної групи той самий фрагмент демонструвався без попереднього обговорення проблем маніпулятивного впливу, після перегляду вони отимали те саме завдання, що й курсанти експериментальної групи.

Порівняємо виконання завдання у цих двох групах. Такий маніпулятивний засіб, як відволікання уваги (несподівана зміна теми, зацікавлення інформацією про актуальну проблему), в експериментальній групі помітили близько 90 % курсантів, у контрольній – близько 60 %. Провокування конфлікту (суперечки) назвали майже 30 % курсантів експериментальної групи і тільки близько 4 % курсантів контрольної групи. Улесливість і компліменти як спробу «*втертися в довіру*» відзначили в експериментальній групі близько 30 %, у контрольній – понад 7 % курсантів. Нестандартну мовну поведінку, несподівану зміну мовних тактик назвали в експериментальній групі близько 20 %, у контрольній – близько 4 %. Викривлення інформації в експериментальній групі виявили близько 20 %, у контрольній – 11 %. Надмірну ввічливість помітили близько 30 % в експериментальній групі та 11 % у контрольній.

Крім того, серед курсантів контрольної групи були такі, що дали відповідь «не знаю» – 11 %, а близько 30% замінили відповідь на запитання словами «маніпулювання», «маніпулятивний вплив», «діє у своїх інтересах» тощо. Отже, 40 % курсантів контрольної групи не змогли виявити жодного сигналу маніпулятивного впливу.

Результати експериментального дослідження засвідчили, що курсант внутрішніх військ як об'єкт маніпулятивного впливу правопорушника є досить вразливим, але обговорення засобів і цілей маніпулювання істотно впливає на вміння майбутнього офіцера-правоохоронця розпізнавати цей прихований вид упливу. Виявилася потреба більш детально, на конкретних прикладах, ознайомлювати військовослужбовців внутрішніх військ із маніпулятивним мовним впливом в аспекті правоохоронної діяльності. Про це свідчать результати опитування, це підтверджують і результати експериментального дослідження.

Виявлення маніпулятивного впливу – це перший крок до його нейтралізації. Протидіяти маніпулюванню складно, головне завдання – не дозволити маніпуляторові керувати своєю поведінкою. Передусім необхідно визначити і постійно пам'ятати основну мету своєї діяльності, це, у свою чергу, допоможе правильно визначати свою роль і конкретні завдання в кожній окремій комунікативній ситуації, з'ясувати, що є важливим тут і зараз, а на що можна не відволікатись, а також

дозволить чітко усвідомити межі допустимого / недопустимого в комунікації. Саме ці орієнтири допоможуть спілкуватись упевнено й цілеспрямовано, на будь-які зауваження реагувати відповідно до власних установок, не дозволяти маніпуляторові їх змінювати, не допускати підміни понять. І тоді репліка типу «*у вас таке добре обличчя, відпустіть мене*» не зможе «перемкнути» адресата із ролі правоохоронця на роль гарного хлопця. А усвідомлення своєї ролі не тільки як правоохоронця, а як захисника взагалі (поняття ширше за змістом) дозволить і мислити більш широко й більш критично, знаходити правильне рішення у нестандартних комунікативних ситуаціях, невідпрацьованих, не передбачених Статутами Збройних Сил України.

Усвідомлення майбутнім офіцером небезпеки маніпулятивного мовного впливу під час виконання завдань охорони правопорядку, знання можливих цілей його застосування та мовних індикаторів допоможе вчасно помітити і, критично проаналізувавши ситуацію, нейтралізувати вплив маніпулятора-порушника. Тому вміння виявляти маніпулятивний мовний вплив та обирати засоби протидії є необхідною складовою професійної компетентності офіцера внутрішніх військ, важливою умовою успішного виконання службово-бойових завдань. І саме визначення мовних засобів протидії маніпулятивному впливу є перспективою дослідження.

Бібліографічні посилання

1. **Белецька А. В.** Прагматично марковані тексти як засіб сугестії у політичному дискурсі / А. В. Белецька // Мова і культура. – К. : Видавн. дім Дмитра Бураго, 2007. – Вип. 9. – Т.VII (95). – С. 150–157.
2. **Грачев Г. В.** Личность и общество: информационно-психологическая безопасность и психологическая защита / Г. В. Грачев. – Волгоград : Издатель, 2004. – 336 с.
3. **Дмитрук О. В.** Маніпулятивні прийоми у сучасних ЗМІ / О. В. Дмитрук // Мовні і концептуальні картини світу : зб. наук. праць. – К. : КНУ, 2004. – № 10. – С. 143–150.
4. **Доценко Е. Л.** Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита [Электронный ресурс] / Е. Л. Доценко. – СПб. : Речь, 2004. – Режим доступа : http://www.rech.spb.ru.
5. **Иссерс О. С.** Коммуникативные стратеги и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – М. : Изд-во ЛКИ, 2008. – 288 с.
6. **Кабаченко Т. С.** Методы психологического воздействия / Т. С. Кабаченко. – М. : Педагог. общество России, 2000. – 544 с.
7. **Кара-Мурза С. Г.** Манипуляция сознанием : учеб. пособие / С. Г. Кара-Мурза. – М. : Алгоритм, 2004. – 238 с.
8. **Кичаев А. А.** Как выявить манипулятивное поведение? [Электронный ресурс] / А. А. Кичаев. – Режим доступа : http://www.kichaev.ru.
9. **Левин Р. В.** Механизмы манипуляции. Защита от чужого влияния / Р. В. Левин. – К. : Диалектика, 2007. – 429 с.
10. **Мовна комунікація в діяльності сил охорони правопорядку: теоретичні засади галузевої комунікації** : монографія / [Л. М. Пелепейченко, О. Г. Михайлова, В. В. Посмітна та ін.] ; за ред. д. філол. наук, проф. Л. М. Пелепейченко. – Харків : АВВ МВС України, 2009. – 272 с.
11. **Почепцов Г. Г.** Информационные войны / Г. Г. Почепцов. – М. : Рефл-бук, 2000. – 256 с.
12. **Почепцов Г. Г.** Спиндоктор, который умеет «лечить» события / Г. Г. Почепцов. – М. : РИП-холдинг, 1999. – 98 с.
13. **Різун В. В.** Теорія масової комунікації : підруч. для студ. галузі 0303 «журналістика та інформація» / В. В. Різун. – К. : ВЦ «Просвіта», 2008. – 260 с.

14. **Сугестивні технології маніпулятивного впливу** : навч. посіб. / [В. М. Петрик, М. М. Присяжнюк, Л. Ф. Компанцева та ін.] ; за заг. ред. Є. Д. Скулиша. – 2-ге вид. – К. : ЗАТ «ВІПОЛ», 2011. – 248 с.
15. **Харин С. С.** Заверши свой гештальт [Электронный ресурс] / С. С. Харин. – Режим доступа : http://www.psilib.org.ua>books.
16. **Шейнов В. П.** Психологическое влияние / В. П. Шейнов. – Минск : Харвест, 2007. – 640 с.
17. **Шиллер Г.** Манипуляторы сознанием / Г. Шиллер. – М. : Мысль, 1980. – 326 с.
18. **Шостром Э.** Анти-Карнеги, или Человек-манипулятор [Электронный ресурс] / Э. Шостром. – Режим доступа : http://www.dere.com.ua/library/shostrom.

Надійшла до редколегії 24.02.12

УДК 811.161.1'373

Т. С. Пристайко

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

ПОЛИФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ЛЕКСЕМА *ТЕХНО* В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Викладено результати вивчення поліфункціональної лексеми *техно* з точки зору: а) походження (утворення); б) семантики; в) лексикографічної інтерпретації та г) функціонально-граматичної «поведінки» в сучасній російській мові.

Ключові слова: поліфункціональне слово, незмінюваний компонент, морфологічний аналітизм.

Представлены результаты изучения полифунциональной лексемы *техно* с точки зрения: а) происхождения (образования); б) семантики; в) лексикографической интерпретации и г) функционально-грамматического «поведения» в современном русском языке.

Ключевые слова: полифункциональное слово, неизменяемый компонент, морфологический аналитизм

There have been presented the results of studying multifunctional lexeme *techno-* from the point of view of: a) origin (formation); b) semantics; c) lexicographical interpretation and d) functional and grammatical «behavior» in the modern Russian language.

Key words: multifunctional word, unchangeable element, morphological analyticism.

Конец XX столетия ознаменовался активным распространением в русском языке неизменяемых лексем, отражающих тенденцию к проявлению аналитизма в системе частей речи современного русского языка. Наиболее полное описание такие лексемы получили в 70-х годах прошлого столетия в работах М. В. Панова, обосновавшего формирование новой части речи – класса аналитических прилагательных, проявляющих свои грамматические свойства вне словоформы средствами контекста (т. е. аналитически) [3; 4]. Более поздние исследования, объектом которых стали многочисленные неизменяемые новообразования, появившиеся в русском языке в конце XX – начале XXI ст., позволили ученым прийти к выводу о том, что многие из аналитических лексем характеризуются грамматической полифункциональностью – способностью реализоваться как определенная часть речи лишь в конкретном высказывании [1; 2; 5]. К классу таких полифунциональных лексем относится и слово/компонент ***техно-***, ставшее предметом нашего анализа с точки зрения: а) происхождения (образования) в русском языке; б) се-

© Пристайко Т. С., 2012

мантики; в) лексикографической интерпретации и г) функционально-грамматического «поведения» в современном русском языке.

Первоначально лексема *техно* появляется в русском языке как заимствованное обозначение музыкального направления в конце прошлого века. По данным Википедии, «**техно** (англ. *Techno*) – стиль электронной музыки, зародившийся в середине 1980-х годов в Детройте и его окрестностях и впоследствии подхваченный европейскими продюсерами. Он характеризуется искусственностью звука, акцентом на механических ритмах, многократным повторением структурных элементов музыкального произведения» [http://ru.wikipedia.org]. В «музыкальном» значении лексема впервые фиксируется в «Толковом словаре русского языка конца XX века. Языковые изменения» (СПб., 1998): «**Те́хно**, *нескл., ср*. Танцевальное направление поп-музыки, использующее электронные инструменты и музыкальные компьютеры, отличающееся быстрым пульсирующим ритмом, различными эффектами» [ТС.ЯИ, с. 631].

В средствах массовой информации конца прошлого столетия неологизм *техно* начинает использоваться и для обозначения стиля архитектуры, интерьера (*архитектура техно, техно-интерьер, интерьеры в стиле техно, мебель в стиле техно, ткани в стиле «техно», шторы техно*). С этим значением он отмечается в «Толковом словаре русского языка начала XXI века. Актуальная лексика», ср.: «**Техно**. 2. Стилевое использование металлических поверхностей, стекла и камня, подчеркивание искусственности создаваемых человеком объектов и их утилитарности» [АЛ, с. 984].

В наше время ***техно*** проникает и в сферу литературы, обозначая новые гибридные жанры произведений, в которых особое внимание уделяется описанию техники и технологиям разного рода: *технотриллер, технофэнтези, роман в стиле техно* и др.

Лексема *техно* образовалась в английском языке путем усечения существительного *технология* (technology). Связь производного с мотивирующим его словом отмечается во многих авторских определениях лексемы *техно*, принадлежащих разным дискурсам, например: «***Техно*** – это музыка, звучащая, как *технология*», – говорит Хуан Аткинс (англ. *Juan Atkins*), один из основателей стиля» [http://ru.wikipedia.org]; «***Техно*** – электронная музыка, ее развитие связано с бурным развитием сверхсовременной аппаратуры, с применением высоких *технологий*» [http://pdj.ru/forum/]; «***Техно*** (англ. techno) – стиль, воплотивший все способности современных *технологий* и необыкновенную атмосферу светопредставления, время от времени во вред функциональности. Стиль появился в 80-е годы прошедшего столетия в обстановке специфичной переоценки ценностей, радужных перспектив индустриализации и технического прогресса, провозглашенных конструктивистами. Но быстрое развитие информационных *технологий*, их вторжение в ежедневную жизнь уже повлекли за собой существенное изменение быта и жилых интерьеров. Отдавая дань эстетике *технологизма*, стиль балансирует на грани, за которой иногда находится оборотная сторона» [http://дизайн-ремонт-интерьеры.рф/lay-out-design/styles-of-an-interior/].

Связь с мотивирующим словом проявляется и в определениях литературных жанров, предлагаемых Википедией, ср.: «**Те́хно-три́леры** (или *технотриллеры*) – гибридный жанр, в котором используются темы шпионских триллеров, научной фантастики и военной повести. По сравнению с другими жанрами в технотриллерах достаточно большое внимание уделяется техническим описаниям – с детализацией *технологии* в технотриллерах может сравниться лишь научная фантастика»; «**Технофэнтези** (*син.* научное фэнтези) – жанр фантастики, поджанр

фэнтези, описывающий мир, в котором бок о бок соседствуют *технология* и магия» [http://ru.wikipedia.org].

Несмотря на активное вхождение в конце прошлого века в различные дискурсы, лексема *техно*, очевидно, в силу своей новизны, далеко не всегда фиксируется в толковых словарях русского языка и словарях иностранных слов, изданных как во второй половине XX ст., так и в первое десятилетие XXI века (за исключением АЛ). Однако в некоторых из них, начиная с БАСа-1, получает лексикографическую интерпретацию компонент *техно*-, ср.: «**Техно**… Первая часть сложносокращенных слов, соответствующая по значению слову *технологический*, например: техноконтроль, технопроект, технотекстиль, техноэкономический и т. д.» [БАС-1, т. 15, с. 419]; «**Техно**… – первая часть сложных слов, пишется слитно» [С/Р, с. 781]; «**Техно**… *Первая часть сложных слов со знач.* технологический, напр. *техноконтроль, технорук* (технологический руководитель)» [ТСШ, с. 981]; «**Техно-** (гр. techne = мастерство) – первая часть сложных слов, выражающая понятие “технологический”» [БСИС, с. 578]. ССПТ, позиционируя *техно*- в первом значении как компонент сложного слова, во втором значении определяет его как компонент сложных названий направлений музыки, ср.: «**Техно-** – 1) первая часть сложных слов, обозначающая технический; 2) направление в совр. музыке, использ. электронные муз. инструменты и муз. компьютеры, отличающееся быстрым пульсирующим ритмом, разл. эффектами; **техностиль**, **техногруппа**» [ССПТ, с. 434].

Обратим внимание на то, что в представленных выше дефинициях ***техно***- как первой части сложных слов отражена связь компонента с разными мотивирующими, подвергшимися усечению, – *технологический* и *технический*. Анализ словарных дефиниций разных сложений с компонентом *техно*- также свидетельствует о том, что далеко не всегда ясно, основа какого существительного (прилагательного) представлена в сложении как усеченная: *технология* (*технологический*) или *техника* (*технический*)? Для ответа на этот вопрос рассмотрим круг сложных слов с компонентом *техно*-, зафиксированных в современных словарях (см. таблицу ниже).

Слова	БТС	ТСШ	БСИС	ТС.ИЯ / АЛ	ТСИС	С/Р
техно	–	–	–	+ / +	–	–
техно-	–	+	+	–	–	+
техногей	–	–	–	–	–	+
техноген	–	–	–	–	–	+
техногенез	–	–	+	–	–	–
техногенный	–	+	–	–	+	+
технокоммерческий	–	–	–	–	–	+
техно-группа	–	–	–	+ / +	–	–
техноклиматология	+	–	+	–	–	–
технократ	+	+	+	–	+	–
технократизм	+	–	+	–	–	–
технократический	+	+	+	–	–	–
технократия	+	+	+	–	+	–
технолог	+	+	+	– / +	+	+
технологически	+	–	–	–	–	–
технологический	+	+	+	+ / –	+	+
технологичность	+	–	–	–	–	–
технологичный	+	–	–	–	–	–
технология	+	+	+	+ / +	+	+

техноморфный	–	–	–	–	–	+
техноморфогенез	–	–	–	–	–	+
технопарк	+	–	+	–	–	–
технополис	+	–	+	–	–	–
технопропаганда	–	–	–	–	–	+
технорабочий	–	–	–	–	–	+
технорук	+	–	–	–	–	+
техносфера	+	–	+	–	–	+
техноторговый	+	–	–	–	–	–
технотроника	+	–	+	–	–	+
технотронный	+	–	+	–	–	+
технофобия	+	–	+	–	–	+
технохимический	–	–	–	–	–	+
техноэкономический	–	–	–	–	–	+

Анализ словарных определений показывает, что в одних случаях компонент *техно-* соотносится с понятием «технология, технологический», в других – «техника, технический», а в третьих его семантика представляет собой симбиоз этих двух понятий, является синкретической.

Прежде чем представить результаты дефиниционного анализа, остановимся на кратком определении слов-терминов ***техника*** и ***технология***, относящихся в русском языке к многозначным. Наиболее полно, на наш взгляд, лексема *техника* определяется в ТСШ: «**Техника.** 1. Круг наук, связанных с изучением и созданием средств производства, орудий труда, различных технологий. 2. Совокупность средств труда, знаний и деятельности, служащих для создания материальных ценностей. *Передовая т. Овладеть техникой*. 3. Совокупность приемов, применяемых в каком-либо деле, мастерстве. *Музыкальная т. Т. шахматной игры. Т. делопроизводства*. 4. *собир*. Машины, механические орудия, устройства. *Ремонт техники*. ● От нем. Technik ‘техника’, восх. к греч. technikē < technē ‘мастерство, искусство’» [ТСШ, с. 981]. Показательно, что В. И. Даль в своем словаре у слова *техника* отмечает только одно значение, частично совпадающее с 3-м по ТСШ, см.: «**Техника**, греч. заводское и ремесловое искусство, знание, умение; приемы работ и приложенье их к делу; обиход, сноровка» [Даль, т. 4, с. 404]. Попутно отметим, что Далевская дефиниция отражает соответствующий уровень развития средств фабричного (заводского) труда, в основном ручного, мануфактурного.

В Словаре Даля в словарной статье **Техника** дается и слово *технология*, которое определяется как «наука техники; заводской, ремесленный, промысловый обиход» [Даль, т. 4, с. 404]. В толковых словарях XX столетия термин *технология*, этимологически связанный с лексемой *техника*, отражает соответствующий уровень развития науки и техники и фиксируется в «производственном» и «научном» значениях, ср.: «**Технология** [от гр. technē – искусство и logos – учение] – Совокупность наук, сведений о способах переработки того или иного сырья в фабрикат, в готовое изделие. *Т. металлов. Химическая т. Т. дерева.* || Совокупность процессов такой переработки. *Несложная т.*» [СУ, т. 4, с. 703]; «**Технология** [гр. technē ‘искусство, мастерство’ + logos ‘наука’] – 1) совокупность методов обработки, изготовления, изменения состояния, свойств, формы сырья, материала или полуфабриката в процессе производства, напр. т. металлов, химическая т., т. строительных работ; 2. наука о способах воздействия на сырье, материалы или полуфабрикаты соответствующими орудиями производства» [СИС, с. 495].

Однако уже БАС-1 отмечает расширение значения этого слова: «2. Совокупность приёмов, применяемых в каком-либо деле, мастерстве, искусст-

ве. … *Однако технология работы актера в театре и кино различна*. Н. Черкас. Из зап. актера» [БАС, т. 15, с. 421]. Из всех рассмотренных нами словарей, изданных в начале нынешнего столетия, расширенное значение слова фиксируется только в БСИС, где оно квалифицируется как переносное и формулируется следующим образом: «2) *перен*. совокупность приемов, используемых в каком-л. деле, мастерстве (например, т. творчества)» [БСИС, с. 578]. Нельзя не заметить, что в такой трактовке переносный ЛСВ *технология* идентичен переносному ЛСВ *техника* (см. выше 3-е толкование лексемы *техника* по ТСШ). На наш взгляд, понятие технологии в переносном значении в любом случае шире понятия техники, обозначающем в переносном значении совокупность определенных приемов и владение ими. Технология же – это не просто совокупность и не только приемов, это, прежде всего, система методов, процессов, действий, некоторые из которых могут выступать как приёмы. Семантическое различие этих лексем отчетливо ощущается в сочетаниях с одним и тем же словом, например: *техника игры* (*техника игры в бильярд, техника игры в волейбол, техника игры на гитаре* и др.) и *технология игры* (*технология игры для мобильных телефонов, технология игры «Дебаты», технология деловой игры*, *игровая технология* и др.).

Современные словари отмечают новые значения этого слова, появляющиеся как в сфере технического производства, ср. «3. сами операции добычи, сборки, транспортировки, хранения, контроля, являющиеся частью общего производственного процесса» [СИСВ, с. 619], так и за его пределами. Для наших дней характерна экспансия лексемы в непроизводственные сферы деятельности человека, следствием которой является изменение сочетаемости слова и расширение его значения. Так, АЛ фиксирует новые сочетания *информационная т., политическая т., избирательная т.* и дает широкое определение термина, применимое к разным областям человеческой жизни: «система последовательных, целенаправленных действий, рассчитанных на достижение определенного результата» [АЛ, с. 985]. Примечательно, что экстралингвистические факторы, и, прежде всего, бурное развитие науки и техники, повлияли не только на расширение сочетаемости и появление новых значений слова *технология*, но и на его грамматическую характеристику. Если еще в СУ отмечается отсутствие у этого слова формы множественного числа, то в наши дни эта форма характерна для всех ЛСВ слова, ср. хотя бы отдельные контексты Интернет-страниц: *современные производственные технологии, информационные технологии, компьютерные технологии, высокие технологии, технологии безопасности, световые технологии, энергосберегающие технологии* и пр.

Возвращаясь к анализу семантики компонента *техно-* в перечисленных выше сложениях, отметим прежде всего избирательную связь этой семантики с разными значениями слов *техника* и *технология*. Так, с понятием техники во 2-м и 4-м зн. (по ТСШ) связана семантика слов *технократия* (‘техническая интеллигенция’, ‘власть технической интеллигенции’), *технопропаганда* (‘пропаганда техники, оснащения техникой’), *технорабочий* (‘технический рабочий’), *технаторговый* (‘относящийся к торговле техникой’), *технотроника* (‘техника с использованием электроники’), *технофобия* (‘боязнь технических устройств, электронного оборудования’), *техноклиматология* (‘раздел климатологии, изучающий влияние климатических условий на технические средства’), *техносфера* (‘часть биосферы, преобразованная с помощью технических средств в социально-экономических целях’ [БТС]).

Мотивационная связь с «производственной» и «научной» семантикой лексемы *технология* прослеживается в дефинициях терминов *технополис* (‘межотраслевой научно-технологический комплекс, состоящий из наукоёмких фирм, ис-

следовательских организаций, группирующихся вокруг крупного университета или научно-исследовательского центра' [ССПТ, с. 435]) и *технопарк* ('научно-производственный комплекс, осуществляющий научные исследования и опытное производство каких-либо новых перспективных технологий' [БСИС, с. 578]).

В значении термина *техногенный* семы «относящийся к технике» и «относящийся к технологии» образуют синкретическое единство, что проявляется в одновременном присутствии в словарном толковании слов-конкретизаторов «техника» и «технология». Ср.: «**Техногенный** (спец.) – порождаемый *техникой*, *технической* деятельностью людей» [ТСШ, с. 981] и «**Техногенный** – являющийся следствием развития *техники*, результатом применения различных *технологий*» [ССПТ, с. 434].

Синкретичной в определенном смысле оказывается и семантика самого компонента *техно-*, который, как было проиллюстрировано выше, в одних случаях мотивационно связывается с словом *технологический*, а в других – со словом *технический*.

Перейдем к рассмотрению способов образования сложений с компонентом *техно-*. Позиционирование в словаре компонента *техно-* как первой части сложных слов говорит о том, что компонент воспринимается составителями словаря как неизменяемый, наряду с *авиа-* (с. 3), *видео-* (с. 91), *кино-* (с. 334), *медиа-* (с. 436), *радио*[1]- (с. 786), *теле-* (с. 974) и др. Сложные слова с такими компонентами «Русская грамматика» рассматривает в рамках разных подтипов способа сложения в зависимости от характера опорного компонента. Нас в первую очередь интересуют сложные слова с опорными компонентами, равными самостоятельному слову, то есть образованные способом чистого сложения, к которым относятся: а) словосложения (например, с компонентами *кино-* и *радио-*, равными основам несклоняемых существительных), б) сложения с первым компонентом – усеченной основой существительного или прилагательного (например, *авиа-* от *авиация*, *авиационный*; *теле*$_1$- от *телевидение, телевизионный*), в) сложения со связанным первым компонентом интернационального характера (например, *теле*$_2$- 'осуществляемый на расстоянии': *телеуправление*) [6, с. 243–244]. Сложения с компонентом *техно-* относятся по этой классификации к сложениям подтипа б): с первым компонентом – усеченной основой существительных *технология / техника* (или прилагательных *технологический / технический*) и интерфиксом -о- (см. выше толкование ТСШ). Так образована большая часть представленных в таблице (см. выше) сложений-существительных: *техногенез, техноклиматология, технопарк, технополис, технопропаганда, технопартия, техноработчий, техносфера, технофобия* и др. По этой же модели образуются многочисленные новообразования окказионального характера, отмеченные нами в рекламных материалах журнала «Т$_3$» [ТЭ ТРИ. Технологии третьего тысячелетия], который позиционируется издателями как *международный* ***техножурнал***. Функционируют новые лексемы, как правило, в заголовках, позволяющих в полной мере реализовать их экспрессивный, воздействующий потенциал, направленный на привлечение внимания возможных клиентов, ср.: *Техновойна с террором* (июль-авг. 2010, с. 61), *Техноватник* (апр. 2010, с. 39), *Техножаргон* (апр. 2010, с. 44), *Технопожелания* (апр. 2010, с. 82), *Технодиетологи рекомендуют* (февр.-март 2010, с. 19), *Техносуды* (май 2010, с. 66), *Технолюди* (янв.-февр., 2011, с. 39), *Техногуру* (янв.-февр., 2011, с. 39) и др.

Некоторые из зафиксированных в словарях существительных относятся к сложениям со связанными опорными компонентами: *технократ, технократия, технология, технолог*. Слово *технорук*, отражая переходные явления между аббревиацией и сложением, представляет собой аббревиатуру с интерфиксом -о-

между компонентами [РГ-80, т. 1, с. 256]. Способом так называемой телескопии образовано сложение *технотроника*, состоящее из начальной части слова ***техни****ка* и конечной части слова *элек****троника***, связанных интерфиксом -о-.

Функционируя в русском языке как самостоятельное слово, лексема *техно* способна выступать в грамматических функциях трех частей речи: неизменяемого существительного среднего рода, аналитического прилагательного и наречия. В функции существительного слово может выступать в качестве главного и второстепенного члена предложения, определяться другим прилагательным, ср.: «*Композиции* ***техно*** *были довольно длительными и давали большое поле деятельности для DJ. … Смягчение битовых тональностей привело к появлению такого направления, как* ***интеллектуальное техно***» [http://stereo-vinyl.com/techno/]; «***Минимальное техно*** *– просто ритм и чуть-чуть звука.* ***Техно*** *– крайность танцевальной музыки, которая имеет те же самые ритмические основы, что и другие виды хауса*» [http://pdj.ru/forum/]; «***Техно*** *приветствует стулья из гнутых труб, табуреты, напоминающие летательный аппарат*» [http://rostov-snab.ru/ kvartira_v_stile_ tehno.php].

В функции неизменяемого атрибута лексема *техно* может находиться как в препозиции, так и в постпозиции по отношению к определяемому слову, писаться отдельно, через дефис и слитно. Зачастую орфографические варианты встречаются в пределах одного контекста, ср., например: «*За* ***техно-музыкой*** *не стоит человек. …* ***Техно музыка*** *многолика и многогранна …* ***Музыка техно*** *объединяет разные направления и стили …* ***Техно-музыка*** *– это на самом деле что-то, что вы не можете вообразить. Если вы вдруг слышите нечто абсолютно неожиданное, можете быть уверены – это техно*» [http://pdj.ru/forum].

Приведем еще ряд примеров, демонстрирующих разные написания слов с *техно*: *техногуру* и *техно-гуру*; *техногруппа* и *техно-группа*; *стиль техно, техно стиль*, *техно-стиль* и *техностиль*; *техно-интерьер* и *техно интерьер*, *техно-триллер* и *технотриллер* и т. д.

Чаще всего через дефис или раздельно пишутся сложения, в которых *техно* обозначает стиль или жанр (музыки, архитектуры, интерьера и т. д.), например: *техно-трек, техно-музыканты, техно-мероприятия, техно-дискотеки, техно-потоп, техно-перероизводство, техно-грампластинки; техно культура, техно здания, техно мебель* и др. Однако возможно и слитное написание, например: *Технокухня* (кухня в стиле техно. – *Т. П.*) ($Т_3$, апр. 2010, с. 58).

В письменных контекстах полифункциональное слово может употребляться в исконном графическом облике, в качестве имени собственного, называющего музыкальное направление, может писаться с прописной буквы, браться в кавычки, ср.: «*Не удивительно поэтому, что эти исполнители, особенно The Prodigy, и стали первыми признанными звездами* ***Techno***» [http://kofein.kiev.ua/], «*…музыка* ***Techno*** *стала бурно развиваться*» [http://stereo-vinyl.com/techno/]; «*Меня давно мучает вопрос о сущности такого явления, как* ***Техно*** *музыка*» [http://pdj.ru/forum/]; «*…стиль "****техно****" пришёл в нашу повседневность из так называемых лофтов…*» [ukrstroy.net/articles/a420.htm] и др. Сохранение графики языка-источника, в одних случаях, и переход на кириллицу – в других, закономерно приводят к появлению графических вариантов, см., например: «*Наиболее известными* ***techno****-продюсерами того времени являются Juan Atkins, Derrick May и Kevin Saunderson … У* ***техно****-продюсера не возникает сомнения, что в этом подходе что-то не так*» [http://pdj.ru/forum].

В функции наречия лексема *техно* встретилась нам в рекламном контексте, в подзаголовке редакторской колонки «WELKOM!» журнала «$Т_3$»: «*Умно.* ***Техно****. Стильно*». Образование наречия и его семантика трудно интерпретируемы. На

наш взгляд, вряд ли можно рассматривать наречие как заимствованное. Мы предполагаем, что оно образовано в русском языке путем усечения наречия *технологично*, в свою очередь мотивационно связанного с понятием высоких технологий, поскольку объектом рекламы в журнале являются артефакты, разработанные и созданные по таким технологиям.

Проведенный анализ позволяет отметить, что в русском языке наших дней *техно* функционирует, прежде всего, как первый компонент сложений, неоднозначный по своему происхождению. В образовании сложных слов с компонентом *техно-* участвуют различные «компрессивные» способы словообразования: сложение, свертывание наименований, усечение, аббревиация, заимствование.

Как самостоятельная лексема *техно* характеризуется полифункциональностью, выступая чаще всего в функции аналитического прилагательного, реже существительного и в окказиональных случаях – наречия.

По данным только толковых словарей перечень слов с *техно-* в русском языке за полвека увеличился с четырех лексем, отмеченных БАСом, до 19, представленных в БТС. Всего же известные нам толковые словари русского языка конца XX – начала XXI в. фиксируют более 20 сложений с *техно-*, а также самостоятельное полифункциональное слово *техно*. В различных же дискурсах русского языка функционирует большое количество сложных и составных слов с *техно*, круг которых постоянно пополняется за счет неологизмов и окказионализмов, порождаемых как потребностью в новых средствах номинации, так и языковой игрой.

Таким образом, история только одного неизменяемого слова / компонента *техно-* является убедительным свидетельством усиления тенденции к аналитизму в русской морфологии.

Библиографические ссылки

1. **Астен Т. Б.** Аналитизм номинации: когнитивное содержание и прагматика неизменяемых существительных в русском языке в сравнении с другими славянскими языками / Т. Б. Астен. – Ростов н/Д. : РГЭУ (РИНХ), 2003. – 62 с.
2. **Ким Л. А.** Черты аналитизма в терминосистемах русского языка : монография / Л. А. Ким, Т. С. Пристайко. – Д. : Пороги, 2008. – 148 с.
3. **Панов М. В.** Позиционная морфология русского языка / М. В. Панов. – М. : Наука, Школа «Языки русской культуры», 1999. – 175 с.
4. **Панов М. В.** Об аналитических прилагательных / М. В. Панов // Фонетика. Фонология. Грамматика. – М. : Наука, 1971. – С. 240–253.
5. **Рощина Ю. В.** Проявления тенденции к аналитизму в современной русской морфологии : на материале предметных и признаковых слов : дисс. … канд. филол. наук : 10.02.01 / Ю. В. Рощина. – М., 2005. – 333 с.
6. **Русская грамматика** : в 2-х т. – Т. 1. – М. : Наука, 1980. – 784 с.

Словари

АЛ – Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / под ред. Г. Н. Скляревской. – М. : Эксмо, 2006. – 1136 с.

БАС – Словарь современного русского литературного языка : в 17-ти т. / под ред. В. И. Чернышёва. – Т. 15. – М., Л. : Изд-во АН СССР, 1963. – 1286 с.

БСИС – Булыко А. Н. Большой словарь иностранных слов / А. Н. Булыко. – Минск : Мартин, 2008. – 704 с.

БТС – Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2000. – 1536 с.

Даль – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4-х т. – Т. 4. – М. : Рус. яз., 1982. – 683 с.

С/Р – Букчина Б. З. Слитно или раздельно? Орфографический словарь-справочник / Б. З. Букчина, Л. П. Калакуцкая. – М. : Рус. яз., 1998. – 944 с.

СИС – Словарь иностранных слов. – 13-е изд., стереотип. – М. : Рус. яз., 1986. – 608 с.

СИСВ – Словарь иностранных слов и выражений / авт.-сост. Е. С. Зенович. – М. : ООО «Агентство «ГРПА «Олимп»; ООО «Изд-во АСТ», 2003. – 778 с.

ССПТ – Словарь современных понятий и терминов. – 4-е изд., дораб и доп. / сост., общ. ред. В. А. Макаренко. – М. : Республика, 2002. – 527 с.

СУ – Толковый словарь русского языка : в 4-х т. / под ред. Д. Н. Ушакова. – Т. 4. – М., 1940. – 1500 с.

ТСИС – Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов / Л. П. Крысин. – М. : Эксмо, 2005. – 944 с.

ТС.ИЯ – Толковый словарь русского языка конца XX в. Языковые изменения / под ред. Г. Н. Скляревской. – СПб. : Изд-во «Фолио-Пресс», 1998. – 700 с.

ТСШ – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. – М. : Изд. Центр «Азбуковник», 2008. – 1175 с.

Надійшла до редколегії 11.10.11

УДК 811.112.2’373.43

И. А. Сахно

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

СЛОВОТВОРЧЕСТВО В СЕТИ (по материалам немецкоязычных блогов)

На матеріалі німецької мови досліджено типи збагачення лексики в умовах нових форм мас-медійної комунікації.

Ключові слова: засоби комунікації, блог, блогосфера. оказіоналізм.

На материале немецкого языка исследованы типы обогащения лексики в условиях новых форм масс-медийной коммуникации.

Ключевые слова: средства коммуникации, блог, блогосфера, окказионализм.

The types of enrichment of vocabulary under condition of new forms of mass-media communications are examined on the basis of the German language.

Keywords: communication means, blog, blogosphere, occasionalism.

Рассматриваемая в данной статье проблема связана с изучением особенностей функционирования лексики в условиях масс-медийного дискурса, с исследованием структурно-семантических характеристик современных публицистических жанров, их форм, типов и социальной роли. ***Целью*** данной статьи является рассмотрение специфических для немецкого языка типов обогащения словаря новообразованиями, анализ структурных, семантических и функциональных особенностей окказионализмов на материале немецкоязычных блогов. В связи с поставленной в статье целью необходимо осветить понимание современной теорией коммуникации и лингвистикой следующих теоретических вопросов:

1) место и роль блогосферы в современном коммуникационном пространстве;

2) жанровое и тематическое многообразие немецкоязычных блогов;

© Сахно И. А., 2012

3) формы и пути обогащения словарного состава (применительно к языку современных СМИ);

4) неологизмы, окказиональная лексика в немецком языке.

В условиях современного комьютеризированного общества все большую роль играют новые виртуальные формы социального общения, альтернативные традиционным средствам массовой коммуникации. «Именно информационное общество в полной мере способствовало утверждению виртуальной реальности в качестве общественно значимого феномена, причем значимого до такой степени, что появляются такие эпитеты, как „виртуальная цивилизация“» [2, с. 5–6]. Новая виртуальная реальность порождает и новый тип дискурса, который определяется как интернет-дискурс, сетевой, виртуальный, компьютерный дискурс и т. д. «Виртуальный дискурс симулирует идентичность привязанности и неоставленности, незаброшенности и «наполненности бытия», т. е. ничто иное, как фундаментальный, культурно-экзистенциальный модус-дискурс человеческого существования» [4, с. 26–34].

Формы общения и самореализации личности в сети весьма многообразны. Начиная с 90-х годов, на смену персональным страницам приходят блоги. Термин «блог» является заимствованием из английского языка, где *we**b log*** означает интернет-журнал, интернет-дневник, онлайн-дневник. Блог – это веб-сайт, основное содержимое которого – регулярно добавляемые записи, включающие текст, изображения или мультимедиа. Легкость создания, публичность и доступность, возможность вести полемику, комментировать записи, четкость и универсальность структуры – эти свойства блогов делают их необычайно популярными во всем мире. Сегодня известны десятки миллионов блогов на разных языках мира. Известно, что самым распространенным языком, на котором идет общение в блоговых системах, является не английский, как можно было бы ожидать (его доля – только 31 %), а японский язык (37 %). Далее следует с большим отставанием китайский (15 %) и другие языки мира. По другим данным, русский язык по популярности в блогосфере лишь немного уступает английскому. Немецкий язык довольствуется скромным 1 % [8]. Последний факт никак не снижает актуальность наблюдений над спецификой функционирования немецкого языка в современной блогосфере.

Ведь речь идет сегодня о новом, сложно поддающемся контролю и оперативном информационном пространстве. Обсуждаемые в среде блогов темы, как правило, отличаются актуальностью и тематическим многообразием. Это – политика, экономика, спорт, культура, повседневные жизненные события, образование, мода, музыка и т. д. Различают блоги авторские, коллективные и корпоративные. Возможность публикации отзывов превращает блоги в разновидность средств массовой коммуникации. Социальная активность блогеров, роль блогов в самоорганизации общества нашли свое подтверждение во многих последних событиях общественной и политической жизни разных стран. Популярны также блоги, авторство которых принадлежит известным политическим деятелям.

Хотя тема блогов, блогосферы широко обсуждается сегодня в средствах массовой коммуникации, в научной литературе исследований, посвященных этой проблеме, пока немного [5; 7].

По наличию определенной структуры, выраженной авторской (журналистской) позиции и «читательских» отзывов, по принципам подачи материала – по этим и некоторым другим параметрам наиболее близкими блогу из традиционных газетно-публицистических жанров оказываются авторский комментарий, рубрики типа «Колонка редактора», «Нам пишут», «Из писем читателей» и т. п. Хотя такое сравнение, вероятно, достаточно схематично. Блог – это прежде всего информа-

ция автора о себе, которую он может изменять по собственному усмотрению. Эта функция иногда оказывается даже более важной, чем информативно-ценностная. Возможность вести публичный диалог, оперативно высказывать свое мнение, создавать свой виртуальный имидж, размещать для обсуждения свои статьи и публикации – все это определяет привлекательность блогосферы. Так называемая «публичная сфера» часто выступает единственной возможностью для открытой дискуссии в обществе, где правят бал власть и деньги [1, с. 42].

10 самых популярных немецкоязычных блогов выглядят сегодня по данным «Die PR Agentur Edelman» следующим образом:

- BILDblog
- Spreeblick
- Zeitgrund Blog
- Basic Thinking Blog
- 4nul4.de
- Lawblog.de
- Ehrensenf Internet TV
- Dr. Web Magazin
- Netzpolitik.org
- Werbeblogger Weblog

С 2004 года немецкая медиакомпания Deutsche Welle проводит международный конкурс на лучший блог The BOBs (The Best of the Blogs – Лучшие из блогов). Награждаются авторы, внесшие вклад в дело защиты гражданских прав и свобод, общественно значимых инициатив. В языковых номинациях награждается лучший блог или сетевое сообщество на одном из 11 языков конкурса. Особое внимание уделяется ресурсам, которые инициировали дискуссию на актуальные и общественно значимые темы.

Все сказанное делает изучение языка блогов своевременной задачей. Очевидно, что, являясь формой виртуального общения, блогосфера разделяет, с лингвистической точки зрения, характерные черты языка современного масс-медийного дискурса.

По мнению многих исследователей, язык СМИ отличается сегодня активным образованием неологизмов (как общеязыковых, та и окказиональных), интенсивными процессами заимствований. В результате раскрепощения носителей языка, смены их лингвокультурной ориентации наблюдаются широкое использование нестандартной лексики, сниженных жаргонных слов, ослабление литературной языковой нормы [3]. Исследователи отмечают также интернационализацию словообразовательных морфем за счет так называемых «ключевых понятий эпохи», значительное расширение количества морфем, обогащение круга словообразовательных формантов с помощью терминологических слоев лексики, активизацию аббревиатур и т. д. [6, с. 9].

Среди немецкоязычных блогов наше внимание привлекли прежде всего блоги о языке, среди них: Sprachblog – Deutsch – Linguistik – Rechtschreibung – Sprachglossen; FrauenSprache politically correct; Anatol Stefanowitsch Sprachlog, Bremer Sprachblog и другие. Их специфическая тематика часто напоминает повестку дня лингвистических конференций: обсуждаются проблемы заимствований, чистоты языка, семантики словоупотреблений, современных видов коммуникации и т. п. Анализируя структуру и язык этих блогов, мы обратили внимание на характерную четкую стилистическую границу между авторской частью (авторским контентом) и комментариями пользователей блогосистемы. Авторский текст отличается, как правило, более сдержанной стилистикой, что не исключает его оце-

ночности, экспрессивности и выразительности. Но особый интерес для нашего анализа представляет как раз дискуссионная часть блогов, где и проявляет себя в полной мере стремление к максимальному использованию выразительных возможностей слова, в частности за счет активного словотворчества.

Поскольку изначально пользователями блогов, чатов и форумов было преимущественно энергичное, ищущее молодое поколение, то и синтетический язык новой сетевой реальности отличается обилием новообразований разного характера и на разных языковых уровнях (графическом, словообразовательном, синтаксическом, стилистическом). Нарушение правил грамматики, смелое словотворчество, намеренное снижение стиля – стали своего рода визитной карточкой, эталоном, непременным атрибутом «языка сети» (так называемого «блогосуржика», «блогояза»). В связи с этим часто можно встретить сообщения обеспокоенных носителей немецкого языка: «Beherrscht denn hier niemand mehr die Rechtschreibung?», «Kümmert sich keiner mehr um die Grammatik?», «Macht das Internet die (deutsche) Sprache kaputt?».

Среди разнообразных экспрессивных языковых средств особое место в «языке сети» принадлежит индивидуальным авторским новообразованиям – окказионализмам. Окказиональная лексика строится по моделям, типичным для литературного языка. В соответствии с немецкими словообразовательными нормами в текстах современных немецкоязычных блогов обнаруживаем значительное количество именных новообразований по типу словосложения.

Так, в полемике о «политкорректности» использования компонента *Schwarz-* в составе многих сложных слов (*Schwarzweißfilm, Schwarzsehen, Schwarzafrika, Schwarzbrot* и т. п.) и особенно существительного *Schwarzfahrer*, предлагаются многочисленные авторские замены: *Gebührenbefreiter Mitfahrer, Umsonstler, Passivpassagier, Sulbdengel.*

Эффект выразительности сложного новообразования основан на прозрачности процесса создания нового слова, на очевидности ассоциаций с хорошо знакомым прототипом. Ср.: *Meh-Effekt «*das Ausbleiben von Erkenntnis und Begeisterung» в сравнении с широко известным словом *Aha-Effekt. Suzen «*unsicher zwischen vertrauter und formaler Anrede schwanken» возникает по аналогии с *siezen* и *duzen*. От глагола *Querkommen* «jemanden bei der Ausführung von etwas stören» образовано не зафиксированное пока в словарях существительное *Querkunft.*

Полны иронии предложения довести до абсурда борьбу за равноправие полов в языке за счет суффиксальных именных новообразований женского рода: *SäuglinInnen* наряду с *Säuglinge*; *SoldatInnen sind (potentielle) MörderInnen!*

Префиксальные производные не так многочисленны. Например, глагол *sich zerwirklichen* «*sich auf der Suche nach Selbstverwirklichung verzetteln und verrennen»* образован как антоним к *sich verwirklichen* путем замены префикса.

Популярны в блогах вербальные словообразования от имен известных политических и общественных деятелей. Подобные слова почти всегда выражают негативную оценку. Так, в связи с недавней скандальной отставкой президента Германии Вульфа, блоги пестрят вновь созданными глаголами *wulffen, vollwulffen, auswulffen, erwulffen* и т. п. Глагол *wulffen* иронично трактуется в сети следующим образом:

(1) «jemandem eine lange Nachricht auf der Mailbox hinterlassen»;

(2) «nicht die ganze Wahrheit sagen, ohne ausdrücklich zu lügen»;

(3) «möglichst viel mitnehmen, ohne zu bezahlen».

Сами заглавия текстовых блогов включают суффиксальные производные с метафорическим использованием имен: *Kommt «gaucken» wieder? – Präsidenten*

und ihre Verben; Verben wie «gaucken» und «wulffen» brauchen das Rampenlicht als Lebenselixier.

Наблюдается процесс детерминологизации специальных терминов из сферы спорта, политики, экономики. Вновь создаваемые слова выступают альтернативой новым заимствованиям. Англицизм *Public Viewing*, например, проник в немецкий язык и активно в нем используется после чемпионата мира по футболу 2006 года. Немецкий синоним-новообразование для *Public Viewing – Rudelgucken* сейчас уже часто встречается в печатных изданиях. Путем словосложения активно создаются альтернативы для английских заимствований, связанных с понятием «интернет». Так, для англ. *Spam* мы встретили следующие композиты: *die computer-verstopfende Massenwerbung, Spammail, Werbemail, digitaler Werbemüll, elektronische Wurfsendung, Massenwerbung, Sülzmail, Digimist, E-Müll, Quälmail.*

Наряду с количественными изменениями, в лексике СМИ можно отметить и качественные, а именно изменение семантики давно известных слов. Семантические изменения отличают как автохтонные единицы, так и уже освоенные немецким языком заимствования недавнего времени. Англ. *body bag* сначала заимствуется в значении «Leichensack», которое лишь позднее дополняется значением «modische einriemige Tragetasche». Пользователи блогов, как правило, хорошо владеют английским языком, поэтому часто употребляют «онемеченные» английские и другие иностранные слова, ср.: *updaten; ein nobody zu sein; je polyglotter um so besser. Also ist die Headline selbst…; all-time-favourites; sportsmanlike.*

Типичны случаи модификаций хорошо известных фразеологизмов: *Schwarzarbeit macht frei*! *Sie können ja das Blaue vom Himmel erzählen.*

Популярной формой окказионального словотворчества в блогах является аббревиация. Наряду с общепринятыми сокращениями (*für heute geb ich's auf, ggf., Mf G* и т.п.), встречается большое количество аббревиатур, транслитерирующих разговорную речь и диалектные формы в оценочных высказываниях, например: *Tscha, so isset! Do feit's vom Boa weg.*

Таким образом, в данной статье была рассмотрена лишь одна характерная особенность лексического наполнения немецкоязычных языковых блогов, а именно – обилие окказиональных словообразований. Мы убедились, что тексты блогов демонстрируют значительное количество разнородных лексических инноваций. Каждый язык, обладая своим характерным набором словообразовательных моделей, проявляет свою самобытность и в оценочной лексике блогосферы. Окказиональная лексика отражает при этом стремление к оригинальности, самовыражению, активному словотворчеству (так называемая Hobby-Linguistik), к эффектности высказывания. Следует отметить, что немецкие языковые блоги отличаются в целом нейтральным, почти академичным стилем и соблюдением языковой нормы.

Библиографические ссылки

1. **Алябьева Е.** О социальных функциях блогов в современной России / Е. Алябьева // Личность и межличностное взаимодействие в сети Internet / под ред. В. Л. Волохонского, Ю. Е. Зайцевой, М. М. Соколова. – СПб. : СПбГУ, 2007. – С. 40–46.
2. **Андрианова Н. С.** Интернет-коммуникация – реальность или симулякр?/ Н. С. Андрианова // Вісник Дніпропетр. ун-ту. Серія «Мовознавство». – 2010. – Вип. 16. – С. 3–8.
3. **Виноградова Т. Ю.** Специфика общения в интернете / Т. Ю. Виноградова // Русская и сопоставительная филология: Лингвокультурологический аспект. – 2004. – № 311. – С. 63–67.

4. **Галкин Д.** Виртуальный дискурс в культуре постмодерна / Д. Галкин // Критика и семиотика : сб. науч.тр. – Томск : Изд-во Томск. гос. ун-та, 2000. – Вып. 1–2. – С. 26–34.
5. **Личность и межличностное взаимодействие в сети Internet** / под ред. В. Л. Волохонского, Ю. Е. Зайцевой, М. М. Соколова. – СПб. : СПбГУ, 2007.
6. **Стишов О. А.** Динамічні процеси в лексико-семантичній системі та в словотворі української мови кінця XX ст. (на матеріалі мови засобів масової інформації) : автореф. дис. … д-ра філол. наук / О. А. Стишов. – К., 2003. – 35 с.
7. **Gorny E.** Russian LiveJournal: National specifics in the development of a virtual community / Russian-cyberspace.org/ [Электрон. ресурс]. – Режим доступа : URL:<http:// www.ruhr-uni-bochum.de/russcyb/library/texts/en/gorny_rlj.pdf> Version 1.0, 13.05.2004.
8. **Die Sprache der Blogger. Webmaster Blog**. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа : http://blog.webmaster-homepage.de/item/1247.

Надійшла до редколегії 09.02.12

УДК 811.111'07

Ю. В. Сердечний

Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара

ЦІЛІСНИЙ ПІДХІД У ВИКЛАДАННІ ГРАМАТИКИ

Розглянуто теорію «цілісного підходу» у викладанні іноземної мови, зокрема її граматичного аспекту. Запропоновано зразки завдань і вправ, спрямованих на розвиток навичок комплексного вживання граматичних та лексичних одиниць у дискурсі.

Ключові слова: викладання іноземної мови, традиційний підхід, членування навчальної програми, цілісний підхід, цілісна картина.

Рассмотрена теория «целостного подхода» в преподавании иностранного языка, в частности его грамматического аспекта. Предложены образцы заданий и упражнений, направленных на развитие навыков комплексного употребления грамматических единиц в дискурсе.

Ключевые слова: преподавание иностранного языка, традиционный подход, членение учебной программы, целостный подход, целостная картина.

The article deals with the theory of "holistic approach" in FL teaching, in particular in teaching its grammar aspect. It also offers some sample assignments and exercises aimed at developing skills of complex usage of lexical and grammatical units in discourse.

Keywords: foreign language teaching, traditional approach, syllabus itemization, holistic approach, big picture.

Попри той факт, що за останні десятиліття відбувся перехід до більш комунікативних методів у викладанні іноземних мов, навчання граматики все ще залишається базованим на традиційних підходах, у рамках яких граматичні теми розглядаються кожна окремо, без їх прив'язки до конкретного дискурсу, в напрямі «від форми до значення/функції». Граматичні явища в більшості підручників часто представлені фрагментовано, підпорядковані різним лексичним темам і розглядаються поряд з функціями, розмовними топіками, типами текстів, лексичними полями та іншими супутніми елементами. Граматична тематика, як правило, пропонується в «атомізованій» формі, тобто як набір мовних структур, які часто базуються на дієслівних формах. Прикладами такого підходу є популярний британський курс англійської мови *Upstream* Вірджинії Еванс та Джені Дулі [5] або найновіший підручник Б. Норта, А. Ортеги та С. Шіхен [6], який базується на вимогах «Загальноєвропейської системи навчання мов» (CEFR) [4].

© Сердечний Ю. В., 2012

Як вказує Род Болітo у своїй статті в журналі *English Teaching professional,* існують деякі нагальні причини збереження вищевказаного атомізованого підходу у викладанні граматики, основними з яких є можливість навчати (teachability), можливість засвоювати (learnability) та можливість перевірити (testability) граматичний матеріал [1, с. 4]. Але разом з тим автор піддає сумніву надійність і ефективність такого підходу.

1. Опора на граматику як самостійний аспект мови може виявитися перешкодою для іншомовної комунікації. Студенти можуть мати певні проблеми при вираженні, наприклад, дій «прихованих» виконавців за допомогою пасивного стану або дій, що почалися в теперішньому або минулому часі і тривали до певного моменту в майбутньому (Future Perfect) до тих пір, поки вони не досягнуть певного рівня володіння іноземною мовою або не вивчать певного уроку в своїх підручниках.

2. Тематичне членування граматичного матеріалу сприяє фрагментованому його засвоєнню та гальмує зусилля тих студентів, які прагнуть отримати узагальнену картину граматичного явища та його функціонування в мові.

3. Деякі граматичні категорії є, в кращому випадку, узагальненнями та, в гіршому випадку, викривленнями механізму функціонування мови. Вони можуть бути зручними з точки зору методики їх викладання, але ненадійними в реальному іншомовному спілкуванні. Прикладом того є правила вживання непрямої мови, які є досить громіздкими з точки зору їх викладання та закріплення, але втрачають своє значення в сучасній англійській мові. Як вказує Дейв Вілліс, ця категорія втрачає своє значення та вимагає від студентів більших зусиль, ніж вона того варта [7].

Традиційне зосередження на системі дієслова надає невиправданої ваги дієслівним структурам, ігноруючи можливості інших частин мови, зокрема прислівникових утворень, передавати часові та модальні значення.

Тематичне членування граматичного матеріалу призводить до надмірного наголосу на його викладанні та тестуванні на рівні речення, причому тести, в основному, містять завдання на заповнювання пропусків (gap-filling) та множинний вибір (multiple choice). Речення є іншим зручним об'єктом вивчення: з ними легко працювати у вигляді роздаткового матеріалу, застосовувати в різних режимах аудиторної роботи та перевіряти на дошці. Однак граматика на рівні речення інколи має мало спільного з її вживанням в реальному зв'язаному дискурсі, з яким набагато складніше працювати в рамках підручників або університетської аудиторії. В результаті студенти не можуть реально працювати з граматикою на рівні тексту або дискурсу, не досягнувши високого рівня володіння мовою або не зітнувшись з нею в контексті реальної комунікації [1, с. 4].

Британські методисти пропонують альтернативні шляхи вивчення граматики, які можуть бути корисними для вивчаючих мову на різних рівнях. Один з них забезпечує більш цілісний підхід до вивчення модальних значень та засобів.

Модальні дієслова докладно описані багатьма підручниками, і численні відтінки їх значень можуть створювати багато проблем для студентів і викладачів. Широко висвітлюються лексичні значення та комунікативні функції модальних дієслів can, could, may, might, must, should та інших, розглядаються їх первинна та вторинна функції, модальні еквіваленти, синонімія та особливості вживання.

Запропонований альтернативний погляд на модальні значення базується на розгляді основних типів текстів, що доповнюються завданнями, які дають студентам уявлення про те, яким чином носії мови виражають модальні значення, часто не вживаючи модальних дієслів взагалі. Такі види аудиторної або самостійної роботи можуть базуватися на поширених видах текстів, наприклад гороскопах, в

яких студенти можуть наочно побачити, що модальність є ставленням автора до того, що він/вона говорить або пише, і може виражатися багатьма засобами поряд з модальними дієсловами. Це ставлення може набувати значень імовірності, можливості, упевненості, обов'язку необхідності та інших.

З таких текстів легко також побачити, що прислівники *probably*, *possibly* та *perhaps*, фрази *there is a chance that*…, *is likely to*… та *there is no need to*… можуть доповнювати модальні дієслова і додавати відтінки модальним значенням окремих речень тексту.

Щодо модальних дієслів, багатьом студентам буде цікавим дізнатися, що *will*, наприклад, не завжди є маркером майбутнього часу і часто може означати високій ступінь імовірності і навіть упевненості в теперішньому та майбутньому часі.

Зразок завдання

ARIES, March 21 – April 20

You should put energy into social contacts. Any plans you have for the weekend are likely to work out, but you will need to tread carefully. Your finances might receive a welcome boost later in the week. Watch out for an important text message or email.

1. Read your own horoscope. Describe its tone. Choose one or more from the following options:

* *advisory*
* *definite*
* *warning*
* *negative*
* *prescriptive*
* *provisional/conditional*
* *positive*
* *pessimistic/downbeat*
* *tentative/hesitant*
* *urgent*
* *optimistic/upbeat*

Give reasons for your answer.

2. Scan the horoscope once again and find examples of the following communicative functions:

* *expressing probability*
* *expressing possibility*
* *expressing certainty*
* *expressing necessity*
* *expressing obligation*
* *suggesting/recommending*
* *telling/ordering*

How were you able to identify these functions?

3. Is modal meaning expressed only by modal verbs? Give examples from the horoscope to support your answer.

Граматичні часи становлять ще одну проблемну область у викладанні граматики. Багато англійських часів здаються студентам незрозумілими через їхній вельми спеціалізований характер і тому досить важкими для засвоєння. Помилки у вживанні часів завжди розглядалися викладачами як серйозні та такі, що дуже впливають на загальну успішність з іноземної мови. Навіть найбільш сучасні підручники побудовано на вельми прозорому базовому принципі: просуванні за відповідними правилами та алгоритмом від теперішніх часів до минулих і майбутніх

з виробленням у студентів послідовних навичок говорити та писати про теперішні, минулі та майбутні події.

Для представлення студентам цілісної, «великої» картини граматичних часів, Род Боліто пропонує простий вид аудиторної роботи, який не потребує значних ресурсів:

- Поставте три стільці перед класом приблизно в метрі один від одного.
- Ці три стільці будуть символізувати моменти в минулому, теперішньому та майбутньому часі. Запросіть трьох студентів сісти на стільці і поясніть дану символіку класу.
- Станьте за заднім стільцем і зазначте, що це буде вихідна точка у вираженні часу.

Такий план дозволяє викладачу полегшити студентам задачу розказати або написати про події і плани в їхньому житті, розповісти про минуле або передбачити майбутні події. Допоміжними знаряддями при виконанні завдань будуть довга указка та декілька аркушів паперу.

Прийом 1: Навчання граматичного виду

Вивчення подовженого виду набуває особливого значення для тих студентів, які не мають точного граматичного еквівалента в їхній рідній мові (це стосується української та російської мов також) і виражають подовжені дії іншими засобами.

- Станьте позаду середнього стільця, тримаючи указку горизонтально над головою студента. Запропонуйте студентам речення на кшталт *«We are sitting in room 1004».* Поясніть студентам, що це тимчасова ситуація і що указка символізує відтинок часу, до якого належить дія даного твердження. Також скажіть, що ця дія має початок і кінець, а указка представляє її подовженість.
- Тепер тримайте указку над головою студента, який репрезентує минулий час і зробіть заяву на кшталт *«This time last year I was working in the garden»*, після якої задайте студентам питання *«What about you?»* і попросіть їх відповісти на нього.
- Повторіть ту саму процедуру для майбутнього подовженого часу: *«Look into the crystal ball. What will you be doing this time next year?»* [2, с. 38]

Протиставлення подовженого та неподовженого видів може бути зроблено в такий спосіб:

- Попросіть студентів, які представляють теперішній і минулий час, потримати указку. «Теперішній» студент тримає її так, щоб вона трохи заходила в «майбутнє». Задайте класу питання, наприклад *«How long have you been sitting here?»* Відповідь потребуватиме виразів типу *«for 20 minutes»* або *«since 11 o'clock» та* дозволить студентам зрозуміти сутність перфектно-подовженого виду.
- Спитайте пошепки «теперішнього» студента: *«How many times have you been abroad?»* Студент дає вголос відповідь на зразок *«Four times».* Покладіть чотири аркуші паперу на підлогу між минулим і теперішнім. Попросіть студентів здогадатися, яким було питання та що означають аркуші на підлозі. Підказкою може бути питання до «теперішнього» студента, чи поїде він за кордон. Це також вкаже студентам на те, що ситуація не є закінченою.

- Викладач може легко переключити увагу студентів на минулий час, поставивши стілець «минулого» студента над аркушем паперу, найближчим до теперішнього часу, і спитавши: *«When did you last go abroad?»*
- Перехід до майбутнього часу можна зробити, попросивши «майбутнього» студента взяти один кінець указки, а «теперішнього» студента тримати інший кінець, але так, щоб її частина заходила в минуле для опрацювання твердження на кшталт *«We'll be sitting here until 11 o'clock»* [Там же, с. 39].

Прийом 2: Опрацювання обставин часу

Оскільки часові маркери тісно пов'язані з деякими часами в англійській мові, такі слова і вирази повинні вивчатися разом з основними правилами.

- Роздайте студентам картки з десятком або двома прислівникових одиниць. Для середнього рівня вони можуть включати *in a day or two*, *last Wednesday*, *since Christmas*, *recently*, *always*, *this time last year*, *until the end of term*, *many years ago*, *before I started to learn English*, *after I leave the university*, *for a long time now* і подібні.
- Попросіть студентів вирішити, до якого часу належать слова і вирази на їх картках, потім вийти до дошки і стати на місце серед трьох стільців, яке найкраще відповідає їх часовому маркеру.
- На середньому та просунутому рівнях навчання викладач може попросити студентів придумати твердження про їх реальне життя та події з їхніми часовими виразами, зв'язавши останні з формою відповідного граматичного часу.
- На певному етапі ця схема дасть змогу викладачеві пояснити студентам, що часто тільки часовий маркер однозначно детермінує значення того чи іншого часу, як наприклад у реченні *«What are you doing this evening?»* [Там же].

Форма пасивного стану, будучи нескладною зі структурної точки зору, часто презентується та закріплюється шляхом трансформування активних структур у пасивні. Найновіші підручники почали більше концентрувати увагу на *випадках вживання* пасивних форм в англійській мові, що має особливе значення для тих студентів, у чиїй рідній мові (знову можна згадати українську або російську) пасив не є таким розповсюдженим явищем, як в англійській. Одначе, дуже небагато авторів пояснюють *причини* вибору стану, якими користуються носії мови в усному або писемному мовленні. Ще менше уваги приділяється співставленню «активних» і «пасивних» засобів у різних мовах.

Британські автори пропонують деякі види роботи, направлені на більш детальне дослідження та опрацювання цих проблем. Їхнім завданням є вивести студентів за межі трансформаційних вправ і стандартних правил вживання пасиву. Для вирішення цієї задачі студентам потрібно працювати на рівні тексту, аналізуючи авторський вибір форм стану. Додатково студенти можуть побачити, як «активність» і «пасивність» природно створюються також за допомогою лексичних засобів.

Завдання 1. Почитайте текст і дайте відповіді на питання.

What happens when you[1] press the «Start» button on a photocopier?

Inside a copier there is a special drum. The drum acts a lot like a balloon – it can be charged[2] with a form of static electricity.

Inside the copier there is also very fine black powder known as toner. The drum, once it is charged[2] with static electricity, can attract the toner particles.

The drum, or belt, is made[3] out of photoconductive material.

Here are some actual steps involved in making a photocopy:

1. *The surface of the drum becomes charged[4].*
2. *An intense beam of light moves across the paper that you have placed[5] on the copier's glass surface. Light is reflected from white areas of the paper and strikes the drum below.*
3. *Wherever a photon hits, electrons are emitted from the photoconductive atoms in the drum and they neutralize the positive charges above[6]. Dark areas on the original (such as pictures or text) do not reflect light onto the drum, leaving regions of positive charges on the drum's surface.*
4. *The negatively charged[7], dry, black pigment called toner is then spread over the surface of the drum, and the pigment particles adhere to the positive charges that remain.*
5. *A positively charged[7] sheet of paper then passes over the surface of the drum, attracting the beads of toner away from it.*
6. *The paper is then heated and pressed to fuse the image formed[8] by the toner to the paper's surface.*

And your photocopy is ready – all in a few seconds!

Questions:

1. Why does the writer address the reader directly here?
2. Why does the writer choose the passive in these two cases?
3. Who made it? Is it important to know?
4. Why "becomes charged" and not just "is charged"?
5. Why the active voice again here?
6. Look at the three verbs in this sentence. Why does the writer switch from active to passive and then back?
7. Do these adjectives imply that the toner and the paper are charged during or before the process? Can you see the "hidden" passive in them?
8. Can you say why this is sometimes called a "telescoped passive"? Can you find two more examples in the text?
9. Why is the passive used so often in this kind of text?

Завдання 2. Прочитайте цю статтю і дайте відповіді на питання:

Tiger murdered in Arunachal Pradesh

On January 7, a tiger was poisoned and bled to death by inhabitants of Namuk, a village 30 km from Siang district in Arunachal Pradesh. On January 8, the tiger was brought to the village, where an environmental activist caught it on camera before its coat was removed and presumably sold.

There is rumored to be a flourishing trade in tiger skins and other body parts in the area, but villagers refused to confirm this. They claim that the tiger was killed to protect their farm animals from attack. The local police superintendent promised a full investigation into this illegal activity, saying «If smugglers are involved, they will be severely punished under the Forest Act».

Over 200 tigers are believed to have been killed in India in the last twelve months. Activists are trying to help local people to understand that this rate of slaughter cannot be maintained if the tiger is to survive. Far too many cases never even get reported.

Questions:

1. Why is the passive used in the headline and in the first sentence of the report?
2. What does the first sentence tell us that is not in the headline?
3. Who brought the tiger to the village on January 8? Who removed its coat and sold it? Why doesn't the journalist name this people?
4. Why does the journalist start the second paragraph with a passive construction: *«There is rumored to be…»*? Would a writer in your native language use the passive here?
5. Why the switch to the active voice with *«They claim…»* at the start of the next sentence?
6. Who will punish the smugglers (second paragraph)? Do we need to know?
7. *«…are believed to have been killed…»* Is this vague or precise? Why does the journalist choose a passive construction here? How about your native language?
8. *«…never even get reported.»* Why not just *«…are never reported»*? What does *get* add here?
9. Who do you think the journalist actually spoke to at first hand and which parts of his report seem to be based on hearsay? How can you identify this difference?
10. Why do you think journalists find the passive so useful? [3, c. 13]

Підсумовуючи все вищесказане, зазначимо, що сучасна методика викладання іноземних мов намагається, з одного боку, об'єднати традиційний підхід, у рамках якого граматичний матеріал подрібнюється на окремі «кванти», які легше викладати і засвоювати, а з другого – впроваджувати підходи і методи, які дають студентам загальне уявлення, «велику картину» того, як окремі граматичні явища «співпрацюють» для створення граматичних значень та їх відтінків. Традиційний підхід, як правило, залишає студентам задачу зібрати докупи всі ті частини, використовуючи модель *word→ phrase → sentence → connected discourse*. Завдячуючи цілісному підходу, можна осягнути та опрацювати узагальнену картину мови на рівні тексту та дискурсу. Цей підхід повинен поступово змінити погляди на викладання мовних явищ, зокрема граматичних, які існували в методиці викладання мов в останні десятиліття.

Бібліографічні посилання

1. **Bolitho R.** Holistic grammar teaching / R. Bolitho // English Teaching professional. – 2011. – № 73. – P. 4–6.
2. **Bolitho R.** Holistic grammar teaching / R. Bolitho // English Teaching professional. – 2011. – № 74. – P. 37–39.
3. **Bolitho R.** Holistic grammar teaching / R. Bolitho // English Teaching professional. – 2011. – № 75. – P. 12–14.
4. **Common European framework of References for Languages**. – Council of Europe, 2001. – 149 p.
5. **Evans V.** Upstream Intermediate / V. Evans, J. Dooley. – Newbury : Express Publishing, 2008. – 204 p.
6. **North B.** Core Inventory for General English / B. North, A. Ortega and S. Sheehan. – British Council, 2001. – 159 p.
7. **Willis D.** Notional Syllabuses / D. Willis. – Oxford : OUP, 1976. – 79 p.

Надійшла до редколегії 20.01.12

УДК 811.161.1'37

Н. С. Сонник

Приднепровская государственная академия строительства и архитектуры (г. Днепропетровск)

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Розглянуто особливості концептуалізації простору на різних мовних рівнях (морфологічному, лексичному, синтаксичному). Виявлено основні індивідуальні риси просторової концептосфери у російській мові.

Ключові слова: концепт, концептосфера, концептуалізація, мовна картина світу, простір.

Рассмотрены особенности концептуализации пространства на различных языковых уровнях (морфологическом, лексическом, семантическом). Выявлены основные индивидуальные черты пространственной концептосферы в русском языке.

Ключевые слова: концепт, концептосфера, концептуализация, языковая картина мира, пространство.

In this article the peculiarities of space conceptualization on different language levels such as morphological, lexical and semantic are regarded. Main individual features of conceptual sphere of space in Russian are shown.

Keywords: concept, conceptual sphere, conceptualization, language worldview, space.

Когнитивная лингвистика сегодня – одно из самых массовых языковедческих направлений. В центре внимания когнитологов находятся самые разные аспекты исследования концептов. Концепты исследуются в контексте писательских идиостилей, наивной картины мира, научной картины мира, в контексте межкультурной коммуникации и т. п. Большое внимание традиционно уделяется базовым концептам языковой картины мира.

Одним из таких концептов является **пространство**, исследование общих и индивидуальных черт которого на примере русской языковой картины мира было бы весьма плодотворным. ***Целью*** данного исследования является описание основных представлений о пространстве в русской языковой картине мира, которые проявляются на различных языковых уровнях (морфологическом, синтаксическом, лексико-семантическом).

Понятие пространства возникло как обобщение понятия места, которое включает в себя как представление о положении какого-либо тела относительно других, так и представления о протяженности тела, его размере и т.д.

В современном представлении пространство – это важнейшая онтологическая категория, форма существования материи, характеризующая её протяженность, структурность, сосуществование и взаимодействие её элементов. Пространство и время являются теми категориями бытия, которые служат неиссякаемым источником для размышлений человека вообще, не только для философов. Категория пространства и времени «входит в число главных бытийных категорий, являя собой две важнейшие из познанных человеком форм существования материи, введенные им в язык как для того, чтобы говорить о сложнейших тайнах вселенной, так и для того, чтобы постичь простые формы ориентации человека в конкретном месте и конкретном времени» [7, с. 27].

© Сонник Н. С., 2012

Представления о пространстве довольно существенно отличаются в наивной и научной картинах мира. И даже в рамках научной картины мира можно отметить большие различия в, скажем, физических, геометрических и философских представлениях о пространстве. Как известно, еще в древности возникли две различные концепции пространства. Атомисты (Демокрит, Эпикур, Лукреций) утверждали, что существует пустое бесконечное мировое пространство, которое служит вместилищем вещей, ареной движения тел. По Аристотелю, пространство – это совокупность мест, занимаемая телами.

Идея пустого мирового пространства была позже развита Ньютоном, а понимание пространства и времени Аристотелем легло в основу концепции Лейбница. Сущность пространства, по Ньютону, представляется в виде неограниченного вместилища, объема, отождествляемого им с пустотой. Воззрения Лейбница на пространство являются обобщением непосредственного опыта, оно одушевляется человеческим присутствием, оно трактуется и прочитывается человеком. На опыте мы имеем дело с протяженными телами, занимающими определенное положение относительно других тел. Пространство есть отношение, применимое лишь ко многим телам. Если бы других тел не существовало, то нельзя было бы говорить о протяженности данного тела.

В процессе развития науки понятие людей о пространстве и времени уточнялись и углублялись, но они всегда относились к «фундаментальным понятиям культуры, играя важнейшую роль в человеческом мышлении. Эти понятия настолько фундаментальны, что на определенном развитии культуры они рассматривались как генетическое начало мира» [1, с. 23].

Ориентация в пространстве является одним из самых важных этапов в познавательной деятельности человека, участвующего в формировании сознания. Рассматривая явления восприятия как один из важнейших когнитивных механизмов человеческого существа, говоря о биологических предпосылках строения языковых систем, Е. С. Кубрякова считает, что необходимо учитывать и то, как сказались на их организации принципы восприятия мира. По мнению ученого, «у человека в ходе его эволюции формируются ДВЕ относительно автономных системы виденья мира – так называемая ЧТО-система (what-system) и ГДЕ-система (where-system)» [6, с. 88]. Первая система является своеобразным идентификатором окружающей среды, направленным на противопоставление различных объектов по параметрам фигуры и фона. Вторая система занимается определением расстояния до предметов или объектов, находящихся в пределах видимого обзора. Благодаря второй системе формируются представления об абсолютном расстоянии до какого-либо предмета и об относительном соположении предметов друг относительно друга. Вторая автономная система виденья мира (ГДЕ-система) является первоначальным перцептивным основанием для формирования и понимания концепта **пространство**.

Е. С. Кубрякова справедливо полагает, что наивное представление о пространстве сформировалось раньше, то есть предшествовало научному осмыслению пространственных категорий. Также исследователь говорит о вторичности концепта **пространство** по отношению к базовым концептам **объекта** и **предмета** [6, с. 87]. Это вполне справедливое утверждение, учитывая, что концепт **пространство** традиционно считается концептом-конструктом, который не существует в природе. Он «представляет собой универсальное видение мира, некие основные координаты измерения или ориентации человека и потому лишён какой-либо оценочности или экспрессивности» [3, с. 413], если речь, разумеется, не идёт

о метафорической репрезентации пространственной концептосферы. Концепты такого типа априори являются вторичными по отношению к базовым концептам материально-осязаемого типа.

Материалом к реконструкции древнего донаучного представления о пространстве может служить проявление этой категории в мифологическом мышлении. В. Н. Топоров выделял следующие признаки мифологического пространства:

1) неотделимость от времени;

2) неразрывная связь с вещами, которые конституируют пространство и организуют его структурно (первотворец, боги, люди, животные, растения, элементы сакральной топографии, сакрализованные и мифологизированные объекты из сферы культуры);

3) отделённость пространства от того, что им не является;

4) составность пространства (членение и соединение) и др. [11].

В. Н. Топоров делает заключение, что художественное пространство «“сильнее” любого внешнего пространства. В этом смысле такой текст выступает как некое экспериментальное устройство, на котором конструируются, опробуются, проверяются нигде более не мыслимые возможности» [11, с. 284].

Одним из базовых противопоставлений в параметризации концепта **пространство** является оппозиция ***верх – низ***. Р. Гжегорчикова предлагает следующую категориальную структуру оппозиции ***верх – низ*** [2, с. 78]:

1) ***Вертикальность***, которая является репрезентацией стандартного восприятия человека позиции объекта по отношению к какой-либо отправной точке координат. Как правило, такой отправной точкой выступает поверхность Земли. Наибольшую значимость эта категория приобретает в предложной системе (локативные предлоги *под, над*), а также для обозначения размера в системе прилагательных (*высокий, низкий*).

2) ***Внутренность*** – категория, направленная на описание предметов в виде вместилища. Эта категория реализуется в среде лативных и локативных предлогов (в доме, вне дома, из леса), а также является принципиально важным элементом описания семантической структуры некоторых объектов. Так, параметр глубины может быть присущ только предметам, которые имеют внутренность.

3) ***Поверхность*** – характеристика, которой наделены объекты, имеющие выделенные границы.

4) ***Фасад (перёд)*** и ***тыльная сторона (зад)*** объектов. Эту категорию двух противопоставленных понятий сформировали представления о человеческом внешнем облике (***фасад = перёд, лицо***), что проявилось и в концептуализации движения человека (*человек идёт вперёд*). В результате эти представления переносятся на неживые предметы, что приводит к тому, что большая часть крупных объектов (*дом, машина, шкаф, корабль* и т. п.) противопоставлены по этому параметру. Следует также отметить, что представление о локализации предметов может быть абсолютное или субъективное, то есть основанное на представлении конкретного наблюдателя. Например, машина будет для наблюдателя находиться *за* домом, а не *перед* домом, если дом будет находиться между наблюдателем и машиной и т. п.

Говоря о грамматике пространства, И. М. Кобозева анализирует специальный речевой жанр ***описание пространства*** и предлагает такую схему строения этого жанра [5, с. 156]:

Описание пространства → Экспозиция + Разработка

Экспозиция → Категоризация + (Уточнение) + (Характеризация) + (Локализация) + (Комментарий)
Разработка → Ряд
Ряд → Кадр
Кадр → Конфигурация + (Уточнение) + (Характеризация) + (Локализация) + (Комментарий)
Конфигурация → Топос + Связка + Фигура
Топос → Релятор + Ориентир

Экспозиция в жанре ***описание пространства*** указывает на тип описываемого пространства. ***Разработка*** является собственно описанием пространства. В ***экспозиции*** обязательно выражена ***категоризация***, которая может быть выражена следующими типами предложений: а) назывное (*Комната*); б) классифицирующее (*Это музей*); в) бытийное (*Перед нами большая зала*); г) восприятия (*Видим интерьер дома*). ***Уточнение, Характеризация, Локализация*** и ***Комментарий*** являются факультативными элементами ***Экспозиции***. *Уточнение* может выражаться такими синтаксическими конструкциями: а) предложения с метатекстовым предикатом ([Какая-то серо-зелёная комната.] *Я бы сказала даже зала*); б) назывные предложения ([Видим интерьер дома.] *Аристократический дом*); в) приложения ([На картине какая-то комната.] *Большая зала*); г) дизъюнктивные однородные члены ([Вот это камин] *или печка*); д) уточняющие обороты ([Изображена комната,] *скорее, даже зала в большом дворце*). ***Характеризация*** выражается характеризующими предложениями ([Видим интерьер дома]… *Потолки шести метров. Пол паркетный. Стены синего цвета*). ***Локализация*** является особым видом ***характеризации***, которая выражается в указании местоположения. Представлена она локативными предложениями ([Две женщины:] *одна сидит, одна стоит у окна*). ***Разработка*** состоит из ***Рядов***, одного или нескольких. ***Ряд*** представляет собой фрагмент текста, соответствующий связному участку зрительно воспринимаемого пространства. В свою очередь, ***ряд*** является последовательностью ***кадров***. ***Кадр*** имеет обязательную категорию ***Конфигурации***, которая воплощает обыденное понимание пространства, а также факультативные категории ***Уточнения, Характеризации, Локализации*** и ***Комментария.*** Отношения ***Конфигурации*** отражаются в категории ***Топоса, Связки*** и ***Фигуры*** (подробнее см. [5, с. 157]). Структура жанра ***описание пространства*** наглядно «отражает те процессы, которые происходят в сознании человека при восприятии визуальной информации в её вербальном кодировании» [5, с. 161].

Концептуализация пространства на семантическом уровне связана с различными метафорическими и метонимическими переносами, где в качестве исходного или конечного объекта переноса выступает концепт **пространство**. Е. В. Падучева анализирует метонимический перенос ***время → пространство***. Этот перенос заключается в том, что слова, обозначающие отрезок времени, начинают обозначать «события, происходящие на данном отрезке времени и, следовательно, занимающие определённое пространство» (*расскажи про воскресенье* ‘про то, что происходило / будет происходить – в определённом месте – в воскресенье’) [10, с. 239]. Примечательно, что метонимия такого типа – типично русское (восточнославянское) явление, так как, например, в романских языках подобное развитие значения сопровождается аффиксацией.

Пространственная метафора является одной из фундаментальных метафор русской языковой картины мира. Она охватывает важнейшие понятийные сферы

концептуализации языкового сознания. Анализируя названия различных природных объектов, О. П. Ермакова предлагает следующие варианты метафорического осмысления русского ландшафта [4, с. 289–293]:

1. Ландшафтные метафоры могут представлять одно пространство через другое (*бугры волн, море тайги, снежное море, песчаное море, морская пустыня* и т. п.), хотя в целом метафорическим переносам не свойственно оставаться в пределах одной и той же логической категории.

2. Метафоризация человека в образах ландшафта (*гора* ‘огромный и толстый’; *бугор* жарг. ‘начальник’; *остров* ‘выделяющийся среди других’; *река* ‘об изменчивой натуре’; *айсберг* ‘холодный и не до конца понятный’). Кроме того, определённые слои общества могут характеризоваться словами *болото, дно, трясина*.

3. Концептуализация человеческой жизни как плавания *по морю / по реке*, в ходе которого человек может натыкаться на *рифы, подводные камни*, может выбираться на спасительный *берег* во время житейских *бурь* и т. п. Метафорическая картина человеческой жизни активно эксплуатирует названия всех водоёмов и их частей (*ключ, родник, истоки, русло* и др.).

4. Конец человеческой жизни связан с метафорическим переосмыслением названий впадин (*бездна, пропасть, пучина, яма* и др.). Подобная метафоризация обусловлена сакральными представлениями о загробном мире, находящемся под землёй. Это поддерживается и погребальной традицией, где конец жизни связан с погружением тела в яму (могилу).

5. Концептуализация времени в пространственных образах (*время пошло под уклон, достиг вершины дней, пик времени, не за горами* и др.). Жизненный путь в данной модели концептуализируется как движение по горе.

6. Метафорическое обозначение нерасчленённого множества, совокупности, большого количества каких-либо объектов (*горы снега, книг, дел; пропасть (бездна) вопросов, дел; море света, крови, огней; реки (потоки, ручьи) слёз, крови, лавы; океан горя, радости, любви* и др.).

Реализация пространственной метафоры имеет ряд семантических нюансов, а именно:

а) пространственные метафоры зачастую не утрачивают пространственную сему (в случаях *горы снега, реки лавы, море тайги* остаётся значение пространственной протяжённости; в случаях *горы риса, горы мусора* остаётся значение возвышения над плоскостью);

б) пространственные термины в процессе метафоризации продолжают быть тесно связанными с семантикой движения (*из-за гор, к обрыву, на дно, у края бездны*);

в) пространственные метафоры редко выходят за пределы физических отношений;

г) физическая природа пространства оказывает влияние на эмотивный компонент семантической структуры пространственной метафоры (ещё Дж. Лакофф и М. Джонсон показали, что в любой сфере отношений пространственная оппозиция ***верх – низ*** соответствует шкале ***хорошо – плохо*** [8]) [4, с. 293–295].

На ментальном уровне пространственная метафора репрезентирует жизнь души. В русской наивной картине мира душа представляется неким закрытым пространством, а также «бесплотным существом, пребывающим в этом пространстве» [4, с. 295]. По отношению к душе реализуются такие пространственные действия, как *раскрыть, закрыть, распахнуть, влезть, войти*. «Пространство души

имеет другой "ландшафт": в нём нет *рек, гор скал*, *островов*, но есть *пропасти, бездны, безымянные пустыни*» [4, с. 296].

Таким образом, можно говорить о большой значимости концепта **пространство** в русской языковой картине мира. Он активно репрезентируется на различных языковых уровнях. Морфологическая репрезентация связана с системой русских пространственных предлогов и наречий и особенностями их функционирования. Синтаксическая репрезентация формируется речевым жанром ***Описание пространства***, то есть теми синтаксическими средствами, которые используются в процессе реализации типовой схемы передачи информации о пространстве. Лексико-семантические особенности концепта **пространство** ярко проявляются в метонимических (***время → пространство***) и метафорических переносах. Метафоризация здесь – один из ключевых процессов, позволяющий в терминах пространства осмысливать другие физические явления, человеческие качества, ментальные характеристики и др.

Библиографические ссылки

1. **Ахундов М. Д.** Концепции пространства и времени: Истоки. Эволюция. Перспективы / М. Д. Ахундов. – М. : Наука, 1982. – 222 с.
2. **Гжегорчикова Р.** Понятийная оппозиция верх – низ (пол. 'wierzch' – 'spyd') и языковая модель пространства / Р. Гжегорчикова // Логический анализ языка. Языки пространств / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. – М. : Языки русской культуры, 2000. – С. 78–83.
3. **Евтушенко Е. Н.** Пространственная ориентация / Е. Н. Евтушенко // Антология концептов / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. – М. : Гнозис, 2007. – С. 413–424.
4. **Ермакова О. П.** Пространственные метафоры в русском языке / О. П. Ермакова // Логический анализ языка. Языки пространств / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. – М. : Языки русской культуры, 2000. – С. 289–298.
5. **Кобозева И. М.** Грамматика описания пространства / И. М. Кобозева // Логический анализ языка. Языки пространств / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. – М. : Языки русской культуры, 2000. – С. 152–162.
6. **Кубрякова Е. С.** О понятиях места, предмета и пространства / Е. С. Кубрякова // Логический анализ языка. Языки пространств / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. – М. : Языки русской культуры, 2000. – С. 84–92.
7. **Кубрякова Е. С.** Язык пространства и пространство языка (к постановке вопроса) / Е. С. Кубрякова // Известия АН. Сер. Литература и язык. – 1997. – Т. 56. – № 3. – С. 22–31.
8. **Лакофф Дж.** Метафоры, которыми мы живём / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – М. : УРСС, 2004. – 256 с.
9. **Логический анализ языка. Языки пространств** / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. – М. : Языки русской культуры, 2000. – 448 с.
10. **Падучева Е. В.** Пространство в обличии времени и наоборот (к типологии метонимических переносов) / Е. В. Падучева // Логический анализ языка. Языки пространств / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. – М. : Языки русской культуры, 2000. – С. 239–254.
11. **Топоров В. Н.** Пространство и текст / В. Н. Топоров // Текст : семантика и структура / отв. ред. Т. В. Цивьян. – М. : Наука, 1983. – С. 227–285.

Надійшла до редколегії 28.02.12

УДК 811.161.1'374+811.161.1'367.623

И. П. Суима

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ СЛОЖНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ СО ЗНАЧЕНИЕМ НАЦИОНАЛЬНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

Подано основні особливості лексикографічного маркування складних прикметників зі значенням національно-територіальної приналежності в російській мові; розглянуто лінгвістичні та екстралінгвістичні явища, що пов'язані з цими особливостями; проаналізовано найпоширеніші словники російської мови на предмет наявності в них прикметників зі значенням національно-територіальної приналежності.

Ключові слова: прикметник, національно-територіальна приналежність, словник, лексикографічне маркування, лінгвістичні та екстралінгвістичні фактори.

Представлены основные особенности лексикографической маркировки сложных прилагательных со значением национально-территориальной принадлежности; рассмотрены лингвистические и экстралингвистические явления, которые связаны с этими особенностями; проанализированы самые распространенные словари русского языка на предмет наличия в них прилагательных со значением национально-территориальной принадлежности.

Ключевые слова: прилагательное, национально-территориальная принадлежность, лексикографическая маркировка, лингвистические и экстралингвистические факторы.

The article deals with the main peculiarities of the lexicographical marking of compound adjectives with the national-territorial meaning; In connection with these peculiarities, the linguistic and extra-linguistic factors are considered and the most wide-spread Russian dictionaries are analyzed.

Keywords: adjective, national-territorial meaning, lexicographical marking, linguistic and extra-linguistic factors.

В системе современного русского языка важную роль играют прилагательные со значением национально-территориальной принадлежности – сложные образования, которые состоят из двух и более компонентов, обозначающих или национальную, или территориальную ориентацию определяющего его существительного, т. е. прилагательные типа *англо-русский, франко-прусский, удмуртско-китайский* и т. д.

В XX – начале XXI в. сложные слова являются объектом изучения многих отечественных лингвистов. Работы Г. М. Абакшиной [1], А. Ш. Алтаевой [2], В. М. Брысиной [3], З. П. Доновой [4], Е. А. Земской [5], Р. И. Кочебея [6] и др. свидетельствуют о постоянном научном интересе к сложным образованиям. В основном, эти исследователи изучали орфографическое оформление сложных прилагательных и функционально-стилистические особенности их употребления в практике письма.

Специальных исследований такого рода прилагательных, как нам известно, нет, поэтому в предлагаемой статье и сделана попытка рассмотреть указанные адъективы в структурном и функциональном плане, а также обозначить их лексикографическую маркировку.

Теоретически сложных прилагательных со значением национально-территориальной принадлежности может быть очень много, поскольку компоненты каждого из них в принципе могут быть соотнесены с любыми национальными (*сербо-русский, русско-белорусский* и т. д.) и территориальными (*британско-*

© Суима И. П., 2012

американский, советско-британский и т. д.) параметрами. Функциональная нагрузка соответствующих прилагательных достаточно велика, все они имеют свою сферу употребления. Естественно ожидать, что если и не большинство, то многие из них должны быть представлены в толковых словарях или словарях сводной лексики, но на самом деле прилагательные такого типа не всегда фиксируются в лексикографических изданиях.

Из двадцати девяти различного рода лексикографических справочников и изданий (см. Словари) исследуемые нами прилагательные зафиксированы только в шести. Это БСЭ, РРЭ, РОС, С/Р, СЭС и ЧС.

Словарь русского языка С. И. Ожегова, Толковый словарь русского языка В. И. Даля, БАС содержат только прилагательные типа *английский, немецкий, русский* и т. д., сложные прилагательные, в частности со значением национально-территориальной принадлежности, в этих изданиях не представлены. Толково-словообразовательные словари также не включают в себя сложные прилагательные со значением национально-территориальной принадлежности. Например, в НТСС русского языка Т. Ф. Ефремовой насчитывается более 140 тысяч словарных статей (имен прилагательных – свыше 25 тыс. слов), но в этом лексикографическом издании не зафиксировано ни одного сложного прилагательного типа *русско-английский, немецко-русский* и т. д. Даже в ГС и КСТ мы находим почти все те же прилагательные, что и в БАС-11 (типа *русский, английский* и т. д.), хотя, согласно задачам этих словарей, заявленным в предисловии, следовало бы ожидать, что анализируемые нами прилагательные будут представлены в данных лексикографических изданиях. Например, задача Грамматического словаря русского языка – «отражать словоизменительные характеристики слова, которые существенны для построения грамматически правильных фраз, содержащих данное слово» (ГС). Если проанализировать структуру сложных прилагательных со значением национально-территориальной принадлежности, то можно заметить, что очень часто одно и то же сложное образование имеет несколько вариантов (например, *итальянско-немецкий словарь, итальяно-турецкая война, итало-эфиопский конфликт*), которые имеют свою сферу употребления и, скорее всего, должны быть зафиксированы в такого рода словаре-справочнике. В НТСС – около 25 тысяч слов. Эти слова различны и по семантике, и по употребительности, и по морфологическому составу, и по словообразовательной структуре. Но этот словарь, точно так же, как и предыдущие, не содержит анализируемых нами прилагательных.

Очень часто также не понятен выбор: почему, например, в РОС есть прилагательное *«казахстанско-русский»*, а прилагательное *«русско-казахстанский»* в нем не зафиксировано? Какими причинами можно объяснить особенности лексикографической маркировки сложных прилагательных со значением национально-территориальной принадлежности? Почему они фиксируются не во всех словарях и почему не все прилагательные этого типа, которые существуют в устной речи, представлены в лексикографических изданиях?

Это заставило нас детально проанализировать основные словари русского языка на предмет наличия в них сложных прилагательных со значением национально-территориальной принадлежности.

Рассмотрим особенности лексикографической маркировки прилагательных, которые употребляются в лингвистической и общественно-политической сферах человеческой деятельности.

Прилагательное *англо-русский* зафиксировано в РОС, словарях-справочниках РРЭ и С/Р, в БСЭ, СЭС, т. е. в пяти из двадцати девяти словарей. Причем, в этих словарях зафиксированы и прилагательное *англо-русский* и *русско-английский*. Точно такие же особенности лексикографической маркировки

имеют также прилагательные *белорусско-русский (русско-белорусский), грузино-русский (русско-грузинский)*. Прилагательное *албано-русский* отмечено в РРЭ и С/Р, т. е. данное сложное образование зафиксировано только в двух из 29 словарей.

Прилагательное *болгарско-русский* представлено в РОС и словаре-справочнике С/Р. БСЭ и СЭС содержат прилагательное *болгаро-русский.* В РОС представлены оба варианта: *болгарско-русский* и *болгаро-русский.* Что касается обратимости компонентов данного прилагательного, то названные словари содержат все варианты – и *болгаро(болгарско)-русский* и *русско-болгарский*. А вот в ЧС есть только прилагательное *русско-болгарский*. Прилагательные *венгерско-русский* и *русско-венгерский* представлены в четырех словарях из двадцати девяти, а именно: в РОС, словаре-справочнике С/Р, БСЭ и СЭС. В словаре-справочнике РРЭ данные прилагательные не зафиксированы. Те же лексикографические издания включают и прилагательные *русско-немецкий* и *немецко-русский.*

В РОС, РРЭ и С/Р представлены также прилагательные *греко-русский* и *русско-греческий.* В БСЭ и СЭС присутствует только прилагательное *греко-русский*, а варианта *русско-греческий* нет. Прилагательные *датско-русский* и *русско-датский* отмечены в РОС, словаре-справочнике С/Р, БСЭ и СЭС, т. е. в четырех лексикографических изданиях из двадцати девяти.

Прилагательные *ирландско-русский* и *русско-ирландский* зафиксированы только в двух словарях – в РОС и С/Р, в энциклопедических словарях они не представлены. Прилагательные *испанско-русский, русско-испанский* представлены в одном лексикографическом издании из двадцати девяти – в РОС. Этот же словарь содержит еще один вариант данных прилагательных *испано-русский*. В энциклопедических словарях можно найти только прилагательные *испано-русский, русско-испанский.*

Прилагательные *итальянско-русский* и *русско-итальянский* зафиксированы в четырех словарях: в РОС, справочнике С/Р, БСЭ и СЭС. Прилагательные *казахстанско-русский* и *русско-казахстанский* представлены в РОС и справочнике «Слитно или раздельно». В БСЭ и СЭС этих прилагательных нет.

Что касается прилагательных *латышско-русский, русско-латышский,* то они представлены только в РОС. Только там же можно найти прилагательное *англо-бурский*, вариант *бурско-английский* не зафиксирован ни в одном словаре.

Прилагательные *литовско-русский* и *русско-литовский* представлены в трех словарях из двадцати девяти. Это – РОС, БСЭ и СЭС. В словарях-справочниках эти варианты не представлены. Прилагательные *эстонско-русский* и *русско-эстонский* содержатся в четырех словарях из двадцати девяти, а именно в РОС, справочнике «Слитно или раздельно», БСЭ и СЭС.

Прилагательные *норвежско-русский* и *русско-норвежский* представлены в одном лексикографическом издании – РОС. То же самое можно сказать и о прилагательных *португальско-русский, русско-португальский.* Они также представлены только в РОС и не представлены в энциклопедических изданиях.

Прилагательные *польско-русский* и *русско-польский, сербо-русский* и *русско-сербский, украинско-русский и русско-украинский, шведско-русский* и *русско-шведский* зафиксированы в БСЭ, СЭС и РОС. В тех же изданиях можно найти прилагательные *румынско-русский* и *русско-румынский*. В словарях-справочниках эти прилагательные отсутствуют.

В РОС представлены прилагательные *французско-русский, русско-французский* и *франко-русский*. Энциклопедические словари содержат только прилагательные *франко-русский* и *русско-французский*. В ЧС указано только прилагательное *франко-русский.*

Прилагательные *турецко-русский* и *русско-турецкий* зафиксированы в РОС. В энциклопедических изданиях, так же, как и в ЧС, представлен только вариант *русско-турецкий.* Эти прилагательные не содержатся также в словарях-справочниках.

Прилагательные *чешско-русский* и *русско-чешский* представлены в РОС и не зафиксированы в словарях-справочниках и энциклопедических словарях. Прилагательные *шведско-русский* и *русско-шведский* содержатся в РОС, БСЭ и СЭС. Прилагательные *русско-американский, американско-русский, американо-российский, русско-американский* отмечены в РОС. В энциклопедических изданиях зафиксирован только вариант *русско-американский*. Частотный словарь не содержит ни одного из этих прилагательных.

Прилагательные *русско-китайский, китайско-русский* представлены как в лингвистических, так и в энциклопедических изданиях. Они зафиксированы в РОС, БСЭ и СЭС. Прилагательное *русско-финский* зафиксировано в энциклопедических словарях, но не представлено в РОС и словарях-справочниках.

Прилагательные *русско-японский* и *японско-русский* есть в РОС, БСЭ, СЭС. Прилагательное *японско-российский* не зафиксировано ни в одном лексикографическом издании.

В БСЭ и СЭС прилагательные со значением национально-территориальной принадлежности зафиксированы вместе с определяемыми словами, например, *Американо-мексиканская война, Австро-германский договор, Англо-буро-зулусская война.*

Проанализированный материал дает нам возможность прийти к следующим выводам: из 29 словарей, представленных в списке, только 6 содержат прилагательные со значением национально-территориальной принадлежности, причем прилагательные, которые употребляются в лингвистической сфере деятельности, зафиксированы в орфографических словарях и некоторых грамматических словарях-справочниках, а прилагательные из общественно-политической сферы функционирования – в энциклопедических словарях. Очень часто прилагательное, которое можно найти в орфографическом словаре, не представлено в энциклопедических и наоборот (например, прилагательные *албано-русский, русско-албанский, англо-бурский* и т. д. встречаются только с определяющими существительными, такими как «словарь», «разговорник», «справочник» и т. д.). Больше всего прилагательных со значением национально-территориальной принадлежности представлено в Русском орфографическом словаре, Большой советской энциклопедии и Советском энциклопедическом словаре, но даже в этих словарях нет всего, что на слуху (например, таких прилагательных, как *украинско-немецкий, украинско-польский* и т. д.). А иногда даже наоборот – в словаре встречается довольно много сложных прилагательных, которые мы редко употребляем в речи и не так часто слышим с экранов телевизоров. Например, в Частотном словаре русского языка зафиксированы такие прилагательные, как *западногерманско-греческий, курган-тюбинский, кубань-калаусский, печеро-илыгский* и т. д. и совсем не представлены такие, казалось бы, частотные прилагательные, как *русско-немецкий, англо-русский, франко-немецкий* и т. д. В этом словаре зафиксировано только 2 прилагательных с компонентом *русско-*: *русско-болгарский* и *русско-турецкий*. Для сравнения, в РОС таких прилагательных 23. Например, *русско-японский, русско-китайский, русско-польский, русско-украинский, русско-английский* и т. д. Или, приведем другой пример, сложные прилагательные с компонентом *англо-*, которые, как нам кажется, довольно часто употребляются в современном русском языке. В Частотном словаре русского языка встречается только 3 прилагательных такого рода: *англо-американский, англо-саксонский, англо-французский*, в БСЭ –

31 (например, *англо-турецкий, англо-советский, англо-иранский, англо-ирландский, англо-египетский* и т. д.), в СЭС – 23 (например, *англо-германский, англо-американский, англо-голландский* и т. д.), в РОС – 9 (например, *англо-советский, англо-канадский, англо-российский* и т. д.).

Рассмотрим также вопрос обратимости компонентов сложных прилагательных. В энциклопедических словарях мы чаще встречаем прилагательные с необратимыми компонентами, чем в лингвистических, что связано, по-видимому, с установившейся традицией комбинации компонентов сложных прилагательных. Например, в советской и русской историографии употребляется словосочетание *русско-прусско-французская война,* следовательно, прилагательное *русско-прусско-французский* было зафиксировано в БСЭ (1978) в таком виде, компоненты данного прилагательного не комбинируются в другом порядке. Рассмотрим другой пример: война между Америкой и Англией 1812–14 гг. в одних источниках называется американо-английской, в других – англо-американской. В этом случае нет установившейся традиции комбинации компонентов сложного прилагательного, Советский энциклопедический словарь фиксирует оба варианта. Но, например, *англо-афганская война, англо-египетская война, австро-французская война* не могут быть названы *афганско-английской, египетско-английской* и *франко-австрийской* соответственно, следовательно, сложные прилагательные *англо-афганский, англо-египетский* и *австро-французский* вместе с определяемым словом *война* вошли в БСЭ и СЭС в таком виде.

В Частотном словаре русского языка не указывается обратимость компонентов сложных прилагательных со значением национально-территориальной принадлежности, в этом лексикографическом издании, например, представлено прилагательное *англо-французский*, а прилагательного *франко-английский* или *французско-английский* – нет.

Отмеченные особенности лексикографической маркировки прилагательных со значением национально-территориальной принадлежности могут зависеть от целого ряда как лингвистических, так и экстралингвистических явлений, связанных с характером определяемого слова, частотой употребления, сферой функционирования, сочетаемостными возможностями компонентов сложного прилагательного и т. д. Надо полагать, что особенности лексикографической маркировки данных прилагательных также связаны и с характером словарей, в которых представлены эти прилагательные. Необходимо отметить, что прилагательные со значением национально-территориальной принадлежности чаще фиксируются в энциклопедических словарях, чем в лингвистических. Существенны при этом различные экономические и политические факторы, номинация титульного языка и название страны, в которой он функционирует.

Библиографические ссылки

1. **Абакшина Г. М.** Сложносоставные слова в современном русском языке: (Принципы лексикографической кодификации) : автореф. дисс. … канд. филол. наук / Г. М. Абакшина. – Л., 1982. – 18 с.
2. **Алтаева А. Ш.** Сложные слова в современном русском языке: морфемная система и словообразовательная структура : автореф. дисс. ... д-ра филол. наук / А. Ш. Алтаева. – Алматы, 2004. – 49 с.
3. **Брысина В. М.** Сложные прилагательные в современном русском языке : автореф. дисс. ... канд. филол. наук / В. М. Брысина. – Саратов, 1954. – 16 с.
4. **Донова З. П.** Сложные прилагательные в современном русском литературном языке : автореф. дисс. … канд. филол. наук / З. П. Донова. – М., 1950. – 8 с.

5. **Земская Е. А.** Современный русский язык. Словообразование / Е. А. Земская. – М. : Просвещение, 1973. – 304 с.
6. **Кочебей Р. И.** Сложные прилагательные в русском литературном языке XIX – начала XX в. (словообразовательно-орфографический аспект) /Р. И. Кочебей. – Волгоград, 1998. – 116 с.

Словари

БСЭ – Большая советская энциклопедия [под ред. А. М. Прохорова]. – Т. 1. – М. : Сов. энцикл., 1970. – 608 с.

БАС – Большой академический словарь русского языка [под ред. Л. Е. Кругликовой, Л. И. Балахоновой] : в 15 т. – Т. 1. – СПб : Рус. яз. : Наука, 2011. – 708 с.

БГС – Большой грамматический словарь русского языка [под ред. А. Н. Тихонова] : – в 2-х т. – М. : Флинта, 2006. – 1312 с.

ГСС – Гнездовой словообразовательный словарь русского языка [под ред. А. В. Мамрак]. – М. : Днепропетровск, 2005. – 570 с.

ГС – Грамматический словарь русского языка [под ред. А. А. Зализняка]. – М. : Рус. яз., 1980. – 880 с.

КС – Комплексный словарь русского языка [под ред. А. Н. Тихонова]. – М. : Рус. яз., 2001. –1229 с.

КЧС – Комплексный частотный словарь русской научной и технической лексики [под ред. П. Н. Денисова, В. В. Морковкина, Ю. А. Сафьяна]. – М. : Рус. яз., 1978. – 408 с.

КСТ – Краткий словарь трудностей русского языка [под ред. К. С. Горбачевича]. – М. : АСТ., 2000. – 700 с.

МАС-11 – Малый академический словарь : в 4 т. [под ред. А. П. Евгеньевой]. – Т. 1. – М. : Рус. яз., 1999. – 702 с.

НСЗ – Новые слова и значения. Словарь-справочник [под ред. Н. З. Котеловой, Ю. С. Сорокиной]. – 2-е изд. – М. : Рус. яз., 1991. – 452 с.

НС – Новый словарь русского языка : Толково-словообразовательный [под ред. Т. Ф. Ефремовой]. – М. : Рус. яз. : Наука, 2000. – 1208 с.

НТСС – Новый толково-словообразовательный словарь русского языка [под ред. Т. Ф. Ефремовой]. – М. : Дрофа, 2000. – 1233 с.

ОС – Обратный словарь русского языка [под ред. М. С. Шевелевой]. – М. : Сов. энцикл., 1974. – 942 с.

РРЭ – Русская речь в эфире : Комплексный справочник [под ред. Т. Ф. Ивановой, Т. А. Черкасовой]. – М. : Рольф., 2000. – 346 с.

РОС – Русский орфографический словарь [под ред. О. Е. Ивановой, В. В. Лопатина (отв. ред.), И. В. Нечаевой, Л. К. Чельцовой]. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 2004. – 853 с.

РЛПУ – Русское литературное произношение и ударение. Словарь-справочник [под ред. М. А. Штудинера]. – М. : Рольф., 2000. – 245 с.

С/Р – Слитно или раздельно? Словарь-справочник [под ред. Д. Э. Розенталя]. – М. : Рус. яз., 1976. – 480 с.

СДС – Слова с двойными согласными. Словарь-справочник [под ред. Н. П. Колесникова]. – М. : Рус. яз., 1990. – 409 с.

СЛТ – Словарь лингвистических терминов [под ред. Д. Э. Розенталя, М. А. Теленковой]. – М. : Рус. яз., 1990. – 543 с.

СО – Ожегов С. И. Словарь русского языка [под ред. Н. Ю. Шведовой]. – М., 1987. – 920 с.

СЭС – Советский энциклопедический словарь [под ред. А. М. Прохорова]. – 2-е изд. – М. : Сов. энцикл., 1988. – 1600 с.

СТС – Современный толковый словарь [сост. С. А. Кузнецов]. – М. : Рус. яз., 2000. – 1536 с.

СС – Стилистический энциклопедический словарь русского языка [под ред. М. Н. Кожиной]. – М. : Рус.яз., 2003. – 1306 с.

СУ – Толковый словарь русского языка : в 4 т. [под ред. Д. Н. Ушакова]. – М., 1949.

Даль – Толковый словарь русского языка. Современная версия [сост. В. И. Даль]. – М. : Эксмо, 2006. – 736 с.

ТСРЯ.ЯИ – Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия [под ред. Г. Н. Скляревской]. – М., 2005. – 623 с.

ТС – Трудности словоупотребления на ТВ и РВ [сост. Б. Д. Гаймакова, М. П. Сенкевич]. – М. : Рус. яз., 2000. – 148 с.

ЧС – Частотный словарь русского языка [под ред. Л. Н. Засориной]. – М. : Рус. яз., 1977. – 936 с.

ЭС – Цыганенко Г. П. Этимологический словарь русского языка. – М. : АСТ., 2007. – 327 с.

Надійшла до редколегії 22.02.12

УДК 811.161.1'37

Е. А. Филатова

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ В РАССКАЗАХ В. ТОКАРЕВОЙ

Присвячено вивченню особливостей прецедентних феноменів у творчості В. Токаревої. Розглянуто питання прецедентності як важливого маркеру інтертекстуальності у постмодерністській літературі, зокрема сучасної жіночої прози. Проаналізовано прецедентні феномени різного рівня та їх місце у художньому просторі оповідань авторки.

Ключові слова: прецедентний феномен, інтертекстуальність, прецедентний текст, прецедентна ситуація, прецедентне ім'я, прецедентний вислів, цитата.

Посвящена изучению особенностей прецедентных феноменов в творчестве В. Токаревой. Рассмотрены вопросы прецедентности как важного маркера интертекстуальности в постмодернистской литературе, в частности современной женской прозы. Проанализированы прецедентные феномены разного уровня и их место в художественном пространстве рассказов автора.

Ключевые слова: прецедентный феномен, интертекстуальность, прецедентный текст, прецедентная ситуация, прецедентное имя, прецедентное выражение, цитата.

The article deals with the study of precedent phenomena in the works of V.Tokareva. The problems of a precedent text are studied as an important marker of intertextuality in postmodernist literature, particularly in contemporary women's prose. Precedent phenomena are analysed at various levels as well as their place in the setting of the author's stories is clearly identified.

Keywords: precedent phenomenon, intertextuality, precedent text, precedent situation, precedent name, precedent expression, quotation.

Одним из важных параметров современного художественного дискурса является интертекстуальность. В постмодернистской литературе эта категория создает «фрагментированный» текст, который «представляет собой не линейную цепочку слов, но многомерное пространство, где сочетаются и спорят друг с другом различные виды письма, ни один из которых не является исходным; текст соткан из цитат, отсылающих к тысячам культурных источников» [1, с. 338]. Все это обусловливает активный процесс смыслопорождения, который основывается на фоновых знаниях, образных ассоциациях, исторических и личных воспоминаниях у создающего и воспринимающего текст.

© Филатова Е. А., 2012

Интертекстуальность выступает связующим звеном в диалоге между «своим» и «чужим» текстом посредством введения в пространство произведения (интертекста) различных лингвостилистических средств (аллюзий, цитат, реминисценций и т. д.). Отсюда образуется вертикальный контекст, представляющий историко-филологическую и социально-культурную информацию объективно, но часто в скрытом, свернутом виде [5]. По мнению Н. В. Иноземцевой, основным маркером интертекстуальности является **прецедентный феномен** [12, с. 167]. Данное понятие представлено в лингвистике различными терминами, между которыми до сих пор не установлена четкая дифференциация.

Понятие прецедентного текста было введено в научный оборот Ю. Н. Карауловым. Прецедентными он называет тексты «1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях; 2) имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, 3) обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной личности» [14, с. 216]. Прецедентными текстами могут быть цитаты, имена персонажей, названия произведений художественной литературы и имена их авторов.

Анализ научной литературы показал, что для обозначения весьма сходных, а иногда и одинаковых явлений в науке используются различные термины, в том числе: прецедентный текст (Ю. Н. Караулов, И. М. Михалева, Ю. А. Сорокин), интертекст (Н. А. Кузьмина, А. В. Снигирев), прецедентное высказывание (Н. В. Бурвикова, В. Г. Костомаров), текстовые реминисценции (А. П. Клименко, А. Е. Супрун, Л. Н. Титова), прецедентные текстовые реминисценции (Ю. Е. Прохоров), концепты прецедентных текстов (Г. Г. Слышкин), интертекстема (К. П. Сидоренко), прецедентные культурные знаки (Ю. Б. Гунько). К данной группе терминов можно отнести и прецедентные феномены, среди которых рядом ученых (Д. В. Багаева, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, В. В. Красных; Ю. Е. Прохоров) выделяются вербализуемые (прецедентные тексты и прецедентные ситуации) и собственно вербальные (прецедентные высказывания и прецедентные имена) [16; 17; 22].

Проза В. Токаревой является неотъемлемой частью многогранного пласта современной русской женской литературы второй половины XX – начала XXI века. На протяжении последнего десятилетия художественный мир писательницы стал объектом пристального изучения ученых, в чьих работах акцентируется внимание на стилевых доминантах [21] и автологических и металогических приемах в прозе автора [28]. Ряд исследований посвящен изучению языковой компрессии [18], метаязыкового комментирования [2], парцелляции [11] и категории времени [19] как особых характеристик художественного стиля автора.

Проблема использования и функционирования прецедентных феноменов в образной системе ее произведений остается открытой. Так, в работах Н. М. Калашниковой [13] и Н. А. Тураниной [27], посвященных исследованию афористичности прозы В. Токаревой, были предприняты попытки проанализировать различные интертекстуальные отсылки в индивидуально-авторских высказываниях, а также проследить трансформации известных пословиц и фразеологизмов в ее художественном тексте. В работе Л. В. Коротенко [15] анализ афористических высказываний В. Токаревой проводился в сопоставлении с афоризмами Н. Горлановой и Л. Улицкой с целью выявления в этих афоризмах ссылок на другие тексты или явления культуры, проявляющиеся в узнаваемых формах и выражающиеся в прямом и скрытом цитировании, переработке тем, аллюзиях и реминисценциях. Т. Е. Жукова и Л. А. Шахова [9] рассматривают вопрос трансформации и декодирования прецедентных феноменов в художественном дискурсе на

примере рассказов В. Токаревой и Т. Толстой. Следует также отметить исследование М. С. Горе, в котором вводится понятие сентенций «как общепризнанных, устойчивых, воспроизводимых в речи словесных комплексов – пословиц, поговорок, крылатых слов, афоризмов и фразеологических единиц, а также авторских фразовых и сверхфразовых сентенций, которые коррелятивны по функции и структуре с устойчивыми, воспроизводимыми комплексами (УВК)» [3, с. 187]. На материале рассказов В. Токаревой автор анализирует систему УВК на основе базовых признаков (по семантике, функции, структуре и происхождению).

Как видно, исследования носят разноплановый характер и требуют более пристального и детального изучения. В связи с этим актуальным представляется определение основных параметров классификации прецедентных феноменов в художественных произведениях автора. Объектом данного исследования послужили прецедентные феномены в рассказах В. Токаревой «Из жизни миллионеров», «Инфузория-туфелька», «Как я объявлял войну Японии (рассказ переводчика)», «Розовые розы», «Скажи мне что-нибудь на твоем языке», «Уик энд», «Хэппи энд», «Этот лучший из миров». Выбор этих произведений был обусловлен, прежде всего, высокой частотностью употребления в них аллюзий, цитат и различного рода интертекстуальных отсылок в структуре текста, а также общностью тематики и проблематики (тема любви, счастья, развития гармоничных отношений между мужчиной и женщиной, самоидентификация человека в постсоветском мире и т. д.).

Анализ прецедентных феноменов в произведениях В. Токаревой проводится в соответствии с классификацией, предложенной В. В. Красных, Д. Б. Гудковым, И. В. Захаренко, Д. В. Багаевой, которая, по нашему мнению, наиболее полно соответствует своеобразию средств выражения прецедентных феноменов [16, с. 62].

Под **прецедентным текстом** понимается «законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности, (поли)предикативная единица, сложный знак», который знаком «любому среднему члену лингвокультурного сообщества» [4, с. 106]. К числу прецедентных текстов, используемых В. Токаревой, можно отнести:

– ***названия произведений художественной литературы***, вводимые в пространство авторского текста (*Катерина из **«Грозы»** изменила мужу и утопилась, не вынесла раздвоенности* [24, с. 226], *Как там у Пушкина в **«Мазепе»**: «Три клада всей жизни были мне отрада...»* [24, с. 231]);

– ***строки из произведений русских и зарубежных авторов*** («***Что пройдет, то будет мило…***»[1] *И может быть, ему сейчас милы воспоминания их одухотворенной жизни, Чехов – Достоевский, походы в театры, на поэтические вечера* [24, с. 192]; *«**О, как на склоне наших лет нежней мы любим и суеверней…**»[2] Может, это Морис показывает класс, который неведом молодым* [25, с. 76]; *Она шла из прошлого, из тех времен, когда были молодыми, и «**чушь прекрасную несли**»[3], и надеялись...* [24, с. 232]; *В основном – молодежь, **племя младое**[4], незнакомое* [24, с. 235]; *«**Блажен, кто, познавая женщину, охранен любовью»**[5] Я был охранен любовью, а потому блажен и подвигался к главному событию своей жизни* [24, с. 206]; *Но сама Мадлен – другая. Она не скачет по мужским коленям. Мадлен – аристократка, но что это меняет? «**Но знатная леди и Джуди О'Греди во всем остальном равны**»[6]* [25, с. 78]; *У Бернса есть стихи в*

[1] А. С. Пушкин: стихотворение «Если жизнь тебя обманет…»
[2] Ф. И. Тютчев: стихотворение «Последняя любовь»
[3] Ю. Мориц: стихотворение «Когда мы были молодые»
[4] А. С. Пушкин: стихотворение «Вновь я посетил...»
[5] Ю. Олеша: рассказ «Я смотрю в прошлое»
[6] Р. Киплинг: стихотворение «Леди» (перевод Р. Родкина)

*переводе Маршака: «**А грудь ее была кругла, как будто ранняя зима своим дыханьем намела два эти маленьких холма. Был нежен шелк ее волос и завивался, точно хмель, и вся она была чиста, как эта горная метель. Она не спорила со мной, не открывала милых глаз...**»*[7] [24, с. 206]);

– ***тексты песен*** (В конце вечеринки мы поем песни Юрия Визбора «***Милая моя, солнышко лесное...***» [24, с. 200]; *Вспомнила Высоцкого: «**И ни церковь, ни кабак – ничего не свято. Нет, ребята – все не так...**»*[8] *Действительно, все не так* [24, с. 202]; *Вот что нужно миллионеру прежде всего: чтобы его солнце не клонилось к закату. Пусть оно задержится на месте. «**Хоть немного еще постою на краю**»*[9] [25, с. 74]; *Потом вернулся. Молчал. Как поется в песне, «**расставанье – маленькая смерть**»*[10] [25, с. 83]; *Революция, о которой так долго говорили большевики, отменяется. И теперь мы пойдем другим путем. «**Весь мир насилья мы разрушим до основанья, а затем мы наш, мы новый мир построим***[11]*. И у нас будут свои миллионеры, свои камины, и мы будем смотреть на живой огонь* [25, с. 78], *На сцене хор – девочки и мальчики, поют «**Пионер, не теряй ни минуты**»*[12] [25, с. 141]).

В рассказе «*Скажи мне что-нибудь на твоем языке*» В. Токарева изображает героев, зараженных «микробом веселья», «микробом» радости: «*Я глядела на темную колышущую массу, где все были заражены микробом веселья. Веселье казалось мне неестественным, воспаленным, как перед общим несчастьем. Перед войной или* ***перед чумой***» [26, с. 9]. Такое показное веселье разрушает понятия нравственности и духовности и представляется героине «пиром во время чумы». Здесь явно прослеживается прецедентный трансформированный текст, для понимания которого требуется фоновое знание драмы А. Пушкина «Пир во время чумы». Устоявшийся в сознании русского читателя образ, ставший в художественном дискурсе прецедентным феноменом, приобретает новое значение: «утрата молодым поколением духовных ценностей» [9].

Прецедентное высказывание – это «репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности, законченная и самодостаточная единица, которая может быть и не быть предикативной» [10, с. 83]. Типичными прецедентными высказываниями являются цитаты, которые «функционально тождественны разнообразным «перефразировкам» чужого текста, являющимся результатом и сознательной, и бессознательной установки автора на структурирование прецедентного поля» [23, с. 13]. Цитата в рассказах В. Токаревой служит инструментом усложнения смыслового пространства определенного фрагмента текста, делает его семантически насыщенным, трансформирует смысл цитируемого текста, способствует интерпретационному процессу. Данный тип прецедентных феноменов представлен в авторских текстах преимущественно **русскими пословицами и поговорками** (*Она жила по принципу: **бей сороку, бей ворону, руку набьешь – сокола убьешь***[13] [24, с. 182], *Лилек хотела ребенка, готова была родить от кого угодно, но... как говорит пословица: "**Бодливой корове бог рогов не дает**"*[14] [24, с. 187], *Освободила место в его душе. **А свято место пусто не бывает*** [15] [24, с. 194]), *«Может*

[7] Р. Бернс: стихотворение «Ночлег в пути» (перевод С. Маршака)
[8] В. Высоцкий: песня «В сон мне – желтые огни»
[9] В. Высоцкий: песня «Кони привередливые»
[10] А. Пугачева: песня «Три счастливых дня» (муз. А. Пугачевой, сл. И. Резника)
[11] «Интернационал» (перевод А. Я. Коца)
[12] «Пионерский марш» (муз. М. Фрадкина, сл. Л. Ошанина)
[13] Ср. В. Даль: «Бей сороку и ворону, добьешься и до белого лебедя» [6, с. 143]
[14] Ср. В. Даль: «Бодливой корове Бог рог не дает» [6, с. 341]
[15] Ср. В. Даль: «Святое место пусто не будет» [6, с.385]

быть, Женька Чижик? ***Первая любовь, которая не ржавеет***[16] ***...*** *Все-таки ржавеет. Более того, ничто так не ржавеет, как первая любовь»* [24, с. 184]*,* **крылатыми выражениями** (*Где-то она слышала выражение: "****Пролетела, как фанера над Парижем****"*[17] [24, с. 183], *– Ну почему все только в одну сторону? – вопрошает Нинон. – Почему я должна все время давать?– Так это же хорошо. Значит, ты сильная.* ***Рука дающего да не оскудеет***[18] [24, с. 199]).

Так, уже в самом названии рассказа «*Этот лучший из миров*» реализуется прецедентный феномен и отсылает нас к известному роману «*Кандид, или Оптимизм*» французского писателя-просветителя Вольтера, где он иронизирует над многими модными в то время философскими течениями, в частности, над учением немецкого философа и ученого Готфрида Вильгельма Лейбница, который считал, что Бог не создал бы мира, если бы он не был лучшим из всех возможных [29, с. 401]. В интерпретации В. Токаревой простодушный Кандид попадает в современную Москву, которая герою открывается «ужасным» миром с метропреисподней, безвкусными яблоками и «железными жуками». «***Этот мир ужасен****, – подумал Кандид, – Вольтер прав…*» [24, с. 248]. Однако он вспоминает все хорошее, что с ним произошло за тот день и приходит к выводу: «*Все перемешалось* ***в этом лучшем из миров, в этом ужасном из миров****. И вовсе не надо дожидаться смерти, все здесь – и рай, и ад*» [24, с. 248]. В. Токарева с помощью параллельных антитез «лучший-ужасный», «рай-ад», с одной стороны, дает ироническую характеристику реальной, непридуманной жизни со всеми ее горестями, потерями, разочарованиями и иногда жестокой действительностью, а с другой – призывает оставаться оптимистами несмотря ни на что.

Прецедентное имя – это «индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом, относящимся, как правило, к числу прецедентных, или с ситуацией, широко известной носителям языка и выступающей как прецедентная» [10, с. 83]. По мнению В. И. Макарова, «прецедентное имя собственное обнаруживает тенденцию к выражению обобщенной семантики, различные свойства первичного объекта рассматриваются как образцовые и переносятся в новый текст, и такой перенос сопровождается переходом имени собственного в нарицательное» [20, с. 74]. У В. Токаревой внешние характеристики мужчин (в частности, имеющие негативную окраску) реализуются через введение в текст имен литературных героев или известных личностей: *…чтобы не путаться, одному оставили – как было, а другому дали прозвище* ***Анчар****. Тот самый, пушкинский. «К нему и птица не летит, и тигр нейдет»* [25, с. 134]*, Миша к восьми часам воспрял, надел штатский костюм – синий в полоску – и выглядел хоть куда: «****Джеймс Бонд по-советски****»* [24, с. 235]*, Лилек вдруг поняла, что Максим тоже* ***похож на принца Чарльза****, только меньше ростом и лысый* [24, с. 190], *А чего бы она хотела? Чтобы по объявлению явился* ***Арнольд Шварценеггер****?* [24, с. 201].

Репрезентация индивидуальности В. Токаревой, как яркого представителя современной русской женской прозы, наиболее наглядно проявляется в гендерной направленности выбора прецедентных имен. В центре внимания оказывается актуальная для женской прозы проблема самоидентификации женщины в современном обществе, которая у автора реализуется через сравнение героинь ее рассказов с известными женщинами – эталонами красоты и стиля (*На всех фотографиях была изображена черная девушка, как две капли воды похожая на* ***Софи Лорен*** *в ранней молодости* [25, с. 75], *Я знала Францию по французским фильмам, песням Ива Монтана и Шарля Азнавура, по перламутровому облику* ***Катрин Де-***

[16] Ср. пословица: Старая любовь не ржавеет [8, с. 314].
[17] Ср. Е. В. Елистратов: «Пролетать как фанера над Парижем» [7]
[18] Ср. библ.: «Да не оскудеет рука дающего» (Притч. 28:27)

нев [25, с. 74], ***Соня Рикель*** *– одна из лучших кутюрье Франции. Всех моих денег не хватит на один карман такого платья* [25, с. 70]). Цель автора – создание образов простых, на первый взгляд, русских женщин, но на самом деле, наделенных необычной внешностью (*Она и сама похожа на иностранку: большеротая, большеглазая, тип* ***Софи Лорен****, но нежнее* [25, с. 196], *Она растолстела на двадцать килограмм, перестала красить волосы. Стала седая и толстая опустившаяся* ***Софи Лорен*** [25, с. 202]) или именами (*–* ***Пенелопа… Мельпомена****...Кто такие эти тётки, я точно не знаю. Кажется,* ***Мельпомена*** *– покровительница муз, а* ***Пенелопа*** *– верная жена странствующего* ***Одиссея.*** *Дело не в том, когда они жили и были ли они вообще. Дело в их именах – длинных, странных, диковатых, как моё лицо, не объединённое общей темой, как моё настроение* [26, с. 5]). Именно использование в сравнениях ярких женских имен органично дополняет образы героинь, наделяя их необходимыми качествами и характеристиками.

Так, в рассказе «*Из жизни миллионеров*» главная героиня, писательница, отождествляет себя с Золушкой: «*Я –* ***Золушка****, которая так и не попала на бал*» [25, с. 76]. В национальном сознании имя героини сказки Ш. Перо – это устоявшийся символ бедной девушки, вынужденной выполнять непосильные задания мачехи, но которая все-таки встретила своего принца. История Золушки в сказке заканчивается счастливо, но у В. Токаревой этот образ получает другую смысловую окраску – образ трудолюбивой Золушки-писательницы с нереализованным желанием оказаться на балу жизни. В другом произведении актуализируется другая прецедентная ситуация: «*Мама Игоря смотрела на Элю, как* ***Золушка*** *на фею. Взмахнет хрустальной палочкой – и из воздуха возникает все, о чем мечталось»* [25, с. 139], где в основе признака сравнения свекрови со сказочным персонажем лежит ее покорность, восхищение, благоговение перед невесткой: «*С двух до шести – это было их время. А в шесть Эля должна была вернуться, как* ***Золушка*** *с бала. Могла бы и не спешить, но жаль старуху. Старуха такая, что не ударишь»* [25, с. 145]. Здесь снова обыгрывается прецедентная ситуация, где главная героиня разрывается между чувством жалости к свекрови и нежеланием быть уличенной в измене.

Прецедентная ситуация – это «некая “эталонная”, “идеальная” ситуация с определенными коннотациями» [4, с. 107], которая хорошо известна всем членам определенного лингвокультурного сообщества. Она актуализируется через прецедентное высказывание или прецедентное имя и относится к вербализуемым феноменам. Например, *У нас с тобой все началось в тот год, когда* ***наши ввели войска в Афганистан*** [24, с. 236], *От него исходило хроническое неудовольствие,* ***как радиация от Чернобыльской АЭС*** [25, с. 138]*, Нинон разрешает себе лепесток мяса, кучку капусты и кусочек черного хлеба, который я называю «****сто двадцать пять блокадных грамм****»*[19] [24, с. 198]*, А меня вызвали на конкурс «****Алло, мы ищем таланты****»* [26, с. 6], *Я шел и ждал,* ***как Магда Геббельс****, с той разницей, что* ***в нее должны были выстрелить по ее желанию. Она сама об этом попросила*** [24, с. 207]*, Это все* ***Горбачев*** *виноват.* ***Развалил Россию****, – закричала старуха* [24, с. 246]*, Мусульмане не делают аборты. Им Аллах не разрешает* [24, с. 240]*,* «*И она выживала. Буквально* ***вытаскивала себя за волосы из болота, как барон Мюнхгаузен****»* [24, с. 197].

В рассказе «*Инфузория-туфелька*» главная героиня Марьяна – образцовая жена и мать – с неприятием относится к жизни соседки Тамары, которая изменяет своему мужу. Для Марьяны становится загадкой, как можно «жонглировать» семьей, хозяйством, работой: «*И как изменилось понятие нравственности за ка-*

[19] Ольга Берггольц: «Ленинградская поэма»

кие-то сто лет. ***Катерина из «Грозы» изменила мужу и утопилась****, не вынесла раздвоенности.* ***Анна Каренина познала презрение общества, не говоря уже о том, что бросилась под поезд****. А сейчас никакого общества и все Анны. Без Вронских»* [24, с. 226]. Катерина и Анна Каренина относятся к числу прецедентных феноменов, так как их имена известны любому среднестатистическому представителю русской лингвокультуры. Эти прецедентные имена являются символом самоубийства. Объединяющим фактором в данном контексте послужила измена мужьям, которая и повлекла за собой цепь внутренних противоречий и, как результат, трагический конец. В. Токарева акцентирует внимание на том, что в современном обществе высокие духовные принципы утратили свое значение, поэтому супружеская неверность не воспринимается ни женщинами, ни мужчинами как нарушение морали.

Что касается аспекта восприятия прецедентных феноменов, то здесь прослеживается тенденция к созданию автором ярких женских образов и атмосферы советского и постсоветского времени, ориентированных на среднестатистического читателя. С одной стороны – это прецедентные феномены, знакомые широкому кругу читателей и узнаваемые без особых усилий: пословицы, поговорки, некоторые песни, имена широко известных политических и общественных деятелей, важные исторические события. Они не требуют дополнительной «работы» читателей при восприятии текста. С другой стороны – это группа прецедентных феноменов, которые узнаваемы только подготовленным читателем, имеющим фоновые знания русской и зарубежной культуры. Рассказы В. Токаревой также ориентированы на читателя определенной возрастной категории, способного идентифицировать, например, реалии советского времени или специальную терминологию в различных сферах жизни (медицина, кинематограф, политика, военная тематика, художественное творчество).

Отличительная черта В. Токаревой – это умение балансировать в выборе прецедентных феноменов таким образом, что охватывается широкий круг целевой аудитории. Каждый читатель декодирует прецедентные феномены в меру своей культурной и социальной осведомленности, образованности, начитанности. Следовательно, для него открывается возможность многоуровневого прочтения и понимания текста произведения.

Представленное исследование открывает перспективы для дальнейшего изучения особенностей прецедентных феноменов в других произведениях В. Токаревой, а именно более детального описания связи источников прецедентности с тематикой, исследования способов введения прецедентных феноменов в текст, а также частотности их использования как в авторской речи, так и в речи персонажей.

Библиографические ссылки

1. **Барт Р.** Избранные работы: Семиотика. Поэтика : пер. с фр. / Р. Барт – М. : Прогресс, 1989. – 616 с.
2. **Батюкова Н. А.** Метаязыковые средства современной публицистической и художественной речи : автореф. дисс. … канд. филол. наук / Н. А. Батюкова. – М., 2009. – 26 с.
3. **Горе М. С.** Сентенции в прозе В. Токаревой / М. С. Горе // Науковий вісник Ізмаїльского держ. гуманітар. ун-ту. – Вип. 15. – Ізмаїл, 2003. – С. 186–190.
4. **Гудков Д. Б.** Теория и практика межкультурной коммуникации / Д. Б. Гудков. – М. : Гнозис, 2003. – 288 с.
5. **Гюббенет И. В.** Основы филологической интерпретации литературно-художественного текста / И. В. Гюббенет – М. : Моск. ун-т, 1991. – 204 с.

6. **Даль В. И.** Толковый словарь русского языка. Современная версия / В. И. Даль – М. : Эксмо-Пресс, 2001. – 736 с.
7. **Елистратов В. С.** Словарь русского арго: Материалы 1980–1990-х гг. : Около 9 000 слов, 3 000 идиоматических выражений [Электронный ресурс] / В. С. Елистратов. – М. : Русские словари, 2000. – 693 с. – Режим доступа: http://www.gramota.ru/slovari/argo/53_11027
8. **Жуков В. П.** Словарь русских пословиц и поговорок. – 7-е изд., стереотип. / В. П. Жуков. – М. : Рус. яз., 2000. – 544 с.
9. **Жукова Т. Е.** Трансформация прецедентных феноменов в рассказах В. С. Токаревой и Т. И. Толстой [Электронный ресурс] / Т. Е. Жукова, Л. А. Шахова. – Режим доступа : http://vernadsky.tstu.ru/pdf/2009/05/rus_03_2009_05.pdf.
10. **Захаренко И. В.** Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов / И. В. Захаренко, В. В. Красных, Д. Б. Гудков, Д. В. Багаева // Язык, сознание, коммуникация : сб. статей / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М. : «Филология», 1997. – Вып. 1. – С. 82–103.
11. **Зелепукин Р. О.** Парцелляция в художественной прозе В. Токаревой: структура, семантика, текстообразующие функции : автореф. дисс. … канд. филол наук / Р. О. Зелепукин. – М., 2007. – 26 с.
12. **Иноземцева Н. В.** Прецедентность и интертекстуальность как маркеры англоязычного научно-методического дискурса (на материале англоязычных статей по методической проблематике) / Н. В. Иноземцева // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – Т. 12. – № 3. – 2010. – С. 167–169.
13. **Калашникова Н. М.** Афористичность как черта идиостиля В. Токаревой : автореф. дисс. ... канд. филол. наук [Электронный ресурс] / Н. М. Калашникова. – М., 2004. – Режим доступа : http://www.dissercat.com/content/aforistichnost-kak-cherta-idiostilya-v-tokarevoi
14. **Караулов Ю. Н.** Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов – М. : Наука, 1987. – 264 с.
15. **Коротенко Л. В.** Индивидуально-авторская метафора и контекст (на материале произведений В. Токаревой, Н. Горлановой и Л. Улицкой) / Л. В. Коротенко // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. – 2009. – № 2. – С. 54–60.
16. **Красных В. В.** Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации / В. В. Красных, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, Д. В. Багаева // Вестник МГУ. Сер. 9: Филология. – 1997. – № 3. – С. 62–75.
17. **Красных В. В.** Система прецедентных феноменов в контексте современных исследований / В. В. Красных // Язык, сознание, коммуникация : сб. статей / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М. : «Филология», 1997. – Вып. 2. – С. 5–12.
18. **Кудреватых И. П.** Языковая компрессия в идиостиле Виктории Токаревой / И. П. Кудреватых // Взаимодействие и взаимопроникновение языков и культур: состояние и перспективы : матер. Междунар. науч. конф. – Минск, 2008. – 26 с.
19. **Лукоянова Ю. К.** Восприятие времени в русской языковой картине мира (на материале произведений В. Токаревой) / Ю. К. Лукоянова // Русская и сопоставительная филология : Лингвокультурологический аспект / Казан. гос. ун-т. Филол. фак-т. – Казань : Казан. гос. ун-т, 2004. – С. 150–155.
20. **Макаров В. И.** Субстантивные фразеологизмы и прецедентные имена / В. И. Макаров. – Вестник Новгород. гос. ун-та. – 2009. – № 51. – С. 73–76.
21. **Миронова М. В.** Стилевая доминанта рассказов Виктории Токаревой / М. В. Миронова // Вестник ТГУ. – Вып. 5 (52). – Серия : Гуманитарные науки. Филология. – 2008. – С. 105–110.
22. **Прохоров Ю. Е.** Действительность. Текст. Дискурс / Ю. Е. Прохоров – М. : Флинта : Наука, 2004. – 224 с.
23. **Сорокин Ю. А.** Цитаты как знаки прецедентных текстов / Ю. А. Сорокин, И. М. Михалева // Язык, сознание, коммуникация : сб. статей / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М. : «Филология», 1997. – Вып. 2. – С. 13–25.
24. **Токарева В. С.** Мало ли что бывает / В. С. Токарева. – М. : Аст, 2001. – 251с.
25. **Токарева В. С.** О любви : сб. рассказов. / В. С. Токарева. – М. : Аст, 2007. – 165 с.

26. **Токарева В. С.** Скажи мне что-нибудь на твоем языке [Электронный ресурс] / В. С. Токарева. – Режим доступа: http://www.phantastike.ru/books/modernproze/skazhi_mne_chto_nibud_na_tvoem_yazike.zip
27. **Туранина Н. А.** Семантика афоризмов в современной женской прозе / Н. А. Туранина // Фразеология, познание, культура : сб. докл. 2-й Междунар. науч. конф. : в 2 т. – Белгород : Изд-во БелГУ, 2010. – Т. 2. Дискурсивные и дидактические проблемы фразеологии. – С. 300–303.
28. **Щурова И. В.** Автологические и металогические приемы в прозе Виктории Токаревой / И. В. Щурова // Вестник Челябинского гос. ун-та. – 2010. – № 21(202). – Филология. Искусствоведение. – Вып. 45. – С. 170–175.
29. **Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений** : Более 4 000 статей / авт.-сост. В. Серов. – 2-е изд. – М. : Локид-Пресс, 2005. – 880 с.

Надійшла до редколегії 10.02.12

УДК 811.161.1’374:367.623

М. И. Хуторцова

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

МЕНТАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ «СОБОРНОСТЬ» И ЕГО ЗНАЧИМОСТЬ ДЛЯ РУССКОГО НАРОДА

Розглянуто і проаналізовано концепт-конструкт «соборність» та елементи, що структурують його ментальні поля «собор», «єдність», «збір», «спільність», «колективний розум / мудрість» а також «божественне», «Бог». Визначено роль та значення цього національно-культурного компонента в мовній картині світу росіян.

Ключові слова: конструкт, структурація, ментальність, сенс, значення.

Рассмотрен и проанализирован концепт-конструкт «соборность» и структурирующие его ментальные поля понятия «собор», «единство», «сбор», «общность», «коллективный разум / мудрость», а также «божественное», «Бог». Определены существенная роль и значение данного национально-культурного компонента в русской языковой картине мира для носителей русского языка и ментальности.

Ключевые слова: конструкт, структурация, ментальность, смысл, значение.

The article deals with the culturaly creative form of the word “conciliarism” and its mental areas «cathedral», «unity», «collection», «community», «collective intellect/wisdom» as well as «divine», «God».We also analyze the importance of the this concept for the «Russian people».

Keywords: concept, construction of meaning, mentality, meaning, sense.

«Соборность», думается, – это одна из важнейших составляющих русской ментальности. И прежде всего потому, что данный национально-культурный компонент вбирает в себя такие понятия, как «собор», «единство», «сбор», «общность», «коллективный разум», «коллективная мудрость» как мудрость самого народа, «божественное» в человеке и доминирующее начало всего сущего на Земле, «Бога». К тому же анализируемый конструкт наполняет смыслом и содержанием национально-культурные компоненты «Родная земля», «Дом», «Семья» и т. д. Не приходится сомневаться и в том, что глубинный смысл, заложенный в этом конструкте, базируется на понятиях – «Бог», «божественное в человеке», «любовь к ближнему», «вера в добро и справедливость» и, конечно, десяти заповедях, которые человек должен неукоснительно выполнять, если он считает себя

© Хуторцова М. И., 2012

христианином. Это ценности верующего в *Бога и Божественное*, взятые за основу жизни.

Цель статьи состоит в том, чтобы, во-первых, показать, как структурируется концепт-конструкт «соборность», во-вторых, проанализировать данный концепт-конструкт и его ментальные поля. *Задача* – описать национально-культурный компонент «соборность» на материале фразеологии и определить её роль и значение для русского лингво-ментального сознания. Считается, что понятие «соборность», обращенное к национально-философской мысли русских людей, стало актуальным во II пол. XIX – начале XX веков. «Соборность» восходит к теоретическому философствованию Алексея Степановича Хомякова, русского философа и богослова. Принято считать, что А. С. Хомяков сумел не только ощутить опасность, исходящую от человека, способного самого себя уничтожить, но и предвидеть за несколько десятков лет тенденцию к глобализации и универсализации мира. А. С. Хомяков выступил за идею совершения радикальной интеллектуальной и социальной трансформации, главным условием которой являлась консолидация общества на новых основаниях. Первым шагом на пути объединения нации являлось духовное самоопределение, требующее осмысления отечественной традиции, и, прежде всего, традиции религиозной и философской [3].

Следует, наверное, согласиться не только с тем, что «в поиске новой системы ценностей, нового «планетарного сознания», основанного на диалоге культур, русская религиозная философия с ее основополагающей идеей соборности могла сыграть и сыграла важную роль в процессе формирования планетарного мышления и мирового сообщества», но и с тем, что «идея соборности отражает понимание не только основ целостного единства русской нации и первоотношений, которые делают возможным существование общества вообще» [2, с. 24].

Будучи сторонником национального единства русского народа, Алексей Степанович Хомяков всегда связывал свои идеи с русской землей, с народом, живущим на этой земле. Философ-богослов был уверен в том, что «инстинкты русской души … живущей в нас тайно… способны взрастить все хорошее, чем мы можем гордиться» [11, с. 86]. Значительное место в философии А. С. Хомякова занимает неосознанное «воспоминание древности неизвестной» [11, с. 86–87]. По мнению мыслителя, именно единство «веры и жизни церковной» было неотъемлемым атрибутом русской души. «Без влияния, без живительной силы христианства не восстала бы земля русская», – утверждал он в своих работах [10, с. 140]. Соборность, в его понимании, – это единение человека и Бога. Он осуждал западную церковь за то, что она «обратилась к рационализму, утратила чистоту, заключила в себе ядовитое начало будущего падения, но овладела грубым человечеством, развила его силы вещественные и умственные и создала мир прекрасный, соблазнительный, но обреченный на гибель, мир католицизма и реформаторства» [10, с. 140–142].

Бог, для А. С. Хомякова, был «водящим разумом», философ подчёркивал тем самым мысли о сверхидее и надсознании. Бытийной, онтологической основой мира в философии А. Хомякова является Бог, и сам «мир есть творение, мысль Божия» [9, с. 90].

Принято считать, что эта религиозность пронизывает не только онтологию, но и теорию познания – гносеологию [9, с. 90]. По словам А. Хомякова, силы человеческого разума «не доходят до истины Божией». Само человеческое знание он подразделяет на «знание внешнее» – «убеждение логическое» – и «внутреннее знание» [3]. Последнее, по его мнению, и есть истинным знанием, сближающим

человека с Богом, заставляющим уподобиться ему, сопряженным «с верою», позволяющим видеть «невидимое» [3]. Без сомнения, вера в высшие силы и в единого Бога породили такие народные пословицы: *«Человек так, а Бог инак»; «Жив Бог – жива душа моя»; «Кто добро творит, тому Бог отплатит»; «Что бы ни пришло, все молись»* [8].

Как мы поняли, «соборность» – центральное понятие философии А. Хомякова, усвоенное не только последующей русской религиозной философией, но и русским человеком. Слово «соборность», очевидно, связано со словом «собор», притом не только в значении «главная церковь в городе», но и как «сбор» (то, что добыто, получено, собрано вместе), «собрание» («вселенский собор» – сбор всех епископов, «поместный собор» духовенства или же светский «земский собор») [6, с. 500]. Толковый словарь С. И. Ожегова дает следующее определение «соборности»: духовная общность многих совместно живущих людей [5, с. 468]. Большой толковый словарь В. И. Даля структурирует «соборное» / «соборность» словами и словосочетаниями – *сообща, согласием, общими силами* [1, с. 160]. Толковый словарь русского языка Д. Н. Ушакова толкует слово как *всеобщий, совместный, совершаемый всеми вместе (устар.)* [7].

Очевидным является и то, что слово «собор» «выражает идею собрания, не обязательно соединенного в каком-либо месте, но существующего потенциально без внешнего соединения. Это единство во множестве» [3]. «Соборность», с этой точки зрения, прежде всего, имеет религиозный смысл, с особой силой выявленный в православии. Соборность, для А. С. Хомякова и последующей русской философской мысли, – «единство во множестве», «согласие личных свобод» (под крышей церкви) как «святое единение любви и молитвы» – это и есть религиозный и нравственный идеал А. Хомякова, возможно, и ментальности всего русского народа.

Признаем, что в основе соборности лежит религиозно-нравственный идеал; и, возможно, не только это. Принципы «соборности» включают в себя и теорию познания, которая, по мнению и философов, и богословов, зиждется на «истине», доступной «совокупности мышлений, связанных любовью» [11, с. 87]. Принцип «соборности» проявляется в социальных и культурных основах русского быта, русского мышления и мировидения. А. С. Хомяков считал, что «соборность» пронизана русским духом: община и общественный дух управляют миром, отсюда – и «общественным сознанием». «Соборность» проявилась везде: в быту, культуре: в жилище, одежде, пище и, конечно же, в устном народном творчестве русского народа, т. е. в богатом и разнообразном фольклоре.

Ценность единения и дружбы – одна из составляющих граней русской «соборности» – представлена в следующих пословицах и поговорках: *«Один за всех, все за одного»; «Чем больше хвороста, тем выше пламя»*. Для человека нет ничего страшнее смерти, однако и этот страх перебороть можно, если коллектив един, отсюда и *«На миру и смерть красна, а в раю жить тошно одному».* Показательным является и тот факт, что русскому человеку и в раю одному «тошно живется». Это яркое сравнение выражает важность для русского народа «коллективизма» = «соборности», в данной терминологии. «Коллективизм» и «соборность», в нашей интерпретации, выступают контекстуальными синонимами. Поэтому мы говорим, что понятие «коллективизм» является так же важной чертой русской ментальности, и отмечаем, что оно находится на одном ментальном уровне концепта-конструкта «соборность». Структурируют «соборность», в том ракурсе, который мы описываем, пословицы типа *«Один в поле не воин»; «Одинокое дерево*

ветер валит»; «Одна ласточка не делает весны»; «Одной рукой узла не завяжешь»; «Одна пчела немного меду натаскает». В этих пословицах один человек, одно дерево, одна рука, одна пчела не могут сделать то, что под силу коллективу, объединённому общей идеей, общим стремлением и желанием.

Такие пословицы, как «Не имей сто рублей, имей сто друзей»; «В дружбе правда»; «Друг денег дороже»; «Друга ищи, а найдешь – береги»; «Друга на деньги не купишь», прямо говорят о важности друзей и единении с ними.

Идеи «коллективизма», «общины», «соборности» лежат, как мы уже отмечали, в основе данного философского учения. И здесь следует сказать, что в «общине» А. С. Хомяков ценил воплощение демократических и гуманных начал. «Община» должна была управляться «миром», т. е всеми людьми, живущими в коллективе. Народ принимал активное участие в управлении; на «сходах», или собраниях общины, где выявлялось или вырабатывалось общественное мнение. В общине должна была царить «справедливость» в отношениях между людьми. Принимаемое решение должно было быть одобрено всеми членами общины на основе традиций, обычаев, народного, православного представления о справедливости, совести, чести, истине. Такая «соборность» была призвана спасать от индивидуализма, оберегать душу русского народа, а с ним его мир, его быт и культуру.

Следует оговорить и то, что «соборность» не должна ограничивать себя сферой интересов одного народа; ее актуальность не сужается до проблем одной конкретной эпохи. Актуальность данного концепта-конструкта, в этом наша убеждённость, не может определяться реалиями каких-то исторических отрезков или чьими-то групповыми интересами. Обратимся к источнику и процитируем: «Соборность» (кафоличность) (греч . Katholikos – всеобщий), один из основных признаков христианской церкви, фиксирующий ее самопонимание как всеобщей, универсальной…» [7]. Это ценность существенна для всего человечества, хотя бы потому что она универсальна. Общечеловеческая значимость и ценность этой идеи, конечно, связана с понятием «Бог». Здесь следует сказать, что правы те, кто считает данное положением важным для понимания единства как «единства во множестве». Идея соотношения целого и части, верится, способна решить многие конфессиональные проблемы. Главным, на наш взгляд, остаётся связующая мысль о единстве и целостности мира. Эту целостность можно постичь идеей о Боге, который, как известно, един для всех. Мир, в котором живём, очень противоречив, но вместе с тем и хрупок, и такой мир, полагаем, может быть объединён общей идеей «Бога», «Божественного». Думается, «добро», «мир», «любовь», «вера», «справедливость», лежащие в основе русской «соборности», возможно, спасут нас от многих бед. Главное: стремиться к этим идеалам, поверить и вобрать в себя. Нельзя подвергнуть сомнению общепризнанное, что Бог – есть «сущностное единство трех Лиц (Ипостасей). Но это «единосущее», считается, не есть «слиянием», «смешением». «Соединенность носит специфический характер – здесь «взаимопроникновение», «взаимооткрытость» сочетается с сохранением собственной идентичности. Соответственно, соборное бытие-общение предполагает сохранение индивидуально-личной идентичности каждого» [11, с. 87–88]. Заметим очень важное: в соборном единении человек осуществляет свое бытийное назначение, сохраняет свою уникальность. В этом и заложено, возможно, учение о соборности, о братстве, единых корнях человечества и любовь к ближнему: *«Все под одним богом ходим»; «Всяк по-своему Бога хвалит; «Все один Бог, что у нас, что у них»*. Глубоко верующий человек должен быть совершенен: чист

в своих помыслах, полон любви и веры к людям. Не о таких ли говорят: *«У них вера хороша»*. И этой похвалы достоин, признаться, высоконравственный человек.

Из изложенного выше можно заключить, что национально-культурный компонент «соборность», общечеловеческий по значению и глубине смысла, очень важный и существенный для русского языкового и культурного пространства. «Соборность» следует отнести к глубинным ментальным структурам со строгой иерархией базовых общечеловеческих констант. Проанализированные нами понятия: «собор», «единство», «сбор», «общность», «коллективный разум / мудрость», «божественное», «Бог» – структурируют также и концепты-конструкты «Родная земля», «Дом», «Семья», которые сближены с ним и ментально, и этимологически.

Библиографические ссылки

1. **Даль В. И.** Большой иллюстрированный толковый словарь русского языка : современное написание : ок. 1500 ил. / В. И. Даль. – М. : Астрель : АСТ : Хранитель, 2007. – 348 с.
2. **Есаулов И. А.** Категория соборности в русской литературе / И. А. Есаулов. – Петрозаводск : Изд-во Петрозавод. ун-та, 1995. – 288 с.
3. **Есаулов И. А.** Соборность в философии А. С. Хомякова и современная Россия [Электронный ресурс] / И. А. Есаулов. – Режим доступа : http://www.jesaulov.narod.ru/Code/articles_homjakov_sobornost.html.
4. **Новейший философский словарь** / гл. ред. А. А. Грицанов. – М. : Книжный Дом, 2003. – 1280 с.
5. **Ожегов С. И.** Словарь русского языка / [под ред. Н. Ю. Шведовой]. – М. : Рус. яз., 1987. – 968 с.
6. **Советский энциклопедический словарь** / гл. ред. Прохоров А. М. – 3-е изд. – М. : Сов. энцикл., 1988. – 1600 с.
7. **Соборность** [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://enc-dic.com/ushakov/Sobornost-71915.html
8. **Пословицы и поговорки о вере, о Боге, о религии, о церкви** [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://materinstvo.ru/art/1861.
9. **Харин В. Н.** Социально-философский анализ категорий «соборность», «служение» и «должное»: на материале концепции С. Л. Франка : дисс. … канд. филос. наук / В. Н. Харин. – Пермь, 2004. – 215 с.
10. **Хомяков А. С.** Сочинения в 2-х томах. Т. 2. Работы по богословию / А. С. Хомяков. – М. : Медиум, 1994 – 360 с.
11. **Хоружий С.** Хомяков и принцип соборности / С. Хоружий // Вестник русского христианского движения. – Париж – Нью-Йорк – Москва, 1991. – № 162–163. – С. 86–92.
12. **Этимологический словарь русского языка** / [под ред. Г. П. Цыганенко]. – М. : АСТ, 2007.

Надійшла до редколегії 22.02.12

УДК 811.161.1'38

О. С. Червона

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

ФРЕЙМОВАЯ СТРУКТУРА КОНЦЕПТА *СТРАННОСТЬ*

Присвячено дослідженню структурної організації концепту СТРАННОСТЬ з позиції фреймового підходу концептуального аналізу, закономірності його представлення в російській мовній картині світу.

Ключові слова: концепт, картина світу, фрейм, ядро, периферія.

Посвящена исследованию структурной организации концепта СТРАННОСТЬ с позиции фреймового подхода концептуального анализа, закономерности его представления в русской языковой картине мира.

Ключевые слова: концепт, картина мира, фрейм, ядро, периферия.

This article studies the structural organization of concept from position of frame approach of conceptual analysis, conformity to law of its presentation in the Russian linguistic picture of the world.

Keywords: concept, worldview, frame, kernel, periphery.

В связи с развитием лингвистики одним из действенных способов моделирования и анализа концептов является фреймовое моделирование, которое реализует фреймовый подход и определяет фрейм как единицу знаний [22, с. 37–40]. Создателем теории фреймов является Марвин Минский, он определил фрейм как «структуру данных для представления стереотипных ситуаций». Фрейм можно представить в виде сети, состоящей из узлов и связей между ними, где каждый узел должен быть заполнен своим «заданием», представляющим собой те или иные характерные черты ситуации, которой он соответствует [9, с. 7].

Объект исследования в данной статье – концепт СТРАННОСТЬ, вербализированный в русском языке.

Предметом анализа является структурная организация концепта СТРАННОСТЬ, закономерности его представления в русской языковой картине мира.

Цель исследования – раскрытие специфики структурной организации концепта СТРАННОСТЬ с позиции фреймового подхода концептуального анализа. Поставленная цель предусматривает решения таких ***задач***:

– определить структурный тип концепта СТРАННОСТЬ;

– смоделировать фреймовую структуру концепта СТРАННОСТЬ.

Актуальность статьи предопределена обращением к когнитивному направлению лингвистики, в частности к анализу языковой картины мира – языкового воплощения структурированного представления мира в мышлении человека.

Материалом исследования послужили данные лексикографических источников: толковых, энциклопедических и этимологических словарей русского языка.

Широкое распространение в лингвистике термин «фрейм» получил после работ М. Минского. В самом общем виде фрейм – это способ организации представлений, хранимых в памяти. Фрейм – это единица знаний, организованная вокруг некоторого понятия и содержащая данные о существенном, типичном и возможном для этого понятия. Фрейм конкретизирует, что в данной культуре характерно и типично, а что – нет. Фреймы организуют наше понимание мира в целом, а тем самым и обыденное поведение. Фрейм при таком подходе – структура дан-

© Червона О. С., 2012

ных для представления стереотипной ситуации [5, с. 6]. В большинстве концепций представлено иерархическое строение фрейма, его статичность, которая определяется четко фиксированными узлами информации, и динамичность, которая предопределяется характером процедурных знаний [19, с. 57; 4, с. 161].

В когнитологии фрейм также фигурирует как общее родовое обозначение набора понятий типа: схема, сценарий, когнитивная модель. Также существуют модельные конструкты, такие как идеализированная когнитивная модель (Дж. Лакофф), ментальные пространства (Ж. Фоконье); 2S-мерный набросок (Р. Джэкендофф); «цепция» (Л. Талми); комплексные многоаспектные языковые конструкции Ч. Филлмора и П. Кэя; когнитивные операции (Р. Шенк, Ч. Ригер), постулированный «уровень знаний» (А. Ньюэлл). Но самой разработанной теорией в когнитивных науках является теория фреймов [23].

С фреймовым подходом связана и психологическая теория прототипов, в которой распознавание стимула описывается как соотнесение его с неким прототипом, который хранится в памяти, представляющим собой абстрактную репрезентацию набора стимулов, образованных множеством сходных форм одного и того же паттерна. Согласно этой теории, любая категория, в том числе и языковая, включает в себя неравнозначные элементы, среди которых ядерные, или же центральные элементы (прототипы), которые имеют наибольшее количество типичных для данной категории характеристик и наименее типичные элементы [2, с. 34]. Мышление в целом основывается на прототипных структурах [4, с. 17].

Во фреймовых моделях предусмотрено использование информации относительно прототипа и соответствий этому прототипу [4, с. 181]. Соответствиями смысловых связей в пределах фрейму могут быть определенные прототипные компоненты. Поэтому построение фреймовых моделей требует привлечения прототипного подхода концептуального анализа. Этот подход апеллирует к принципу холизма, где значение отдельного слова или предложения может быть понято только в его связи с более широким полем языка, с языком вообще, с языком как формой жизни [5, с. 8]. В процессе анализа базовым понятием является прототип.

Содержание прототипа вариативно: Л. Витгенштейн называл прототип глубинным, обобщающим репрезентантом семантического круга слов, сформированного по «принципу семейного сходства»; Е. Рош считает прототип центром категории, ее культурно предопределенным ассоциатом; А. Вежбицкая, Дж. Тейлор определяют его идеализированный, эталонный образ объектов. Следовательно, передавая тот или другой концепт, лексическая единица активирует и соответствующий когнитивный контекст, или фрейм – модель повседневного знания об основных концептах (цит. по: [7]).

Фрейм, или когнитивный контекст – это модель культурно обусловленного, канонизированного знания, которое является общим, по крайней мере, для части говорящего на этом языке сообщества [2, с. 331]. Значения слов соотносятся с определенными когнитивными контекстами – когнитивными структурами или блоками знания, которые стоят за этими значениями и обеспечивают их понимание [2, с. 29–30]. Эти когнитивные контексты, или блоки знания, Р. Ленекер называет «cognitive domains» (когнитивные области, сферы или контексты), Ж. Фоконье и Дж. Лакофф ментальными пространствами, а Ч. Филмор – фреймами [20, с. 751].

Ведущей мыслью является то, что наши знания организуются с помощью определенных структур – когнитивных моделей – и что категориальные структуры и прототипы – это лишь следствие именно такой организации наших знаний [20, с. 68]. Согласно теории Ж. Фоконье и Дж. Лакоффа, ментальные пространст-

ва имеют чисто когнитивный статус и не существуют вне мышления, они структурируются с помощью разных когнитивных моделей: образно-схематических (вместилище, часть / целое, верх / вниз, источник / путь / цель и т. п.), пропозициональных (пропозиция, сценарий, пучок признаков, таксономия, радиальная категория), метафорических, метонимических, символических [2, с. 30].

Образно-схематические модели для исследования значений языковых единиц используются в концепции когнитивной грамматики, разработанной Р. Ленекером, где утверждается, что языковое значение равняется концептуализации, а семантические структуры (предикации) – это концептуальные структуры, которые вызываются в сознании языковыми формами.

Концепт имеет определенную структуру. Так, Ю. С. Степанов вычленяет в концепте обиходную, общеизвестную сущность, сущность, известную отдельным носителям языка, и историческую, этимологическую информацию [17, с. 41]. С. Г. Воркачев выделяет в концепте понятийную составляющую (признаковая и дефиниционная структура), образную составляющую (когнитивные метафоры, поддерживающие концепт в сознании) и значимую составляющую – этимологические, ассоциативные характеристики концепта, определяющие его место в лексико-грамматической системе языка [3, с. 7].

В. И. Карасик различает в структуре концепта образно-перцептивный компонент, понятийный (информационно-фактуальный) компонент и ценностную составляющую (оценка и поведенческие нормы) [6, с. 118]. Г. Г. Слышкин вычленяет в структуре концепта четыре зоны – основные (интразону, экстразону) и дополнительные – квазизону и квазиэкстразону [14, с. 6, 17–18]. М. В. Никитин выделяет в концепте образ, понятие, когнитивный и прагматический импликационалы [10, с. 59–60].

Поскольку концепт представляет собой сложное явление, в котором вычленяются отдельные признаки, находящиеся друг с другом в определенных отношениях, то можно говорить о структуре концепта, как и о структуре любого сложного объекта.

Согласно Ю. С. Степанову, концепт имеет «слоистое» строение, его слои являются результатом, «осадком» культурной жизни разных эпох. Он складывается из исторически разных слоев, отличных и по времени образования, и по происхождению, и по семантике. Структура концепта включает в себя основной (актуальный) признак; дополнительный (пассивный, исторический) признак; внутреннюю форму (обычно не осознаваемую) [18, с. 49].

Теоретико-лингвистическая школа Воронежского университета выделяет три типа моделей концептов: *одноуровневые, многоуровневые* и *сегментные концепты* [13, с. 30]. Базовый слой *одноуровневого* концепта составляет лишь чувственное ядро. *Многоуровневый* концепт включает в себя несколько когнитивных слоев, различающихся по уровню абстракции, отражаемому ими, и последовательно наслаивающихся на базовый слой. *Сегментный* концепт состоит из базового чувственного слоя и других слоев, равноправных по степени абстракции [13].

Концепт может получить полевое описание – в терминах ядра и периферии. К ядру будут относиться слои с наибольшей чувственно-наглядной конкретностью, первичные наиболее яркие образы; более абстрактные семантические слои составят периферию концепта. Совокупность базового слоя и дополнительных слоев и признаков составляют объем концепта. Кроме ядра и концептуальных слоев, концепт имеет объемную интерпретативную часть – совокупность слабо структурированных предикаций, отражающих интерпретацию отдельных концеп-

туальных признаков и их сочетаний в виде утверждений, установок сознания, вытекающих в данной культуре из содержания концепта. Периферийный статус того или иного концептуального признака вовсе не свидетельствует о его малозначности или маловажности в поле концепта, статус признака указывает на степень его удаленности от ядра по степени конкретности и наглядности образного представления [17, с. 14; 13, с. 60–64].

Обращает на себя внимание, что большинство исследователей вычленяют в составе концепта образ, определенное информационно-понятийное ядро и некоторые дополнительные признаки, что свидетельствует о принципиальном сходстве в понимании структуры концепта в разных научных школах.

Таким образом, несмотря на большое количество типов концептов, любой концепт имеет базовый слой. Он всегда является определенным чувственным образом (единицей универсального предметного кода – УПК), который кодирует этот концепт для умственных операций [18, с. 581]. Совокупность базового слоя и дополнительных когнитивных признаков и слоев складывают объем концепта и определяют его структуру.

Изучая методику концептуального анализа, необходимо определить концепт и выявить ключевые слова-репрезентанты этого концепта в языке (базовые лексемы-репрезентанты, единицы, которые осуществляют базовую вербализацию концепта, базовые языковые репрезентации концепта). Среди критериев, благодаря которым осуществляется отбор ключевых слов-репрезентантов концепта, стоит отметить частотность употребления, абстрактность значения и тому подобное.

Ядром концепта СТРАННОСТЬ, которое лучше всего отображает семантику ключевого слова, называющего этот концепт, является лексема СТРАННОСТЬ. Дополняет содержание концепта анализ синонимов, антонимов ключевой лексемы.

Согласно толковому словарю, СТРАННОСТЬ имеет два значения: 1) употребляется только в единственном числе и является отвлечённым существительным к прилагательному *странный* (*странность взглядов, странность в манере одеваться*); 2) необычность в поступках, во взглядах, вызывающая недоумение (*человек не без странностей, за ним всегда водились странности, есть много странностей на свете*); в разговорной речи употребляется с восклицанием в значении удивительно, непонятно (*Что за странность! Где моя книга?*) [11].

Согласно этимологическому словарю, слово СТРАННЫЙ заимствовано из старославянского языка и представляет собой производное, образованное с помощью суффикса *-ьн-* от существительного *страна* в значении «чужая страна, народ», в древнерусском языке это значение было еще известно. Первоначально – «чужестранный», «чужой», затем – «необыкновенный, непостижимый, странный» [23].

Синонимами лексической репрезентанты концепта СТРАННОСТЬ в русском языке, согласно словарю, являются такие лексемы, как *ненормальность, неестественность, противоестественность, необычность; аномалия; необыкновенность, прибабах, бзик, пунктик, оригинальность, отклонение, самобытность, заскок, отмочка, пункт, парадоксальность, чудачество, экзотика, загибон, комплекс, число, сдвиг, в мозгах завихрение, присвист, дикость, нелепица, нелепость, необычайность, диковинность, сумасшедшинка, призвездь, погром есть погром, завихрение, закидон, задвиг, эксцентричность, вывих, психоз, несообразность, удивительность, одичалость, цикл, чудинка, чудаковатость, экстраординарность, непонятность, загадочность* [1].

Ядро концепта представлено лексемой СТРАННОСТЬ, которая выступает и семантическим центром всей фреймовой структуры. Согласно словарю русских синонимов [1], частота употребления слова «странность» составляет 1577 раз на ≈ 300 млн. слов. Частота употребления синонимов следующая:

Частота употребления	**Синонимы**
800 – 900	нелепость (835)
400 – 500	экзотика (433)
300 – 400	дикость (371), сдвиг, психоз (355)
200 – 300	оригинальность (284), вывих (219)
100 – 200	необычность (197), чудачество (171), присвист (170), пунктик (128), загадочность (126), несообразность (124), нелепица, (112)
1 – 100	завихрение (98), заскок, ненормальность (85), бзик (76), неестественность (65), самобытность (58), закидон (57), эксцентричность (54), непонятность (52), необычайность (45), вычурность (35), сумасшедшинка (31), необыкновенность (20), чудинка (19), парадоксальность (18), прибабах (14), противоестественность (13), чудаковатость (9), одичалость (5), диковинность (4), удивительность (3), загибон, экстраординарность (2)
–	отмочка, в мозгах завихрение, задвиг, призвездь, погром есть погром, вуйма

Ключевыми словами-репрезентантами концепта СТРАННОСТЬ в русском языке являются такие лексемы: нелепость, экзотика, дикость, сдвиг, психоз, оригинальность, вывих, необычность, чудачество, присвист, пунктик, загадочность, несообразность, нелепица. Частота их употребления составляет от 100 до 900 раз; при этом самой употребляемой является лексема НЕЛЕПОСТЬ, которая имеет два значения: «1) употребляется только в единственном числе и является отвлечённым существительным к прилагательному нелепый (нелепость поступка); 2) нелепое слово, выражение или поступок. Говорить нелепости. Был написан целый акт этой пьесы, густо насыщенный веселыми нелепостями. Максим Горький» [11].

Таким образом, можно прийти к выводу, что структура и характеристики концепта зависят от особенностей картины мира, в состав которой он входит, её тип влияет на понимание концепта и обусловливает его общую ценность для носителей этой картины мира. Представляется возможным выделить два основных момента: 1) концепт СТРАННОСТЬ принадлежит к сегментному структурному типу концептов, поскольку в его структуру входят несколько элементов (сегменты), которые окружают базовый слой концепта; 2) ядром является лексема СТРАННОСТЬ, у которой есть синонимы и антонимы, составляющие периферию концепта. Полученные результаты исследования структурной организации концепта СТРАННОСТЬ будут учтены при исследовании его содержания и категориальных свойств, что открывает перспективы последующих исследований концептуализации и категоризации концепта СТРАННОСТЬ.

Библиографические ссылки

1. **Абрамов Н.** Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений / Н. Абрамов. – 7-е изд., стереотип. – М. : Русские словари, 1999. – 638 с.

2. **Болдырев Н. Н.** Концепт и значение слова / Н. Н. Болдырев // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж : Воронежский гос. ун-т, 2001. – С. 25–36.
3. **Воркачев С. Г.** Культурный концепт и значение / С. Г. Воркачев // Труды Кубанского гос. технолог. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. – Т. 17. – Вып. 2. – Краснодар, 2003. – С. 268–276.
4. **Гиздатов Г. Г.** Когнитивные модели в речевой деятельности / Г. Г. Гиздатов. – Алматы : Гылым, 1997. – 176 с.
5. **Жаботинская С. А.** Когнитивная лингвистика: к вопросу об уровнях концептуальных моделей / С. А. Жаботинская // Вісник Черкаського ун-ту. Сер. філол. науки. – 1997. – Вип. 3. – С. 3–11.
6. **Карасик В. И.** Антология концептов / В. И. Карасик, И. А. Стернин. – Волгоград : Парадигма, 2005. – 118 с.
7. **Кравченко И. В.** Фреймова структура концепту ІСТИНА / И. В. Кравченко // Вестник Харьковск. ун-та. – 2007. – № 773. – С. 47–49.
8. **Краткий словарь когнитивных терминов** / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – М. : Изд-во МГУ, 1997. – С. 55–56.
9. **Минский М.** Фреймы для представления знаний. – М. : Энергия, 1979. – 152 с.
10. **Никитин М. В.** Курс лингвистической семантики / М. В. Никитин. – Спб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2007. – 819 с.
11. **Ожегов С. И.** Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. РАН. Институт русского языка. – 4-е изд., доп. – М. : А ТЕМП, 2004. – 939 с.
12. **Паршин П. Б.** Теоретические перевороты и методологический мятеж в лингвистике XX века / П. Б. Паршин // Вопросы языкознания. – 1996. – № 2. – С. 19–42.
13. **Попова З. Д.** Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж : АКТ, Восток-Запад, 2007. – 215 с.
14. **Слышкин Г. Г.** Лингвокультурные концепты прецедентных текстов : монография / Г. Г. Слышкин. – М. : Академия, 2000. – 139 с.
15. **Степанов Ю. С.** В трехмерном пространстве языка: семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства / Ю. С. Степанов. – М., 1985. – 335 с.
16. **Степанов Ю. С.** Константы: Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – 3-е изд. – М. : Академический проект, 2004. – 992 с.
17. **Стернин И. А.** Контрастивная лингвистика. Проблемы теории и методики исследования / И. А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2004. – 190 с.
18. **Стернин И. А**. Методика исследования структуры концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / И. А. Стернин. – Воронеж : Воронежский гос. ун-т, 2001. – С. 58–63.
19. **Уфимцева А. А.** Роль лексики в познании человеком действительности и в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. – М. : Наука, 1988. – С. 108–140.
20. **Филмор Ч.** Дело о падеже открывается вновь / Ч. Филмор // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1981. Вып. X. Лингвистическая семантика. – С. 496–530.
21. **Холодная М.А.** Психология интеллекта. Парадоксы исследования / М. А. Холодная. – СПб. : Питер, 2002. – 272 с.
22. **Цапок О. М.** Мовні засоби репрезентації концепту КРАСА в поезії українських шістдесятників : дис. … канд. філол. наук / О. М. Цапок. – Черкаси, 2003. – 191 с.
23. **Энциклопедия Кругосвет** : универсальная научно-популярная онлайн-энциклопедия. – Режим доступа: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/KOGNITIVNAYA_LINGVISTIKA.html

Надійшла до редколегії 27.02.12

УДК 811.133.1

М. Ю. Шевченко

Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара

LE CADRE COMMUNICATIONNEL PARTICULIER DE LA LANGUE PUBLICITAIRE

Присвячено проблемі комунікативних особливостей мови реклами; зроблено спробу визначити специфіку ситуації рекламної комунікації, її прагматичних аспектів та семантики рекламного повідомлення.

Ключові слова: мова реклами, семантика висловлювання, прагматичний аспект, перлокутивний ефект, рекламна комунікація, ситуація комунікації.

Посвящена проблеме коммуникативных особенностей языка рекламы; сделана попытка определить специфику ситуации рекламной коммуникации, ее прагматических аспектов и семантики рекламного сообщения.

Ключевые слова: язык рекламы, семантика высказывания, прагматический аспект, перлокутивный эффект, рекламная коммуникация, ситуация коммуникации.

The article deals with the problem of communicative peculiarities of the advertising slogans. The author tries to define the specific situation of advertising communication, its pragmatic aspects and semantics of the advertising message.

Keywords: advertising language, semantics of the utterance, pragmatic aspect, perlocutive effect, advertising communication, situation of communication.

Les tâches du présent article consistent en établissement du caractère spécifique de la situation de communication publicitaire, de ses aspects pragmatiques et du sens du message publicitaire; en mise en relief du critère du comportement de l'émétteur du message.

Étant le genre rhétorique étudié dans le cadre de la stylistique, le discours publicitaire présente un genre intéressant par sa dimension langagière et discursive: les règles de l'agencement du texte publicitaire, son orientation argumentative et énonciative, son caractère illustratif par rapport aux images etc. deviennent l'objet d'étude dans les théories de l'énonciation, de la communication, dans la pragmatique et la linguistique textuelle. La théorie de la communication prête beaucoup d'attention à l'étude de la langue publicitaire et dans son cadre on distingue quelques traits particuliers de la communication publicitaire.

Dans la mesure où elle met en rapport des sujets en vue de transactions économiques, la publicité a été traditionnellement étudiée en termes de théorie de la communication ce qui a permis de mettre en évidence la spécificité de la situation de communication de cette transaction. Cette situation se présente comme une situation de communication-interaction écrite très particulière. Cette particularité a été remarquée par plusieurs linguistes qui étudiaient la langue publicitaire: J.-M. Adam, M. Bonhomme, R. Kochmann, J. Baudrillard, L. Spitzer.

Selon J.-M. Adam et M. Bonhomme, la particularité de la situation de communication publicitaire consiste en ce qu'en première lieu, la prise de parole de l'instance émettrice étant payante, la moindre annonce nécessite un investissement élevé. En second lieu, il s'agit d'une communication médiatisée et distanciée par ses supports – journaux et autres, avec des délais parfois longs entre la conception de l'annonce et sa lecture. De plus, il s'agit d'une communication sollicitative et aléatoire, en ce qu'elle s'adresse à un destinataire qui ne l'attend pas et qui n'est pas obligatoirement disposé à la récevoir. Ce destinataire doit donc être interpellé et

© Шевченко М. Ю., 2012

convaincu instantanément de lire le message qu'on lui propose. De ce jeu de contraintes spécifiques découle le fait que cette structure communicative, axée d'abord sur la recherche de l'établissement d'un contact, est un système avant tout phatique et impersonnel. L'instance émettrice est un contacteur en quête du plus grand nombre de contactés possibles, qu'elle ne connaît pas et dont le seul point commun est d'être occasionnellement – avec tous les risques d'échec que cela comporte – exposés au même message [1, p. 23].

La dimension socio-économique de l'achat est gommé soigneusement au profit de valeurs comme la santé ou la nature. C'est le mécanisme que Leo Spitzer met parfaitement en évidence dans son analyse de la publicité américaine *Sunkist* des années 1940:

«Sur notre réalité de tous les jours, il y a surimposition d'une autre réalité, comme un rêve. Tout se passe comme si le but essentiel, qui est de vendre et de faire un profit, était nié; comme si le monde des affaires n'avait d'autre souci que de moissonner les dons de la nature et de les apporter à chaque amateur individuel – dans une vie idyllique en pleine harmonie avec la nature» [6, p. 155].

Il est impossible de comprendre la rhétorique de la publicité si l'on néglige d'«inscrire le pouvoir de l'argent dans la problématique même de ce type particulier de communication qu'est la communication publicitaire» [5, p. 19].

Une telle constitution de la communication publicitaire a des conséquences directes sur sa structure pragmatique. En s'inspirant de la terminologie classique d'Austin, J.-M. Adam et M. Bonhomme proposent de considérer trois dimensions des actes de discours. Les deux premières se révèlent au niveau de la communication langagière. C'est la dimension proprement locutoire c'est-à-dire la production écrite textuelle et iconique d'un discours publicitaire et la dimension illocutoire qui présente la force de persuasion inscrite dans l'énoncé. La troisième dimension s'ouvre sur la communication commerciale: la dimension perlocutoire a trait à la réussite de l'acte illocutoire, aux réactions du lecteur persuadé ou non d'acheter le produit.

Considérons la structure pragmatique du message publicitaire.

Au plan locutoire, le discours est, à la fois, texte et image.

Au plan illocutoire, on peut parler de deux visées plus complémentaires que réellement contradictoires: une visée descriptive, informative, qui a la forme d'un acte constatif, et une visée argumentative. En cela, la communication publicitaire est info-persuasive. Mais il faut considérer le caractère globalement indirect d'une communication publicitaire dominée par un acte illocutoire directif généralement implicite (*Je vous conseille d'acheter ce produit)*. Cet acte directif est dissimulé sous un acte constatif que l'on peut, avec Nicole Everaert-Desmedt, ainsi décrire: «La publicité fait une série de constations à propos du produit et du consommateur (elle constate que le produit existe, qu'il est nouveau, qu'il a telles qualités, que le consommateur qui l'utilise en est comblé, que celui qui ne l'utilise pas encore se trouve dans un état de manque...)» [4, p. 126]. L'acte illocutoire dominant de la plupart des publicités est explicitement constatif et implicitement directif.

Au plan perlocutoire, l'acte d'achat n'est qu'un effet ultime. Il est précédé par une stratégie dans laquelle se concentre toute la persuasion publicitaire. L'acte illocutoire constatif est associé à une intention perlocutoire de type «faire croire» quelque chose au destinataire, et l'acte illocutoire directif à une intention perlocutoire de type «faire faire» quelque chose. Le passage du «croire» au «faire» ne peut être assuré que si le sujet-consommateur potentiel apprend quelque chose qu'il ne considère pas comme faux.

Le discours publicitaire doit être assez crédible pour susciter une telle croyance et, en même temps, l'absence de toute réfutation de ce qu'il asserte. La croyance est rendue possible par la manipulation des désirs profonds des sujets. Plus précisément, comment le «savoir» sur le produit se transforme-t-il en «vouloir»? Cela est rendu possible par le fait que les énoncés constatifs suscitent une valorisation du produit constitué ainsi en «objet de valeur» et un désir de l'obtenir ou qui s'accompagne d'un désir d'identification reposant sur une valorisation du sujet lui-même, totalement dépendante de l'acquisition de l'Objet. Ce désir d'identification part de la valorisation de l'Objet et s'accompagne d'une valorisation liée de tous ceux qui le possèdent représentés dans le discours et éprouvant toujours une euphorie visible et d'une dévalorisation de tous ceux qui ne le possèdent pas.

Selon J.-M. Adam et M. Bonhomme, le passage au «faire» (l'achat par le consommateur) est conditionné par une *phase cognitive* («savoir» et «croire» que l'Objet possède les valeurs qui motivent le désir de le posséder) et par une *phase mimétique* («vouloir» posséder l'Objet et s'identifier ainsi à ses détenteurs) [1, p. 26].

Derrière l'opération de constitution du produit en Objet de valeur, c'est la question de la valorisation symbolique des objets qui se pose. Entre la vente et l'achat du produit, le discours publicitaire opère une sémantisation qui transforme le simple objet (robot de cuisine, climatiseur, fer à repasser) en Objet de valeur. On passe d'un rapport objectif au monde (cuisiner, soutenir une atmosphère constante, faire le repassage) à un rapport symbolique. L'objet de consommation est, par définition, cet objet symbolique qui a, comme Jean Baudrillard l'a montré, perdu son statut de nom commun et d'ustensile pour acquérir un statut de nom propre que la marque garantit. L'Objet se charge ainsi de valeurs différentielles de statut ou de prestige qui le vident de sa substance, comme l'explique Jean Baudrillard:

«Les signes publicitaires nous parlent des objets, mais sans les expliquer en vue d'une praxis (ou très peu): en fait, ils renvoient aux objets réels comme à un monde absent. Ils sont littéralement «légende», c'est-à-dire qu'ils sont d'abord là pour être lus. S'ils véhiculaient une information, il y aurait lecture pleine et transition vers le champ pratique. Mais ils jouent un autre rôle, celui de visée d'absence de ce qu'ils désignent» [2, p. 208].

L'Objet valorisé, intégré dans le système de la mode et du standing, relie le sujet aux autres consommateurs: un système de standing déterminé par la possession des objets est un système de signes de reconnaissance où tout sujet est qualifié par les objets qu'il a ou n'a pas.

On comprend mieux également pourquoi le discours publicitaire limite le contenu descriptif des annonces à deux énoncés axiologisés:

1. Le produit, pour lequel la publicité est faite, est valorisé, «positivé»; les autres produits pour le même usage, mais portant d'autres marques, sont «négativés».

2. Le sujet-consommateur en relation avec le produit est «positivé»; le sujet qui n'est pas en relation avec ce produit est «négativé» [4, p. 127].

Selon J.-M. Adam, il est intéressant d'appliquer à la publicité le célèbre schéma de Jakobson, puisque son exploitation publicitaire acquiert de nouvelles valeurs. Le schéma de Roman Jakobson n'a pas manqué d'intéresser les analystes de la publicité qui se sont efforcés d'en cerner les fonctions. Ce schéma rend compte des composantes de la communication publicitaire et il en dégage les dominantes. En examinant les annonces diverses, outre la communication-émetteur centrée sur la compétence du fabricant, la communication-récepteur axée sur la force de persuasion du message et la

communication-référent qui glorifie le produit et son univers, on pourrait distinguer d'autres orientations de la communication.

La communication-contact a pour but d'attirer l'attention du lecteur à tout prix. Sans rapport avec la transaction commerciale en jeu, le but de la campagne est souvent de faire parler d'elle, mais l'effet voulu est de renforcer la mémorisation de la marque par l'accroche de l'attention.

La communication-code concerne les cas où l'annonceur déstructure et rend conscient le système de signes qu'il utilise. Caractérisant le goût actuel des médias pour le ludique, elle est particulièrement développée dans une publicité Go-Voyages où les évocations des proposés sont autant d'occasions de jeux de mots paronymiques. Voila l'exemple de publicité singulière à propos de l'Espagne: «*Ces prix sont valables pour* ***l'olé*** *et le retour*» (le jeu de mots *olé=aller*).

Néanmoins, d'après J.-M. Adam et M. Bonhomme, bien que séduisant par son caractère descriptif, le modèle de Jakobson souffre de limites certaines. Il fige la description de la complexité du discours. Ce schéma ne sort pas d'un cadre discursif unidimensionnel allant d'un émetteur vers un récepteur [1, p. 30].

L'acte de langage publicitaire est un acte inter-énonciatif entre 4 sujets, lieu de rencontre imaginaire de deux univers de discours qui ne sont pas identiques: le sujet énonçant, le sujet communiquant, le sujet destinataire, et le sujet interprétant. Il est nécessaire que dans la communication publicitaire l'image du sujet destinataire et de sujet interprétant coïncide, sinon la publicité peut échouer: le publiciste crée une image de son destinataire idéal auquel les consommateurs sont supposés s'identifier, mais eux, ils interprètent cette image d'une manière différente et peuvent ne pas s'associer avec le produit présenté.

Comme toute acte de langage, celui publicitaire peut être asymétrique: celui qui interprète l'acte de langage reconstruit son sens à partir d'indications données dans l'énoncé produit, mais rien ne garantit que ce qu'il reconstruit coïncide avec les représentations de l'énonciateur. Comprendre un énoncé, ce n'est pas seulement se reporter à une grammaire et à un dictionnaire, c'est mobiliser des savoirs très divers, faire des hypothèses, raisonner, en construisant un contexte qui n'est pas une donnée préétablie et stable.

Le circuit général d'échanges de biens de production comporte trois sujets: un Publiciste en tant qu'une instance communiquante, un Consommateur comme une instance agissante et en même temps interprétante et le Produit comme objet d'échange. Le Publiciste doit toujours tenir compte de trois facteurs suivants pendant l'élaboration de la conception publicitaire: l'existence d'une concurrence sur le marché, l'existence des règles professionnelles qui empêchent toute comparaison explicite avec le produit d'une autre marque, et l'existence de certaines tendances sociales.

Selon P.Charaudeau, d'après la présence de l'émetteur dans le texte de publicité et d'après les distances qu'il prend envers le destinataire on peut relever trois types du comportement de l'émetteur pendant la communication. Considérons en détail chacun d'eux.

1. *Le comportement délocutif*

Les modalités délocutives sont déliées du locuteur et de l'interlocuteur. Le propos émis existe en soi, et s'impose aux interlocuteurs dans son mode de dire [3, p. 619].

L'annonceur est effacé. Il n'est présent que comme un présentateur qui annonce un spectacle.

Le destinataire n'est pas sollicité explicitement, il est également effacé. Il n'est présent que comme un spectateur-témoin. Ce comportement a pour effet d'inciter le

sujet interprétant à s'identifier à l'image idéale d'un tiers qui serait acquis à la Quête présentée par le texte.

Exemple: «*104 PEUGEOT. Des qualités confirmées et le prix d'une 5 CV».* Image idéale du «tiers cherchant le meilleur rapport qualité/prix».

2. *Le comportement élocutif*

Les modalités élocutives n'impliquent pas l'interlocuteur dans l'acte locutif. Elles précisent la manière dont le locuteur révèle sa position vis-à-vis du Propos qu'il énonce [3, p. 599].

L'annonceur s'énonce par une prise de position appréciative. Il est présent comme un présentateur de music-hall qui aurait déjà pu apprécier le spectacle et manifesterait son enthousiasme.

Le destinataire n'est pas explicitement sollicité comme dans un comportement allocutif; il est donc encore en position de spectateur-témoin, mais il est appelé à partager l'euphorie de l'annonceur.

Le comportement a pour effet d'inciter le sujet interprétant à s'identifier à l'image d'un tiers qui est, cette fois, fabriquée sur l'exemple: *«Vigoureux. Savoureux. Étonnant! COINTREAU».*

Mais il y a à l'intérieur de ce même comportement un autre cas de figure. Celui où l'annonceur s'énonce explicitement sous la nomination de la Société ou de la marque; il se révèle alors responsable de son discours et Agent du Faire décrit. Dans ce cas, il se donne le statut de Bienfaiteur, ce qui doit inciter le destinataire, même si celui-ci n'est pas sollicité explicitement, à se considérer comme un Bénéficiaire.

Exemple: *«ANTAR. NOUS essayons de rendre la route plus sûre»*

3. *Le comportement allocutif*

Les modalités allocutives impliquent locuteur et interlocuteur, et précisent la manière avec laquelle le locuteur impose un Propos à l'Interlocuteur [3, p. 579].

L'annonceur s'énonce dans le même instant qu'il sollicite le savoir du destinataire («Saviez-vous que...? Eh bien, voilà...»). Il se présente alors comme un informateur qui fait découvrir au destinataire son Manque ou sa Quête. Exemple: *«Do you speak, English? Non. Alors. BERLITZ»*; également: *«Vous tricotez? Il vous faut le livre-tricots BERGÈRE DE FRANCE».*

L'annonceur s'énonce dans le même instant qu'il adresse au destinataire une injonction incitatrice («Faites...»). Il se présente alors comme un Conseilleur qui propose au destinataire un contrat de confiance.

Exemple: *«Si vous ne savez pas quoi faire de votre argent, venez nous voir, B.N.P.».*

Ce comportement a pour effet d'inciter le sujet interprétant à s'identifier à une image idéale de destinataire qui doit être l'acteur d'un Faire dont il sera en même temps le bénéficiaire, ayant l'annonceur pour Allié.

Or, du point de vue communicatif on peut distinguer les différents types de slogans publicitaires selon le critère du comportement de l'émetteur du message. Le premier type des slogans publicitaires reflète le comportement délocutif et présente un énoncé qui existe en soi en cachant les marques de présence de l'émetteur et ne révélant point le destinataire. Le deuxième type présente le comportement élocutif qui révèle l'attitude de l'annonceur envers ce qu'il dit, mais n'implique toujours pas le destinataire dans l'acte locutif. Et le dernier type de slogans présente le comportement allocutif grâce auquel l'annonceur peut s'adresser directement à son destinataire pour lui imposer son propos.

Conclusions. Le cadre communicationnel particulier de la communication publicitaire repose sur le caractère spécifique de la situation de communication, de ses aspects pragmatiques et de son sens.

La spécificité de la situation de communication publicitaire relève de ce qu'elle se fait arène des relations économiques des participants, elle est médiatisée et distanciée par les supports. En vue de cela il ne s'agit que de la communication sollicitative et aléatoire adressée au plus grand nombre possible de destinataires.

Du point de vue communicatif on peut distinguer les différents types de slogans publicitaires selon le critère du comportement de l'émetteur du message. Ce sont le comportement délocutif, le comportement élocutif et le comportement allocutif.

Le caractère spécifique des aspects pragmatiques de la communication publicitaire repose sur les trois postulats suivants:

– Trois dimensions d'acte de discours - le locutoire, l'illocutoire et le perlocutoire - participent dans les aspects de communication différents: les deux premières se révèlent sur le plan de communication langagière et la dernière – sur le plan de communication commerciale. Donc c'est le locutoire et l'illocutoire qui nous intéresse dans notre recherche.

– La communication publicitaire est info-persuasive puisqu'elle assume deux visées: informative et argumentative.

– L'acte illocutoire des publicités est explicitement constatif, valorisant le produit et implicitement directif, incitant à l'acquisition d'Objet de valeur.

La spécificité de la sémantique de publicité consiste en deux points suivants:

– La publicité transforme le rapport objectif du produit avec le monde en rapport symbolique. Il s'y agit de la sémantisation particulière qui transforme le simple objet en Objet de valeur en lui attribuant la valeur symbolique – celle de statut et de prestige (simple objet → Objet de valeur). L'Objet valorisé est inscrit de telle sorte dans le système de standing.

– La particularité du sens du message publicitaire est liée à ce que dans le contenu propositionnel de publicité le produit et le sujet-consommateur sont obligatoirement «positivés» et le sujet qui n'a pas trait au produit est «négativé».

Les perspectives des recherches suivantes: cette recherche peut être poursuite vers l'étude de l'influence des stratégies argumentatives sur la situation de communication publicitaire et la mise en relief du rôle de l'orientation argumentative du message publicitaire.

Références

1. **Adam, J.-M.** L'argumentation publicitaire / J.-M. Adam, M. Bonhomme. – P. : Armand Colin, 2005. – 240 p.
2. **Baudrillard, J.** Le système des objets / J. Baudrillard. – P. : Denoël/Gonthier, 1968. – 325 p.
3. **Charaudeau, P.** Grammaire du sens et de l'expression / P. Charaudeau. – P. : Hachette Livre, 1992. – 928 p.
4. **Everaert-Desmedt, N.** La litanie publicitaire: valeurs fiduciaires et persuasion / N. Everaert-Desmedt // Argumentation et valeurs. – Toulouse: G. Maurand, 1984. – P. 127–148.
5. **Kochmann, R.** Problématique de l'étude en classe des messages publicitaires / R. Kochmann // Bref. – P. : Larousse, 1975. – № 2. – P. 15–25.
6. **Spitzer, L.** La publicité américaine comme art populaire / L. Spitzer // Poétique. – P. : Seuil, 1978. – № 34. – P. 150–160.

Надійшла до редколегії 12.01.12

УДК 811.161.1'37

Ю. А. Шепель

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ КАК МЕТОД ЦЕЛОСТНОГО ГРАММАТИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ ЯЗЫКОВЫХ ЯВЛЕНИЙ

Розглянуто питання, які пов'язані зі змістом і типами тих відношень, що охоплюються тим чи тим ФСП, а також структура словотвірного поля словотвірних рядів прикметників російської мови.

Ключові слова: функціонально-семантичне поле, дериват, словотвірне поле, семантика, семантичне значення, формант, умотивованість.

Рассмотрены вопросы, связанные с содержанием и типами тех отношений, которые охватываются тем или иным ФСП, а также структура словообразовательного поля словообразовательных рядов прилагательных русского языка.

Ключевые слова: функционально-семантическое поле, дериват, словообразовательное поле, семантика, семантическое значение, формант, мотивированность.

The questions, related to maintenance and types of those relations, which are embraced to data of FSF, aswell as structure of the word-formation field the adjectives word-formation rows of Russian, are examined in the article.

Keywords: the functionally-semantic field, derivate, word-formation field, semantics, semantic value, formant, explained.

Постановка проблемы. Принцип системности в грамматике издавна находит выражение в членении ее предмета на отдельные подсистемы (уровни), в рамках которых выделяются соответствующие единицы, классы и категории. Единства, изучаемые в морфологии, словообразовании и синтаксисе, характеризуются структурной однородностью их компонентов. Традиционное построение грамматики имеет глубокие основания: оно позволяет раскрыть особенности форм и значений в рамках каждой из выделяемых подсистем.

Вместе с тем <уровневое> описание строя языка связано с определенными ограничениями. Анализ значений концентрируется в пределах отдельных грамматических единиц, классов и категорий. В связи с этим комплексное рассмотрение сходных значений, выражаемых разноструктурными средствами, становится возможным лишь при выходе за рамки основного типа описания по отдельным уровням. Характеристики значений, базирующихся на одной и той же семантической категории, оказываются рассеянными по разным частям грамматики. Так, выражение временных отношений между действиями описывается в разделах о категориях времени и вида, о деепричастиях и причастиях, о разных типах предложений.

На определенном этапе развития лингвистических исследований оказывается необходимым (дополнительно к уровневому) иной подход – функциональный, отличающийся тем, что он интегрирует разноуровневые языковые средства – морфологические, синтаксические, словообразовательные, лексические – на базе общности их функций. Предметом анализа становятся единства, имеющие функциональную основу. В разрабатываемой нами модели грамматики такими единствами являются функционально-семантические поля (ФСП).

Актуальность темы. Необходимость разработки грамматики рассматриваемого типа диктуется, с одной стороны, логикой развития лингвистической

© Шепель Ю. А., 2012

теории, обращающейся к функциональным единствам, а с другой – потребностями практики активного изучения языков. Человек, изучающий какой-либо язык, должен получить информацию о том, какими средствами выражаются те или иные разновидности семантики длительности, кратности, возможности, условия и т. п. Такая работа может быть использована, прежде всего, в практике активного изучения и преподавания русского языка как языка межнационального общения и как языка иностранного.

В ориентации этой работы на семантические категории, соотнесенные с системой грамматических единиц и их средой, проявляется преемственность по отношению к грамматическим теориям, базирующимся на содержательных категориях. Речь идет о концепциях А. А. Потебни, А. А. Шахматова и И. И. Мещанинова.

Предметом анализа являются: 1) содержание и типы тех отношений, которые охватываются данным ФСП; 2) структура поля.

Язык, как известно, является базовой частью духовной культуры общества. Грамматический строй русского языка сложен, многогранен, но в то же время он представляет собой единую цельную систему. Для объективного исследования этой системы требуются новые технологии, наиболее эффективная из которых, на наш взгляд, была описана в рамках современной теории функционально-семантического поля (далее – ФСП). Впервые теория поля появилась в немецкой лингвистике под влиянием соответствующих понятий в физике и некоторых других науках естественного цикла. У истоков этой концепции в языкознании стояли К. Хейзе [4] и Й. Трир [5]. В русской лингвистике этой теорией наиболее подробно и системно занимался А. В. Бондарко [2; 3]. Он определяет ФСП как «систему разноуровневых средств данного языка (морфологических, синтаксических, словообразовательных, лексических, а также комбинированных), объединенных на основе общности и взаимодействия их семантических функций». Компонентами ФСП являются языковые категории, классы и единицы с их языковыми значениями, связанными с конкретными средствами формального выражения в данном языке [3, с. 21–24].

Теория ФСП связана с понятием о категориальном значении [2, с. 143]. Так, в ядре ФСП находятся такие языковые явления, такие грамматические категории, у которых присутствуют все их грамматические признаки, то есть именно в этих явлениях сосредоточено яркое категориальное значение. Периферия ФСП характеризуется неполнотой грамматических свойств анализируемых категорий, поэтому в периферийных структурах категориальное значение несколько ослабевает. Вместе с тем периферийные структуры синкретичны и дополнительно приобретают значения или оттенки значений других грамматических категорий.

Какими бы сложными ни казались правила описания формального аспекта производных слов, наиболее трудными и не поддающимися строгой регламентации являются правила, отражающие семантические аспекты взаимодействия производящих баз и аффиксов и семантические свойства конечного результата этого взаимодействия – производного слова. Эта неопределённость детерминируется тем, что закономерности, диктующие наличие этих правил, отражают неоднородность и многоплановость самой категории значения, которое представляется как единство категориальных, грамматических, лексических и т. д. значений.

Если с формальной точки зрения словообразовательный ряд мы классифицируем как конечное множество словообразовательных структур, характеризующееся тождеством последнего деривационного шага, то с семантической точки зрения его можно рассматривать как иерархически упорядоченный класс произ-

водных слов, объединенных тождеством лексико-грамматической принадлежности производных и словообразовательного форманта.

Формантной частью мы называем компонент в структуре деривата, который отражает формальную операцию, используемую в акте создания деривата, и является проекцией данной операции в виде того или иного «следа». Так как формальные операции в каждом языке могут быть исчислены, словообразовательные модели устанавливаются в зависимости от используемых на последнем шаге деривации формальных операций и их отражения в виде тех или иных морфемных последовательностей.

Словообразовательный ряд – языковая сущность, что обусловливает правомерность исследования его семантической структуры по аналогии с семантической структурой слова. Семантическая структура слова формируется за счёт словообразовательного значения деривата, но описание последнего строится применительно к конкретному слову. Это значит, что дефиниция, характеризующая семантическую структуру слова, представляет собой описание его лексического значения как конкретного и индивидуального представителя своего словообразовательного ряда, как носителя словообразовательного значения в его конкретном облике.

В предлагаемом нами аспекте термины «семантическая структура слова» и «семантическая структура ряда» (равно как и гнезда) коррелируют. Последняя осмысливается нами не как механическая сумма значений всех слов того или иного словообразовательного ряда, а как совокупность вариантов ряда, находящихся в определённом отношении к его семантической структуре.

Подобно слову, которое может быть определено как совокупность внутренне взаимосвязанных и формально тождественных ЛСВ, словообразовательный ряд может быть описан в терминах единиц более низкого по отношению к нему порядка. В нашем исследовании такой единицей является ***структурно-семантический вариант ряда***, или ***семантический подряд***. Тип отношений, связывающих структурно-семантический вариант ряда (подряд) и словообразовательный ряд (также, как ЛСВ и слово, структурно-семантический вариант гнезда и гнездо), рассматривается как отношение включения: *структурно-семантический подряд* => *словообразовательный ряд* (ср. ЛСВ => слово, ССВ => СГ). Определение понятия «совокупной семантики словообразовательного ряда» основывается на его соотношении с понятием ***семантический объём ряда***. Термин *семантический объём ряда* обозначает количество значений всех составляющих тот или иной ряд производных слов того или иного словообразовательного типа. Порядок вхождения словообразовательных значений производных слов словообразовательного ряда в его семантическую структуру нерелевантен для семантического объёма, но значим для «совокупной» семантики.

Семантическое различие между прилагательными разных и одних и тех же рядов в большей мере заключается не столько в их мотивированности / немотивированности, сколько в самом характере признакового значения, его качественности. Прилагательные аналитически выражают те признаки, которые содержатся в значении(ях) поясняемых ими существительных и других частей речи.

Словообразовательные значения, которые свойственны словообразовательным рядам прилагательных, в современном русском языке представлены достаточно разветвлённой сетью производных слов и словообразовательных аффиксов. Эта система различается, во-первых, уровнем своей обобщённости, во-вторых, ролью в системе и средствами выражения. Несколько уступают общей системе словообразовательных значений в словообразовательных рядах многозначные прилагательные.

В префиксальных, суффиксальных и конфиксальных словообразовательных рядах прилагательные выражают значения, что уточняют, конкретизируют характер отношения к тому, что названо мотивирующим словом.

Систематизировав типовые и подтиповые значения прилагательных с позиции их функционального употребления, можно выделить три инвариантных словообразовательных значения производных суффиксальных словообразовательных рядов:

(1) функциональные значения – производные рядов на =ев(ый)/=ов(ый), =ебн(ый), =альн(ый)/=ильн(ый), =тельн(ый)/=ительн(ый), =ированн(ый), =ск(ий), =н(ый). =льн(ый), ск(ий)/=тельск(ий), =онн(ый), =Ø=, =ом(ый)/=ем(ый)/=им(ый), =к(ий), =абельн(ый), =чат(ый), =уч(ий)/=ач(ий), =лив(ый)/=чив(ый)/=ив(ый), =ав(ый)/=ляв(ый), =ущ(ий)/=ащ(ий), =ч(ий), =т(ый), =енн(ый)/=нн(ый), =л(ый)/=ий, =ическ(ий), =ианск(ий);

(2) структурные (квантитативные) значения – производные словообразовательных рядов на =ат(ый), =чат(ый), =ан(ый), =овит(ый), =оват(ый), =ов(ый), =лив(ый), =н(ый). =ак(ий), =ственн(ый), =ащ(ий), =ск(ий);

(3) темпоральное и локативное значения – ряды на =ов(ый), =онн(ый), =енн(ый) (в сочетании с префиксами до=, по=, после=, перед=, меж=).

Соотношение словообразовательных значений и их морфологических показателей в системе адъективных словообразовательных рядов русского языка можно представить двумя способами, согласно О. Есперсену: от заданных значений к формальным способам их выражения и от формальных единиц выражения к значениям, ими индицируемым.

В сфере деривационной морфологии среди суффиксальных рядов царит закон морфологической асимметрии: все словообразовательные значения не оказываются связанными только с одним способом выражения. Исключение составляют префиксальные ряды. В основном, все аффиксы, в особенности суффиксы, демонстрируют способность выступать маркерами нескольких словообразовательных значений производных слов одного и того же словообразовательного ряда.

Другая особенность состоит в том, что более универсальные словообразовательные значения имеют большую систему формальных средств выражения. Ср., например, значения «отношение к предмету, явлению, количеству», «обладание отличительным признаком», «склонный, способный к выражению действия», «имеющий свойства», средства выражения которых в системе словообразовательных рядов прилагательных весьма многочисленны. Наоборот, значения упорядоченности, подчиненности, совместности в плане формальных показателей их выражения немногочисленны. Это небольшие по объёму закрытые группы производных слов. Сравнение формальных средств по числу выражаемых ими словообразовательных значений прилагательных префиксальных и суффиксальных рядов вскрывает определённые различия в классе аффиксальных морфем между транспонирующими и модифицирующими аффиксами, в частности между суффиксами и префиксами.

В связи с вышеизложенным вполне реальным звучит тезис о том, что явление морфологической асимметрии в системе словообразования, указание одним аффиксом целой гаммы значений и выражение словообразовательного значения целым набором аффиксов заключает в себе основную причину тех, до сих пор непреодолённых трудностей, которые возникают при попытках моделирования словообразовательных процессов и детерминируют неразрешимость на данном этапе научного знания многих задач словообразовательного синтеза.

Бесспорно, теория ФСП считается основой одной из современных технологий описания языка, кроме того, по нашему мнению, данная концепция может

применяться для исследования любых явлений объективной действительности, а не только языковых.

Библиографические ссылки

1. **Беднарская Л. Д**. Основные закономерности в развитии сложного предложения в языке русской художественной прозы XIX–XX столетий : монография / Л. Д. Беднарская. – М., 1994. – 196 с.
2. **Бондарко А. В.** Грамматическое значение и смысл / А. В. Бондарко. – Л., 1978. – 179 с.
3. **Бондарко А. В.** Функциональная грамматика / А. В. Бондарко. – Л., 1984. – 208 с.
4. **Heyse K.** System der Sprach Wissenschaft / K. Heyse. – Berlin, 1856. – 328 с.
5. **Trier J.** Sprachliche Felder / Jost Trier // Zeitschrift für deutsche Bildung, 8, Vol. 1. – Heidelberg, 1932. – P. 417–427.

Надійшла до редколегії 14.02.12

УДК [811.161.2+811.162.4]'373

І. М. Шпітько

Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара

ТЕРМІНИ КРОВНОЇ СПОРІДНЕНОСТІ В УКРАЇНСЬКІЙ І СЛОВАЦЬКІЙ МОВАХ

Проаналізовано терміни кровної спорідненості першого ступеня в українській і словацькій мовах. Виявлено їхні загальні та специфічні риси, описано процеси формування структурно нетотожних термінів у різних слов'янських ареалах, стилістичні синоніми та деривати.

Ключові слова: терміни спорідненості, праслов'янська мова, фонетичний закон, стилістичні синоніми.

Проанализированы термины кровного родства первой степени в украинском и словацком языках. Определены их общие и специфические черты, описаны процессы формирования структурно нетождественных терминов в разных славянских ареалах, стилистические синонимы и дериваты.

Ключевые слова: термины родства, праславянский язык, фонетический закон, стилистические синонимы.

The terms of the first degree of consanguinity in the Ukrainian and Slovak languages are analyzed. Their common and specific features are identified, the processes of formation of structurally non-identical terms in different habitats of the Slavic, stylistic synonyms and derivatives are described.

Keywords: kinship terms, Proto-Slavic language, phonetic law, stylistic synonyms.

Зіставне вивчення мов – одна з найбільш привабливих галузей сучасної лінгвістики. Це пізнання різних мовних картин світу, неповторних мовних культур, національних особливостей сприйняття людьми світу. На сучасному етапі розвитку мовознавства зіставне вивчення лексичних систем відстає від інших рівнів – фонетики та граматики [11, с. 16]. Слов'янська зіставна лексикологія, як особливий розділ слов'янського мовознавства, знаходиться на стадії формування й вимагає більш широкого масштабу досліджень, ніж інші розділи. Тому останні роки характеризуються посиленою увагою саме до системного аналізу лексики та поглибленого вивчення лексико-семантичних груп.

© Шпітько І. М., 2012

У зв'язку з цим лексико-семантична група «терміни спорідненості» (далі – ТС) постійно привертає увагу дослідників. Вона має такі якості, які дозволяють вважати її одним з найзручніших об'єктів для аналізу. По-перше, це давність походження найменувань за спорідненістю. Друга важлива ознака цієї лексико-семантичної групи – сувора системність і побудова за принципом термінологічних полів. І третя ознака групи – це широке і активне вживання її складових у мовленні будь-яким носієм мови [15].

У слов'янському мовознавстві ТС досліджувалися на матеріалі російської [13], української мов [3], для контрастивного аналізу залучалися російська й білоруська [10], чеська й словацька [20], російська й чеська мови [12]. Етимологічне трактування термінів спорідненості належить О. М. Трубачову [17].

У контрастивному плані ТС вивчалися на матеріалі слов'янських та інших індоєвропейських [7; 2], а також типологічно неспоріднених мов [1; 14].

Отже, терміни спорідненості неодноразово ставали об'єктом пильної уваги вчених. Проте історія їх форм і значень, стилістичні функції, розповсюдженість, словотвірна потенційність тощо в тому чи іншому слов'янському ареалі залишаються недостатньо дослідженими.

Пропонована стаття присвячується дослідженню термінів кровної спорідненості в мовних системах словацької й української мов. Семантична й структурна характеристика українських і словацьких ТС, їх функціонування в системах порівнюваних мов дотепер у працях із зіставного мовознавства не висвітлювалися, що й засвідчує актуальність цього дослідження.

Найчастіше для порівняльного дослідження обиралися російська й чеська мови, оскільки майже ціле століття саме вони презентували мови таких потужних слов'янських держав, як СРСР та Чехословаччина, а словацька й українська мови, зазнаючи певного утиску, не були предметом зіставних досліджень. Сьогодні українську та словацьку мови об'єднує не лише слов'янське генетичне коріння, а немало спільного і в їхній подальшій історії. Так само, як українська мова розвивалася свого часу в тісному контакті з російською мовою, словацька протягом тривалого історичного періоду була переплетена з чеською. Зовсім недавно ці дві мови – і українська, і словацька – унаслідок схожих позамовних чинників отримали статус державних і тому все частіше стають предметом порівняльних досліджень.

Основною метою є з'ясування загальних і специфічних рис термінів кровної спорідненості першого ступеня української та словацької систем, адже саме вони, крім того, що належать до найдавнішого пласту лексики слов'янських мов, є чи не найбільш уживаними у процесах комунікації.

Терміни спорідненості – не безладний набір слів, вони позначають певну систему. Їх сутність полягає у тому, що з безлічі родинних відносин вони виділяють ті, які є найнеобхіднішими. ТС виступають як альтернативи власним іменам у мікросоціумах мовців. Слово «термін» у сполученні *терміни спорідненості* використовується не в суворо закріпленому за цим поняттям значенні, для якого характерна однозначність і відсутність особливого емоціонального забарвлення. У лінгвістиці воно часто використовується в найрізноманітніших значеннях. Так, за давно усталеними традиціями, говорять і про терміни спорідненості [8].

Услід за Л. Б. Ніколаєвою, під терміном спорідненості розуміємо лексичну одиницю, основним значенням якої є позначення особи за спорідненістю, нейтральну за своїм стилістичним та емоційним забарвленням [14].

Слов'янські ТС є продовженням індоєвропейської системи ТС. Вони сягають своїми джерелами різних хронологічних зрізів існування. У зв'язку з цим диференціюються загальноіндоєвропейські паралелі; паралелі, що належать до пра-

слов'янської епохи (вони також мають індоєвропейські витоки); ТС, що відображають період самостійного розвитку слов'янських мов.

Терміни спорідненості вчені поділяють на терміни кровної спорідненості (*батько, мати, син, дочка, брат, сестра, дід, баба, внук, онука, племінник, племінниця, дядько й тітка)* та терміни свояцтва *(наречена, наречений, чоловік, дружина, вдова, свекор, свекруха* тощо) [17]. З певним застереженням відносять і терміни *батьки* та *діти*, оскільки вони є своєрідними за формою (pl. tantum) і за семантикою, адже позначають не одну особу, а сукупність осіб: *батьки* «батько й мати», *діти* «сини та/або дочки» [13, с. 121].

Українські й словацькі терміни кровної спорідненості першого ступеня (усього виділяють шість ступенів спорідненості) розподіляємо на дві групи залежно від їхнього формального вираження. Першу формують ті, які в обох мовах мають подібну будову: *мати – mať, син – syn.* Друга група – це ТС, які в період розпаду праслов'янської мови та самостійного розвитку слов'янських мов зазнали певних змін: укр. *батько* – словац. *otec,* укр. *дочка* – словац. *dcéra.* На думку В. М. Ярцевої, особливий інтерес у зіставному дослідженні становлять риси не спільні, а специфічні [19, с. 239], тому вважаємо доречним зупинитися саме на ТС другої групи.

У більшості слов'янських мов як основна назва батька в значенні «чоловік стосовно до своїх дітей» зберігся в різних фонетичних варіантах термін **otьcь:* рос. *отец*, чеськ. *otec,* слц. *otec,* пол. *ojciec,* срб. *отац*, хрв. *otac,* слн. *оče,* макед. *отец*. Однак в українській, білоруській і болгарській мовах він фактично вибув з ужитку і його заступили укр. *батько,* біл. *бацька,* болг. *баща* [5, с. 541].

У мовознавстві висувалися різні припущення щодо походження праслов'янського**otьcь*. Найбільш визнаною є етимологія О. М. Трубачова, який вважає, що **otьcь* утворено з індоєвропейського **attikós (*otьcь* < **att-iko-s* < **ătta* «отец»*),* у якому суфікс *-ikos* виражав присвійність [17, с. 25].

Не існує єдиної думки щодо етимології українського *батько.* А. А. Бурячок припускає, що лексема *батько* є похідним утворенням від давньоруського **БАТѦ** у значенні «тато», зафіксованим у пам'ятках давньоруської мови, і «могло стилістично протиставлятись слову ОТЬСЬ, яке в той період належало до «нейтрального» і «високого» стилів» [3, с. 11]. Елемент *-к-* є змертвілим суфіксом, що втратив своє первісне значення демінутивності [там же].

Іншу думку висловлює Ф. П. Філін. Порівнюючи болг. *бáте* «старший брат» і чеське *báťa* «брат матері» з д.-руськ. **БАТѦ** «рідний батько», учений робить припущення, що це слово первісно вживалося на означення старшого брата, який часто для молодшого виступав замість батька, або дядька по матері, що відігравав велику роль у родовому суспільстві в сімейній общині, маючи нерідко можливість бути главою великої сім'ї [18, с. 333]. Важко погодитись з Ф. П. Філіним про первісне значення цієї лексеми як «дядько по матері». У науці відомим є той факт, що в праслов'янській (а також і в індоєвропейській) системі свояцтва наявні терміни на позначення родичів чоловіка, але відсутні на позначення родичів дружини, оскільки вони належали до іншого роду [14, с. 158]. Тому, гадаємо, що значення «дядько по матері», на яке вказує Ф. П. Філін, могло розвинутися пізніше, так само, як і інші значення цієї лексеми в різних слов'янських мовах. Приєднуємося до думки Бернекера та П. Лавровського, які визначають споконвічність у слов'янського *batę* значення «старший брат» [17, с. 21]. Підтвердженням цього можуть слугувати історичні дані про особливості сімейного ладу в давніх слов'ян, які мали дуже велику родину і, дійсно, функції батька міг виконувати старший син, якого інші діти родини й називали **baťa*. Отже, як зазначає О. М. Трубачов, етимологія цього слова залишається недостатньо з'ясованою [там же].

У слов'янських ареалах розвиток семантики праслов'янського **baťa* відбувався по-різному.

Так, в українській мові це найменування збережено в розмовному стилі, у якому функціонує в значенні «рідний батько» та як «ввічливе звертання до чоловіка похилого віку» [4, с. 39]. Воно стало твірним для ТС *батько,* який із значенням «чоловік стосовно до своїх дітей», за свідченням І. С. Козирєва, активізувався у своєму використанні в старобілоруських і староукраїнських пам'ятках писемності з кінця XV ст. [10, с. 12]. А. А. Бурячок зазначає першу фіксацію дериватівного *батько* у 1504 році в записці царя Івана III до своєї дочки Олени [3, с. 13].

У словацькій мові лексема *báťa* та її дериват *baťko* втратили сему «спорідненість», а розвинули нове значення, «знайомий старший чоловік». Ці найменування використовуються у зверненні або у сполученні з ім'ям: *Čože máte nového, báťa Tomášik? – spytujeme sa ho* (Taj.); *báťa Sručík rozprával o svojej nohe* (Vans.) [23].

Отже, сучасні українська й словацька мови послуговуються різними термінами на позначення «чоловіка стосовно своїх дітей» – *батько* й *otec*. Словацька мова зберегла праслов'янську лексичну одиницю, а українська мова у процесі свого самостійного розвитку набула іншої.

ТС *батько / otec,* виступаючи твірними словами, формують в українській і словацькій мовах деривати різного характеру. Лексема *батько,* не маючи конотативної семи, є стилістично нейтральною – відповідно й її похідні *(батьки, батьківство, батьківщина, батьків, батьківський* тощо) позбавлені цієї семи. Демінутивні найменування *батуньо, батусь, батусьо, батенько, батечко, батіночко* в українській мові утворено від давньої за походженням лексеми *батя* (див.: [9, с. 41]). На нашу думку, наявність таких дериватів доводить: 1) наявність у праслов'янського найменування **baťa* значення «чоловік стосовно до своїх дітей» на тій слов'янській території, яку заселяли носії майбутньої української мови, 2) давність номінацій із зменшено-пестливим значенням від лексеми **baťa,* які активно функціонують і нині, 3) похідність сучасного ТС *батько* від давньої основи **baťa.* У словацькій мові лексема *otec*, за даними М. Іванової-Шалінгової, має вісім похідних із демінутивним значенням: *otecko, oco, ocko, ocino, ocinko, ocík, oťo, oťko* [20, с. 361]: *To je môj ... náš ocinko. Nepreháňaj to, ocino, s tou rýchlosťou!* (Ľ. Igondová).

Найбільш поширеними стилістичними синонімами до назв *батько / otec* в порівнюваних мовах є укр. ***мамо*** й словац. ***tata***. Лексикографічні видання так фіксують їхні значення: **тато**, *розм.* Те саме, що **батько 1.** [4, с. 1232]; **tata** -u, **tato** -a mn. -ovia m. hypok. *otec* [21, с. 762]. У обох мовах вони є гіпокористичними, тобто використовуються як ніжно-пестливі в домашньому, родинному колі. Про давнє походження цих номінацій свідчить їхня наявність не лише в слов'янських мовах, а також і в деяких індоєвропейських (див.: [5]). Дуже поширеною є думка, про зв'язок слів *мамо / tata* з дитячим мовленням [5; 22, с. 652]. Але сучасні дослідники вважають, що слов'янські форми цієї лексеми (пор. укр. *мамо,* польськ. *tata,* чеськ. *táta,* словац. *tata,* срб. *матко*) продовжують окремі варіанти індоєвропейської форми **tata,* яка, на думку О. М. Трубачова, має етимологічний зв'язок з **ătta* через редуплікацію основи і також використовувалася для позначення батька [17, с. 23].

В українській і словацькій мовах лексеми *мамо / tata* виступають базовими одиницями для формування ряду демінутивів: укр. *мамо – татенько, татко, татонько, татуньо, татусенько, татунь, татусь, татусечко* тощо [9, с. 813]; словац. *tata – tato, tati, tatko, tatíčko, tatík, tatuško, tatuľo, tatuš, tatušo, tatuško* [20, с. 361; 23]: *Не клич дарма* ***татусенька****: не вернеш ніколи* (П. Г.-Артем.), ***Татуню,***

любий, золотий, піду за нього (Укр. нар. казки); *dobrý* ***tatíčko*** (Hviezd.); ***Tato, tatíčko,*** *vyhrali sme* (Tat.); ***tatíček*** *zlatý* (Podj., Kuk.) [23].

В українській мові похідні від *mamo*, які б виражали поняття, не пов'язані з родинними стосунками, не трапляються. Проте в словацькій мові лексема *tatko* використовується, крім основного значення, в переносному: так іменують улюбленого старшого співробітника або очільника (*bol* ***tatkom*** *dielne* [21, с. 762]).

Отже, українській і словацькій мовам здавна відомі кілька номінацій батька. До стилістично нейтральних у обох мовах належать різні за походженням ТС: праслов'янський *otec* у словацькій мові та власне український – *батько.* У розмовному стилі цих мов функціонують праслов'янські за походженням найменування – укр. *mamo* й словац. *tata.*

На позначення особи жіночої статі стосовно до своїх батьків у сучасних українській і словацькій мовах використовуються фонетично різні лексеми: укр. *дочка* – словац. *dcéra,* які походять з праслов'янської форми **dъkti.* Формування цих форм припадає на період розпаду праслов'янської мови, коли відбувалося завершення процесу перехідної палаталізації колишнього звукосполучення **kť*. Так, відомо, що праслов'янське звукосполучення **kť* перед голосним переднього ряду **i* в східнослов'янських говорах перетворилось у м'яку шиплячу африкату *č,* а в західнослов'янських діалектах – у м'який свистячий африкат *c′* [5, с. 70]. Учені відзначають, що українська лексема *дочка* сягає своїм корінням форми *дъчи.* Давньоруські пам'ятки раннього періоду зафіксували саме таку форму, яка з часом зазнала змін – перехід редукованого голосного в сильній позиції під наголосом у голосний повного творення (*ъ > о). Проте пам'ятки староукраїнської мови форму *дочи* відбивають дуже рідко, використовуючи натомість стилістично нейтральне *доч(ь)ка,* яке розвинулося з давньоруського *дъчька*, що первісно сприймалося як демінутив до *дъчи.* З кінця XVIII ст. в українській літературній мові спостерігається лише лексема *дочка* [3, с. 37]. Отже, сучасне українське *дочка* вже не сприймається як демінутивне утворення, а як цілком стилістично нейтральне. Проте, якщо його порівняти з російським *дочь*, то очевидним стає його етимологічна членованість на корінь *доч-* і суфікс *-к-*. Лексему *донька* сучасні українські лексикографічні словники фіксують з поміткою «розмовне» [4, с. 239], але, як засвідчує життя, воно вступає в конкуренцію із словом *дочка* і успішно її витримує.

Розвиток праслов'янської форми **dъkti* у словацькій мові відбувався по-іншому, ніж в українській. Словацька мова разом із чеською формує окрему південно-західну підгрупу західнослов'янської групи, протиставляючись польській та лужицьким мовам. До розпаду праслов'янської мови такий давній пласт лексики, як назви спорідненості, у словацькій і чеській мовах розвивався подібним шляхом, адже відрізнятися вони почали одразу після розпаду слов'янської єдності [24]. Тому словацьке *dcéra*, так само як і чеське *dcera*, походить від старочеської форми *dci* [22, с. 123], яка, як зазначалося вище, сформувалася від праслов'янської **dъkti* в результаті занепаду в слабкій позиції редукованого *ъ та переходу **kť* у західнослов'янських мовах у м'який *c′.* Наступний етап у процесі творення словац. *dcéra* та чеськ. *dcera* пов'язаний з переходом праслов'янської форми родового відмінка **dъktere* до типу відмінювання **žena,* що й спричинило їхню морфемну трансформацію (коренева морфема *dcér- / dcer-* та закінчення -а) [22, с. 123]. Отже, у словацькій мові в результаті дії фонетичних законів та морфологічних переходів, які характерні для періоду розпаду праслов'янської мови, закріпився ТС *dcéra.*

Виразно пестливе значення мають широковживані українські й словацькі похідні утворення*: доня, доненька, донечка / dcérka, dcéruška, dcérenka, dcérečka:* укр. ***Доня*** *до неї притулилася, як пташеня в бурю* (В. Барка); *Яка-то вона тепер,*

моя маленька ***донечка****?* (М. Коцюб.), *Така в мене* ***донечка*** *є маленька* (П. Загреб.), словац. *Priniesla som tú* ***dcérenku,*** *tú princeznú, sto korún som za ňu musela dať; A* ***dcéruška*** *mlčí a po chvíľočke mlčania odpovedá priduseným hlasom* [23].

В обох мовах ці форми використовуються у звертанні не тільки до дочки, а й до невістки, до будь-якої дівчини або жінки, значно молодшої віком [4, с. 245; 23].

Порівняльний аналіз ТС української та словацької мов дозволяє зробити низку висновків. За історичний період розвитку досліджувана термінологічна система української й словацької мов зазнала певних змін. Праслов'янські терміни першого ступеня кровної спорідненості **otьcь, * mati, *synъ, *dъkti* зберігають у зіставлюваних мовах своє основне лексичне значення, певним чином видозмінюючи форму. Якщо словацька мова послуговується найдавнішими праслов'янськими ТС, то українська мова в період самостійного формування втрачає деякі з них і набуває інших. Більше подібностей між досліджуваними мовами виявлено в розмовному стилі, у якому функціонують найменування праслов'янської епохи.

Бібліографічні посилання

1. **Альбекова А. Ш.** Лексико-семантические особенности терминов родства в русском и казахском языках / А. Ш. Альбекова. – Режим доступа : http://www.rusnauka.com/.
2. **Близнюк О. В.** Сопоставительный семантический анализ терминов родства в различных лингвокультурах / О. В. Близнюк. – Режим доступа : http://www.dissercat.com/content/.
3. **Бурячок А. А.** Назви спорідненості і свояцтва в українській мові / А. А. Бурячок. – К. : АН УРСР, 1961. – 150 с.
4. **Великий тлумачний словник сучасної української мови** / уклад. і голов. ред. В. Т. Бусел. – К. : Ірпінь : ВТФ «Перун», 2003. – 1440 с.
5. **Вступ до порівняльно-історичного вивчення слов'янських мов**. – К. : Наук. думка, 1966. – 596 с.
6. **Етимологічний словник української мови** : в 7 т. – Режим доступу : http://litopys.org.ua/ djvu/etymolog_slovnyk.htm.
7. **Исаченко А. В.** Термин-описание или термин-название? / А. В. Исаченко // Славянска лингвистична терминология. – София : БАН, 1962. – С. 21–28.
8. **Капанадзе Л. А.** О понятиях «Термин» и «Терминология» / Л. А. Капанадзе // Развитие лексики современного русского языка. – М. : Наука, 1965. – С. 75–85.
9. **Карпіловська Є. А.** Кореневий гніздовий словник української мови / Є. А. Карпіловська. – К. : Вид-во «Українська енциклопедія» імені М. Б. Бажана, 2002. – 910 с.
10. **Козырев И. С.** Из истории развития терминологии родства в русском и белорусском языках / И. С. Козырев // Русская историческая лексикология. – М. : Наука, 1968. – С. 3–19.
11. **Манакин В. Н.** Сопоставительная лексикология / В. Н. Манакин. – К. : Знання, 2004. – 326 с.
12. **Микитенко Н. Ю.** Сопоставительный анализ русских и чешских терминов родства (в диахронии и синхронии) / Н. Ю. Микитенко. – Режим доступа : http://www.dslib.net/sravnit-jazykoved/.
13. **Моисеев А. И.** Термины родства в современном русском языке / А. И. Моисеев // Филологические науки. – 1963 – № 3 – С. 120–132.
14. **Ніколаєва Л. Б.** Типологія термінів спорідненості / Л. Б. Ніколаєва. – Режим доступу : http://www.disslib.org/.
15. **Николенко О. Ю.** Лексико-семантическая группа наименований родства: функционирование, эволюция, словообразовательные потенции: на материале речи жителей г. Омска / Ю. О. Николенко. – Режим доступа : http://www.dissercat.com/content/.
16. **Супрун А. Е.** Введение в славянскую филологию / А. Е. Супрун. – Минск : Высшая школа, 1989. – 480 с.

17. **Трубачев О. Н.** История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя / О. Н. Трубачов. – М. : URSS, 2009. – 240 с.
18. **Филин Ф. П.** О терминах родства и родственных отношениях в древнерусском литературном языке / Ф. П. Филин // Язык и мышление. – М.–Л., 1948. – Т. XI.
19. **Ярцева В. Н.** Контрастивная лингвистика / В. Н. Ярцева // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990.
20. **Ivanová-Šalingová M.** Opríbuzenských názvoch v slovenčine a češtine / M. Ivanová-Šalingová // Slovenská reč, Ročník 42. – 1977. – Č. 6. – S. 356–365.
21. **Krátky slovník slovenského jazyka**. – Bratislava : Veda, 2003. – 985 s.
22. **Rejzek, J.** Český etymologický slovník / J. Rejzek. – Praha : LEDA, 2001. – 752 s.
23. http://slovniky.korpus.sk.
24. http://www.slovnik.org/ru/Misc/history.html.

Надійшла до редколегії 16.01.12

УДК 811.161.1'38

Ю. Ю. Яблонская

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ АССОЦИАТИВНО-ЭМОТИВНЫХ СЛОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ «ПРАКТИЧЕСКИЕ ЭМОЦИИ» В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ (на материале поэзии Ю. Шевчука)

Розглянуто польову структуру найменувань практичних емоцій у контексті поезії Ю. Шевчука: систематизовано корпус лексичних одиниць, які формують лексико-семантичну групу «практичні емоції»; вивчено мовні механізми репрезентації емоцій в поетичних текстах; проаналізовано польову структуру ЛСГ «практичні емоції» з точки зору ядерної і периферійної зон залежно від частоти вживання.

Ключові слова: практичні емоції, поезія, лексико-семантичне поле, лексико-семантична група, контекст, ядро, периферія, частота.

Рассмотрена полевая структура наименований практических эмоций в контексте поэзии Ю. Шевчука: систематизирован корпус лексических единиц, формирующих лексико-семантическую группу «практические эмоции»; изучены языковые механизмы репрезентации эмоций в поэтических текстах; проанализирована полевая структура ЛСГ «практические эмоции» с точки зрения ядерной и периферийной зон в зависимости от частотности употребления.

Ключевые слова: практические эмоции, поэзия, лексико-семантическое поле, лексико-семантическая группа, контекст, ядро, периферия, частота.

The article deals with field structure of the practical emotions in J. Shevchuck`s poetry context. To do it we systematize the corps of lexical units, which form semantic group "practical emotions", we studied linguistic mechanism of emotional representation in poetry texts. It also analyses field structure of the practical emotions standpoint of the nuclear and peripheral zones according to frequency of usage.

Keywords: practical emotions, poetry, semantic group, context, nuclear, periphery, frequency, semantic field.

Распределение эмоций по семантическим компонентам языковых единиц и по семантическим типам лексики представляет собой актуальную общеязыковедческую проблему [8, с. 5]. Исследованием эмотивной стороны языка занимались и продолжают заниматься многие лингвисты, в частности М. М. Бахтин,

© Яблонская Ю. Ю., 2012

В. И. Болотов Э. А. Вайгла, Л. С. Выготский, Г. М. Кафтанова, Н. А. Лукьянова, Ю. А. Сорокин, И. В. Томашевский, В. И. Шаховский и др.

Однако на данном этапе развития языкознания тема репрезентации слов со значением «эмоции» в художественной речи современных поэтов является благодатной почвой для разнообразных лингвистических исследований, что обусловливает **актуальность** нашей статьи, **целью** которой является изучение механизмов реализации слов со значением «практические эмоции» в художественной речи русского рок-поэта Юрия Шевчука. В связи с заявленной целью исследования нам необходимо решить следующие **задачи**: 1) обосновать: а) наше обращение к языку рок-поэзии; б) наше видение структуры лексико-семантического поля (далее – ЛСП) «Чувство»; 2) рассмотреть лексико-семантическую группу (далее – ЛСГ) «практические эмоции» в контексте ЛСП «Чувство» на материале поэзии Ю. Шевчука.

Конец XX – начало XXI в. отмечены повышенным интересом молодежи к рок-культуре, которая стала ведущим направлением в формировании мировоззрения и способом жизни молодежи, «рок-н-ролл для нее – это экзистенциальный прорыв нового поколения» [1, с. 65]. Многие журналисты, занимающиеся современной молодежной культурой, обратили свое внимание и на рок-поэзию, ими были сделаны первые шаги, направленные на изучение текстов рок-песен (например, И. Смирнов, А. Кузнецов), но научных работ (литературоведческих, лингвистических) по исследованию рок-поэзии пока недостаточно. С точки зрения поэтической речи рок-культуру изучают такие современные исследователи, как К. Алабужев, А. Дидуров, О. Каневская, А. Кузнецов, О. Маркелова, И. Смирнов и др. Ученые отмечают особое внимание рок-поэтов к слову, высокую образность текстов песен. Исследователь рок-поэзии Е. Борисов писал: «Поэтический текст сродни дневнику, а побуждение его коренится в глубоко личном желании высказаться о частном, но невыносимо остром для сокрытия в душе переживании» [7, с. 5].

Избранная для анализа группа лексики изучается как компонент ЛСП «Чувство». Проблема сущности и статуса семантического поля относительно других системных объединений остается дискуссионной [5, с. 1]. Укажем, что в нашем видении ЛСП, объединяющее совокупность лексических и лексико-фразеологических единиц, связанных общей темой, представляет собой ядерно-полевое образование, в котором, в свою очередь, выделяются фрагменты, или парцеллы, представленные ЛСГ.

ЛСП имеет ядро и периферию. В ядре содержатся наиболее значимые, важные слова. Периферия обширна, в ней находятся лексемы из других ЛСГ, которые лишь по отдельным семам включаются в исходную. Периферия создает неустойчивость каждой подсистемы, но она же является и основой для связи подсистемы в единую систему [6, с. 92].

В данном исследовании нас интересует класс ассоциативно-эмотивных слов, в которых денотативным содержанием являются объективные свойства эмоций.

По нашему мнению, ЛСП «Чувство», существующее в русском языке, наилучшим образом можно структурировать, соотнеся его с классификацией эмоций по Б. И. Додонову [см. 3, с. 123]. При таком подходе каждая группа эмоций будет репрезентирована отдельной ЛСГ в составе поля.

Для нашего исследования также актуален тезис В. И. Шаховского: «Во всем инвентаре эмоций четко прослеживаются ядерные и периферийные эмоции: те, которые наиболее часто испытывает человек и те, в которых потребность человека относительно невелика. При речевой коммуникации четко прослеживается это деление эмоций. Поэтому для лингвистического анализа речевых моделей вполне

достаточно ограничиться наиболее частотными, так называемыми фундаментальными эмоциями» [8, с. 90].

Практические эмоции «вызываются деятельностью, ее изменениями, успешностью или неуспешностью, трудностями осуществления» [3, с. 123]. К данной группе эмоций исследователи относят «желание достичь успеха в работе, чувство напряжения, увлеченность работой, приятную усталость, удовлетворение результатами своего труда» [2, с. 229]. В речи эти эмоции выражаются, по нашему мнению, следующими ассоциативно-эмоциональными словами: *усталость, трудно, тяжело, легко, нелегко, просто, непросто, стремление, лень*; различными формами этих слов, их производящими и производными от их основ. Прежде чем приступить к рассмотрению функционирования ассоциативно-эмотивных слов со значением «практические эмоции», отметим обилие указанных лексем в текстах Шевчука, посвященных творчеству, но в то же время относительно низкую частоту в массиве стихов поэта вообще. Такое распределение лексем с практической семантикой объясняется, с нашей точки зрения, свойственным рок-поэту пониманием творчества как ведущей деятельности и основной цели жизни.

Усталость – наиболее частотная в стихах Шевчука ассоциативно-эмотивная лексема с практической семантикой. Зачастую в текстах поэта расширяется традиционное понимание указанного абстрактного явления: люди устают не только от физического или умственного труда, но и от понимания враждебных законов жизни, от тяжести накопленного негативного опыта: ***Усталые*** *медсестры, / Раскинув крылья рук, / Застыли на плечах / Стреноженных столов* [«Больница белая…», с. 62*]; *Одноразовая жизнь в мире номер раз, / Я* ***устал*** *выживать, носить рот, глаз, таз* [Одноразовая жизнь**]; *Мама, разбуди черным вечером, / Мама, чтоб я ночь не проспал, / Мама, я уйду, как намечено, / Мама, как я* ***устал****...* [Свобода**]; *Народ меня ждёт, да я, к сожаленью,* ***устал.*** */ О, только не надо меня, пожалуйста, бить* [Пост-интеллигент**]. Кроме того, уставать могут и персонифицированные посредством предикативной метафоры абстрактные и конкретные понятия: *любовь, смерть, взгляд, душа, могилы, жизнь*. *И* ***устала*** *любовь смотреть на весы, / И мечта у дверей ждет одной колбасы* [Потолок**]. Контекстуальное окружение и глагольная метафора расширяют семантику лексемы *любовь* отрицательным элементом «усталая от поисков выгоды». Рядом сем с негативными коннотациями наполняются слова, синтагматически связанные с лексемами *усталый, устала* в следующих примерах: *Ночь светла, как круги от времени, / Что забросил я в смерть* ***уставшую*** [Новое сердце**]; *Я принес тебе подарок – / Мокрый след на ржавой крыше, / Крик, который не услышишь, / Взгляд* ***усталый*** *на ладони* [Подарок, с. 129]; *Так тревожно и пусто душе, / Что* ***устала*** *от поисков снега* [Рождество, с. 156]; *Антиутопия на ржавом коне / Вскроет могилы* ***уставшие*** *ждать* [Предчувствие, с. 68]. Лексическим эквивалентом глагола *устать* в отдельном микроконтексте выступает словосочетание *выбиться из сил*: *Жизнь дорожает,* ***выбившись из сил*** */ Зализывает раны после драки* [Пропавший без вести, с. 174]. Будучи человеком, умудренным опытом, Шевчук вывел философему, характеризующую людскую зрелость: *Старости нет, есть только* ***усталость*** [Контрреволюция, с. 171]. На основе ассоциативной соотнесенности *старость – усталость* семантика выделенной лексемы расширяется элементом «предвестник смерти». Подобная семантическая трансформация наблюдается в следующем примере: *Я принес тебе подарок… Юность павшую да старость, / И* ***усталость, и усталость*** [Подарок, с. 129].

Лексемы ***трудно, тяжело, легко, просто, непросто, нелегко****,* характеризующие протекание действия, довольно часто встречаются в текстах Шевчука. *Эх,*

трудно *слить унитаз да небо. /* ***Легче*** *крыть это все матом* [Российское танго, с. 94]. Антитеза «трудно – легче» подчеркивает контекстуальную антонимию «*слить унитаз да небо – крыть матом*», репрезентующую противопоставление «действие – бездействие». Реализация вышеназванных слов в текстах песен поэта не сопровождается яркой образностью, поскольку сами по себе эти лексемы описывают ход действия или предмет, отягощая структуру синтагматически связанных с ними слов семами с отрицательными коннотациями: *Не так уж скверно все, друзья, / Хоть в жизни многого нельзя, / И спорить* ***трудновато*** *с небесами* [Привет М**]*; Их* ***тяжелая*** *юность прошла вдалеке от вещей, / Тех, которые так переполнили доверху нас* [Я получил эту роль, с. 34]; *Мы снова встаем, сбросив* ***тяжесть*** *сомнений, / Мы – зерно для твоей целины* [Время, с. 46]; *И* ***трудно*** *верится, что пало / То, с чем боролась вся страна* [Вологда, с. 23]; *Ты думал, что здесь* ***легко*** *встать / Высоко полететь, глубоко не упасть, / Познать этот мир и остаться счастливым* [Герой**]; *И так всё* ***легко*** *соплякам и* ***просто*** *– / Папаша добьется служебного роста* [Мажоры, с. 42]; *Как* ***легко*** *верить в то, что нам с детства долбят, / Сомневаться в чем-либо лень* [Дохлая собака, с. 44]; *Красота, ты здесь родная / Недоступна,* ***нелегка*** [Ларек (Бородино), с. 166].

Ассоциативно-эмотивная лексема **стремление,** обладающая также элементами гностической семантики, нечастотна в поэзии Шевчука: *Дай мне оправдать твою безжалостную милость / Верными аккордами подыскать ключи / В сад, где все начала, все концы, куда* ***стремились*** */ Мы, когда нас резали и штопали врачи* [Вальс, с. 157]; *Я – память без добра. / Я – знанье без* ***стремлений*** [Церковь, с. 48]. Словосочетания «*память без добра*» и «*знанье без стремлений*» объединены отношениями синтаксического параллелизма на основе общего признака «бессмысленность».

Лексема ***лень*** в значении «отсутствие желания действовать, трудиться» [4, с. 323] обозначает астеническую разновидность практических эмоций. У Шевчука указанная лексема встречается редко: *Уважайте, братцы, Русь, / Стыдно нам* ***лениться****, / Вон по три халтуры в день / Лепит «Синя птица»!* [Частушки**]. Контекстуальное соседство с элементами *стыдно, халтура*, отягощает семантику выделенной лексемы дополнительными элементами значения «постыдная», «непорядочная».

Отдельно очертим массив лексем, содержащих в своей семантике элементы, которые выражают практические эмоции опосредованно. Обширную группу в указанном массиве лексем можно объединить под общим названием **«процессы и результаты работы и творчества»**. Указанную группу составляют элементы ***труд, служба, работа, пахать, движения, лепить, создать, не спать, искусство, стихи, пылкие сонеты, петь***. С исследуемой ЛСГ указанные лексемы соотносятся различными элементами значения практического характера, среди которых «напряжение», «увлеченность», «стремление», «желание увериться в результате».

К труду, так же как и к славе, в разные периоды творчества у Шевчука нет единого отношения. Коннотативная база лексемы ***труд*** в стихах Шевчука, написанных в эпоху СССР, зачастую меняет полярность по сравнению с традиционной узуальной моделью вследствие отягощения семантики слова несвойственным ей элементом «бессмысленный». Такое преобразование объясняется, с нашей точки зрения, нравственными установками рок-поэтов: работа во благо правящей верхушки не принесет пользы простым людям. *Эфемерное счастье, заполнило медом эфир. / Славим радость большого* ***труда****, непонятного смыслом своим* [Я получил эту роль, с. 34]; *Прикрепляя медаль на дырявую грудь, / Намечая ударный* ***трудовой*** *путь, / В райкомовском рае подливая чаек: «Все хорошо! Все нормалек!»*

[Пластун, с. 69]. В известном стихотворении контекстуальное соседство с элементом *конвейер* и общая идейная нагрузка текста отягощает семантику исследуемой лексемы элементом «однообразный»: *Мы конвейром повышаем / Производительность труда!* [Конвейер, с. 50]. В некоторых стихах труд, напротив, выступает творческим преобразующим началом: *Все! Работе конец, наконец-то все чисто и гладко. /* ***Потрудился*** *Юрец-огурец, не страна – шоколадка* [Я остановил время**]. В более поздних стихах поэт представит видение труда как смысла жизни: *Все песни – распроданы, смыслы – утрачены. / Где вы, герои войны и* ***труда****?* [Суббота, с. 63]. Элемент *война* через отношения контекстуальной синонимии сообщает лексеме *труд* элемент значения «героический», а общая идейная нагрузка стихов активирует сему «смысл».

Лексемы с практическими семами ***служба, работа, пахать*** нечастотны в текстах поэта, их выражение не сопровождается яркой образностью: *Контора пьяных дембелей, / За ребра лапая девчат, / О* ***службе*** *матерно кричат / И отгоняют кобелей* [Периферия, с. 31]. Вводя в текст стихов приговорку, поэт подчеркивает показательное разграничение личной и служебной сферы, характерное для жизненной позиции милиционера: *Да лимит, понимаешь, ещё год трубить, / Дружба – дружбой, а* ***служба*** *–* ***службой!*** [Милиционер в Рок-клубе**]. Коннотативная база элемента *работа* меняет полярность в зависимости от контекста: *Я нашел для себя* ***работу****, я сказал слово: / Все исправить, почистить, помыть и запустить снова* [Я остановил время**]. В приведенном примере идейная нагрузка стихов сообщает исследуемой лексеме индивидуально-авторское значение «процесс чудесного преобразования мира», придавая стихам высокую степень образности, в то время как в следующем микроконтексте поэт депоэтизирует процесс работы: *А я лежал, плюя на потолок, /* ***Работа*** *эта шла благополучно* [Блюз**]. Взаимодействуя в контексте с общеязыковым выражением *плюя на потолок,* выделенное слово получает противоположное значение «безделье». Семантика слова *пахать* изобилует элементами значения практического характера: *А мы* ***пахали*** *скромно. Ведал / Делами нашими покой* [Победа**].

Лексемы ***движение, лепить, создать, не спать*** соприкасаются с исследуемой группой ассоциативно-эмотивных слов практическими семами «стараться», «стремиться», «трудно»: *А те, в кого верил, ушли далеко, / И* ***движения*** *их не видны.* [Предчувствие гражданской войны, с. 67]; *Мы* ***лепили*** *Любовь – / Вышла Баба с Веслом* [Новые блокадники**]. Последний отрывок демонстрирует пример употребления метаморфозы, придающей тексту оттенок саркастичности. В соответствии традиционным представлениями, Шевчук в своих стихах подает образ Бога как деятельную, созидающую силу: *Вынувший начало конца, / Заедающий сахаром соль, / Познающий нашу славную боль, /* ***Создавший*** *тёрн для венца* [Он, с. 110]. Элемент *не спать* в некоторых стихах реализует семантику лексем *действовать*, *работать*: *Здесь я не знаю что петь, / Я не знаю, чем быть, / Я научился* ***не спать****, / Но разучился любить* [Глазища**]; *Сколько перьев с неба падает вниз, / Сколько душ* ***не спит*** *у костра* [Он, 110**].

Структуры лексем, обозначающих творческий процесс и его результаты **(искусство, стихи, пылкие сонеты, петь)** во всех стихах Шевчука несут в себе практические семы с положительными коннотациями, что, по нашему мнению, подчеркивает приоритетность для поэта творческой деятельности перед трудовой деятельностью, направленной на благо правительства (ср. с семантическими преобразованиями в слове *труд*). *Я забыл, кем я был, и я проклял* ***искусство*** */ Понял я, что давно боялся этого чувства* [В ресторане, с. 168]. *Если было бы иначе, / То не* ***писал бы стихи*** *я. / Если было бы по-другому, / Прошел бы мимо иконы* [«Мой коллега вещал мне…» с. 173]. Сближение выражений *не писал бы стихи я* и *про-*

шел бы мимо иконы в отношениях синтаксического параллелизма передает мысли поэта о стихах как о чем-то святом, как о явлении божественной природы. Семами «божественный», «нереальный», «потусторонний» обогащается структура исследуемого слова в следующем примере: *В этой длинной стране дураки умирают спеша, / Чтобы, снова родившись, писать неземные* ***стихи***. [«Соскочивший с дороги…», 117). Гораздо реже поэт депоэтизирует результаты творческого труда: *Зевает скучно, / Бледная луна / Плюет на наши* ***пылкие сонеты*** [«К чему реке…», с. 15]. Контекстуальное соседство с элементами *зевает, скучно, плюет* нивелируют образность выделенного атрибутивного словосочетания.

Отношение поэта к песням и пению также исключительно: эти понятия мыслятся как суть жизни. *Прости, что* ***пою****, что не умер осенним дождем* [Журналист, с. 146]. Лексема *петь*, которая в данном микроконтексте выступает антонимом слову *умереть*, получает индивидуально-авторское значение *«жить»*, демонстрируя представления автора о пении как о цели существования. В следующих примерах также репрезентируется активация в лексеме *петь* контекстуально обусловленных сем *«жить», «существовать», «действовать»*: *И предложил артист допеть поэтом недопетое, / И грянул хор, взревела медь про радостное лето* [«Еще один поэт погиб…»**]; *Актриса Весна, / Актриса Весна, / Позволь нам дожить, / Позволь нам допеть / До весны...* [Актриса Весна, с. 56]; *Не дожить, не* ***допеть****, не дает этот город уснуть, / И забыть те мечты, чью помаду не стер на щеке* [Белая ночь**]. Два последних примера демонстрируют активацию указанных сем на основе синтаксического параллелизма (*Позволь нам дожить, / Позволь нам допеть)* и единообразии синтаксических функций (*Не дожить, не допеть*).

Отдельно рассмотрим лексемы абстрактного характера с опосредованно практическим значением, которые можно охарактеризовать как «внутренние ощущения, возникающие в процессе труда». Указанный подразряд слов составляют элементы ***суета, хлопоты, потуги.***

Лексема ***суета*** встречается в стихах Шевчука довольно часто, реализовываясь преимущественно в значении «торопливые и беспорядочные хлопоты, излишняя торопливость в движении, в работе, в поведении» [4, с. 778]. При этом нужно отметить, что практически во всех случаях семантика слова будет отягощаться дополнительными негативными элементами, что проистекает из понимания автором суеты как враждебного фактора повседневности, мешающего творить и постигать жизнь. *Отжени от меня дождевицу – печаль, / Отжени от меня одинокую ночь, / Отжени от меня* ***суетливы****е дни* [Четыре окна**]. Реализация словосочетания *суетливые дни* в отношении синтаксического параллелизма с эпитетическим сочетанием *дождевица – печаль* и атрибутивного словосочетания *одинокая ночь*, построенного на именной метафоре, сообщает семантике выделенного слова элементы с негативными коннотациями «печальные», «бессмысленные», «ночь», «одинокие». Последние указанные семы активируются контекстом в следующем примере: *В* ***суете*** *наступает совсем одинокая ночь. / Лезут мысли о третьем конце и уже не до сна* [Я получил эту роль, с. 34]. Семантические элементы «отсутствие целостности», «тревожность» репрезентируются в другом микроконтексте: *Когда луна, объединяя* ***суету*** *в единое и цельное пространство, / Заморозила сырье непостоянства* [«Когда един…», с. 144]. Сходную со словом ***суета*** семантику имеет лексема ***хлопоты***: *Московская барыня – / Слишком много друзей, / Московская барыня – / Слишком много* ***хлопот*** [Московская барыня, с. 132]. Лексема ***потуги*** в переносном значении (усилия, попытки сделать что-нибудь (преимущественно неудачные) [4, с. 573]) также содержит в семантике элементы практического характера: *Теперь молодые ломают рога, / И в стены*

колотятся лбом. / А ваши ***потуги*** *уже не игра, / И вам – наш дурак рок-н-ролл* [Дохлая собака, с. 44].

К отдельному подразряду слов с опосредованно эмотивной семантикой практического характера отнесем элементы, обозначающие «отсутствие деятельности в силу различных причин, бездействие», т. е. знаменующие астеническую разновидность рассматриваемой группы эмоций. К данной группе мы отнесли лексемы и выражения ***спать, тунеядство, не сделать и шаг, не в силах, ни строчки, выходной.*** Часто приведенные элементы поэт вводит в поэтический текст в составе именных или предикативных метафор. ***Спит*** *насильственное братство / Выключателей и улиц. / Это сонное богатство / Распивает* ***тунеядство*** */ Тех которые проснулись* [Ночь**]; *Боже, сколько лет я иду, но* ***не сделал и шаг*** */ Боже, сколько дней я ищу то, что вечно со мной* [Родина, с. 71]; *Ты молча уйдешь, и я останусь один, / Несвежий покойник на похоронах, /* ***Не в силах*** *обряд этот хоть чем-то исправить* [Фома, с. 73]; *И вырубил «ящик», и лампа дотла / Догорела в пыли, а на верном столе – /* ***Ни строчки****, лишь мат ползет по шкале* [Потолок**]. В последнем примере с целью демонстрации ощущения безысходности автор вводит в текст мотив творческого поиска. В стихах, передающих глубокое отчаяние поэта от событий, происходящих в России, поэт репрезентирует депоэтизированный, и тем самым переосмысленный образ Господа. Несвойственная структуре слова ***Бог*** сема «способный уйти на отдых» активируется при нарушении привычной сочетаемости лексем в следующих стихах: *Берегут до первой смерти, отпевают до второй / Всех святых распяли черти, / Бог – он, видно, – выходной* [Небо на земле**].

Безусловно, важное место среди слов с практическими оттенками занимают лексемы, которые обозначают «спонтанные факторы, способствующие достижению успеха в работе»: ***везет, не везет, неудача, чародей***. Лексемы такого характера встречаются в стихах Шевчука довольно часто. *Бил с улыбкой, не целясь, навскидку и влет, / А кругом говорили: «Вот парню* ***везет!****»* [Не стреляй!, с. 18]; *Кому-то в жизни* ***не везет****, / Мечта покоя не дает* [Башкирский мед**]; *Прочь, вчерашние сомненья, / Прочь,* ***неудачи*** *черных дней, / Только не ищите в тихом омуте спасенья, / И тогда окажетесь сильней!* [Привет М**]; *Наверняка не прилетит к нам добрый* ***чародей****. / Самим нам нужно сохранить планету для людей* [Инопланетянин**]; *И упал лицом в Правду, и пытался подняться, / Если ты не* ***поможешь****, он не выйдет из драки* [Поэт, с. 154]. Отметим, что в пределах приведенных стихов все выделенные лексемы трансформируют свою семантику под влиянием контекстуального окружения.

С целью систематизации проанализированного нами материала выстроим полевую структуру наименований практических эмоции с точки зрения частоты их употребления в поэтической речи Ю. Шевчука.

Проведенный нами анализ позволяет к **ядру** ЛСГ «практические эмоции» отнести лексему *усталость* вследствие наиболее высокой частотности употребления такой лексемы в стихах поэта по сравнению с остальными словами, относящимися к исследуемой группе. Семантика лексемы *усталость* в контексте стихов рок-поэта часто отягощается несвойственным ей элементом с негативными коннотациями «предвестник смерти», что способствует передаче гнетущей атмосферы некоторых стихов. Такое отягощение семантики исследуемого слова продиктовано, с нашей точки зрения, авторской трактовкой усталости как тяжести от понимания враждебных законов жизни и накопленного негативного опыта.

В **околоядерную** зону ЛСГ «практические эмоции» отнесем лексемы *трудно, тяжело, легко, просто, непросто, нелегко* в связи с тем, что их употребление в текстах песен не так частотно. **Периферию** исследуемого поля, по нашему мне-

нию, образуют лексемы *труд, служба, работа, пахать, движения, лепить, создать, не спать, искусство, стихи, пылкие сонеты, петь, суета, хлопоты, потуги, спать, тунеядство, не сделать и шаг, не в силах, ни строчки, выходной, везет, не везет, неудача, чародей*. Приведенные лексемы содержат в своей семантике эмотивные элементы практического плана, однако в основном своем значении относятся к другим ЛСП и обозначают процессы и результаты работы и творчества, внутренние ощущения, возникающие в процессе труда, отсутствие деятельности в силу различных причин и спонтанные факторы, способствующие достижению успеха в работе. Напомним также, что лексемы практического характера частотны в стихах Шевчука, посвященных творчеству, но относительно нечастотны в общем массиве стихов поэта вообще.

В заключение укажем, что поэт очень эффективно вводит в художественную речь слова со значением эмоций посредством метафор, сравнений, гипербол, антитез. Также необходимо отметить, что русская рок-поэзия, и поэзия Ю. Шевчука в частности, является благодатной почвой для дальнейших лингвистических исследований эмоциональной лексики вследствие обилия нестандартных приемов выражения чувств и высокой художественности текстов.

Библиографические ссылки

1. **Вальран В. Н.** Ленинградский андеграунд : живопись, фотография, рок-музыка / В. Н. Вальран. – СПб. : Изд-во имени Н. И. Новикова, 2003. – 79 с.
2. **Загальна психологія** : підручник / О. В. Скрипченко, Л. В. Долинська, З. В. Огороднійчук та ін. – К. : Либідь, 2005. – 464 с.
3. **Кириленко Т. С**. Психологія : емоційна сфера особистості : навч. посібник. / Т. С. Кириленко. – К. : Либідь, 2007. – 256 с.
4. **Ожегов С. И**. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – М. : ООО «ИТИ ТЕХНОЛОГИИ», 2003. – 944 с.
5. **Половинко О. О.** Лінгвістичні та екстралінгвістичні фактори наповнення семантичних полів у сучасній російській літературній мові : авторефер. дис. … канд. філол. наук / О. О. Половинко. – Дн., 2006. – 25 с.
6. **Попова З. Д.** Лексическая система языка : Внутренняя организация, категориальный аппарат и приемы описания : учеб. пособие / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 176 с.
7. **Поэты русского рока** : Ю. Шевчук, А. Башлачев, А. Чернецкий, С. Рыженко, А. Машнин. – СПб. : Азбука-классика, 2004. – 496 с.
8. **В. И. Шаховский.** Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В. И. Шаховский. –3-е изд. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 208 с.

Источники поэтических текстов

* – **Поэты русского рока** : Ю. Шевчук, А. Башлачев, А.Чернецкий, С. Рыженко, А. Машнин. – СПб. : Азбука-классика, 2004. – 496 с.

** – Данная цитата стихотворения Ю. Шевчука – результат авторской расшифровки аудиоальбома группы ДДТ и Ю. Шевчука.

Надійшла до редколегії 23.01.12

ЗМІСТ

Баранова Л. А. Аббревиатурно-узуальная омонимия и омонимия исконных и заимствованных аббревиатур как средства языковой игры на стыке языков....3
Баринова О. В. Особенности толкования адъективных колоративов как качественных прилагательных 8
Белозор О. С. Семантическая структура прилагательного *чистый* по данным толковых словарей русского языка 15
Белянина Т. С. Пути возникновения неологизмов в современном японском языке 22
Блинова Н. М. Типологія соціокультурної метафори у публіцистиці Івана Франка....28
Булава Н. Ю. Специфіка відапелятивних прізвищ субстантивного типу в антропонімікон Північної Донеччини 33
Величанова О. В. Лингвистические аспекты перевода хорватской поэзии на русский язык (на материале стихотворений Алисы Салопек) 41
Высоцкая Т. Н. Термин как основная единица метаязыка терминологического исследования....47
Глухова Л. О. Особливості та лексичні засоби репрезентації субконцепту «Вищий навчальний заклад» у сучасній англійській мові 52
Гнезділова Я. В. Комунікативно-прагматична типологія англомовних емоційного й емотивного дискурсів....58
Гречухина И. Д. Древнеанглийская поэтическая лексика в жанровом аспекте 63
Дук П. О. Сучасні шпрухові форми у стилістичній системі німецької мови 70
Евраева С. В. Концепт *черт* в русской наивной картине мира и в идиостиле А. Блока....75
Закурдаева М. Ю. Некоторые проблемы цветообозначения в лингвистике 80
Зубенко К. В. Частини мови в концепції учених Петербурзької лінгвістичної школи 85
Ким Л. А. О грамматических возможностях лексем типа *альфа* и *бизнес* в современном русском языке....91
Козлова О. Е. Соотношение и взаимодействие лексических и словообразовательных средств обозначения интенсивности процесса в современном русском языке....99
Короткова С. В. Семантика наречия в производственно-техническом тексте....105
Кравченко Э. А. Развитие семантики компаративных конструкций с онимами в художественном тексте 111
Куварова Е. К. Редукция заключительной этикетной формулы в эпистолярном тексте....120

Луговий В. С. Широкозначність фразеологізмів з онімним компонентом як об’єкт лексикографії 126
Ляпичева Е. Л. Имитация детской речи как основа языковой игры в художественной литературе для детей (на материале произведений Д. Хармса, Ю. Мориц, Г. Остера) 131
Меньшиков И. И. Типология присловных сложноподчинённых предложений в русском языке 138
Мозовая И. Н. Типы иноязычных слов в аспекте теории метаязыка неологии (на материале современной коммерческой рекламы) 142
Нашиванько О. В. Язык специальной коммуникации в аспекте соотношения в нем естественного и искусственного начал (на материале терминосферы медицинской косметологии) 151
Огієнко К. О. Актуальне членування речення в мовознавстві початку 60-х – кінця 80-х рр. XX ст. 157
Онанченко А. В. К вопросу о вариантности и антонимии терминов переводоведения 168
Острецова И. В. Современные подходы к изучению описательных предикатов 173
Панченко Е. И. Красный цвет в английских паремиях и тексте 179
Посмітна В. В. Майбутній офіцер внутрішніх військ як об’єкт маніпулятивного мовного впливу 183
Пристайко Т. С. Полифункциональная лексема *техно* в современном русском языке 191
Сахно И. А. Словотворчество в сети (по материалам немецкоязычных блогов) 199
Сердечний Ю. В. Цілісний підхід у викладанні граматики 204
Сонник Н. С. Концептуализация пространства в русской языковой картине мира 211
Суима И. П. Лексикографическое представление сложных прилагательных со значением национально-территориальной принадлежности 217
Филатова Е. А. Прецедентные феномены в рассказах В. Токаревой 223
Хуторцова М. И. Ментальный компонент «соборность» и его значимость для русского народа 231
Червона О. С. Фреймовая структура концепта *странность* 236
Шевченко М. Ю. Le cadre communicationnel particulier de la langue publicitaire 242
Шепель Ю. А. Функционально-семантическое поле как метод целостного грамматического описания языковых явлений 248
Шпітько І. М. Терміни кровної спорідненості в українській і словацькій мовах 252
Яблонская Ю. Ю. Особенности функционирования ассоциативно-эмотивных слов со значением «практические эмоции» в поэтическом тексте (на материале поэзии Ю. Шевчука) 258

Наукове видання

ВІСНИК ДНІПРОПЕТРОВСЬКОГО УНІВЕРСИТЕТУ

Серія:
МОВОЗНАВСТВО

Заснований у 1993 р.

Випуск 18

Українською, російською, англійською мовами

Свідоцтво про державну реєстрацію друкованого засобу масової інформації
Серія КВ № 7898 від 17.09.2003 р.

Редактор Л. В. Омельченко
Технічний редактор В. А. Усенко
Коректор Л. В. Омельченко

Підписано до друку 10.08.2012 р. Формат 70х1081/16. Папір офсетний.
Друк плоский. Ум. друк. арк. 23,45. Обл.-вид. арк. 22,0. Ум. фарбовідб. 23,45.
Тираж 100 пр. Вид. № 1718. Зам. № .

Свідоцтво про держреєстрацію ДК-289 від 21.12.2000 р.
Видавництво Дніпропетровського національного університету,
49010, м. Дніпропетровськ, пр. Гагаріна, 72.
Друкарня ДНУ, 49050, м. Дніпропетровськ, вул. Наукова, 5.